ИСТОРИЧЕСКІЯ
МОНОГРАФІИ
и
ИЗСЛѢДОВАНІЯ

НИКОЛАЯ КОСТОМАРОВА.

ТОМЪ ДЕСЯТЫЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

1870.

БОГДАНЪ ХМЕЛЬНИЦКІЙ.

СОЧИНЕНІЕ

НИКОЛАЯ КОСТОМАРОВА.

—

ТОМЪ ВТОРОЙ.

—

ИЗДАНІЕ ТРЕТЬЕ, ИСПРАВЛЕННОЕ и ДОПОЛНЕННОЕ.

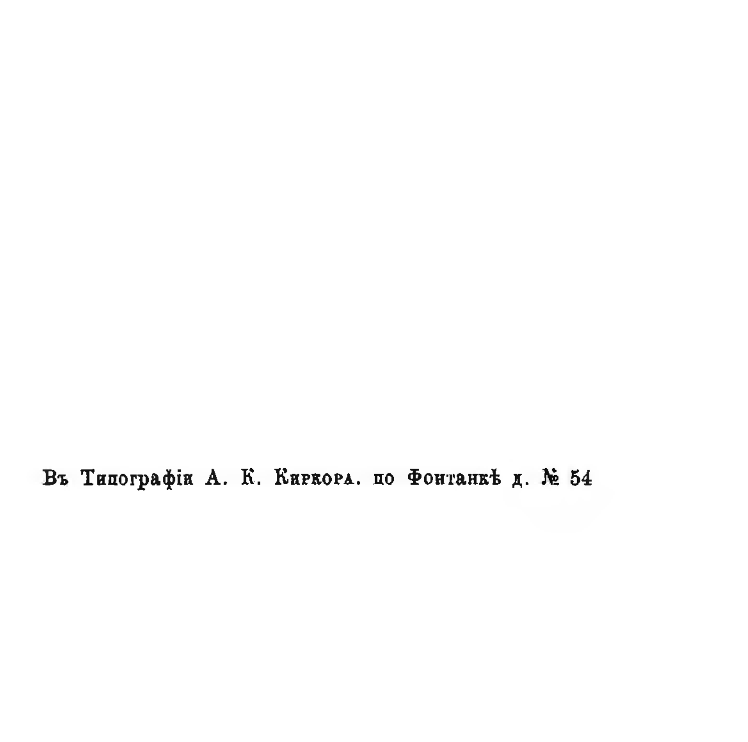
ИЗДАНІЕ

Д. Е. Кожанчикова.

—

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

1870.

Въ Типографіи А. К. Киркора. по Фонтанкѣ д. № 54

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Стычки подъ Пилявою.—Хитрость Хмельницкаго.—Бѣгство поляковъ.—Расхищеніе польскаго лагеря.—Взятіе Константинова, Збаража, Бродъ.—Осада Львова.—Окупъ.—Осада Замостья.

Переговариваясь съ Заславскимъ, Хмельницкій стоялъ въ пилявскомъ замкѣ. Загоны спокойно проходили мимо польскаго лагеря и соединялись съ его главнымъ казацкимъ войскомъ, которое стояло таборомъ въ защищенномъ мѣстѣ посреди болотъ [1]). Хмельницкій ждалъ крымцевъ; а между тѣмъ, старался приготовлять своихъ воиновъ къ приближающейся войнѣ. У казаковъ господствовалъ воинственный духъ и религіозное воодушевленіе. Священники служили въ войскѣ молебны; самъ Хмельницкій, проѣзжая по рядамъ своихъ завзятыхъ молодцовъ, говорилъ имъ не длинныя рѣчи, а коротко напоминалъ имъ, что они воюютъ за вѣру. Готовые къ битвѣ, они чужды были той самонадѣянности, какою отличались ихъ враги. Старики удерживали жаръ молодости. „Кто знаетъ, что будетъ? (говорили они) прійдетъ, быть можетъ, часъ — и намъ положить голову, порадовать ляховъ! На все воля Божія!“ Когда поляки показали охоту вступить къ дѣло, стража, поставленная надъ рѣкою, прибѣжала въ казацкій таборъ. „Гей! гей!

[1]) Stor. delle guer. civ.

молодцы! (кричалъ гонецъ) паны опомнились, подступаютъ къ рѣкѣ, вызываютъ казаковъ!" Мгновенно тревога на трубахъ раздалась по всему табору. „Спѣшите, спѣшите! (восклицали асаулы) веселите пана гетмана Хмельницкаго! [2])". Таборъ подвинулся ближе къ рѣкѣ Пилявкѣ.

Кривоносъ тотчасъ былъ отправленъ къ Константинову въ засаду, такъ что еслибъ поляки вздумали отступить, то встрѣтили бы на пути казаковъ [3]). Это было первою причиною неудачи поляковъ, ибо Кривоносъ занялъ ровное пространство, а поляки стояли между горами [4]).

Маленькая рѣчка Пилявка раздѣляла непріязненныя полчища; отъ нея, по обѣимъ сторонамъ, тянулся болотистый лугъ, очень топкій, особенно въ тогдашнее осеннее дождливое время. Обѣ стороны соединяла плотина. Хмельницкій, чтобъ не позволить полякамъ пройти черезъ рѣку, отрядилъ казаковъ за плотину, гдѣ они выкопали шанцы. Казаки нарочно разгрузили болото конями, порыли рвы и копанки и стали въ оборонительное положеніе.

Въ понедѣльникъ, 20-го сентября, сраженіе началось разомъ въ трехъ пунктахъ. Самуилъ Лацъ и князь Корецкій нашли, повыше плотины, бродъ, пустились въ перестрѣлку съ казацкимъ обознымъ, храбрымъ Иваномъ Чорнотою; и поляки и казаки, пѣшіе и конные, разсѣялись по кустарникамъ и вели разсыпную битву съ равнымъ мужествомъ. Осинскій вступилъ въ дѣло

---

[2]) Народ. пѣсня.

[3]) Ист. о през. бр.

[4]) Woyna dom. Ч. I. 28.

при плотинѣ и принудилъ казаковъ отступить съ противнаго берега; такимъ образомъ, проходъ на другой бокъ рѣки остался свободнымъ для поляковъ. Михаилъ Іорданъ нашелъ другой бродъ пониже плотины и перешелъ его. Въ этотъ первый день битвы, счастье было на сторонѣ пановъ. Тогда поляки такъ ободрились, что уже кричали: „ударимъ залпомъ! добывать курятникъ!“— такъ они называли маленькій пилявецкій замокъ. Только вѣсти, доставленные плѣнными русскими, охлаждали ихъ самонадѣянность: плѣнные показывали, что Хмельницкій дожидается, съ часу на часъ, хана съ страшною силою.

На слѣдующій день, во вторникъ, 21 сентября, продолжались герцы и уже съ большею удачею для казаковъ. Они овладѣли бродомъ, черезъ который прошелъ наканунѣ Іорданъ, и укрѣпили валомъ опасныя мѣста. Но тогда казачество лишилось бойкаго, неистоваго уманскаго полковника Ганжи. Напившись горѣлки, выѣхалъ онъ, хвастая, на герецъ, убилъ нѣсколькихъ шляхтичей, хотѣвшихъ показать свое рыцарское удальство, и самъ былъ убитъ какимъ то волохомъ, „предательски“, по выраженію лѣтописи [5]). Казаки рано въ этотъ день окончили стычки и уклонялись отъ дальнѣйшихъ битвъ. Это пугало поляковъ: „вѣрно, враги что нибудь замышляютъ“, говорили въ польскомъ лагерѣ.

Вечеромъ, вдругъ раздался въ казацкомъ обозѣ шумъ, достигавшій до шляхетскаго лагеря; били въ бубны, тру-

---

[5]) Ист. о през. бр.

били въ трубы, палили изъ ружьевъ и пушекъ; тысячи голосовъ крикнули вдругъ: „Алла! Алла!“

— Что это значитъ? въ страхѣ спрашивали паны другъ друга и задавали себѣ разныя объясненія.

— Быть можетъ (говорили одни), хлопы бѣгутъ, устрашившись нашихъ подвиговъ.

— Нѣтъ (возражали другіе), вѣрно казаки недовольны Хмельницкимъ и выбираютъ новаго предводителя.

Третьи съ боязнью догадывались, не пришла ли орда татарская.

Ночь покрыла оба войска; въ томительной неизвѣстности оставались паны; но вотъ, въ среду, на разсвѣтѣ, жолнеры дивизіи Тышкевича привели въ лагерь плѣнника въ священническомъ платьѣ; неизвѣстно, былъ ли то священникъ въ самомъ дѣлѣ, или казакъ, одѣтый такимъ образомъ и посланный нарочно Хмельницкимъ. Стали его пытать.

„Я вамъ всю правду открою (сказалъ онъ); Хмельницкій такъ испугался вашей силы, что хотѣлъ было бѣжать; но, вчера вечеромъ, пришло 40.000 татаръ, да еще и самъ ханъ будетъ скоро. Хмельницкій присягнулъ платить ежегодную дань хану, а потому ханъ всѣми силами будетъ вступаться за казаковъ“

Извѣстіе было вымышленное; на помощь казакамъ, дѣйствительно, пришелъ въ полночь татарскій отрядъ, но только 4000 человѣкъ съ Карабчей-Мурзою и сыномъ Хмельницкаго.

Черезъ нѣсколько часовъ послѣ разсвѣта, Хмельницкій, разсчитавъ, что поляки уже услышали отъ попа, что слѣдовало имъ сообщить, пустилъ всѣхъ пришедшихъ татаръ впередъ и одѣлъ еще нѣсколько тысячъ

казаковъ въ татарское платье. Они бросились къ рѣкѣ и закричали дикимъ голосомъ; „Алла! Алла!“ Это заставило поляковъ повѣрить, что плѣнникъ говорилъ истину и привело всѣхъ въ чрезвычайное смятеніе. Всѣ схватились за оружіе, но въ страшномъ безпорядкѣ; всякій командовалъ и никто не слушалъ команды; каждый бѣжалъ куда хотѣлъ, становился какъ попало, и, въ добавокъ, между начальниками началась ссора, потому что всѣ видѣли безпорядокъ, приписывали его причину одинъ другому, и оскорбляли черезъ то другъ друга.

Казаки, тѣмъ временемъ, перешли черезъ плотину и сдѣлали нападеніе на казацкіе шанцы. Поляки, не смотря на безпорядокъ, вступили съ ними въ сраженіе. Первый изъ польскихъ полковъ, завязавшій дѣло, былъ сендомирскій, подъ командою Витовскаго; за нимъ, безъ приказанія, пустился полкъ воеводства минскаго. Казаки, командуемые Чорнотою, нарочно побѣжали назадъ за плотину; шляхтичи, думая, что враги обращаются въ бѣгство, перешли за ними за плотину и преслѣдовали ихъ, потѣшаясь ролью побѣдителей, но, не видя ничего за туманомъ, наткнулись на цѣлый казацкій корпусъ и услышали голосъ Хмельницкаго, который кричалъ на своихъ воиновъ: „За віру, молодці, за віру!“ Новыя хоругви бросились за перешедшими черезъ рѣку, и когда столпились на плотинѣ, казаки ударили на нихъ, смяли, потопили, потомъ зашли въ тылъ отрѣзанному отъ плотины Витовскому, и „тогда поляки (говоритъ современникъ) [6]) орали землю копьями и усти-

[6]) Woyna dom. Ч 1. 36.

лали все болото прапорами"; два полка, сендомирскій и волынскій, погибли совершенно; много знатныхъ пановъ легло на полѣ битвы; Витовскій и Оссолинскій, племянникъ канцлера, вытащенные изъ рѣки, израненные, едва успѣли прискакать къ главному своему обозу. Казаки били враговъ на повалъ. Страхъ и трепетъ, по выраженію лѣтописца [7]), распространился въ польскомъ лагерѣ. Уже никто не думалъ прогонять мужичья плетьми; хоругви, отправленныя въ другую сторону, привели въ лагерь двухъ татаръ, которые извѣщали, что ханъ скоро будетъ, а съ нимъ войска, какъ травы въ полѣ.

Въ то же время безпокоилъ поляковъ съ другой стороны Кривоносъ.

Вечеромъ предводители и знатнѣйшіе паны собрались на совѣтъ, но вдали отъ лагеря, въ полѣ. Они всѣ раскаявались, зачѣмъ вышли изъ подъ Глинянъ, представляли неудобность мѣста подъ Пилявою по причинѣ болотъ и яровъ, и одинъ, славившійся въ особенности благоразуміемъ, доказывалъ, что самое лучшее, на что слѣдуетъ рѣшиться—уйти изъ лагеря; къ нему пристали многіе; присталъ и самъ предводитель. Рѣшили отдать Вишневецкому начальство, а самимъ удалиться, проводивъ сначала возы и рыдваны съ пожитками. Приказаніе было отдано и, съ наступленіемъ вечера, ни самого Доминика, ни другихъ знатнѣйшихъ пановъ не было въ лагерѣ. Ночью, съ 22-го на 23-е сентября, распространилась тревожная вѣсть по лагерю, что предводителей уже

---

[7]) Истор. о през. бр.

нѣтъ, и все многочисленное войско, въ страхѣ и безпорядкѣ, покинувъ имущества, бросились въ бѣгство... Утромъ казаки выѣхали къ рѣкѣ, чтобъ снова вызывать на герцы поляковъ, но вызывать было некого: лагерь былъ пустъ; только собаки лаяли!

Тогда Хмельницкій, со всѣми силами, бросился въ погоню, и шляхтичи пришли въ ужаснѣйшій безпорядокъ: отъ страха кидали оружіе; никто не понималъ, кто причиною бѣгства: каждый кричалъ: „стойте!" а самъ *«токмобъ коня допався, летівъ безъ очей, абы не зостався»*, говоритъ русскій лѣтописецъ [8]): сжатые въ толпѣ, они падали отъ духоты и давки и попадались въ плѣнъ, когда, по выраженію того же лѣтописца, останавливались, чтобъ отереть съ лица потъ и приложить платокъ къ бьющемуся сердцу... Покидали раненыхъ и больныхъ.

По извѣстіямъ современниковъ, побѣдителямъ досталось до ста двадцати тысячъ возовъ съ лошадьми, восемьдесятъ орудій и, на десять милльоновъ польскихъ злотыхъ, примѣрно, всякихъ драгоцѣнностей [9]). Древки съ знаменами, узды, щиты, шлемы, серебрянные сосуды, сабли, собольи шубы, блаватныя сукна, персидскія шали, рукомойники, ванны, гдѣ богатый панъ только что купался, кушанья, варенья, конфекты, пирожныя отъ прерваннаго стола—все это лежало въ безпорядкѣ, по полю. Казацкіе предводители напрасно удерживали русскихъ, подозрѣвая, не думаютъ ли паны соблазнить хлоповъ: хлопы съ жадностью подбирали драгоцѣнности

---

[8]) Истор. о през. бр.

[9]) Кратк. опис. о Малор. 10.—Stor. delle belle civil. 34.

и лакомства, которыхъ было столько, что они не знали, что имъ брать и что оставлять; никто не остался обдѣленнымъ: за кварту водки казакъ отдавалъ своему базарнику бархатную шубу, или серебряный кубокъ. Четыре дня пробыли побѣдители въ расхищенномъ лагерѣ; пива, медовъ, винъ было такъ много, что, при обыкновенномъ употребленіи, достало бы имъ на мѣсяцъ, говоритъ современникъ [10]). Бѣдные слуги, которыхъ было очень много, беззащитно были избиваемы невѣрными.

„Такова была (говоритъ современникъ) кара отъ Бога за высокомѣріе" [11]). „Добре (говорили казаки), добре пани выбрались на весілья, и бенкетъ на славу задали, тільки кошту богато положили, сто тысячъ скарбу процвиндрыли и сирицю [12]) здорожили" [13]). Очевидецъ полякъ писалъ, что непріятелю пособили особенныя какія то чародѣйства. „Этому (говоритъ онъ) есть несомнѣнные признаки, и оттого такой страхъ, такая констернація напала на насъ. что мы скакали и бѣжали во весь духъ, крича: гонятся татары! — а отъ татаръ, по милости Божіей, никакого нападенія не было" [14]). Только жадность хлоповъ къ разбросаннымъ богатствамъ спасла тогда поляковъ отъ гибели, но, однако, много изъ нихъ было такихъ, что отдавали свои дворянскія головы подъ сабли, или подъ арканъ; въ особенности казаки сильно пора-

---

[10]) Hist. belli cos. polon. 79.

[11]) Woyn. dom. Ч. I. 33.

[12]) Сырую кожу, изъ которой дѣлались ремни, на которыхъ казаки уводили плѣнныхъ непріятелей.

[13]) Истор. о през. бр

[14]) Памятн. кіевс. комм. I. 3. 302.

зили бѣглецовъ подъ Константиновымъ, гдѣ подъ поляками обломился мостъ на Случѣ [15]).

Доминикъ, убѣгая изъ лагеря, послалъ Вишневецкому предложеніе взять команду; но Вишневецкій отказался: онъ зналъ, до какой степени безпорядокъ укоренился въ войскѣ, зналъ объ угрожающей силѣ враговъ, и отвѣчалъ, что уже поздно. Утромъ онъ послалъ въ главный лагерь узнать, что тамъ дѣлается, и получилъ извѣстіе, что все войско бѣжало, а казаки захватили лагерь. „Боже мой! (воскликнулъ князь) или то Твоя воля,—наказать наше отечество этимъ презрѣннымъ народомъ? О Господи! обрати на нихъ свои перуны, но покарай и тѣхъ, которые причиною этого срама. Пусть и я положу свою голову, если виновенъ, только спаси отечество!“ Онъ собиралъ по дорогѣ разсѣянныхъ шляхтичей; то просьбою, то угрозами, то подарками успѣлъ онъ удержать на время нѣкоторыхъ, и мужественно отбивался отъ преслѣдовавшихъ его казаковъ. Наконецъ, размышляя, что можетъ достаться въ руки татарамъ, и онъ последовалъ за бѣгущими.

Разогнанные паны убѣжали во Львовъ съ такою быстротою, что достигли этого города въ три дня, хотя въ спокойное и безопасное время польскій панъ, по насмѣшливому замѣчанію современника, ѣхалъ бы туда цѣлые

---

[15]) См. о пиляв. пораж. вообще. —Истор. о през. бр.—Лѣтоп. самов. 12.—Woyn. dom. I. 28—31.—Annal. Polon. Clim. I. 68—62.—Hist. Jan. Kaz. I. 12 — 15. — Pam. do panow. Zygm. III. Wlad. IV i Jan. Kaz. II. 16—21.—Histor. belli cosac. polon. 77—78.—Hist. ab. exc. Wlad. IV — Pam. o wojn. kozac. za Chmieln. 21 — 24.—Кратк. опис. о каз. малор. нар. 25.—Bell. scyth. cosac. 27.—Истор. о през. бр. 23—24.—Stor. delle belle civ. 32—35.—Рукоп. И. П. Б. разнояз. ист. F. № 5.

полгода [16]). За военачальниками появились во Львовѣ полковники, ротмистры, поручики. Всѣ были между собою несогласны; одинъ другаго винилъ, а себя каждый оправдывалъ и изображалъ героемъ пилявскаго дня; всѣ вопили и скорбѣли о бѣдствіяхъ отечества, извѣщали жителей, что не сегодня завтра непріятель покажется предъ воротами Львова. Испуганные жители метались во всѣ стороны; кто былъ похрабрѣе—тотъ спѣшилъ на валъ встрѣчать казаковъ оружіемъ; многіе забирали изъ своихъ пожитковъ то, что было у нихъ поцѣннѣе и торопились уходить изъ города. Они сгоряча, не разсуждали, что за городомъ имъ могло угрожать еще больше опасности, чѣмъ въ городѣ. Воители, прибывшіе съ поля битвы, сейчасъ же уѣзжали изъ Львова подалѣе въ Польшу: имъ примѣръ показалъ самъ главнѣйшій предводитель, Доминикъ Заславскій, уѣхавшій немедленно въ свой замокъ Ржешовъ. Хорошо сдѣлалъ—замѣчаетъ современникъ—а то ему могло быть дурно отъ войска, въ безпорядкѣ сновавшаго по Львову. Остророгъ и Вишневецкій остались на нѣсколько дней во Львовѣ. Остророгъ подвергался упрекамъ войска и жителей. Не такъ относились къ Вишневецкому. Его одного всѣ считали достойнымъ быть полководцемъ. Сходка военныхъ людей и обывателей Львова начала просить его принять начальство надъ войскомъ, и сдѣлать распоряженія къ защитѣ Львова. Послѣ долгихъ отговорокъ, какъ бы уступая просьбамъ, князь согласился и тотчасъ пригласилъ къ себѣ въ сотоварищи Остро-

---

[16]) Relacya Czechowicza Kron. miasta Lwowa. 296.

рога; этимъ онъ избавилъ его отъ дальнѣйшихъ упрековъ [17]). Онъ наложилъ на жителей контрибуцію: ради любви къ отечеству, каждый львовянинъ обязанъ былъ, по совѣсти, объявить о своихъ и чужихъ сокровищахъ; назначенные для того чиновники обирали жителей; костелы и монастыри отдавали драгоцѣнные сосуды, кресты; должны были жертвовать и церкви; все это дѣлалось съ тою цѣлью, чтобъ снарядить и удержать войско [18]). Іезуиты дали на 150,000 серебра. Нѣкая пани Слоньонская привезла серебро изъ монастыря кармелитокъ и бросила къ ногамъ Вишневецкаго въ костелѣ францисканъ. Нѣкоторые купцы, кромѣ того чѣмъ были обложены, приносили туда же лишнее изъ патріотизма [19]). Вишневецкій оставлялъ во Львовѣ гарнизонъ, подъ начальствомъ стараго Христофора Артишевскаго, отличнаго артиллериста своего вѣка, который, по причинѣ религіозныхъ несогласій, оставилъ надолго отечество, странствовалъ по чужимъ землямъ, служилъ голландской республикѣ и завоевалъ въ Южной Америкѣ Ріо-Жанейро [20]). Послѣ того Вишневецкій отправился къ Замостью, а оттуда въ Варшаву.

Но большая часть тѣхъ, которые вызвались защищать Львовъ, только-что услышали о приближеніи казаковъ, тотчасъ разбѣжались въ разныя стороны; горожане жаловались, что паны ихъ обобрали и, нако-

---

Рукоп. И. П. Б. разнояз. Ист. F. № 5.

[18]) Relacya Czechowicza. Kron. miasta Lw. 297.

[19]) Рукоп. И. П. Библ. разнояз. F. № 5.

[20]) Zbiór pam. o dawn. Polsce Niemcewicz. III. — Histor. belli cosac. polon. 105.

нецъ, малодушно покинули на разграбленіе непріятелямъ [21]).

Хмельницкій, преслѣдуя враговъ, вошелъ въ Константиновъ и взялъ его безъ малѣйшаго сопротивленія. Оттуда онъ двинулся къ Збаражу.

На дорогѣ встрѣтился съ нимъ панъ Юрій Немиричъ. Предки его были русскіе и владѣли большими имѣніями въ Украинѣ. Во время перерожденія русскаго дворянства, фамилія Немиричей, какъ и другія обратились въ католичество; но самъ Юрій не исповѣдывалъ уже и католической вѣры, а былъ зараженъ еретическими заблужденіями, какъ говорили тогда въ Польшѣ. Немиричъ принадлежалъ къ тѣмъ, которые не только не признавали святости папы, но осмѣливались подвергать сомнѣнію догматы, издавна признанные, впродолженіе вѣковъ, существенными основаніями христіанской религіи: такихъ въ Польшѣ называли аріанами. Выгнанный изъ маетностей своихъ въ Украинѣ, онъ, какъ и другіе, бѣжалъ въ Польшу, но на сеймѣ, въ Варшавѣ, его приняли очень дурно. „Мы (кричали католики) много послабленія дѣлаемъ, когда позволяемъ сообщаться съ нами протестантамъ; тѣ, по-крайней мѣрѣ, соглашаются съ нами въ главныхъ понятіяхъ о Божествѣ и Св. Троицѣ, но мы, ни въ какомъ случаѣ, не потерпимъ безбожниковъ, подобныхъ пану Немиричу“ [22]). Немиричъ собравъ свой отрядъ, вмѣсто того, чтобъ идти противъ казаковъ, пошелъ чрезъ Полѣсье, а оттуда на Волынь, и близь Збаража соединился съ Хмельницкимъ [23]).

---

[21]) Rel. Czech. Kron. miast. Lw. 298.

[22]) Annal. Polon. Clim. I. 70.

[23]) Pam. o wojn. kozac. za Chmieln. 25.

Бывшій въ Польшѣ въ то время московскій гонецъ Кунаковъ, называя его, по ошибкѣ, Юріемъ Ермоличемъ, передавалъ въ Москву носившійся тогда въ Польшѣ слухъ, что этотъ панъ передалъ Хмельницкому тайное порученіе отъ королевича Яна Казиміра поддерживать его при выборѣ короля и обѣщаніе удовлетворить казаковъ, если онъ сдѣлается королемъ. Кунаковъ говорилъ, что панъ Юрій, приставши къ Хмельницкому сталъ у него „наивысшимъ писаремъ".

Казаки вступили въ Збаражъ. Этотъ городъ былъ хорошо укрѣпленъ, но казаки не нашли въ немъ не только воиновъ, готовыхъ къ отпору, но даже живой души. „Тогда и я (признается простодушно современный стихотворецъ историкъ), забравъ свои бумажныя ветоши, бѣжалъ вслѣдъ за другими изъ Збаража. Чтожъ удивительнаго?.. Вѣдь и Пиндаръ также бѣжалъ" [24]). Только 50 пушекъ, множество пороха и другихъ запасовъ взяты были казаками [25]). За недостаткомъ живыхъ, казаки помстились надъ мертвыми: разоривъ костелы, они выкинули на поруганіе остатки прежнихъ пановъ изъ родовыхъ могилъ. Самъ Хмельницкій, если вѣрить польскимъ лѣтописцамъ, не возбранялъ имъ этого, и особенно поругался надъ тѣломъ конюшаго и жены его [26]). „И мертвому льву надобно вырвать бороду", говорилъ онъ [27]).

---

[24]) Woyna dom. I. 36.

[25]) Истор. о през. бр.—Лѣтоп. нов. о Мал. Росс. 122.—Кратк. опис. о Мал. Росс. 10.

[26]) Pam. o wojn. kozac. za Chmieln. 26.

[27]) Woyna dom. I. 36.

Выступивъ изъ Збаража, Хмельницкій былъ въ недоумѣніи, что начать ему и куда идти. Онъ созвалъ раду, на которой, какъ главные представители казачества, отличались тогда: Иванъ Чорнота, полковникъ Тыша, опустошитель Польши, полковникъ переяславскій Лобода, полковникъ гадячскій Бурляй, издавна знаменитый пиратъ на черномъ морѣ, полковникъ брацлавскій Нечай, Калина, Ворончепко, Полкожуха, Небаба и другіе.

— Что скажетъ честная рада? (спрашивалъ предводитель). Много поживились мы отъ враговъ нашихъ; пойдемъ ли въ глубь Польши кончать нашихъ недруговъ, или воротимся въ свою Украину съ гостинцами домашнимъ и отдохнемъ отъ трудовъ?

Всѣ, прежде подачи совѣтовъ, настаивали, чтобъ Хмельницкій принялъ гетманскій титулъ. Предводитель отвѣчалъ имъ:

— Не стану именоваться гетманомъ до тѣхъ поръ, пока тотъ, кого изберутъ королемъ, самъ пожалуетъ меня этимъ достоинствомъ; а печать гетманскую и клейноты употреблять буду.—

Когда началась рада, Хмельницкій былъ того мнѣнія, что лучше всего идти въ Украину, послать на сеймъ депутатовъ и дожидаться избранія короля. Тогдашнія обстоятельства внушали ему необходимость пользоваться своими успѣхами осторожно и умѣренно. Итти въ глубину Польши, нанести ей ударъ въ самое сердце—казалось дѣломъ черезъ чуръ смѣлымъ и небезопаснымъ для казачества по послѣдствіямъ. Оно неминуемо повлекло бы за собою вмѣшательство сосѣднихъ державъ, а Хмельницкій еще не извѣдалъ, какъ онѣ отнесутся къ такому перевороту. Уже онъ заявлялъ Москвѣ желаніе

имѣть государемъ московскаго самодержца; уже, повидимому, въ головѣ его было намѣчено то соединеніе Украины съ московскою Русью, которое послѣдовало чрезъ шесть лѣтъ; уже онъ убѣждалъ московскаго царя вмѣстѣ съ казаками воевать Рѣчь Посполитую: но Москва не дала ему ни малѣйшей надежды на согласіе. Напротивъ, дружелюбныя отношенія, въ которыхъ находился тогда, повидимому, московскій дворъ къ Польшѣ, скорѣе вели къ тому, что Москва могла оказать Польшѣ содѣйствіе къ укрощенію мятежника, тѣмъ болѣе опаснаго для обѣихъ державъ, что онъ сдружился съ крымскимъ ханомъ. Чтобы пріобрѣсть о себѣ доброе мнѣніе царя, Хмельницкій долженъ былъ казаться не мятежникомъ и, по возможности держаться въ предѣлахъ законности; онъ такъ и повелъ себя, и предъ Москвою показывалъ видъ, что поднялъ оружіе по самой крайности, единственно за греческую вѣру и притомъ, съ позволенія короля Владислава, противъ своевольныхъ пановъ. Чтобъ устоять на этой законной почвѣ, Хмельницкій долженъ былъ пріостановить непріязненныя дѣйствія, на то время когда въ Польшѣ дѣло шло о выборѣ новаго короля и подождать: что скажетъ ему будущій государь. Притомъ же Хмельницкій надѣялся, что новый король, на выборъ котораго онъ могъ имѣть вліяніе, постарается привязать къ себѣ возрастающую казацкую силу и дастъ законную твердость тѣмъ требованіямъ, какія Хмельницкій предъявитъ; и въ этихъ соображеніяхъ Хмельницкій не хотѣлъ идти на Варшаву и опустошать Польшу, которую долженъ былъ почитать своимъ отечествомъ; но старшины, а еще болѣе чернь, то есть, простые казаки, думали не такъ; въ особенности вооружился противъ предводителя Чорнота. Все-

общее мнѣніе было таково, чтобъ идти на Варшаву и въ конецъ раззорить Польшу. „Пане Хмельницкій, веди на ляхівъ, кінчай ляхівъ!“ кричала ожесточенная толпа [28]).

Хмельницкій объявилъ, что поведетъ ихъ въ Польшу. Но онъ задумалъ тогда же обманывать своихъ казаковъ и, утоляя, по возможности, ихъ мщеніе, не допускать до вторженія въ средину королевства и до большихъ опустошеній. Съ этою цѣлью, онъ предложилъ, что слѣдуетъ напередъ очистить всю русскую землю отъ ляховъ, и разослалъ своихъ полковниковъ отрядами на Волынь и въ Полѣсье [29]). Такой родъ войны нравился казакамъ. Толпы отправились къ Дубну, Кременцу, Острогу, Луцку, разорять костелы, замки, кончать шляхту и іудеевъ; а самъ Хмельницкій шелъ ко Львову, подъ предлогомъ преслѣдовать разогнанное войско, покорить своей власти старый русскій городъ и потомъ уже идти на Польшу Независимо отъ казацкой рады, Хмельницкій окружилъ себя тогда шляхтичами, приставшими къ казакамъ: люди болѣе образованные, чѣмъ казаки, они, казалось, лучше могли понимать его. Народъ думалъ, что дѣло съ поляками не должно кончиться ничѣмъ инымъ, кромѣ совершеннаго освобожденія Руси отъ польскаго владычества; шляхтичи, хотя и русскіе, въ то время считали возможнымъ, что Русь можетъ пользоваться независимостью и правами свободной націи, не разрывая окончательно связи

[28]) Истор. о през. бр.—Annal. Polon. Clim. 81.—Histor. panow. Jan. Kaz. 23.

[29]) Истор. о през. бр.—Woy a dom. I. 36.

съ Польшею. Изъ всѣхъ такихъ совѣтниковъ, кромѣ Немирича, больше всѣхъ умѣлъ убѣждать предводителя Иванъ Выговскій, шляхтичъ русской вѣры, взятый въ плѣнъ при Жовтыхъ Водахъ. Своею расторопностью, краснорѣчіемъ и здравымъ умомъ, онъ пріобрѣлъ довѣренность Хмельницкаго. и его совѣтамъ въ особенности, приписываютъ поляки ту нерѣшимость Хмельницкаго, которая спасла на этотъ разъ ихъ націю [30]).

Проходя черезъ Броды, Хмельницкій оставилъ тамъ часть казаковъ для осады замка, очень крѣпкаго, котораго никакъ не могли одолѣть, а самъ приближаясь ко Львову, послалъ впередъ съ небольшимъ отрядомъ Головацкаго, шляхтича, вручивъ ему письмо на имя городскаго магистрата.

„Прихожу къ вамъ (писалъ Хмельницкій). какъ освободитель русскаго народа; прихожу къ столичному городу земли червонорусской избавить васъ изъ ляшской неволи; прихожу по вашему желанію, потому что многіе изъ вашихъ мѣщанъ приглашали меня. У меня 200,000 войска, кромѣ многочисленной орды; но это войско идетъ не на васъ, а на поляковъ. Поэтому вы лучше всего сдѣлаете, если соединитесь съ единовѣрными вамъ казаками и выдадите пановъ, разбѣжавшихся изъ подъ Пилявы. Мы утвердимъ взаимную нашу любовь взаимными клятвами. Если же пренебрежете нашею пріязнью, то наживете себѣ бѣду“ [31]).

Львовъ поступилъ подъ власть Польши гораздо преж-

---

[30]) Истор. о през. бр.—Histor. panow. Jan. Kaz. I. 23.—Annal. Polon. Clim. I. 81.—Pam. do pan. Zyg. III. Wlad. IV i Jan Kaz. II. 29.

[31]) Annal. Polon. Clim. I. 82.

де Украины и Волыни, а потому польская стихія здѣсь была сильнѣе чѣмъ гдѣ нибудь на Руси. Іезуиты основали здѣсь главный притонъ; ни въ одномъ русскомъ городѣ не было столько католическихъ монастырей и костеловъ; много мѣщанъ приняло унію; притомъ значительная часть городскаго народонаселенія состояла изъ іудеевъ и армянъ: поэтому и неудивительно, если паны могли его считать вѣрнымъ для себя убѣжищемъ. Городъ издавна былъ богатѣйшій въ королевствѣ; жители занимались промыслами и торговлею: губернаторъ застращалъ ихъ, а особенно іудеевъ, что казаки приходятъ разорять ихъ. Испуганные мѣщане обѣщали не сноситься съ казаками, а шляхтичи, прибѣжавшіе изъ околицы, готовились драться; съ ними вмѣстѣ взялись за оружіе бернардинцы, которыхъ большой монастырь стоялъ въ оконечности города. Православные хотя чувствовали иначе, но не смѣли возвысить голоса. Головацкій получилъ слѣдующій отвѣтъ отъ лица цѣлаго города:

„Городъ Львовъ не можетъ понять, почему въ то время, когда казацкій предводитель посылаетъ къ намъ дружелюбныя письма, казаки поступаютъ въ окрестностяхъ по непріятельски. Мы не отвергаемъ вашей дружбы, если она искренна, но не можемъ входить въ союзъ съ войскомъ запорожскимъ, пока не окончится избраніе короля и всѣ неудовольствія войска запорожскаго не прекратятся. Надѣемся, что войско запорожское, которому мы не сдѣлали никакого оскорбленія, останется къ намъ съ добрымъ расположеніемъ. Паны изъ подъ Пилявы хотя пріѣзжали къ намъ, но уже выѣхали на сеймъ; въ городѣ заперлись мѣщане и предмѣщане; въ замкѣ остав-

ленъ гарнизонъ Рѣчи Посполитой; надъ городомъ и замкомъ начальствуетъ губернаторъ“ [32]).

Хмельницкій, получивъ такой отвѣтъ, двинулся осаждать городъ. Передовые отряды прибыли 6-го октября. На другой день явился подъ городомъ казацкій гетманъ и приказалъ ударить изъ пушекъ; начались стычки по разнымъ концамъ Львова. Одинъ отрядъ казаковъ рылъ валы у гончарской улицы, близь монастыря кармелитовъ босыхъ; другой напиралъ на галицкую браму; третьи нападали на бернардинскій монастырь. Осажденные оборонялись; бернардины отличались особенно. Тогда подъ самимъ Хмельницкимъ была убита бѣлая лошадь, примѣтная издали по своей масти. Вечеромъ кончилось нападеніе; враги размѣнялись плѣнниками.

Хмельницкому не трудно было взять Львовъ; но онъ самъ не хотѣлъ напрасно проливать кровь и предавать богатый городъ въ волю необузданной черни и татаръ: поэтому, разставивъ около города войско, самъ предводитель сталъ въ близкой деревнѣ, Лисеницахъ, и послалъ оттуда священника Ѳедора Радкевича съ новымъ письмомъ къ городскому магистрату, предлагая миръ и требуя 200,000 червонныхъ злотыхъ окупу, для заплаты татарамъ.

Городскіе райцы видѣли, что городъ не можетъ удержаться, и согласились начать переговоры. Они увѣряли и сами себя и другихъ, что рѣшаются просить пощады у казацкаго вождя не изъ трусости, а единственно для

---

[32]) Annal. Polon. Clim. I. 82. — Pam. do panow. Zygm. III. Wlad. IV Jan. Ka II. 30.

того чтобъ спасти католическую святыню отъ поруганія [33]).

Но въ городѣ Львовѣ накопилося множество поселянъ православной вѣры. Въ самый день прихода казаковъ, губернаторъ внушилъ жителямъ, что если предмѣстья останутся цѣлы, то казаки засядутъ надолго предъ городомъ и, по его мнѣнію, для предупрежденія опасности, надобно бы истребить предмѣстья. Нашли людей, которые, за награду, разложили въ разныхъ мѣстахъ огонь; хаты подгородныхъ жителей, гумна ихъ, загородныя дачи пановъ, церкви и костелы —все стало добычею пламени въ нѣсколько дней [34]). Предмѣщане, лишившись имуществъ, скитались безъ куска хлѣба съ женами и дѣтьми; многіе пристали къ казакамъ; другихъ загнали въ городъ, обѣщая кормить во время осады. Населеніе Львова увеличилось; отъ тѣсноты и дурной пищи, которою питались бѣдняки, при дороговизнѣ припасовъ, открылись повальныя болѣзни. „Наши улицы, рынки и церковные дворы обратились въ настоящій лазаретъ; угла не было въ городѣ, гдѣ бы нельзя было встрѣтить недужныхъ и не слышать удушающей вони“ (говоритъ очевидецъ).

Сверхъ-того, поляковъ, іудеевъ и армянъ пугало скопленіе православныхъ, между которыми попадались подозрительныя для нихъ лица: слышно было, что у православныхъ мѣщанъ бываютъ ночныя скопища. Еще до прибытія Хмельницкаго открыто было, что мѣщане Го-

---

[33]) Rel. Czech. Kron. miast. Lw. 303.—Рукоп. И. П. Библ. разнояз. Ист. F. № 5.

[34]) Rel. Czech. Kron. miast. Lw. 300. Rel. Grozwajera. Ibid. I. 313.

логурскіе писали къ нему, приглашали избавить народъ отъ невыносимой ляшской неволи и обѣщали содѣйствіе. Письмо было перехвачено; поляки боялись, что такихъ доброжелателей Хмельницкаго было въ городѣ не мало. Всякъ—говорили тогда католики—кто только исповѣдуетъ греческую вѣру, желаетъ погибели Польшѣ. Открыли въ городѣ женщину, которая была любовницею Кривоноса и потомъ съ однимъ казакомъ странствовала для узнанія дѣлъ. Она сама созналась въ этомъ и была пощажена. Донесли губернатору, что у одного богатаго мѣщанина, Юрія Коваля, работники льютъ пули и куютъ оружіе. Окружили подозрительный домъ и, дѣйствительно, нашли много желѣза и свинцу. Хозяинъ отговаривался, что это припасено для продажи, но узнали, что это готовилось для оружія православнымъ, на помощь казакамъ. Во время штурма города, Артишевскій приказалъ казнить его на страхъ прочимъ, примѣрнымъ образомъ, по выраженію современника. Вслѣдъ затѣмъ, было перехвачено письмо львовскаго православнаго владыки къ Хмельницкому. Неизвѣстно содержаніе его; лѣтописецъ говоритъ, что губернаторъ оставилъ владыку въ подозрѣніи [35]). Католики, часъ отъ часу болѣе, боялись православныхъ, и, наконецъ, бернардины выдумали средство уменьшить число этого опаснаго для нихъ народа.

Скрывавшіеся во Львовѣ мужики и предмѣщане проживали преимущественно въ монастыряхъ. Бернардинскій былъ набитъ биткомъ. Монахи устроили въ субботу обѣдъ и поставили два стола: на одномъ кушанье

---

[35]) Annal. Polon. Clim. I. 84.—Pam. do pan. Zygm. III. Wlad. IV i Jan. Kaz. II. 32.—Hist. pan. Jan. Kaz. I. 25.

было мясное, на другомъ постное; такъ какъ католики наблюдають въ субботу постъ, то монахи, сзывая людей, говорили: „Идите, кто изъ васъ русинъ, пусть садится и ѣстъ мясо, а кто полякъ, то для него трапеза съ рыбою и масломъ". Православные, не подозрѣвая уловки, сѣли за особый отъ католиковъ столъ. Тогда монахи стали вызывать ихъ поодиначкѣ, подъ предлогомъ, что хотятъ что то сказать, и выводили за ворота. Тамъ, въ глухомъ дворѣ, былъ колодезь, называемый бардышъ. Подлѣ колодца стоялъ бернардинъ. Монахъ подводилъ русскаго къ колодцу и говорилъ: „Посмотри туда, русинъ!" Русскій наклонялъ голову, и стоявшій подлѣ колодца бернардинъ рубилъ его по шеѣ, а тѣло сбрасывалъ тотчасъ въ колодезь. Вотъ ужъ нѣсколько человѣкъ, такимъ образомъ, пошло вслѣдъ за монахомъ; никто не зналъ, что сдѣлалось съ тѣмъ, который вышелъ прежде него; всякъ добровольно наклонялъ голову подъ топоръ. Наконецъ, обѣдавшіе стали безпокоится, что братья ихъ не возвращаются, нѣкоторые встали и подсмотрѣли, что дѣлаютъ монахи. Тогда всѣ съ отчаянными криками, бросились черезъ стѣны и, безъ оглядки, полетѣли въ казацкій лагерь, гдѣ произвели всеобщее изступленіе. Хмельницкій, въ первомъ порывѣ гнѣва, грозилъ сжечь цѣлый городъ [36]); но потомъ утишился и послалъ сказать, чтобъ ему выдали всѣхъ пановъ разбѣжавшихся изъ подъ Пилявы. Ему отвѣчали, что никого изъ нихъ нѣтъ въ городѣ. Тогда Хмельницкій потребовалъ выдачи всѣхъ іудеевъ. Ему

---

[36]) Истор. о през. бр.

отвѣчали, что нельзя сдѣлать такого дѣла: іудеи королевскіе подданные и притомъ дѣлили съ христіанами всѣ тягости. Тогда Хмельницкій угрожалъ штурмомъ [37]) и предостерегалъ всѣхъ жителей Львова русскаго вѣроисповѣданія, чтобъ они спрятались въ церквахъ во время взятія города [38]).

Львовъ лежитъ между разнообразными холмами. Самый городъ былъ обнесенъ двумя стѣнами и рвомъ. Укрѣпленія были ненадежны; вода во рву высохла, а стѣны, по замѣчанію современника, годились для защиты отъ ружей, а не отъ пушекъ. Правда, Артишевскій показалъ отчаянную готовность защищаться. „Я уже старъ, говорилъ онъ: довольно пожилъ; кончу жизнь во Львовѣ, лучше пусть меня задавятъ его развалины, чѣмъ мнѣ спасать жизнь низкою сдачей". Но жители, привыкшіе къ изобилію, невоинственные, давно невидавшіе у стѣнъ своихъ непріятеля, желали избавиться отъ опасности какимъ бы то ни было образомъ. „Подумайте,—убѣждалъ ихъ старикъ губернаторъ: —какъ можно довѣриться Хмельницкому, когда онъ замаралъ себя всякаго рода вѣроломствомъ? Для человѣка благоразумнаго и храбраго гораздо желательнѣе смерть, чѣмъ неволя: смерть прекращаетъ, неволя рождаетъ горе!" Городской совѣтъ не послушался старика и отвѣчалъ Хмельницкому, что пановъ въ городѣ нѣтъ, а Львовъ проситъ пощады. „Хмельницкій (говоритъ русскій лѣтописецъ), *благочестивыхъ ради*, отложилъ свое намѣре-

---

[37]) Рукоп. Имп. Публ. Библ. разнояз. № 5.

[38]) Rel. Grozw. Kr. m. Lw. 314.

ніе взять городъ штурмомъ и даже отказывался отъ жидовъ". Продолжались переписка и совѣщанія; львовяне хотѣли что нибудь выторговать у казацкаго гетмана; но вдругъ новые успѣхи казаковъ заставили мѣщанъ не прекословить болѣе милосердію Хмельницкаго.

Съ сѣверной стороны города Львова, на горѣ, называемой Лысою, былъ замокъ, построенный встарину княземъ Львомъ Даниловичемъ. Въ мирное время онъ оставался незанятымъ, потому что былъ неудобенъ для жизни: тамъ была дурная вода и притомъ въ единственномъ колодцѣ; но въ военное время положеніе его было важно. Онъ стоялъ на возвышенности, откуда можно было видѣть, что дѣлается въ городѣ, и притомъ оттуда можно было удобно палить въ городъ. Артишевскій поставилъ тамъ гарнизонъ подъ начальствомъ бургграфа Братковскаго. Гарнизонъ этотъ, въ началѣ состоявшій всего изъ семидесяти человѣкъ, увеличивался охотниками изъ мѣщанъ и мужиковъ. Туда столпилось также много предмѣщанъ, лишенныхъ жилищъ. Казаки Кривоноса нападали на этотъ замокъ, вскорѣ послѣ прибытія подъ Львовъ. Замокъ, впрочемъ, былъ силенъ не столько укрѣпленіями, сколько крутизною горы, на которой былъ построенъ. Впослѣдствіи, накопилось тамъ народу обоего пола до тысячи: замокъ казался крѣпче города, каждую минуту готоваго пасть; но за то скопленіе произвело голодъ. Казаки не переставали нападать на замокъ, и, въ одинъ день, Братковскій, отъ изнеможенія, ушелъ изъ замка съ своими солдатами; тогда, оставшіеся безъ обороны, голодные предмѣщане, мѣщане и мужики пришли въ волненіе. „Чего жъ намъ ждать еще? закричали нѣкоторые изъ нихъ:—чѣмъ погибать отъ

голода съ дѣтьми, лучше отдаться на милость казакамъ! Не такое страшное горе, какъ страхъ его малюетъ! Волки, медвѣди — и тѣ бываютъ милосерды, а казаки — люди, да и татары люди! Что они намъ сдѣлаютъ? Въ неволю возьмутъ? Что-жъ? потерпимъ, а послѣ, можетъ быть, на волю выйдемъ. Жонъ, дочерей нашихъ изнасилуютъ? Э. чтожъ дѣлать! Не стыдно, когда по неволѣ. Ну, съ Богомъ!" Множество голосовъ со стѣнъ закричало, что они сдаются.

Тутъ толпа кіяковъ (такъ назывались червонорусскіе хлопы, потому что, за недостаткомъ оружія, употребляли кіи) ворвались въ замокъ, какъ волки въ овчарню, говоритъ очевидецъ, и перерѣзали всѣхъ отъ стараго до малаго. „Страшно выглядывалъ, продолжаетъ тотъ же современникъ, этотъ замокъ со мшистыми стѣнами, облитыми кровью, и башнями, заваленными людскими трупами" [39]).

Потомъ казаки отняли у горожанъ воду, слѣдуя указанію одного предмѣщанина, ушедшаго къ казакамъ [40]), безпрестанно врывались въ городъ и, чтобъ лучше долетали туда пули, взмостили на крышу высокаго костела пушки. Пущенная бомба зажгла жидовскую синагогу; пожаръ распространился; люди не смѣли тушить потому что картечи убивали ихъ на улицахъ. Тогда мѣщане, видя неизбѣжную бѣду, соглашались сдаться на волю побѣдителя, выставили бѣлое знамя и послали знакомаго Хмельницкому ксендза, Гумель-Мокрскаго просить помилованія.

---

[39]) Rel. Czech. Kr. Lw. 306.—Rel. Grozw.—Ibid. 314.

[40]) Рукоп. И. П. Б. разнояз. F № 5.

Хмельницкій, получивъ это извѣстіе, бросился лично къ осаждающимъ, вложилъ на палку свою шапку и, показывая казакамъ, кричалъ: „згода!“ [41]).

Нападеніе остановилось. Вслѣдъ затѣмъ выѣхали изъ Львова четыре депутата: отъ русскихъ, поляковъ, армянъ и отъ университета [42]). Въ сопровожденіи полковника Остапа они прибыли въ Лисеницы, 13 октября.

Гетманъ принялъ ихъ ласково, подчивалъ виномъ, и увѣрялъ въ своемъ расположеніи къ городу Львову.

Депутатъ отъ католиковъ, Вахловичъ, отличался особенно краснорѣчіемъ, и со слезами, „нищенски“, по замѣчанію очевидца [43]), молилъ предводителя пощадить ихъ и уменьшить цѣну окупа.

„Помилуй насъ (говорилъ онъ) ради нашей крайней бѣдности; паны совершенно насъ ограбили; пилявецкое войско обобрало насъ и покинуло; мы въ самомъ горькомъ положеніи; не дай намъ погибнуть съ голода!“

Хмельницкій отвѣчалъ: „Я не могу скрыть отъ васъ, что меня слишкомъ огорчаютъ эти несчастныя обстоятельства. Дай Богъ, чтобъ и ухо человѣческое о подобныхъ не слышало! Всему причиною Вишневецкій и Конецпольскій, о чемъ я писалъ вамъ; не стало силъ переносить намъ тяжкій нашъ жребій; у насъ насильно отнимали все наше достояніе, и намъ ничего болѣе не оставалось, какъ взять оружіе. Вы просите милосердія: я

---

[41]) Histor. pan. Jan. Kaz. I. 27. — Pam. do pan. Zygm. III. Wlad. IV i Jan. Kaz. II. 34.—Stor. delle gue civ. 58.

[42]) Rel. Czech. Kr. Lw.—Rel. Grozw. Kr: Lw. 315.

[43]) Rel. Czech. Kr. Lw. 304.

самъ просилъ его для себя и не былъ настолько счастливъ, чтобъ получить; но вамъ я окажу его! Я не хочу поднимать меча на ваши головы и дарую вамъ жизнь,— это уже большое милосердіе, господа; только — безъ всякихъ отговорокъ, отсчитайте мнѣ двѣсти тысячъ червонныхъ злотыхъ. Въ добавокъ, я оставлю при васъ и жидовъ, этихъ негодныхъ мерзавцевъ, но съ тѣмъ, чтобъ они выплатили большую часть этой суммы: они то обирали казаковъ въ Украинѣ. Надобно вамъ знать, господа, что я требую этихъ денегъ не для своей корысти, а единственно потому что долженъ удовлетворить пріятеля моего, пана Тугай-Бея. Моя обязанность—наградить того, который соединился со мною со значительными силами, помогалъ вездѣ противъ моего непріятеля, и храбро раздѣлялъ со мною опасности".

Очевидецъ замѣтилъ, что Хмельницкій прослезился, слушая описаніе бѣдствія Львова, но не уменьшилъ требуемой суммы ни однимъ злотымъ [44]). Напрасно умоляли его депутаты: онъ ссылался на своихъ старшинъ и на Тугай-Бея. Депутаты умоляли его. Наконецъ онъ сказалъ: я посовѣтуюсь, и оставилъ ихъ съ нѣсколькими чиновниками казацкими. Депутаты должны были выслушивать насмѣшки надъ пилявскими героями. „Мы, говорили имъ казаки, взяли у поляковъ 6,460 возовъ съ сокровищами, а вотъ и булава князя Доминика. Посмотрите на нее. Вотъ скоро турецкій цезарь пришлетъ намъ помощь. Пана Вишневецкаго мы достанемъ, хоть бы онъ въ Гданскъ ушелъ: онъ виною тому, что переговоры не состоялись. Мы дойдемъ до Ви-

---

[44]) Rel. Czech. Kr. Lw. 304.

слы, наготовимъ чаекъ и приплывемъ въ Варшаву, а то и далѣе, если насъ не удовлетворятъ". Но тутъ воротился Хмельницкій, съ нимъ Тугай-Бей, Калга-султанъ и Пинъ-Ага. Всѣ старшины и полковники были на лицо, каждый съ позлащеннымъ перначемъ—знакомъ достоинства. Хмельницкій изложилъ просьбы города. Тугай-Бей котораго усадили на почетное мѣсто, поглядѣлъ на депутатовъ грозно и сказалъ: „вы молодцевъ обидѣли: хоть бы вы въ землю закопались,—и тамъ я васъ найду!" Онъ началъ бранить поляковъ, особенно Сѣнявскаго, который будучи отпущенъ на честное слово, не заплатилъ окупа. Татары непремѣнно требовали со Львова окупа. Хмельницкій ссылался на нихъ и представлялъ депутатамъ, что ему невозможно сдѣлать уступки, потому что нужно спровадить татаръ и заплатить имъ. Иначе они будутъ дѣлать опустошенія [45]). Депутаты должны были съ покорностью согласиться на всѣ требованія побѣдителей.

Хмельницкій отправилъ въ городъ за деньгами Петра Головацкаго, а Тугай-Бей—татарина Пинъ-Агу; готовой монеты набралось только на 16,000 злотыхъ. Этого было слишкомъ мало и Львовъ откупался разными товарами и вещами; костелы и монастыри приносили свои украшенія и сокровища; мѣщане выкладывали изъ лавокъ штуки богатыхъ матерій, полотна; жиды, со вздохомъ, сносили серебро, золото, разныя драгоцѣнности, пріобрѣтенныя лихвою отъ убогихъ христіанъ; бѣдные посполитые принуждены были выносить послѣднее

---

[45]) Рук. И. П. Б. разнояз. F. № 5.

полотно или серебряную вещицу изъ скромнаго домика [46]). Возами отправляли сокровища въ лагерь победителей, гдѣ Тугай-Бей прилежно все это оцѣнивалъ и взвѣшивалъ, иногда вскрикивая на привозившихъ [47]). Этимъ не ограничился окупъ. Городъ подарилъ самому Хмельницкому богатыхъ одеждъ и сбруй на 20,000 злотыхъ; всѣ полковники, войсковые асаулы, судьи, писаря, казацкіе атаманы получили въ подарокъ по нѣскольку сотъ талеровъ и разныхъ вещей: кто воротился съ позолоченною саблею, кто съ богатооправленнымъ буздыханомъ. По замѣчанію очевидца, Кривоносъ показалъ себя особенно корыстолюбивымъ. „Я столько же сдѣлалъ, какъ и панъ Хмельницкій (говорилъ онъ) да еслибъ захотѣлъ, то натворилъ бы во Львовѣ страха и безпорядка; за то нельзя меня считать какимъ нибудь простакомъ; я не хуже другихъ: другихъ обдарили и мнѣ дайте какую нибудь сотню-другую червонныхъ злотыхъ!“ Этотъ отважный казакъ получилъ тогда тысячъ на пять разныхъ подарковъ. Въ добавокъ мѣщане должны были, по русскому обычаю, угощать на мировую казаковъ и выкатить полубочки и боченки разныхъ водокъ, винъ, меду, малвазіи. „Негодные холопы“ (говоритъ очевидецъ), „пастухи, пригодные только къ плугу, пьянствовали и обжирались посреди города, а потомъ уносили съ собою въ лагерь съѣстное“ [48]).

Для спокойствія гражданъ, Хмельницкій оставилъ въ городѣ двоюроднаго брата своего, Захарія Хмельницка-

---

[46]) Rel. Czech. Kr. Lw. 306.
[47]) Rel. Grozw. Kr. m. Lw. 317
[48]) Rel. Czech. Kr m. Lw. 307.

го, съ десятью казаками; у нихъ былъ универсалъ, подписанный рукою гетмана; этотъ универсалъ долженъ былъ останавливать казаковъ, еслибъ какая нибудь толпа наѣздниковъ вздумала еще разъ безпокоить Львовъ. Тогда жители начали роптать и обвиняли своихъ депутатовъ, что они у Хмельницкаго болѣе хлопотали о себѣ, чѣмъ объ общихъ дѣлахъ. Ожесточеніе противъ нихъ дошло до того, что ихъ чуть было не убили, но ихъ оборонилъ Артишевскій.

23-го октября султанъ Калга со своею ордою отступилъ къ Каменцу. На другой день 24-го октября, казаки дали на прощанье залпъ изъ пушекъ, и страшное войско отступило. Поляки считали особеннымъ чудомъ неба свое избавленіе за деньги [49]). Только бернардины не хотѣли участвовать въ платежѣ, говорили, что они оружіемъ охранили монастырь, и гордо указывали на кучу труповъ около своей обители [50]).

Послѣ того казаки уже не безпокоили Львова. Мимо города проходили казацкіе отряды Хмельницкаго и не дѣлали опустошеній, потому что Хмельницкій строго запретилъ имъ это. „О, если бы у насъ въ коронномъ войскѣ была такая дисциплина!“ говорили тогда поляки. За то и казаковъ не трогали по дорогамъ. Сынъ Хмельницкаго, въ сопровожденіи небольшаго отряда, провезъ мимо Львова нѣсколько десятковъ возовъ, нагруженныхъ добычею; никто на него не нападалъ.

Отступивъ отъ Львова, Хмельницкій еще разъ хотѣлъ было отложить непріязненныя дѣйствія и дожидать-

---

[49]) Rel. Grozw. Kr. Lw. 317.

[50]) Кр. истор. о бунт. Хм. 10.

ся окончанія сейма, но казаки, возбуждаемые преимущественно Чорнотою, подняли ропотъ и кричали: „Пане гетмане, веди на Польщу!“

Замостье, теперь сильнѣйшая крѣпость въ царствѣ польскомъ, принадлежало тогда фамиліи Замойскихъ, отъ которой и получило названіе, и уже въ то время было сильною защитою королевству, какъ по своему неприступному положенію, такъ и по искусственнымъ укрѣпленіямъ: съ юга защищалъ его огромный прудъ; съ сѣвера и запада—непроходимыя болота, а съ востока—ровъ, чрезвычайно широкій и глубокій, наполненный водою; надъ нимъ возвышалась огромная стѣна. Поперегъ всей стѣны проведенъ былъ толстый выступъ препятствовавшій приставлять лѣстницы; семь круглыхъ башенъ защищали стѣну, а между башнями и самою стѣною поставлены были пушки такъ искусно, что издали нельзя было ихъ примѣтить. Въ стѣнѣ были сдѣланы отверстія для стрѣльбы въ разныхъ мѣстахъ. Сама стѣна была такъ толсто наполнена землею, что наверху ея могла свободно оборачиваться карета въ шесть лошадей. Іеремія Вишневецкій собралъ туда десять тысячъ шестьсотъ человѣкъ, въ числѣ которыхъ было 1.500 пѣхоты собственной команды коменданта Вайера, славившагося тогда знаніемъ военнаго дѣла. Кромѣ того, въ Замостьѣ было четыре тысячи шляхты бельзскаго воеводства, шляхтичи воеводствъ холмскаго и волынскаго, составлявшіе резервъ, восемьсотъ человѣкъ постоянной стражи и до тысячи человѣкъ мѣщанъ, взявшихъ оружіе; были тамъ люди разныхъ націй: армяне, шотландцы, нѣмцы, слуги хоть и годные къ бою не считались въ числѣ военныхъ людей. Пороха было

довольно; пушекъ, за исключеніемъ поставленныхъ на-мѣстахъ, оставалось еще большое количество въ резервѣ, а ружей было такъ много, что, по увѣренію современника, на каждое окно приходилось по пяти; притомъ у многихъ дворянъ они были трехствольныя. Въ случаѣ долговременной осады, крѣпость и городъ не боялись голода: каждый житель обязанъ былъ запастись припасами для себя и для поставленнаго у него на квартирѣ жолнера на полгода, а кто не могъ этого сдѣлать, тотъ былъ высылаемъ изъ города: такимъ образомъ, въ Замостьѣ не было и многолюдства, пагубнаго во время обложенія. Оставшіеся въ Замостьѣ написали на сеймъ, что не могутъ прибыть въ Варшаву по той причинѣ, что должны защищать важный пунктъ въ королевствѣ. Главнымъ начальникомъ, собственно города, былъ Владиславъ Мышковскій, староста гродецкій. Всѣ эти распоряженія были сдѣланы Вишневецкимъ, котораго паны и жолнеры избрали предводителемъ; онъ сдѣлалъ все нужное для защиты крѣпости, и доставилъ части пилявскаго ополченія случай стереть съ себя стыдъ бѣгства. Самъ князь уѣхалъ въ Варшаву съ 400 человѣкъ.

Паны, собравшіеся тогда въ Замостьѣ, ненавидѣли королевича Яна Казимира, котораго Хмельницкій хотѣлъ видѣть королемъ, и послали на сеймъ извѣщеніе, что если будетъ идти дѣло объ избраніи кого нибудь изъ братьевъ покойнаго Владислава, то они даютъ голосъ въ пользу старшаго брата, Карла. Хмельницкій, быть можетъ, узналъ объ этомъ и рѣшился держать крѣпость въ осадѣ, чтобъ застращать противниковъ и, если нужно, силою оружія доставить престолъ Яну Казимиру, стороны котораго держался и канцлеръ Оссо-

линскій. Хмельницкій, приближаясь къ Замостью, имѣлъ, по сказанію поляковъ, до 80,000 войска, хотя это число, ни въ какомъ случаѣ, нельзя принимать за достовѣрное, тѣмъ болѣе, что большая часть ополченія русскаго вела гайдамацкую войну по окрестностямъ [51]).

Проходя отъ Львова къ Замостью, Хмельницкій былъ сопровождаемъ восторгомъ русскаго народа. Православные бѣжали къ нему на встрѣчу, величали освободителемъ; одни приставали къ рядамъ казаковъ, другіе сносили имъ запасы,—всѣ клялись въ ненависти къ католичеству и племени ляховъ. Кто только исповѣдывалъ православную вѣру, тотъ считалъ святымъ долгомъ помогать чѣмъ бы то ни было возстанію, хотя нѣкоторые изъ русскихъ потерпѣли тогда не только отъ татаръ, но и отъ своихъ, православныхъ, забіякъ [52]). Мѣстечки, населенныя католиками, униатами и жидами, безъ милосердія были истребляемы огнемъ и мечомъ. Въ народѣ русскіе произвели безчеловѣчныя убійства; въ числѣ погибшихъ былъ владѣлецъ, Самуилъ Лащъ, извѣстный забіяка. Городъ Сокалъ и мѣстечко Томашевка, откуда успѣли убѣжать всѣ поляки и жиды, приняли съ торжествомъ казаковъ. Католическіе храмы были ограблены; самыя кости умершихъ выброшены изъ гробовъ на поруганіе [53]). Приблизившись къ Замостью, Хмельницкій послалъ передовой отрядъ подъ начальствомъ Небабы.

Небаба, приблизившись къ Замостью, удивился, уви-

---

[51]) Hist. belli cosac. polon 80, 86—89.—Annal. Polon. Clim. I. 87. 88.—Obsid. Zamosc.

[52]) Рукоп. И. П. Б. разнояз. F. № 5.

[53]) Obsid. Zamosc.

дѣвъ ворота отворенными и очень мало стражи на валу. Предмѣщане собрались къ нему толпами и начинали было говорить съ нимъ, какъ русскіе; но появился трубачъ на башнѣ и закричалъ:

„Прочь отсюда! Паны, находящіеся въ крѣпости, не станутъ унижаться, чтобъ входить съ вами, холопами, въ сношенія, а мѣщанамъ не позволяется".

Воротившись, Небаба доносилъ, что поляки ни во что считаютъ силу казацкую; и настаивалъ, чтобъ Хмельницкій поскорѣе взялъ Замостье и доказалъ имъ, что значатъ казаки [54]).

Увѣренные въ томъ, что русскіе предмѣщане готовы будутъ принять казаковъ, какъ братьевъ, и дадутъ имъ пристанище въ своихъ домахъ, паны приказали зажечь предмѣстья, и казаки явились 5-го ноября, въ самый развалъ пожара.

Тогда поднялась сильная буря прямо въ лицо казакамъ. „Несчастные предмѣщане (говоритъ очевидецъ) хватали что успѣвали изъ своихъ пожитковъ; одни бѣжали съ ними въ подъемныя ворота къ сѣверной башнѣ; другіе карабкались по веревкамъ черезъ стѣны; крики малютокъ, вопли лишенныхъ крова и дрожащихъ отъ стужи, страшно поражали слухъ. Многіе не попали въ городъ и помѣстились на возахъ съ остатками своихъ имуществъ подъ стѣнами. Никто не смѣлъ роптать, если не хотѣлъ быть отданнымъ подъ стражу двумъ дворянамъ, которыхъ выбирали стеречь подозрительныхъ, съ сотнею жолнеровъ. Заперли на-глухо ворота; по всѣмъ баш-

---

[54]) Pam. do pan. Zygm. III., Wład. IV i Jan. Kaz. II. 36. — Annal. Polon Clim. I. 88.—Hist. Jan. Kaz. I. 29.

нямъ разставили войско; на стѣнахъ расположился остальной народъ, съ косами и колодами для отраженія приступа“.

Хмельницкій остановился въ сосѣднемъ селеніи Лабуняхъ, и задумалъ стѣснять поляковъ медленнымъ обложеніемъ. Онъ разставилъ казаковъ кругомъ крѣпости, на большое пространство, и приказалъ сдѣлать плотину на рѣкѣ, протекавшей черезъ городъ. Воду потянуло внизъ, и осажденные потерпѣли черезъ это большой недостатокъ. Колодцы днемъ изсыхали до дна, и только ночью слегка наполнялись водою. Не такъ счастливы были казаки въ полевыхъ работахъ: валы и батареи копать было трудно, потому что земля стала уже замерзать. Хмельницкій видѣлъ, съ одной стороны, трудность взять сильную крѣпость осадою въ такое время года, а съ другой, не желалъ идти на приступъ, чтобъ тѣмъ не обнаружить явныхъ непріязненныхъ дѣйствій противъ Рѣчи Посполитой и старался сохранить видъ, что онъ не хочетъ воевать до окончанія сейма, а потому послалъ къ Мышковскому письмо, на имя сенаторовъ и шляхты, запершейся въ Замостьѣ.

Хмельницкій вѣжливо желалъ имъ здоровья и благополучія и увѣрялъ, что не хочетъ кровопролитія, а явился съ войскомъ единственно по тому случаю, что преслѣдовалъ Іеремію Вишневецкаго.

„Но такъ какъ (писалъ онъ) онъ изъ вашего города убѣжалъ, то мы бы желали, чтобъ вы не заводили съ нами войны, а примирились добровольно, какъ львовяне, и мы тотчасъ отступимъ отъ вашего города со всѣми войсками, и волосъ не спадетъ съ головы вашей. Если жъ вы не захотите мира, о которомъ мы про-

симъ Бога, то ужъ тогда не отойдемъ отъ города, пока не исполнится приговоръ Божій: мы хоть не рады, а должны будемъ воевать съ вами. Сохрани Богъ! Лучше пусть теперь, когда мы дошли до васъ! Богъ дастъ намъ миръ, и мы счастливо дождемся новаго государя, кого Богъ намъ благословитъ. Мы же, въ особенности, желали бы себѣ природнаго государя, королевича Яна Казимира: дай Господи, чтобъ довелось служить ему вѣрно, какъ мы служили, блаженной памяти, брату его Владиславу IV-му"

Чрезъ два дня, комендантъ прислалъ гетману, отъ лица всѣхъ дворянъ въ Замостьѣ, отвѣтъ, исполненный увѣреній въ желаніи мира, но незаключавшій въ себѣ ничего рѣшительнаго. Дворяне извѣщали казацкаго предводителя, что и они желаютъ королемъ природнаго королевича, но не упомянули имени Яна Казимира, котораго не желали.

Въ то же время Хмельницкій, полагая, что Вайера, какъ иноземца, можно легко склонить, послалъ ему, черезъ плѣннаго нѣмца, письмо и приглашалъ поступить въ рыцарское товарищество съ казаками.

Вайеръ отвѣчалъ:

„Хотя вы, казаки, привыкли снискивать себѣ хлѣбъ саблею, но, до сихъ поръ, добывали его не отъ Рѣчи Посполитой, матери вашей, а отъ враговъ, въ чемъ мы всегда готовы быть вамъ товарищами, но противъ Рѣчи Посполитой помогать вамъ не станемъ. Я, Вайеръ, не только дворянинъ Рѣчи Посполитой, но и сенаторъ и каштелянъ хелминскій; хотя у меня подъ командою войско не польскаго происхожденія, но состоитъ все изъ пруссаковъ и курлянцевъ,—все это сыны одной Рѣчи

Посполитой. Впрочемъ, мы не подадимъ повода къ пролитію крови христіанской, если ваши желанія мира искренны" [55]).

Современникъ разсказываетъ, что, получивъ отвѣтъ изъ Замостья, Хмельницкій, со старшинами, осматривалъ ровъ, который казаки копали для спуска воды изъ пруда. Въ это время ядро, брошенное со стѣнъ, чуть было не убило Хмельницкаго: съ тѣхъ поръ онъ постоянно жилъ въ Лабуняхъ и только навѣщалъ таборъ [56]).

Безуспѣшные переговоры и медленность Хмельницкаго породили въ толпѣ казаковъ ропотъ и даже негодованіе.

„Нашъ гетманъ такъ распился (кричалъ обозный Чорнота), что ни о чемъ не думаетъ, и страхъ овладѣлъ имъ. Какъ! мы побрали въ неволю гетмановъ, разсѣяли все польское войско, взяли окупъ со Львова, и теперь, Замостье, частная крѣпость одного поляка, не могла бы выдержать нашей силы; бѣда только, что панъ гетманъ началъ поблажать полякамъ, ведетъ съ ними тайныя сношенія и обманываетъ войско!"

Хмельницкій зналъ, говоритъ лѣтописецъ, что за голова былъ Чорнота, и приказалъ тотчасъ готовиться къ приступу [57]).

Гетманъ открылъ нападеніе тѣмъ, что пустилъ ядра и зажигательныя гранаты въ городъ; но одни не долетали, другія перелетали, а третьи хотя падали на кры-

---

[55]) Supplem. ad. Hist. Russ. monum. 181—184.—Рукоп. виленская.

[56]) Obs. Zamosc.

[57]) Annal. Polon. Clim. I. 89.—Hist. pan. Jan. Kaz. I. 36.

ши, но не причиняли большаго вреда. Дожидаясь рѣшительнаго приступа, поляки, съ колокольнымъ звономъ, ободряемые священною процессію съ св. дарами, выстроились къ бою; но казаки цѣлый день только играли на трубахъ, какъ будто для того, чтобъ изнурять враговъ безпрестаннымъ ожиданіемъ [58]). Между тѣмъ, наломали хворосту для забрасыванія рва, надѣлали соломенныхъ пуковъ для зажженія, приготовили, изъ толстыхъ бревенъ, осадную машину на колесахъ, называемую показацки *гуляй городына*, съ отверстіями для вставки пушекъ и ружей, и съ корзинами или ящиками, набитыми землею, для закрытія отъ непріятельскихъ выстрѣловъ [59]). Къ вечеру, на сѣверной и на восточной сторонѣ, появилась сплошная масса казаковъ. Хмельницкій отобралъ такихъ молодцовъ, которые еще не знали, какъ управляться съ оружіемъ, потому что до сихъ поръ обращались только съ косами да серпами, но за то болѣе всѣхъ шумѣли противъ предводителя, выкатилъ сначала нѣсколько бочекъ горѣлки, потомъ загналъ всѣхъ въ гуляй городыну и заперъ ее рогатками, а позади поставилъ старыхъ, настоящихъ казаковъ, приказывалъ имъ подгонять лѣнивыхъ и трусливыхъ и даже колоть, если они попятятся назадъ. По бокамъ поставлена была конница. Въ одинадцать часовъ ночи, поляки отвѣчали имъ такимъ сильнымъ огнемъ, что русскіе разстроились; бревна, сложенныя наскоро, разсыпались; холопы не умѣли хорошо стрѣлять и попадали въ стѣны, или на воздухъ; притомъ на по-

---

[58]) Obs. Zamosc.

[59]) Ann. Pol. Cl. I. 89.—Hist: Pan: Jan. Kaz. I. 36:

лякахъ были панцыри, а на русскихъ свитки да кожухи! Покинувъ разоренное свое орудіе, они бросились на заднихъ казаковъ, прорвали ряды ихъ и привели всѣхъ въ безпорядокъ. Въ то же время, когда неопытная и буйная чернь выставлена была на убой подъ гуляй городыною, Чорнота, съ казаками. зашелъ съ сѣверной стороны чрезъ болото, гдѣ стѣна была ниже, не защищалась башнями и гдѣ поляки не ждали видѣть казачества. Сначала, съ этой стороны, дѣло казаковъ шло удачно: они перешли ровъ и приставили къ стѣнѣ такія огромныя лѣстницы, что пятьдесятъ человѣкъ едва могли нести одну, но поляки поспѣшили туда, гдѣ нападалъ Чорнота, и отбили его. Самъ Чорнота лѣзъ, „какъ сорви голова," говоритъ польскій лѣтописецъ, но былъ раненъ въ лядвею, упалъ съ лѣстницы и, не получая въ пору ни подкрѣпленія, ни содѣйствія, оставилъ приступъ. Тогда осажденные такъ расхрабрились, что двѣ тысячи человѣкъ сдѣлали вылазку на предмѣстье, гдѣ стоялъ Головацкій съ двѣнадцатью тысячами казаковъ; они напали неожиданно, захватили триста вьючныхъ лошадей и взяли въ плѣнъ сотника Метлу [60]).

Съ тѣхъ поръ казаки, хотя стояли три недѣли подъ Замостьемъ, но ужъ не оказывали ни малѣйшихъ непріязненныхъ поступковъ. Они даже перестали роптать на Хмельницкаго, особенно когда, посредствомъ гаданія (а въ гаданіяхъ, по замѣчанію современниковъ, они

---

[60]) Annal. Polon. Clim. I. 89—90.—Pam. do pan. Zygm. III. Wlad. IV i Jan Kaz. II. 36—38.—Hist. pan. Jan. Kaz. I. 31.—Hist. ab. exc. Wlad. IV. 25.—Stor. delle guer. civ. 60.

были большіе искусники), дознались, что судьба не дастъ имъ успѣха, сколько бы они ни трудились. Они пустили что то огненное, на подобіе горящаго шара или ракеты, прямо на городъ по воздуху, такъ что осажденные думали, что хотятъ зажигать городъ; ракета, долетѣвъ до средины города, протянулась въ воздухѣ на подобіе копья, потомъ начала сгибаться и, наконецъ, приняла форму змѣи; хвостъ и голова сблизились, и тогда голова какъ будто начала кусать хвостъ. Видя это, казаки закричали: „*годі теперъ, панове молодці, не наша доля*“ [61]). Какая то знаменитая ихъ чаровница, Маруша, объяснила имъ, что успѣха не будетъ. Съ тѣхъ поръ они ужъ не воевали [62]).

Начальникъ Замостья, пользуясь бездѣйствіемъ казаковъ, послалъ къ Хмельницкому съ просьбою не разорять замка пана Замойскаго. Этотъ замокъ стоялъ посреди пруда съ южной стороны крѣпости; комендантъ предлагалъ помѣстить тамъ для охраненія казацкій гарнизонъ.

Хмельницкій отвѣчалъ: „Удивительно, что вы заботитесь о сохраненіи пустаго дома болѣе, чѣмъ о многолюдномъ городѣ, въ то время когда есть средство сойтись съ нами, если только вы не станете пренебрегать своимъ дѣломъ.“

Получивъ такой отвѣтъ, паны послали спросить, что онъ разумѣетъ?

„Такъ какъ намъ извѣстно (писалъ Хмельницкій), что

---

[61]) Hist. belli. cosac. polon. 90.

[62]) Obs. Zamosc.

владѣтель Замостья обращался всегда человѣколюбиво съ русскимъ народомъ, такъ какъ, притомъ, приходитъ пора снять лагерь, то я соглашаюсь отвести казаковъ въ Украину, если мнѣ дадутъ небольшую денежную сумму для удовлетворенія татаръ."

На это Мышковскій написалъ: „Мы согласны заплатить пану Хмельницкому 20,000 польскихъ злотыхъ, если казацкій предводитель исполнитъ слѣдующія условія: вопервыхъ, оставитъ въ цѣлости замокъ, о которомъ ужъ было говорено; вовторыхъ, запретитъ казакамъ разорять костелы, замки и имѣнія сосѣднихъ дворянъ—все, что осталось еще неповрежденнымъ; втретьихъ, не будетъ отдавать въ плѣнъ побѣжденныхъ и, вчетвертыхъ, если, по полученіи суммы, воротится въ Украину."

Хмельницкій согласился на все, но, получивъ сумму, написалъ коменданту: „Я не могу возвратиться въ Украину, пока не прійдутъ въ мой лагерь казацкіе отряды, разосланные по окрестностямъ; однако, городу бояться нечего; даже вы получите отъ насъ пользу, если позволите казакамъ безъ оружія подходить къ городу и продавать скотъ и прочее, что они захотятъ сбыть; я же, съ своей стороны, увѣряю васъ, что всякъ можетъ безопасно выходить изъ города."

Комендантъ позволилъ, и тогда въ казацкомъ обозѣ открылась настоящая ярмарка: казаки продавали своимъ непріятелямъ скотъ и разныя драгоцѣнности: серебряные кубки, чаши, платья, мѣха; все это было отнято у пановъ подъ Пилявою и продавалось теперь необыкновенно дешево. Тучный быкъ стоилъ талеръ. Нѣкоторымъ изъ поляковъ даже понравился такой торгъ, хотя

отъ него поживлялись только богачи, а бѣдные, часъ отъ часу, приходили въ скудное положеніе, особенно оттого, что въ Замостьѣ открылся падежъ скота и лошадей [63]).

---

[63]) Hist. belli cosac. polon. 91—93.—Stor. delle guer. civ. 64.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Избраніе Яна Казимира.—Королевское приказаніе.—Оступленіе Хмельницкаго въ Украину.—Прибытіе въ Кіевъ. — Патріархъ Пансій.

Наконецъ, Хмельницкій узналъ, что избраніе новаго короля кончилось и кончилось такъ, какъ онъ хотѣлъ. Приступая къ Замостью, казацкій предводитель отправилъ въ Варшаву Яна Гирю. Гладкаго, Сокольницкаго и Дмитра Черкаскаго просить, чтобъ къ нему прислали коммиссаровъ для примиренія. Онъ велѣлъ имъ заявлять, что казаки желаютъ королемъ Яна Казимира и если сеймъ выберетъ этого королевича, то Богданъ Хмельницкій будетъ въ его волѣ. Такъ должны были говорить казацкіе посланцы и въ такомъ смыслѣ Хмельницкій послалъ съ ними письма нѣкоторымъ государственнымъ людямъ. 15 ноября онъ послалъ на сеймъ ксендза каноника Гумель-Мокрскаго, вѣроятно издавна ему знакомаго, поручая ему письмо къ цѣлому сейму.

„Богъ всемогущій свидѣтель"—писалъ онъ—„что крайняя бѣда и неволя заставила насъ оскорбить величіе Божіе и васъ, милостивыхъ пановъ. Всему причиною двое пановъ. Первый коронный хорунжій: онъ убивалъ нашихъ товарищей, мучилъ, сажалъ на колъ, отнималъ нашу собственность, чуть не запрягалъ насъ въ ярмо, дѣлалъ съ нами что ему нравилось. Второй панъ—князь Вишневецкій; когда, по разгромѣ кварцянаго войска, мы хотѣли воротиться на обычное мѣсто на Запорожье—

онъ, не знаемъ по собственной ли злобѣ или по совѣту другихъ пановъ, нападалъ на насъ съ своимъ войскомъ, хваталъ казаковъ и нашихъ духовныхъ, сажалъ на колъ, буравилъ глаза и мучилъ ихъ другими способами. Защищая свою жизнь, мы, рады не рады, должны были двинуться съ войсками нашими и давать ему отпоръ, потому что съ одной стороны паны коммиссары Рѣчи Посполитой присылали намъ миролюбивыя письма, съ другой на насъ шло войско. Преслѣдуя князя Вишневецкаго, мы достигли Замостья, получивъ вѣрное извѣстіе, что князь Вишневецкій собирается воевать съ нами. Эти два пана всему причиною. Они своею алчностію и необузданностію чуть не до конца разорили землю. Князь Вишневецкій былъ у насъ въ рукахъ за Днѣпромъ, но мы его выпустили въ цѣлости, надѣясь на его дружелюбіе. Теперь мы посылаемъ къ вамъ его милость ксендза Мокрскаго, каноника, который засвидѣтельствуетъ, какъ я трудился, желая оставаться по прежнему вѣрнымъ слугою Рѣчи Посполитой. Просимъ отпустить намъ невольное прегрѣшеніе: самъ Богъ свидѣтель, что не мы виною. Просимъ не одобрить тѣхъ пановъ, которые всему злу причиною. Если же вы, милостивые паны, окажете намъ какую нибудь немилость и неблаговоленіе и не удержите виновниковъ войны, то мы поймемъ это такъ, что вы не желаете имѣть насъ своими слугами; а это причинитъ намъ великую скорбь. Ожидаемъ отвѣта чрезъ того же ксендза каноника Мокрскаго, а за тѣмъ остаемся по прежнему вѣрными слугами вашими“ [1]).

---

[1]) Акты южн. и зап. росс. III. 285. Рукоп. виленская:

Избирательный сеймъ не былъ на этотъ разъ такъ буренъ и мятеженъ, какъ обыкновенно случалось. Правда, съ 6 октября по 17 ноября, время проходило напрасно въ толкахъ о средствахъ защиты, о частныхъ правахъ и разныхъ формальностяхъ, хотя Кисель еще 10 октября представлялъ, что единственное средство утишить возникшія междоусобія—какъ можно скорѣе выбрать короля. „У этихъ хлоповъ" говорилъ онъ—„ничего не значитъ величіе республики. А що то есть Рѣчь Посполита? мы сами Рѣчь Посполита, але король то у насъ панъ!—Хмельницкій въ письмахъ своихъ ко мнѣ и другимъ лицамъ не хочетъ и знать, будетъ ли Рѣчь Посполитая именовать его гетманомъ. Онъ пишется гетманомъ войска его королевскаго величества. Король у нихъ. хлоповъ. что то божественное" [2]). По мѣрѣ того какъ узнавали объ успѣхахъ Хмельницкаго, очевидная опасность заставляла думать о скорѣйшемъ избраніи главы государства. Сначала входила въ силу партія Ракочи седмиградскаго князя. Іеремія Вишневецкій былъ за него и приводилъ въ доказательство, что венгерцы во всемъ похожи на поляковъ и въ нравахъ и въ образѣ жизни, а потому съ ними должны соединиться; одно только препятствовало Ракочи быть польскимъ королемъ: онъ былъ не католикъ, но полякамъ памятенъ былъ примѣръ Стефана Баторія и многозначительны слова Сигизмунда III, который говорилъ, что для польской короны можно сдѣлаться не только католикомъ, но даже

---

[2]) Jak. Michal. 238.

іезуитомъ; эта партія, однако, не была многочисленна; притомъ же тогдашній седмиградскій князь Стефанъ Ракочи въ то самое время умеръ, оставивъ наслѣдникомъ сына Георгія. Другая партія хотѣла оставить польскій престолъ въ родѣ Вазы, слѣдуя совѣту духовныхъ, изъ которыхъ одинъ, Стефанъ Вышга, предъ самымъ началомъ сейма произнесъ проповѣдь и привелъ въ ней кстати текстъ изъ книги Царствъ: „изберите себѣ царя изъ сыновей господина вашего, того, который вамъ понравится, и посадите его на отцовскій тронъ".

Два сына Сигизмунда, Карлъ и Казимиръ, оба находившіеся въ духовномъ званіи, были кандидатами. Во время сейма одинъ сидѣлъ въ Непорентахъ, а другой въ Яблонной, и оба дѣйствовали черезъ пановъ своихъ коммиссаровъ на сеймѣ. Казацкіе коммиссары сильно стояли за Казимира; его стороны держался и Оссолинскій. За Казимира старался посланникъ императора и французскій дворъ [3]). Говорятъ, что Оссолинскій рѣшилъ дѣло: онъ убѣдилъ Карла добровольно отказаться отъ своихъ претензій, представляя ему, что, въ противномъ случаѣ, отечество испытаетъ ужасные безпорядки, когда Хмельницкій готовъ будетъ воевать за Казимира. Карлъ отказался; а Янъ Казимиръ 17 ноября былъ избранъ королемъ, несмотря на то, что бывъ королевичемъ, вступилъ въ іезуитскій орденъ и получилъ отъ папы кардинальскую шапку; несмотря даже и на то, что не всѣ желали видѣть его королемъ и многіе имѣли о немъ дурное мнѣніе [4]). Но у ляховъ, хоть ихъ и большое

---

[3]) Stor. delle guer. civ. 50—51.

[4]) Histor. belli cosac. polon. 93.

скопленіе было въ Варшавѣ, были заячьи уши, говорить лѣтописецъ русскій: такой страхъ ими овладѣлъ, что какъ послышатъ трескъ сухаго дерева, такъ готовы безъ памяти бѣжать къ Гданску, и сквозь сонъ не одинъ тогда кричалъ: „Хмельницкій идетъ!" Оттого они всѣ только и думали, какъ бы примириться съ грознымъ побѣдителемъ, и согласились на избраніе Яна Казимира преимущественно для того чтобъ угодить казакамъ и избавиться отъ дальнѣйшихъ раззореній [5]). Едва только большинство стало наклоняться въ пользу Яна Казимира, паны тотчасъ послали къ Хмельницкому ксендза Ансельма съ извѣстіемъ.

Хмельницкій очень былъ доволенъ.

„Того только я и ждалъ (сказалъ онъ), чтобъ было къ кому прибѣгнуть въ тяжкихъ несчастіяхъ своихъ:—настояща бѣда не зъ моей причини сталась, а все одъ дурнихъ старостівъ и відъ лядскои старшини, котора намъ велики шкоди чрезъ аренди польски робила, дай того лиха наробила. Я не на кровь всенародную иду, а одъ настоючихъ на мене войскомъ ся бороню" [6]).

Немедленно онъ послалъ въ городъ извѣстіе и такъ писалъ:

„Избирательный сеймъ кончился. Казаки, какъ дѣти одного отечества, подавали голоса свои, и, ради ихъ, поляки согласились избрать Яна Казимира. Но казаки такъ любятъ короля своего, какъ дѣти отца; и пока онъ не будетъ коронованъ, войско запорожское не выйдетъ изъ Польши, а будетъ стоять для охраненія

---

[5]) Истор. о през. бр.

[6]) Woyn. dom. Ч. I. 41.—Лѣтоп. Мал.

особы его величества. Предлагаю гарнизону въ Замостьѣ отворить намъ теперь ворота, какъ согражданамъ и пріятелемъ [7]).

Вѣсть объ избраніи Яна Казимира очень не понравилась въ Замостьѣ: паны видѣли въ новомъ королѣ орудіе Оссолинскаго и антиреспубликанской партіи [8]); однако, скрывая неудовольствіе, угостили и одарили казацкаго трубача и отослали назадъ съ такимъ отвѣтомъ:

„Мы, находящіеся въ Замостьѣ, всѣ благодаримъ пана Хмельницкаго за то, что его трубачъ принесъ намъ извѣстіе, котораго мы чрезъ почту не могли получить, по причинѣ военныхъ безпорядковъ. Но слышали и мы, что Янъ Казимиръ, избранный королемъ, двинулся уже къ Замостью для успокоенія несогласій нашихъ; прибывъ сюда, онъ узнаетъ, кто изъ насъ нападаетъ на отечество, а кто его защищаетъ".

Между тѣмъ, комендантъ послалъ Хмельницкому въ подарокъ четыре боченка отличнаго вина [9]).

19-го ноября явился въ казацкій таборъ другой посланникъ отъ самого новоизбраннаго короля, шляхтичъ русской вѣры, Яковъ Смяровскій. Казаки встрѣтили его съ распущенными знаменами, били въ котлы, играли на трубахъ, стрѣляли изъ пушекъ.

Услыша такое неожиданное смятеніе въ непріятельскомъ обозѣ, осажденные испугались было, особенно,

---

[7]) Annal. Polon. Clim. I. 91.

[8]) Hist. belli. cosac. Polon. 95.

[9]) Pam. do pan. Zygm. III. Wl. IV i Jan. Kaz. II. 39.—Annal. Polon. Clim. I. 1.—Obs. Zamosc.

когда до нихъ долетали слова: „ой тепера прійшовъ сирота до Замостья отворити ворота!“ У казаковъ было преданіе о какой то пушкѣ огромной величины, которую нѣкогда москвитяне везли въ Кіевъ и бросили на дорогѣ: эта пушка въ народѣ слыла подъ именемъ сироты, а потому осажденные подозрѣвали, не получили ли казаки свѣжей помощи и не предпринимаютъ ли приступа [10]).

Но королевскій посланникъ привезъ Хмельницкому приказаніе, отъ имени короля, отступить въ Украину и тамъ дожидаться его коммиссаровъ.

„Я избранъ польскимъ королемъ (писалъ король) по единодушному согласію обоихъ народовъ, такъ какъ ты самъ, Хмельницкій, требовалъ этого пламенно, въ нѣсколькихъ письмахъ своихъ и частныхъ и посланныхъ къ сенату. Признай же во мнѣ верховнаго намѣстника великаго Бога, не опустошай по непріятельски областей польскихъ, и перестань разорять моихъ подданныхъ. Отступи отъ Замостья; я желаю, чтобъ это было первымъ доказательствомъ твоего послушанія. Вспомни, что воинъ не есть разбойникъ и грабитель; ты не варваръ, а христіанинъ. Избавь народъ отъ убійствъ, а себя отъ безславія“.

„Повинуюсь королевскому приказанію, сказалъ казацкій предводитель, ибо увѣренъ, что скоро разсудятъ меня“ [11]).

Гетманъ былъ очень веселъ, пилъ съ посломъ за здоровье короля, при громѣ пушекъ и сказалъ:

---

[10]) Histor. belli cosac. polon. 95.

[11]) Histor. ab. exc. Wlad. IV, 25.—Stor. delle guer. civ. 65.

„Вотъ, еслибъ вы, еще лѣтомъ, на конвокаціи, выбрали короля, не было бы того, что сдѣлалось. Хорошо, что выбрали Яна Казимира, а еслибъ выбрали другаго, такъ ябъ пошелъ въ Краковъ и' далъ корону тому, кому бы захотѣлъ“ [12]). Онъ тотчасъ послалъ трубача въ Замостье.

„Не подумайте чтобъ съ моей стороны была какая нибудь хитрость (писалъ онъ) и приготовляйтесь принять съ должною честью посла его величества.“

Паны отвѣчали, что готовы принять его, и, чрезъ нѣсколько часовъ, явился въ городъ Смяровскій.

„Завтра я ухожу съ войскомъ (писалъ Хмельницкій), по приказанію его величества, а потому теперь слѣдуетъ вамъ веселиться и быть вѣрными своему государю“ [13]).

Тогда, говоритъ современникъ, поляки кричали для вида: „многая лѣта королю Яну Казимиру,“ а шопотомъ приговаривали: „еслибъ эти многая лѣта кончились прежде, чѣмъ онъ вступитъ на престолъ!“ Иные толковали тогда же, что „отъ новаго короля нечего ждать добраго, потому что самое имя его—Казимиръ, порусски означаетъ сокрушителя мира“ [14]).

24-го ноября, казаки отступили, сдѣлавъ залпъ изъ пушекъ, и паны, освободившись отъ осады, вышли смотрѣть на мѣсто казацкаго обоза и пѣли тамъ: „Тебе Бога хвалимъ.“ Они удивлялись и поздравляли другъ

---

[12]) Supplem. ad. hist. Russ. monum. 186.

[13]) Hist. belli cosac. polon. 95.—Annal. Polon. Clim. I. 92.

[14]) Hist. belli cosac. polon. 96.

друга съ спасеніемъ, которое казалось невозможнымъ при такомъ большомъ войскѣ непріятельскомъ. „Тогда (говоритъ современникъ) поляки шопотомъ говорили, что вѣрно Богъ послалъ на Хмельницкаго слѣпоту [15]), когда, съ такими силами, онъ не только не взялъ столицы и не покрылъ пепломъ всей Польши, но даже уклонялся отъ непріязненныхъ дѣйствій.“ Всѣ поступки Хмельницкаго, со дня пилявской битвы, казались для многихъ неразгаданными.

Изумленные татары спрашивали его, что значитъ такое внезапное отступленіе отъ города, въ которомъ они вѣрно надѣялись обѣдать. „Я подданный короля и слуга короля (отвѣчалъ Хмельницкій), и потому повинуюсь его повелѣнію!“

Возвращаясь изъ подъ Замостья на Волынь съ войскомъ, Хмельницкій встрѣтилъ новыхъ пословъ отъ короля: то былъ посланный имъ ксендзъ, Гумель-Мокрскій и какой то присланный панъ Гижовскій. „Начиная счастливо наше царствованіе (писалъ король), мы, по примѣру предковъ нашихъ, послали вамъ, какъ старшему въ вѣрноподданномъ запорожскомъ войскѣ, булаву и хоругвь, и обѣщаемъ вамъ возвращеніе древнихъ вашихъ рыцарскихъ правъ. Что касается междоусобія, которое, къ сожалѣнію, продолжалось до сихъ поръ, то мы сами теперь видимъ и соглашаемся съ вами, что причины его тѣ самыя, которыя вы изложили въ письмѣ вашемъ, а запорожское войско не виновато. Вы желаете, чтобъ запорожское войско состояло подъ властью на-

---

[15]) Hist. ab. Wl. IV.

шею, независимо отъ украинскихъ старостъ: мы того же хотимъ, и, уразумѣвъ отъ пословъ вашихъ ваше справедливое желаніе, желаемъ привести его въ дѣйствіе, чрезъ коммиссаровъ, какъ можно лучше. Относительно уніи, мы также хотимъ удовлетворить просьбу вашу надлежащимъ образомъ. А отъ васъ желаемъ, чтобъ вы, видя наше милостивое королевское къ вамъ благорасположеніе и готовность успокоить все нашею королевскою властью, возвратились въ вашъ край, распустили татаръ, дабы не было болѣе опустошенія нашему королевству, и ожидали къ себѣ коммиссаровъ нашихъ".

Хмельницкій былъ тронутъ этимъ письмомъ. Онъ видѣлъ въ немъ какъ бы продолженіе плановъ Владислава и Оссолинскаго. Онъ надѣялся и мирнаго успѣха возрожденія Руси, и возвышенія королевскаго достоинства въ Польшѣ посредствомъ казаковъ. Прибывъ въ Острогъ, гетманъ приказывалъ загонамъ прекратить свои набѣги, народу оставлять оружіе, и издалъ универсалъ къ дворянамъ. „Желаю (писалъ онъ) чтобъ, сообразно волѣ и приказанію его королевскаго величества, вы не замышляли ничего дурнаго противъ нашей греческой религіи и противъ вашихъ подданныхъ, но жили съ ними въ мирѣ и содержали ихъ въ своей милости. А если,— сохрани Боже! кто-нибудь, упрямый и злой, задумаетъ проливать христіанскую кровь и мучить убогихъ людей, то, какъ скоро вѣсть объ этомъ дойдетъ до насъ, то виновный нарушитель мира и спокойствія, установленнаго его королевскимъ величествомъ, доведетъ Рѣчь Посполитую до погибели" [16]).

---

[16]) Supplem. ad histor. Russ. monum. 185 187.

Ни поляки, ни русскіе не оставили непріязненныхъ дѣйствій. По уходѣ Хмельницкаго, нѣкто Якубъ Роговскій, выйдя изъ Замостья, кинулся на казацкій загонъ полковника Калины Ворончепка и разогналъ его. Русскіе, съ своей стороны, сожгли домъ пана Замойскаго, стоявшій на озерѣ. И во всей Руси не переставало кровопролитіе, несмотря на видимое миролюбіе предводителя, который, казалось, спокойно рѣшился ожидать судьбы своей отъ воли королевской [17]).

Хмельницкій прибылъ, въ первыхъ числахъ января 1649 года, въ Кіевъ. При звонѣ колоколовъ, при громѣ пушекъ, при радостныхъ восклицаніяхъ многочисленнаго народа, предводитель, со всѣми старшинами, въѣхалъ торжественно въ полуразрушенныя ярославовы золотыя ворота и, у стѣнъ св. Софіи, былъ привѣтствуемъ митрополитомъ и духовенствомъ; бурсаки академіи и училищъ пѣли ему латинскіе и украинскіе стихи. Казаки, говоритъ русскій лѣтописецъ, заплакали, увидя красоту церквей божіихъ столицы св. Владиміра на землю опроверженную [18]).

Самъ гетманъ сталъ грустенъ; что то странное явилось въ его характерѣ: онъ то постился и молился,

---

[17]) Объ осадѣ Замостья и избр. кор. вообщ. см.: Histor. belli cosac. polon. 92—94. — Pam. do pan. Zygm. III. Wlad. IV i Jan. Kaz. II. 21—24.—Annal. Polon. Clim. I. 89—92.—Histor. pan. Jan. Kaz. I. 15—19.—Истор. о през. бр.—Памятн. кіевск. комм. I. 307—311.—Suppl ad histor. Russ. monum. 184.—Woyna dom. I. 41.—Кр. истор. о бунт. Хмел. 10.—Лѣт. самов. 12.—О малор. нар. и запор. 9.—Кр. опис. о казац. малор. нар. 36.—Latop. Jerl. 71.—Past. Hist. plen. 176—192. 316. 246—241.

[18]) Истор. о през. бр.

долго лежалъ ницъ передъ образами въ храмѣ; то совѣтовался съ колдуньями, которыхъ держалъ при себѣ три и, пьяный, пѣлъ думы своего сочиненія; то былъ ласковъ и ровенъ въ обращеніи со всѣми, то суровъ и надмененъ; казачество все прощало ему [19]).

Въ Кіевѣ ожидалъ его дорогой гость Паисій, іерусалимскій патріархъ, ѣхавшій въ Москву. Отъ лица всего православнаго міра на востокѣ, онъ приносилъ ему поздравленіе и побуждалъ его на новую войну противъ ненавистнаго папизма.

Въ Литвѣ борьба съ русскимъ народомъ не прекратилась съ отступленіемъ Хмельницкаго: съ ожесточеніемъ рѣзались противъ пановъ литовскіе крестьяне, но неудачно. Въ декабрѣ, Горкуша, бывшій до того времени на Березинѣ, напалъ на Быховъ, дважды хотѣлъ взять его штурмомъ и дважды былъ отбитъ. Онъ отступилъ; но Янъ Пацъ преслѣдовалъ его и, догнавъ у Поповой горы—замка, который былъ сборнымъ мѣстомъ для составленія загоновъ, разбилъ на голову Кривошапка и Микулицкій шли, съ своими загонами, на выручку Горкуши, но услышавъ о его несчастіи, ушли въ Бабиновичи. Пацъ отправилъ отрядъ выгнать ихъ оттуда. Хлопы разбѣжались частью въ лѣсъ, а частью въ Стародубъ. Милоковскій, Ждановичъ и Горскій погнались за ними, имѣли на дорогѣ нѣсколько стычекъ, возвратили нѣсколькихъ плѣнныхъ дворянъ и дворянокъ, и достигли Стародуба. Стародубовцы просили пощады, увѣряли, что тѣ, которые воевали въ Литвѣ, ушли въ Мглинъ, а

---

[19]) Hist. pan. Jan. Kaz. I 41.

въ Стародубѣ остались невинные люди. По увѣренію литвина современника, они пощадили городъ [20]).

Вслѣдъ затѣмъ, Радзивиллъ напалъ на Мозырь, бывшій въ рукахъ Михненка. Прежде всего онъ отправилъ отрядъ, подъ начальствомъ Павловича, на овручскую дорогу, чтобъ пресѣчь возможность удалиться казакамъ, а самъ повелъ войска свои на приступъ съ трехъ боковъ. Послѣ упорнаго боя, драгуны разломали палисады, т. е., тѣсно соединенныя между собою бревна, съ большимъ усиліемъ овладѣли валомъ и ворвались въ городъ. Упорство русскихъ приводило въ изумленіе непріятелей: они засѣли въ домахъ и стрѣляли изъ нихъ; городъ былъ зажженъ; русскіе продолжали бить враговъ среди пылавшихъ строеній, убиваемые падающими на нихъ крышами и стропилами. Самъ Михненко былъ схваченъ и сброшенъ съ башни. Другой предводитель, неизвѣстный по имени, былъ счастливѣе: онъ успѣлъ выбѣжать изъ развалинъ Мозыря и наткнулся на непріятельскій отрядъ: какой то жолнеръ схватилъ его, но поскользнулся, и казакъ, въ свою очередь, схватилъ его и умчалъ съ собою.

Отъ Мозыря Радзивиллъ отправился къ Бобруйску и неожиданно окружилъ его. Мѣщане просили пощады; русскіе священники умоляли Радзивилла о милосердіи. „Хотя (говоритъ современникъ) князь зналъ хорошо причину такого смиренія, однако разсудилъ, что истребленіе мѣщанъ будетъ вредно государству, а мятежа не уничтожитъ, и обѣщалъ мѣщанамъ цѣлость жизни и

---

[20]) De rebus. gest. contra cos. 18—20.

имуществъ, если только они всѣ, по одиночкѣ, выйдутъ за ограду города, выдадутъ знамена и начальниковъ возмущенія со всѣми, кто участвовалъ въ мужичьемъ возстаніи". Они согласились, и тогда народъ вышелъ толпою, дрожа отъ страха. Упорнѣйшіе мятежники зажгли башни и, защищаясь, погибли въ пламени города, ихъ предавшаго; начальникъ бросился въ воду, но его вытащили, привели къ гетману и посадили на колъ. Всѣ зачинщики были, подобно ему, посажены на колъ, а другимъ, кого только обвиняли въ участіи въ бунтѣ, рубили руки. Таково было положеніе дѣлъ въ Литвѣ до конца февраля [21]).

---

[21]) De rebus. gest. contra cos. Zap. 25—32.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Положеніе Украины.—Сношеніе съ Крымомъ, Турціею, Молдавіею, Трансильваніею. Московіею.—Польскіе коммиссары въ Переяславлѣ.

Въ теченіе девяти мѣсяцевъ 1648 года. Украина измѣнилась такъ. какъ не измѣнялась впродолженіе вѣковъ: польскій аристократическій порядокъ рушился, и сословія перемѣшались и слились въ понятіи рускаго казака; связь, соединившая Украину съ Польшею. была, повидимому. разорвана: но переворотъ оставался неконченнымъ; еще кипѣло броженіе. и кто могъ отгадать, что изъ него выйдетъ? Сосѣднія державы. которыя находились съ Польшею во враждѣ. искали тогда своихъ выгодъ въ связи съ Украиною.

Крымское царство могло много выиграть отъ этого переворота. И Московское Государство и Польша. страны, непріязненныя между собою, обѣ испытывали дикую силу татарскихъ полчищъ. Но отважные казаки, стоя на границѣ и Московскаго Государства и Польши, защищали, сами не зная того, и ту и другую державу, и не допускали татаръ пользоваться раздорами христіанъ, ибо они постановили между собою обѣтъ охранять вѣру и не только не допускали мухаммеданъ вторгаться въ Московію и Польшу, но еще не давали татарамъ покоя и въ ихъ собственныхъ жилищахъ. Те-

перь эти заклятые враги сами братались съ крымцами, искали помощи. Для Крыма была двойная выгода: старинные враги мирились съ татарами и вступали съ ними въ союзъ; слѣдовательно, Крымъ освобождался отъ главнаго препятствія къ грабежамъ; украинцы открывали крымцамъ путь въ Польшу; слѣдовательно, для крымцевъ былъ случай поживляться грабежемъ.

Въ подобныхъ отношеніяхъ казачество находилось и къ Турціи. Султаны жадно обращали взоры на Европу; Польша всегда была врагомъ турецкой державы. Издавна обѣ державы спорили между собою за Молдавію, которая переходила подъ власть то поляковъ, то турокъ. Когда въ Европѣ затѣвался крестовый походъ противъ турокъ, Польша, казалось, была первая держава, готовая пристать къ нему. Намѣреніе Владислава, возбуждавшаго къ войнѣ противъ невѣрныхъ и своихъ подданныхъ, и чужія державы, естественно должно было усугубить вражду турокъ къ полякамъ. Турція, соединясь съ казаками, могла отомстить за все. Притомъ казаки издавна были самыми безпокойными врагами мухаммеданской державы: когда другіе христіане угрожали имъ только приготовленіями, воззваніями одни къ другимъ, казаки вели съ турками безпрерывную крестовую войну, о какой только мечтали европейцы. Туркамъ представлялся случай сдѣлать изъ отчаянныхъ враговъ себѣ союзниковъ и даже подчинить ихъ своей власти.

Мы видѣли, что Исламъ-Гирей, хотя принялъ участіе въ казакахъ, но не рѣшался формально воевать противъ поляковъ. Но когда первое дѣло было удачно, и Хмельницкій отослалъ въ Крымъ плѣнниковъ, ханъ послалъ въ Польшу требованіе, чтобъ отдали ему дань за четыре

года сполна—и татары оставятъ казаковъ, а въ противномъ случаѣ, если дань не будетъ заплачена, въ теченіи сорока дней, поляки должны ожидать его со всею ордою [1]). Примасъ, правитель государства по случаю междуцарствія, отвѣчалъ, что Польша не можетъ удовлетворить хана немедленно, но, чрезъ двѣ недѣли соберется сеймъ, на которомъ постараются о средствахъ выплатить жалованье, которое поляки не хотѣли называть данью, и хотя они не имѣли войска, однако, увѣряли хана, что онъ, въ случаѣ нападенія, не найдетъ ихъ неготовыми [2]). Между тѣмъ, правитель отправилъ въ Константинополь посломъ пана Жебровскаго [3]) къ визирю Муссѣ-Пашѣ и жаловался на Исламъ-Гирея; увѣрялъ въ совершенномъ благорасположеніи Польши къ Турціи, и просилъ, именемъ султана, низложить крымскаго хана, какъ непокорнаго своему властелину. Посредствомъ этого посольства, при пособіи французскаго посла, Польша стала было обезопасена со стороны Турціи. Визирь приказывалъ Исламъ-Гирею немедленно отпустить польскихъ плѣнниковъ, подъ опасеніемъ снурка на шею. Испуганный Исламъ-Гирей отдѣлывался тѣмъ, что походъ сдѣланъ мурзою безъ его вѣдома, и проволакивалъ время.

Но надежда поляковъ была недолговременна; въ августѣ сдѣлался переворотъ: султанъ Ибрагимъ былъ умерщвленъ янычарами; восьмилѣтній ребенокъ провоз-

---

[1]) Памятн. кіевск. комм. I. 77.

[2]) Памятн. кіевск. комм. I. 3. 177.

[3]) Памятн. кіевск. комм. I. 3. 110.

глашенъ султаномъ, подъ именемъ Мухаммеда IV, а капудан-паша, Кападжиларъ, овладѣлъ правленіемъ. Исламъ-Гирей поспѣшилъ съ нимъ сблизиться и представлялъ, что мурзы его не выдадутъ польскихъ плѣнниковъ, потому что у поляковъ есть въ плѣну татары [4]). Визирь, дѣйствуя въ духѣ, противномъ прежнему правительству, задумалъ лучше воспользоваться переворотомъ въ Украинѣ, для пріобрѣтенія себѣ выгодъ, и позволилъ Исламъ-Гирею поступить какъ угодно. И такъ, крымскій ханъ сдѣлался отъявленнымъ союзникомъ Хмельницкаго, ибо, съ одной стороны, былъ обезпеченъ успѣхами Хмельницкаго, а съ другой увѣренъ, что турецкое правительство не станетъ ему мѣшать. По избраніи Яна Казимира Исламъ-Гирей написалъ ему поздравительное письмо и выразился въ немъ такъ: „Мы соединились съ казаками, потому что вашъ братъ и предшественникъ Владиславъ не отдалъ намъ поминковъ, слѣдуемыхъ по договору; за это мы задержали у себя вашихъ гетмановъ; если твоя королевская милость желаешь дружбы съ нами и не хочешь, чтобъ твое государство было опустошаемо, отдайте намъ задержанныя поминки, а если этого скоро не сдѣлаете, то ожидайте насъ къ себѣ, на то мы и вошли въ дружбу, съ казаками. Впрочемъ, желаемъ твоей королевской милости долгоденствія и добраго здоровья“ [5]).

Хмельницкій наблюдалъ за дипломатическими дѣлами очень искусно и, еще не выходя подъ Пиляву, отпра-

---

[4]) Histor. ab. exc. Wlad. IV. 21.

[5]) Акты Южн. и Зап. Рос. III. 245.

вилъ въ Константинополь съ самыми льстивыми предложеніями кропивенскаго полковника, Джеджалыка (иначе Деджелея), природнаго татарина, знавшаго восточные языки [6]). Посольство это было успѣшно.

По пріѣздѣ Хмельницкаго въ Переяславль, прибылъ къ нему изъ Турціи Джеджалыкъ и съ нимъ посланникъ турецкій, Ага-Османъ [7]). Визирь извѣщалъ, что самое правительство турецкое будетъ помогать Хмельницкому, и уже дано приказаніе хану выступить на помощь казакамъ съ ордою, а силистрійскій паша пришлетъ турецкій отрядъ съ своей стороны. Хмельницкій постановилъ такой договоръ, что турки будутъ ему помогать—и онъ отдастъ имъ значительную часть польскаго королевства отъ Дуная до Люблина [8]), а Украина будетъ особенною рѣчью посполитою [9]). Казацкій предводитель не боялся ласкать турокъ обѣщаніемъ, что казаки будутъ находиться подъ покровительствомъ Турціи, какъ данники [10]). Джеджалыкъ выхвалялъ турецкое правленіе и разсказывалъ, что христіане, находящіеся подъ властью султана, живутъ счастливо. Въ ознаменованіе вѣчнаго согласія и дружбы турокъ съ казаками, посланникъ заключилъ съ Хмельницкимъ договоръ: султанъ позволилъ казакамъ свободное плаваніе по Черному морю и по Архипелагу, предоставивъ право безпошлинной торговли на сто лѣтъ; въ Константи-

---

6) Annal. Polon. Clim. I. 101.

7) Annal. Polon. Clim. I. 106.

8) Woyna dom. Ч. I. 45.

9) Woyna dom. Ч. I. 45.

10) Anal. Polon. Clim. I. 111.—Памят. кіевск. комм. I. 306.

нополѣ долженъ былъ жительствовать казацкій посланникъ въ особенной чести. Запорожцы обязывались, съ своей стороны, защищать турецкіе города и помогать туркамъ противъ разбоевъ, наносимыхъ донскими казаками [11]).

Прислали къ Хмельницкому пословъ господари Молдавіи и Валахіи [12]). Эти страны искали національной независимости и, по своему положенію, колебались между Турціею и Польшею. Обѣ державы издавна спорили за право леннаго господства надъ волохами (румынами), а потому господари необходимо должны были участвовать въ дѣлѣ Украины. Съ одной стороны, казаки были страшны для волоховъ, потому что заключили союзъ съ турками, отдавали туркамъ польскія земли, лежащія на сѣверъ отъ волошской земли, и, такимъ образомъ, предавали волоховъ возможности быть совершенно порабощенными; съ другой, — они могли быть полезны для нихъ, и, при совокупномъ дѣйствіи, взаимно утвердить общую независимость. Когда Хмельницкій поднялъ знамя возстанія, молдавскимъ господаремъ былъ Василій Липула, или Лупула, достигшій власти кознями; власть его была ограничена вліяніемъ бояръ, отъ которыхъ онъ каждый день ожидалъ заговоровъ, и, съ своей стороны старался ослабить аристократію. Сверхъ того, какой-то претендентъ въ то время оспаривалъ у Лупулы престолъ: Лупула просилъ содѣйствія у казаковъ. Хмельницкій принялъ ласково посольство и отправилъ въ Мол-

---

[11]) Собр. госуд. грам. и дог. III. 44.

[12]) Лѣтоп. самов. 13.

давію отрядъ казаковъ, подъ начальствомъ своего сына, Тимоѳея, и тугай-бееву орду, а между прочимъ надѣялся извлечь пользу собственно для себя. У молдавскаго господаря были двѣ дочери: старшая была замужемъ за княземъ Радзивилломъ; другая, Домна Локсандра [13]) оставалась въ дѣвицахъ и славилась красотою. Хмельницкій изъявилъ послу желаніе посватать для сына молдавскую принцессу [14]).

Союза съ казаками искалъ трансильванскій князь Ракочи. Подобно тому, какъ украинскіе гетманы стремились доставить независимость Южной Руси, по крайней мѣрѣ, удѣльную, на счетъ Польши, седмиградскій князь оспоривалъ свое владѣніе отъ притязаній габсбургскаго дома. Мы уже знаемъ, что, по смерти Владислава, Стефанъ Ракочи искалъ польскаго престола. Но этотъ претендентъ въ то время скончался. Когда избранъ былъ Янъ Казимиръ, сынъ Стефана Ракочи, Юрій, новый седмиградскій князь, обратился къ Хмельницкому [15]), оставляя безъ вниманія на время, что Хмельницкій болѣе всего содѣйствовалъ вступленію на престолъ Яна Казимира. Посланникъ Ракочи предлагалъ Хмельницкому вступить въ союзъ съ его государемъ и двинуться, весною, съ казаками на Варшаву въ то время, какъ венгерцы нападутъ на Краковъ, и такимъ образомъ обѣ столицы могутъ быть покорены въ одно время союзниками. „Если мой государь (говорилъ посолъ) получитъ польскую корону, то не забудетъ казаковъ и окажетъ имъ большую

---

[13]) Hist. ab. exc. Wl. IV.

[14]) Истор. Рус. 84.

[15]) Памятн. кіевск. комм. I. 3. 366.—Лѣт. самов. 13.

благодарность. Въ его царствованіе русская вѣра будетъ пользоваться одинакими правами съ римско-католическою, а гетманъ будетъ удѣльнымъ государемъ Украины и независимымъ владѣтелемъ Кіева". Мало могло выйдти хорошаго для Украины изъ союза съ венгерцами. Изъ всѣхъ славянскихъ народовъ, которымъ венгерцы были всегда врагами, ни одинъ не заключалъ въ себѣ столько элементовъ, противныхъ венгерской національности, какъ русскій.

Наконецъ явился къ Хмельницкому посолъ Алексѣя Михайловича, московскаго царя, Унковскій съ товарищами. Они привезли гетману въ подарокъ собольи мѣха и ласковое слово его царскаго величества. Царь уклонялся отъ разрыва съ Польшею, желалъ успѣха казакамъ, если въ самомъ дѣлѣ причина ихъ возстанія одна только вѣра; въ противномъ случаѣ, совѣтовалъ покориться предержащей власти [16]).

Хмельницкій сознаъ, какую дивную перемѣну въ короткое время сдѣлала съ нимъ судьба, когда, будучи, за нѣсколько мѣсяцевъ, бѣднымъ изгнанникомъ, увидѣлъ себя окруженнымъ послами владѣтельныхъ особъ; но онъ зналъ, что обязанъ всѣмъ русскому народу, и потому, среди величія, показывалъ себя человѣкомъ чисто народнымъ. Въ обращеніи съ послами, окруженный своими полковниками, казацкій предводитель сохранялъ не только простоту, но и грубость казацкой бесѣды. Онъ подчивалъ ихъ изъ золотыхъ кубковъ простою горѣлкою, самъ набивалъ для нихъ трубки, а жена его,

---

[16]) Dyar. Miastk. въ zbiorze pam. o dawn. Polsce. VI.

одѣтая въ драгоцѣнныя убранства „*табаку мужу своему въ черепку растирала*“ [17]). Послы были удивлены братскимъ и грубымъ обхожденіемъ полковниковъ съ своимъ начальникомъ. Московскій посолъ, человѣкъ почтенный и обходительный (по замѣчанію современнаго польскаго дворянина), часто принужденъ былъ опускать въ землю глаза. Несмотря на радушный пріемъ. оказанный Хмельницкимъ послу Ракочи, венгерскаго аристократа возмущали грубые возгласы и степныя манеры казаковъ. Говорятъ, что онъ тогда же потихоньку вымолвилъ по латинѣ: Poenitet me ad istas bestias crudeles venisse [18]).

Недоставало польскихъ коммиссаровъ, а Хмельницкій дожидался ихъ болѣе мѣсяца: ему хотѣлось показать передъ чужеземными послами, какъ представители Рѣчи Посполитой, недавно презиравшіе казаковъ, какъ рабовъ своихъ будутъ просить у нихъ пощады. Еще въ декабрѣ, король, по согласію съ сенаторами, нарядилъ коммиссаровъ для заключенія трактатовъ съ казаками: сенатора Киселя, съ его племянникомъ, хорунжимъ новгородсѣверскимъ, молодымъ человѣкомъ русской вѣры, князя Четвертинскаго, Андрея Мястковскаго и другихъ пановъ. Онъ поручилъ имъ объявить казакамъ прощеніе, вручить Хмельницкому знаки гетманскаго достоинства и, выслушавъ просьбы казаковъ, заключить съ ними условія. Нѣкоторые паны роптали противъ такого дружелюбнаго обращенія съ каза-

---

[17]) Истор. о през бр.

[18]) т. е. Я раскаяваюсь, что прибылъ къ этимъ свирѣпымъ звѣрямъ. Diar. Miastk:

ками. „Отъ Богдана Хмельницкаго и казаковъ,—говорили они—сталось Рѣчи Посполитой такое раззореніе, какого не бывало съ тѣхъ поръ, какъ Польша существуетъ, а король будетъ оказывать имъ честь! Нѣтъ, слѣдуетъ вести противъ мятежниковъ войну и карать ихъ до конца; не снесемъ такого безчестія; лучше всѣмъ намъ умирать, чѣмъ уступать своимъ хлопамъ".—Король на это отвѣчалъ: „если не допустимъ къ милости нашей Богдана Хмельницкаго и все войско запорожское, то придется ожидать еще худшаго: хлопское своеволіе не усмирилось; у Хмельницкаго орда крымская на готовѣ, а на нашихъ коронныхъ и литовскихъ жолнеровъ такое Божье наказанье, какого никогда не бывало. Поэтому, намъ нужно подумать о томъ какъ бы не навлечь на Рѣчь Посполитую окончательнаго раззоренія. Припомните, паны, еще и то: казаки прежде служили своею кровью Рѣчи Посполитой и хотѣли ей добра, а чѣмъ имъ за это заплатили? насиліями и утѣсненіями! Они подняли мятежъ по крайней нуждѣ: все это дѣло гордыхъ пановъ, которые напрасно грабили и раззоряли извѣчныхъ служакъ" [19]).

Польскіе послы выѣхали изъ Варшавы, въ началѣ новаго года, съ огромною свитою, по обычаю панскому, и, доѣхавши до Случи, принуждены были остановиться и просили у Хмельницкаго провожатыхъ, потому что не надѣялись свободно проѣхать чрезъ мятежную Украину.

Хмельницкій выслалъ къ нимъ полковника Тыпу съ казацкимъ отрядомъ, и они вступали въ Украину, встрѣ-

[19]) Акты Южн. и Зап. Росс. III. 288.

чая вездѣ слѣды опустошеній. Проѣдутъ нѣсколько верстъ—и попадется имъ на встрѣчу либо разоренный костелъ, либо обгорѣлые пни панскихъ дворовъ; не разъ встрѣчали они груды шляхетскихъ и жидовскихъ труповъ. Когда они проѣзжали черезъ русскія села, ихъ встрѣчали толпы народа, бранили ихъ, смѣялись надъ ними, и съ трудомъ разгоняли буйную чернь вооруженные казаки. На силу они могли добыть себѣ корму для лошадей, и то за дорогую цѣну: снопъ сѣна стоилъ тогда шесть флориновъ. Подъѣхавъ къ Кіеву, коммиссары получили пріемъ повѣжливѣе: къ нимъ выѣхали русскіе духовные: митрополитъ и архимандритъ печерскій съ знатнымъ священствомъ, привѣтствовали ихъ, какъ вѣстниковъ мира, и увезли съ собою въ городъ, гдѣ, по извѣстію современника Мястковскаго, Кисель имѣлъ секретный разговоръ съ митрополитомъ. Высшее православное духовенство, въ дѣлѣ народнаго возстанія, имѣло въ виду единственно вопросъ о вѣрѣ, а потому съ равнымъ участіемъ принимало и пановъ православной религіи, какъ и казаковъ, и ни мало не раздѣляло ненависти народа противъ пановъ, которая, послѣ вѣры, была важнѣйшею причиною украинскаго возстанія.

Въ пятницу, 9-го февраля, прибыли коммиссары въ Переяславль. Хмельницкій выѣхалъ къ нимъ на встрѣчу съ полковниками и сотниками; передъ нимъ несли бунчуки и красное знамя запорожскаго войска, какъ будто въ намекъ дворянамъ, которые привозили такіе же знаки отъ короля, что онъ уже и безъ королевскаго соизволенія пользуется гетманскимъ достоинствомъ по избранію народа. Послѣ нѣсколькихъ привѣтствій, онъ сѣлъ по лѣвую руку воеводы на однихъ съ нимъ саняхъ.

Когда они въѣзжали въ городъ, вдругъ изъ двадцати пушекъ выпалили на городскомъ валу.

Коммиссары приглашены были тотчасъ на обѣдъ къ казацкому предводителю, гдѣ застали чужеземныхъ пословъ. Молодая жена Хмельницкаго угощала гостей.

Послѣ обѣда, отвели коммиссарамъ квартиры, по разнымъ улицамъ города, такъ чтобъ они не могли сходиться безъ того, чтобъ Хмельницкій объ этомъ не имѣлъ возможности узнать.

На другой день, коммиссары спрашивали Хмельницкаго, гдѣ будетъ ему угодно назначить мѣсто для торжественной аудіенціи, на которой слѣдовало вручить ему знаки гетманскаго достоинства.

— На площади (отвѣчалъ Хмельницкій), потому что здѣсь нѣтъ такого дома, гдѣбъ могли помѣститься полковники и казаки.

Коммиссары оскорбились этимъ.

— Ясное дѣло (говорили между собою молодые дворяне), что Хмельницкій хочетъ унизить насъ предъ чужеземными послами и передъ всею черныо. Это обида Рѣчи Посполитой!

— Нельзя противиться (возразилъ старикъ Кисель): мы въ рукахъ казаковъ. Не спорьте, господа, о мѣстѣ, чтобъ намъ не испортить всего дѣла.

10-го февраля, назначенъ былъ день для аудіенціи. Часовъ въ двѣнадцать утра, вышли послы на площадь. Хмельницкій стоялъ въ богатомъ собольемъ кобенякѣ, покрытомъ матеріею кирпичнаго цвѣта. Гетманъ былъ прикрытъ бунчуками. Вокругъ него полковники, каждый съ своею булавою, и вся старшина. Народъ и простые казаки толпились на улицѣ и на крышахъ домовъ.

Были здѣсь и чужеземные послы. Когда коммиссары появились, загремѣли бубны и трубы. Кисель подошелъ къ Хмельницкому, неся въ одной рукѣ королевскую грамату, а въ другой булаву, осыпанную сапфирами.

— Его величество (началъ онъ): посылаетъ ясновельможному гетману и всему войску запорожскому свою королевскую милость.

Это былъ приступъ приготовленной рѣчи. Одинъ изъ полковниковъ перебилъ его словами:

— Король, якъ король, але вы королевенята, броите много, и наброилисте, и ты, Киселю, кисть отъ костей нашихъ, одщепився и приставъ до ляхівъ.

Хмельницкій приказалъ ему замолчать. Помахивая булавою, полковникъ отошелъ съ негодованіемъ.

Тогда воевода подалъ ему граммату на гетманство и булаву, а хорунжій новгородсѣверскій, молодой Кисель, поднесъ красное знамя съ изображеніемъ бѣлаго орла и съ подписью Johannes Casimirus Rex. Хмельницкій принялъ и поблагодарилъ. Грамата была прочитана всенародно [20]). Но вдругъ въ толпѣ раздались голоса:

— На віщо вы, ляхи, принесли намъ сі цяцьки? Знаемъ мы васъ; хочете упьять насъ у неволю приборкати!

Джеджалыкъ выступилъ на средину и поддерживалъ народный говоръ.

— Хочуть насъ уловити (говорилъ онъ), щобъ ми ярмо панське зъ себе зкинувши, упьятъ наділи. Нехай злизнуть ваши солодки дари: уже теперъ насъ не за-

---

[20]) См. Грамату въ пам. кіевск. комм. I. 361—366.

нуздаете; не словами, а шаблею росправимось, коли хочете! Майто вы собі свою Польшу, а Украина намъ, козакамъ, нехай зостаеться.

Хмельницкій закричалъ на него съ досадою:

— Я придумавъ бувъ що-сь сказати панамъ, а вони одвітъ у мене зъ голови выбили!

Потомъ онъ обратился къ панамъ и сказалъ:

— А що сталось, те сталось, треба то злому часу приписати.

Сказавъ это, онъ пригласилъ коммиссаровъ на обѣдъ.

Предъ обѣдомъ, Кисель хотѣлъ докончить свою рѣчь, которую прервали казаки на площади.

— Ваша вельможность (говорилъ онъ) принимаете отъ короля большіе знаки благоволенія. Его величество прощаетъ васъ и отпускаетъ навсегда всѣ прежніе ваши проступки, обѣщаетъ старинную вольность греческой религіи, умноженіе казацкаго реестроваго войска и возстановленіе прежнихъ правъ и преимуществъ войску запорожскому, а вамъ даруетъ начальство надъ войскомъ. Его величество надѣется, что вы, какъ вѣрный слуга и подданный, употребите, съ своей стороны, все стараніе, чтобъ остановить дальнѣйшія смуты и кровопролитія, будете внушать хлопамъ повиновеніе и немедленно приступите къ переговорамъ съ нами, коммиссарами его королевскаго величества и Рѣчи Посполитой.

Хмельницкій отвѣчалъ:

— Благодарю его королевское величество за милость, оказанную чрезъ вашихъ милостей: благодарю за врученіе команды надъ войскомъ и за прощеніе моихъ проступковъ, за все нижайше благодарю! Но что касается

коммиссіи, то трудно теперь начать переговоры: войско не собрано, полковники и старшины далеко, а безъ нихъ я не могу и не смѣю ничего дѣлать.

За обѣдомъ разговоръ сталъ живѣе.

— „Идетъ дѣло о здоровьи моемъ (сказалъ Хмельницкій), потому что я не получилъ удовлетворенія отъ Чаплинскаго и Вишневецкаго; надобно непремѣнно, чтобъ одинъ былъ мнѣ выданъ, а другой наказанъ: отъ нихъ вся причина кровопролитія и смутъ. Виноватъ и панъ краковскій (Потоцкій), зачѣмъ меня гналъ, когда я унесъ душу въ днѣпровскія ущелья; но онъ получилъ свое. Виноватъ и панъ хорунжій Конецпольскій за то, что у меня похитилъ отчину. Украину лащовщикамъ раздавалъ; а они обращали въ хлоповъ заслуженыхъ у Рѣчи Посполитой молодцовъ, грабили ихъ, вырывали имъ бороды, запрягали въ плуги; но онъ не такъ виноватъ какъ первые два. Изо всего этого ничего не выйдетъ, если одного не накажутъ, а другаго мнѣ сюда не пришлютъ: иначе, або мині зъ войскомъ запорожскимъ пропасти, або земли ляцкій, всімъ сенаторамъ, дукамъ, королькамъ и шляхті згинути. Мало ли этого, что кровь христіанская льется! Литовское войско истребило Мозырь и Туровъ; Янушъ Радзивиллъ сажаетъ русскихъ на колъ. Я послалъ туда нѣсколько полковъ, а Радзивиллу написалъ: если онъ одному изъ христіанъ такое сдѣлаетъ, то я тоже сдѣлаю четыремъ стамъ плѣнникамъ польскимъ, которыхъ у меня много, и заплачу за свое.“

Ксендзъ кармелитъ Лентовскій, пріѣхавшій съ коммиссарами, замѣтилъ:

— Ваша вельможность! быть можетъ, вѣсти эти изъ Литвы не совсѣмъ вѣрны.

Тогда Вешнякъ, чигиринскій полковникъ, крикнулъ на него.

— Мовчи, попе! твое то діло намъ то задавати? Ходи, попе, на двіръ: научу я тамъ тебе якъ запорожськихъ полковниківъ шановати!

Онъ вышелъ изъ комнаты проворчавши: „и ваши ксендзі и наши попи усі ростаки сини". Очевидецъ шляхтичъ увѣряетъ. что Вешнякъ ударилъ бы ксендза булавою. еслибъ близко сидѣлъ.

Таково было первое свиданіе.

Хмельницкій горячился болѣе и болѣе, и напрасно витіеватый Кисель хотѣлъ смягчить его вѣжливостями и комплиментами: полковники, по замѣчанію очевидцевъ, шипѣли. какъ будто гадины какія нибудь въ болотѣ. Выслушавъ множество оскорбительныхъ выраженій, коммиссары разъѣхались. Воевода просилъ Хмельницкаго на слѣдующій день къ себѣ обѣдать.

На другой день. 11-го февраля, было второе воскресенье великаго поста. Народъ пьянствовалъ, и коммиссары, отъ нечего дѣлать, пошли глядѣть по городу. Они пошли въ церковь. гдѣ хотѣли поговорить съ московскимъ посломъ. но казаки допустили ихъ только обмѣняться съ нимъ комплиментами. Они зашли въ бывшій костелъ іезуитскаго коллегіума: все было разорено, перебито, алтари опрокинуты, гробы открыты; по надписи одного изъ гробовъ. гдѣ не было тѣла, паны узнали, что тамъ покоится прахъ основателя коллегіума, Луки Жолкевскаго. „О, кавалеръ, достойный вѣчной памяти! (восклицали они): и надъ тобою такое поруганіе, когда ты былъ староста переяславскій, воевода брацлавскій!"

Долго ждалъ къ себѣ Хмельницкаго Кисель. Казацкій предводитель пріѣхалъ уже вечеромъ, немного пьяный, въ сопровожденіи нѣсколькихъ полковниковъ, также какъ и онъ, не въ трезвомъ видѣ. Начались разныя колкости; казаки твердили о своихъ оскорбленіяхъ, какія прежде терпѣли отъ дворянъ, вспоминали, какъ паны ихъ заставляли исправлять хлопскія работы, какъ казнили мучительною смертью. Хмельницкій доказывалъ свою невинность и грозилъ отнять у поляковъ всю Русь. Воевода отвѣчалъ на придирки вѣжливостями. Послѣ того, Хмельницкій обратился къ женѣ Киселя и весело закричалъ:

„Отрекитесь-ка вы, добрые православные паны, отъ ляховъ и останьтесь съ нами казаками. Згине ляцька земля, згине, а Русь буде въ тимъ року пановати!“

Хмельницкій, вдоволь натѣшившись надъ панами, уѣхалъ ночью на новую пирушку съ вольными товарищами.

На другой день, поутру, воевода отправилъ къ гетману своего племянника и князя Четвертинскаго испросить дозволенія начать переговоры. Они застали гетмана за бесѣдою съ полковниками и старшинами. На столѣ стояла горѣлка. Казаки отправляли ракочіева посла.

„Завтра буде справа и расправа (закричалъ Хмельницкій), завтра: бо я теперь пьяний, венгерського посла одправую, та коротко мовлю: зъ теи коммиссіи нічого не буде; война мусить у тихъ трехъ або чотырехъ неділяхъ початися: виверну васъ усіхъ, ляхівъ, до гори ногами и потопчу такъ, що будете підъ моими ногами, а напослідокъ васъ цареві турецькому въ неволю от-

дамъ. Король королемъ буде, щобъ король стинавъ шляхту и дуки и князи, аби вільний бувъ собі. Согрішить князь—уріжъ ему шію; согрішыть козакъ—и ему тежъ учинити: ото буде правда! Я хоть собі лихій малий чоловікъ, але мині такъ Богъ давъ, що я теперь единовладний самодержецъ руській. Король не хоче королемъ вільнимъ бути, якъ ся ему видить. Скажіть се пану воеводі и коммиссарамъ. Страхаете мене шведами—и ті мои будуть, а хочь бы и не такъ, хочь би ихъ було пьять-сотъ тисячъ—не подужають вони руськои запорожськои и татарськои мочи. Зъ тимъ и йдіте: завтра справа йросправа."

Дворяне не нашлись отвѣчать на такую казацкую рѣчь и вышли прочь.

Обхожденіе Хмельницкаго приводило коммиссаровъ въ отчаяніе. Они не надѣялись болѣе на заключеніе мира и думали только выхлопотать возвращеніе плѣнниковъ, которыхъ Хмельницкій приказалъ было привести съ тѣмъ, чтобъ выдать коммиссарамъ.

23-го февраля, воевода снова отправился къ Хмельницкому съ коммиссарами. Послѣдній разъ пытался Кисель смягчить его своимъ краснорѣчіемъ, и со слезами, по замѣчанію очевидца, упрашивалъ его пожалѣть, если не пановъ, то свое отечество.

„Вижу (говорилъ онъ), что ваша вельможность, готовитесь отдать въ руки поганыхъ польскую и литовскую землю и всю Русь, православную вѣру и святыя церкви наши. Если вамъ нанесена обида, если виненъ Чаплинскій—награда готова. Если войско запорожское недовольно малочисленностью или землями—король обѣщаетъ его вознаградить. Отступитесь отъ мятежной чер-

ни; пусть хлопы воздѣлываютъ поля, а казаки воюютъ; пусть войска казацкаго будетъ пятнадцать, двадцать тысячъ, сколько вамъ угодно; если жъ казаки непремѣнно хотятъ воевать, пусть лучше идутъ на поганыхъ, а не на христіанъ; король будетъ вамъ благодаренъ, если вы пойдете за границу".

Хмельницкій отвѣчалъ:

„Шкода говорити! Бувъ часъ трахтовати зо мною, коли мене Потоцьки ганяли за Днiпромъ, и на Днiпрi бувъ часъ, и пiсля жовтоводськои, и пiсля корсунськои играшки, и пiсля Пилявець, и пiдъ Константиновымъ, и на остатокъ пiдъ Замостьемъ, и коли я зъ Замостья ишовъ шисть недiль до Киева, а теперь уже часу не маешь: теперъ уже я доканавъ те, объ чимъ и не мисливъ—докажу ще и те, що умисливъ. Вибью зъ лядськои неволi народъ руськiй весь. Спершу я воювавъ за свою шкоду та кривду, теперь воеватиму за вiру православную нашу. Допоможе мiнi уся чернь по Люблинъ и по Краковъ, а я одъ неи не отступлю, бо то перва порука наша, бисте хлопiвъ не знесли та у козакивъ не вдарили. Двiсти, триста тисячъ своихъ матиму; орда уся стоить на Іогабi, ногайцi на Савранi, близько мене Тугай-Бей, братъ мiй, душа моя, единий сокiлъ на свiтi, готовъ все учинити що я схочу; вiшня наша козацька прiязнь, которои свiтъ не розiрве. За границю войною не пiду; на турки и татари шаблi не пiдниму: буде зъ мене и Украини, Подоли, Волинi; досить достатку въ княжествi нашемъ по Холмъ, по Львовъ и Галичъ. А ставши надъ Вислою, повiдаю дальнiшимъ ляхамъ: сидiть ляхи! мовчiть, ляхи! Дукiвъ, князiвъ туди зажену, а будутъ за Вислою кричати, я ихъ певне и

тамъ знайду; не позостанеться ні одного князя, ні шляхтюка на Украині, а хочеть ли который зъ нами хліба істи, нехай же віську запорожському послушний будеа на короля не брика“.

Говоря эти слова, гетманъ вскакивалъ съ мѣста, топалъ ногами, рвалъ на себѣ волосы. „Такъ разъярился (замѣчали потомъ коммиссары), съ такою фуріею кричалъ, что мы, слушая, подеревенѣли,“

Полковники поддерживали своего предводителя:

„Уже минули ті часи, коли насъ сідлали ляхи нашими-жъ людьми, були намъ страшні драгунами; теперъ ся не боимо, пізнали ми підъ Пилявцями, що товже не ті ляхи, що були колись, та били німці, та турки, та татари, се вже не Жолкевски, не Ходкевичи, не Конецпольски, не Хмілецьки, се Тхоржевськи, та Заенчковськи, діти у залізо поубірані, померли одъ страху скоро насъ узрили, и повтікали, хочь и татаръ не було. Въ середу тільки три тисячи пришло, а колибъ до пьятниці почекали, ні одинъ бы ляхъ живцемъ до Львова не втікъ“!

„Мене (говорилъ Хмельницкій), самъ святий патріарха у Киеви на ту войну благословивъ; вінъ мині велить кінчати ляхівъ: якъ же мині его не слухати, такого великого старшого, голови нашого, гостя любого? Уже я полки обіславъ, щобъ коней кормили, у дорогу готові були безъ возівъ, безъ гарматъ: знайду я то у ляхівъ! А хтобъ зъ козаківъ узявъ хоть одинъ візъ на войну, кажу ему голову сняти; не возьму и самъ жоднои колясы зъ собою, хиба юки та сакви“.

„*Ни рацїи, ни персвазіи* (говоритъ очевидецъ), ничто не помогало. Послѣ такой пріятельской бесѣды, да

вдобавокъ послѣ *скверного обѣда*, коммиссары разошлись".

Прошелъ еще день. Коммиссары стали побаиваться не только за плѣнниковъ, но и за самихъ себя. Хмельницкій отправилъ пословъ московскаго и венгерскаго, одаривъ ихъ богато; польскіе коммиссары оставались какъ бы въ неволѣ, терпя отъ пьяныхъ мужиковъ оскорбленія и угрозы подъ окнами своихъ квартиръ. „Треба булобъ сихъ панівъ облупити, та въ Кодакъ відослати!" кричала чернь. Коммиссары еще разъ обратились къ гетману.

Но, къ удивленію коммиссаровъ, имъ сказали, что Хмельницкій не велѣлъ ихъ допускать къ себѣ. Хмельницкій совѣтовался со старшинами, съ какимъ отвѣтомъ отпустить коммиссаровъ.

„Теперь, вѣрно, (говорили въ страхѣ коммиссары) у нихъ составляется безбожный совѣтъ: или утопить насъ, или отослать въ Кодакъ."

Тогда они обратились къ Выговскому, надѣясь, что онъ самъ, какъ дворянинъ по происхожденію, заступится за лица одного съ нимъ сословія. Выговскій совѣтовалъ имъ подождать, чтобъ не гнѣвить гетмана.

Чрезъ нѣсколько часовъ, пригласили коммиссаровъ къ гетману. Выговскій исходатайствовалъ имъ доступъ. Смѣлѣе всѣхъ показалъ себя Мястковскій.

— Что это значитъ, панъ гетманъ запорожскій? сказалъ онъ:—для чего вы безъ отвѣта держите королевскихъ пословъ, будто въ плѣну? Миръ ли, война ли— пусть будетъ намъ извѣстно; отпустите насъ: и у невѣрныхъ въ неволю не берутъ пословъ!

Хмельницкій кинулъ на него свирѣпый взглядъ, до-

сталъ, изъ подъ килима, которымъ былъ покрытъ столъ, бумагу и подалъ воеводѣ. Это были предложенныя условія слѣдующаго содержанія:

„1) Имья и память и слідъ уніи, котору на Русі широко видимъ—нехай не будеть.

„2) Римськимъ костеламъ до времени, а уніятскимъ не бути заразъ.

„3) Митрополита кіевскій, по примасі польскомъ, первое місто нехай иміеть.

„4) Между Русью воеводи, каштеляни и иние отъ благочестивихъ тубольці нехай будуть.

„5) Войско запорожское по всей Украині при своихъ вольностяхъ давніхъ да будеть.

„6) Гетманъ козацкій до самаго маестату королевського нехай належить.

„7) Жиди зъ усіеи Украини заразъ нехай виступають.

„8) Іеремія Вишневецкій рейментарства надъ войскомъ нехай не иміеть никогда“.

Прочитавъ эти пункты, коммиссары пожимали плечами и, поглядывая другъ на друга, не знали, что начинать. Наконецъ, воевода началъ снова разговоръ.

— Здѣсь не все означено, сказалъ онъ:—король не будетъ знать, сколько желаете имѣть войска: напишите число реестровыхъ казаковъ.

— На що ихъ писати? отвѣчалъ Хмельницкій:—буде ихъ стільки, скільки я схочу!

— Ваша милость, сказалъ Мястковскій:—покрайней мѣрѣ, не откажите отдать королю его слугъ, вашихъ плѣнниковъ!

— То речь завоевана. Нехай король не думае, отвѣчалъ гетманъ.

— Но и невѣрные, сказалъ Мястковскій:—отпускаютъ плѣнниковъ. Мнѣ самому, девять лѣтъ назадъ, въ Константинополѣ, султанъ Ибрагимъ отпустилъ, на имя короля, нѣсколько сотъ плѣнныхъ изъ галеръ и своего серая. Ваша милость, панъ гетманъ, будучи подданнымъ и слугою его величества короля, взявъ отъ государя булаву и знамя, не хотите освободить слугъ и рукодайныхъ дворянъ своего государя, когда они были взяты не саблею, не на полѣ битвы, а на условіяхъ; не хотите отдать ихъ посламъ и коммиссарамъ его величества, а держите въ неволѣ и морите голодомъ! Что-жъ мы должны подумать о вашей вѣрности, доброжелательствѣ и повиновеніи?

— Шкода говорити! отвѣчалъ Хмельницкій: — ихъ міні Богъ давъ; пущу ихъ, коли жоднои защипки зъ Литви и відъ ляхівъ не буде. Нехай тутъ почекае Потоцькій брата свого, старосту Камінецького, который міні Баръ мое місто заіхавъ на Подолі: кровъ христіянськую лье: казавъ туди полки рушити и живцемъ его до себе привести!

— Но развѣ не то же дѣлаютъ казаки? возразилъ Мястковскій:—въ Кіевѣ, днемъ и ночью, льется невинная кровь потоками въ Днѣпръ: однихъ ляховъ топятъ, другихъ варварски рубятъ; шляхту, обоего пола, остатокъ ксендзовъ... грабятъ, мучатъ. Нечай, полковникъ брацлавскій, опустошилъ всѣ костелы, ищетъ ляховъ подъ землею, и твердитъ, что такое приказаніе получилъ отъ тебя.

— Вольно міні тамъ рядити, отвѣчалъ Хмельниц-

кій:—мій Киевъ, я панъ и воевода кіевскій! Богъ міні давъ его навітъ безъ шаблі: шкода говорити!

Послѣ нѣсколькихъ минутъ молчанія, воевода снова обратился къ гетману.

— Ваша милость, сказалъ онъ: — соглашаетесь ли, наконецъ, заключить трактатъ?

Хмельницкій отвѣчалъ:

— Я уже сказалъ, что теперь нельзя: полки не собраны, да притомъ голодъ; коммиссія отложится до зеленыхъ святокъ, когда будетъ трава, чтобъ было чѣмъ пасти лошадей, а до того времени, чтобъ коронныя и литовскія войска не входили въ кіевское воеводство. Границею между нами Горынь и Припеть; а отъ брацлавскаго и подольскаго воеводствъ по Каменецъ.

Коммиссары хотѣли еще перемѣнить эти условія и предложили ему свои, но Хмельницкій перечеркнулъ ихъ, и, такимъ образомъ, были въ тотъ день написаны условія перемирія, въ смыслѣ сказанныхъ Хмельницкимъ словъ, до зеленыхъ святокъ [21]).

По заключеніи трактата, Кисель проговорилъ Хмельницкому рѣчь:

„Не помышляешь ты, пане-гетмане войска запорожскаго, о будущемъ, потому что ослѣпленъ настоящимъ; ты омраченъ нашими бѣдами и смотришь только на свое счастье. Но счастье кому служитъ, того горше оставляетъ; оно подобно стеклу прозрачному, но хрупкому. Повѣрь, гетманъ, желаніе успѣха искушаетъ тебя не покидать войны: оставь гордость и усмотри, что изъ

[21]) См. перемирный трактатъ въ памят. кіевск. комм. I. 111. 61.

этой войны можетъ выйти. Ты хочешь спасти Украину, но погубить Польшу; думаешь укрѣпить вѣру, а ищешь покровительства турковъ и татаръ. Научись изъ того, что дѣлалось прежде тебя. Что думаютъ невѣрные? Они соболѣзнуютъ о тебѣ, чтобы послѣ истребить города русскіе, извести народъ русскій! Неужели ты думаешь, что ради восточнаго православія турки сдружились съ тобою? или ради казацкой славы добываютъ себѣ счастья? Если ляхи не помогутъ тебѣ своею силою, то живущіе около народы вспомнятъ давнія и свѣжія вины казаковъ, пробудится ненависть, и прійдутъ на васъ съ оружіемъ. Если поляки, литва, русь будутъ другъ друга губить, то они всѣхъ насъ завоюютъ. Хорошо быть тебѣ съ многомощнымъ королемъ, который и теперь снисходитъ къ тебѣ; но тяжко будетъ тебѣ его мщеніе, когда онъ вступится за оскорбленіе величества. Милость королевская, какъ дуга небесная, возвѣщаетъ миръ. Оставь гнѣвъ и надежду на брань; принеси во время покорность. Если же ты презришь моимъ совѣтомъ, то найдешь погибель благочестивой вѣры со всѣмъ украинскимъ народомъ, и кровь невинныхъ падетъ на твою душу“.

„Нельзя удержаться отъ меча, отвѣчалъ Хмельницкій:—и до тѣхъ поръ будемъ держать его обнаженнымъ, пока станетъ жизни и не добьемся вольности: лучше голову положить, чѣмъ въ неволю воротиться! Знаю, что фортуна скользка, но справедливость да торжествуетъ! Короля почитаемъ какъ государя, а шляхту и пановъ ненавидимъ до смерти, и не будемъ имъ друзьями никогда! Если они перестанутъ намъ дѣлать зло, не труд-

но заключить миръ: пусть утвердятъ статьи мои! Если-жъ начнутъ хитрить, — война неизбѣжна въ отвѣтъ на ихъ коварныя мирныя предложенія. Плѣнниковъ я выдамъ на коммиссіи. Скажите это королю; кромѣ написанныхъ условій, ничего не будетъ!“

Послы замѣтили, что у Хмельницкаго, во время произнесенія этой рѣчи, навертывались слезы.

Коммиссары сожалѣли, что не удалось имъ освободить плѣнниковъ, и придумали для этого иной путь. Они прослышали, что обозный Чорнота имѣетъ надъ гетманомъ силу, отправились къ нему и нашли его лежащимъ на похмѣльѣ. Они просили его ходатайствовать предъ гетманомъ о выдачѣ плѣнниковъ. „Не піду,“ сказалъ Чорнота: „я хворий: вчора зъ нимъ пили цілу нічь, тимъ и не здужаю. Але я ему не радивъ и не поражу выпущати пташокъ зъ клітки, та колибъ я бувъ здоровий, наврядъ ви сами вийшли-бъ відсіля!“ Воевода выслалъ коммиссаровъ, остался съ нимъ наединѣ и, намекая на то, что Чорнота прежде имѣлъ неудовольствіе съ гетманомъ, обнадеживалъ его булавою. Казакъ отвергнулъ предложеніе пана, и, слава Богу, говорили поляки, что не выявилъ секрета, а то бъ они всѣ пропали. Однако, по всему видно, что слухъ объ этомъ распространился по городу, потому что вечеромъ были разставлены сторожа по валамъ, и народъ утопилъ нѣсколько слугъ изъ свиты Киселя, а многіе изъ нихъ отъ страха перешли къ казакамъ.

16-го числа, собираясь къ отъѣзду, послы отправили къ Хмельницкому сказать, что желаютъ съ нимъ проститься.

Гетманъ пригласилъ ихъ къ себѣ.

Воевода, по случаю подагрическаго припадка, который съ нимъ случился ночью, съ трудомъ могъ стать на ноги; его посадили на сани и повезли во дворъ, гдѣ онъ не входилъ въ покои. Хмельницкій приказалъ запереть дворъ со всѣхъ сторонъ и позвать плѣнниковъ. Плѣнники явились предъ коммиссарами, блѣдные, съ заплаканными глазами. Хмельницкій подалъ воеводѣ условіе, написанное 24-го числа, и теперь имъ подписанное, да, кромѣ того, два письма: къ королю и къ Оссолинскому. Въ заключеніе, онъ подарилъ воеводѣ сѣраго коня и шестьсотъ талеровъ; Кисель тутъ же отдалъ ихъ плѣнникамъ. Коммиссары еще разъ хотѣли смягчить Хмельницкаго относительно отпуска плѣнниковъ; плѣнники также присоединили свои просьбы, бросившись къ ногамъ побѣдителя, но гетманъ остался непреклоненъ. Тогда нѣкоторые просили, чтобъ ихъ лучше отдали татарамъ.

„Нехай Потоцькій (сказалъ Хмельницкій) підожде брата свого: тоді сего кажу посадити на палъ передъ містомъ, а того въ місті, та й нехай одинъ на другого дивлються!“ — Впрочемъ, послѣ этой угрозы, Хмельницкій не преминулъ подтвердить своего обѣщанія отдать плѣнниковъ на предстоящей коммиссіи. „Однако, не знаю (замѣтилъ онъ), каково кончится эта коммиссія, если молодцы наши не согласятся на двадцать или тридцать тысячъ реестровыхъ и не удовольствуются своимъ удѣльнымъ княжествомъ.“

Прощаясь, Хмельницкій сказалъ, что причина, заставляющая его отлагать коммиссію, зависитъ не отъ него,

а отъ казаковъ, потому что онъ не смѣетъ поступать противъ воли рады, хотя и желалъ бы исполнить волю короля.

Изъ современной корреспонденціи видно, что самъ упрямый Вишневецкій, получивъ отъ сейма главное начальство надъ войскомъ, вызывался на мировую съ Хмельницкимъ и казаками. 20-го января онъ отправилъ къ казацкому гетману двухъ посланцевъ: Мировича и Бржостовскаго съ ласковымъ письмомъ; онъ радовался, что Хмельницкій обѣщаетъ покорность королю, сожалѣлъ о прошедшемъ, обѣщалъ, съ своей стороны, стараться чтобы все было предано забвенію. „Мои предки", писалъ онъ, „были издавна доброжелательны запорожскому войску; нѣкоторые изъ нихъ вмѣстѣ съ вами проливали кровь въ битвахъ противъ враговъ св. креста; расширяя предѣлы польской короны и я всегда былъ готовъ и теперь готовъ доказать вамъ свое расположеніе, если только вы останетесь вѣрны коронѣ; въ такомъ случаѣ я вамъ обѣщаю прилѣжно стараться у короля, чтобъ вашей милости было отпущено ваше преступленіе; вы можете надѣяться на мое слово; въ дружбѣ моей не обманетесь. Ваша милость жалуетесь на непріязнь мою къ войску запорожскому, но вѣдь и я испыталъ непріязнь вашего войска, когда своевольныя шайки напали на меня подъ Константиновомъ, вѣроятно безъ воли своихъ старшихъ, почему и я, какъ водится, на войнѣ далъ отпоръ, но это не измѣняетъ моего расположенія къ войску запорожскому, особенно послѣ того, какъ я узналъ, что тѣ, которые на меня нападали, казнены смертью. Я желаю оставаться въ добрыхъ отношеніяхъ съ ихъ

милостію казаками—народомъ рыцарскимъ; пусть только они останутся добрыми подданными единаго отечества и, по примѣру своихъ предковъ, обратятъ, вмѣстѣ со мною, грозную и смѣлую руку на непріятелей св. креста“ [22]). Какъ принялъ Хмельницкій это посланіе неизвѣстно, но послѣдствій оно не оказало; оно было составлено черезъ чуръ горделиво, чтобы склонить гордаго успѣхами Хмельницкаго къ мировой съ своимъ заклятѣйшимъ врагомъ.

Коммиссары уѣхали изъ Переяславля, потерявъ нѣсколько человѣкъ изъ своей свиты, которые передались къ казакамъ. За то нѣсколько плѣнниковъ успѣли уйти съ ними.

Когда коммиссары проѣзжали въ Бѣлогородку мимо Кіева, не смѣя заѣхать туда, потому что мѣщане города Кіева заранѣе просили Хмельницкаго, чтобъ паны ихъ не посѣщали, шляхтичи, католическіе духовные и евреи уцѣлѣвшіе во время смутъ, желая убѣжать въ Польшу, явились въ Кіевъ, думали пристать къ свитѣ воеводы, и услышавъ, что коммиссары ѣдутъ мимо города, бросились за ними, чтобъ ихъ догнать; но русскіе преслѣдовали ихъ и, поймавъ, убивали. Нѣсколько ксендзовъ и монаховъ были привезены къ св. Софіи; тамъ привязали ихъ, одного къ другому спиною, къ санямъ, на морозѣ. Многихъ іудеевъ ограбили и искалечили. Только убѣжденія митрополита могли подѣйствовать на ожесточенныхъ кіевлянъ и спасти отъ смерти остальныхъ. Вслѣдъ за тѣмъ, однако, гетманъ, для усмиренія безпорядковъ, не желая нарушить заключеннаго перемирія,

[22]) Рук. Публ. Библ. Hist. Pol. F. IV. 30.

поставилъ въ Кіевѣ и другихъ городахъ казацкую стражу, и бѣдные шляхтичи дышали свободнѣе, но, все таки, по замѣчанію очевидца, страшились ходить по ночамъ, особенно между пьяными [23]).

---

[23]) Diar. Andrzeja Miastkowskiego, въ книгѣ Zbiór pam. o dawn. Pols.—Памятн. кіевск. комм. I. 3. 314—360.—Истор. о през. бр.—Annal. Polon. Clim. I: 107 — 109. — Histor. Jan. Kaz. I. 47.—Pam do panow. Zygm. III, Wlad. IV. i Jan. Kaz. II. 52—55.—Лѣтоп. повѣств. Мал. Росс. 125—126.—St. delle guer. civ. 44.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Сеймъ.—Три предводителя.—Походъ войска на Волынь.—Стычка съ волынскими загонами —Ополченіе Украины.—Прибытіе хана.

Въ то время, когда коммиссары находились въ Украинѣ, въ Краковѣ, въ концѣ января, 1649 года, послѣ торжественнаго коронованія Яна Казимира, и присяги на храненіе свободы польскаго народа, собрался сеймъ. Главнымъ предметомъ совѣщаній была защита шляхетской націи отъ возстанія казаковъ и хлоповъ [1]. Но между послами возникло несогласіе: одни требовали нарядить судъ надъ предводителями пилявецкаго ополченія; другіе, подкупленные виновными за большія деньги, всѣми силами старались отклонить предложеніе. Король едва прекратилъ раздоръ и положилъ предать забвенію это дѣло по причинѣ обстоятельствъ большей важности. Опредѣлили собрать 30,000 регулярнаго войска; назначили для поддержки его временной налогъ; въ случаѣ необходимости, сеймъ заранѣе далъ королю право собрать посполитое рушенье.

---

[1]) Histor. ab. exc. Wlad. IV. 38.

Разсуждали и спорили, кому вручить начальство надъ войскомъ. Предъидущій сеймъ назначилъ регментаремъ (главнокомандующимъ) Вишневецкаго; но, по многимъ обстоятельствамъ, князь не могъ удержать этого достоинства. Янъ Казимиръ не любилъ его, бывъ еще королевичемъ, а сдѣлавшись королемъ, еще болѣе сталъ недоволенъ имъ за то, что онъ, при избраніи, держалъ сторону Ракочи; князя подозрѣвали даже въ тайныхъ сношеніяхъ съ венгерцами, ко вреду существующаго правленія. Придворные не терпѣли его; „они (замѣчаетъ лѣтописецъ) привыкли платить богатырямъ неблагодарностью" [2]). Вредило князю и ожесточеніе противъ него русскихъ; Хмельницкій, и послѣ попытокъ Іереміи къ примиренію, ставилъ главнымъ условіемъ мира, чтобъ не давали ему начальства надъ войскомъ. Неріязненные паны называли его виновникомъ смутъ. Ему становили въ вину, что онъ писалъ универсалы къ шляхтичамъ своего воеводства и призывалъ ихъ къ оружію, когда это было запрещено и походило на посполитое рушенье, которое могъ собирать только король [3]). Только горячіе католики и страстные рубаки прославляли князя попрежнему. Сначала король предложилъ избрать гетмана; но кого ни предлагали, паны не соглашались. Многіе домогались булавы себѣ. Нашлись бы такіе, которые, еслибъ противъ ихъ желанія избранъ былъ гетманъ, стали бы выказывать свое неудовольствіе къ усугубленію бѣдствій отечества; притомъ существовала сильная пар-

---

[2]) Histor panow. Jan. Kaz. I. 28

[3]) Stor. delle guer. 120.

тія въ пользу Потоцкаго и Калиновскаго, которые, по мнѣнію ихъ приверженцевъ, отнюдь не должны были терять своихъ званій. Поэтому король принялъ верховное начальство на себя, а въ видѣ его помощниковъ положили избрать снова трехъ предводителей. Это были: Фирлей, каштелянъ бельзскій, въ должности главнокомандующаго, Ляндскоронскій и ученый Остророгъ. Фирлей былъ сѣдой старикъ, нечестолюбивый, кроткій, человѣкъ, о которомъ говорили въ Польшѣ, что онъ медлилъ принимать почести даже и тогда, когда ему предлагали. Фамилія Фирлеевъ пользовалась такимъ добрымъ мнѣніемъ, что Сигизмундъ III называлъ ее самою благороднѣйшею въ Польшѣ. Самыя преклонныя лѣта его могли внушать уваженіе; своевольные паны устыдились бы противиться почтенному старцу. Притомъ, партія Потоцкаго была увѣрена, что онъ добровольно уступитъ свой санъ возвратившемуся изъ плѣна гетману. Всѣ эти обстоятельства руководили сеймомъ при его избраніи. Одно только многимъ не нравилось: онъ былъ реформатскаго исповѣданія [4]).

Весною, польское правительство получило отъ коммиссаровъ извѣстіе о неудачѣ коммиссіи. „Отечество въ опасности (извѣщали они); непріятельское войско на готовѣ; земля русская поднимается; иноземная помощь приходитъ къ казакамъ; нѣтъ надежды на прочный договоръ. Мы употребляли все, что могла намъ внушить любовь къ отечеству и вѣрность королю, но увидѣли, что Хмельницкій думаетъ уже не о казачествѣ, а о не-

---

[4]) Histor. pan. Jan. Kaz. I. 28.—Histor. belli cosac. polon. 97—98.—Korona pols. II. 160.

зависимомъ владѣніи въ русскихъ провинціяхъ, и хочетъ нахлынуть внутрь польскаго государства. Причиною тому какой то патріархъ іерусалимскій, который далъ ему титулъ князя русскаго и сравниваетъ его съ Константиномъ Великимъ. Причиною тому также и посольство Ракочи. Надежды нѣтъ. Тугай-Бей уже владѣетъ Савранью и Чечельникомъ. Вездѣ готовятъ оружіе. Хмельницкій принимаетъ къ себѣ и вѣрующихъ и невѣрующихъ въ Бога, людей всякой націи, всякаго поведенія, заключаетъ съ ними договоры, даетъ жалованье и вооруженіе. Остается и намъ закалять оружіе, готовиться къ войнѣ, кому верхомъ, кому пѣшкомъ, либо склонять голову подъ ярмо презрѣнныхъ хлоповъ [5]).

Условія, предложенныя Хмельницкимъ, возбудили негодованіе въ сенатѣ; въ особенности требованіе сорока тысячъ реестроваго войска казалось ни въ какомъ случаѣ невозможнымъ [6]).

Поэтому приказано было предводителямъ идти съ войсомкъ на Волынь. Число войска простиралось, по однимъ лѣтописцамъ до 12.000, по другимъ до 10,000, по третьимъ — до 19,000 [7]), а по инымъ только до 9,000 [8]). Но за то слугъ было гораздо больше, чѣмъ

[5]) Miastk. Zbiór. pam. o dawn. Pols. IV. 281.—Памяти. кіевск. комм I. 3. 367—371

[6]) Hist. ab. exc. Wlad, IV. 40.—Опис. Мал. Рос. и Укр. 6.

[7]) Histor. panow Jan. Kaz. 54.—Крат. истор. опис. Мал. Рос. II.—Пов. о томъ, что случилось въ Украинѣ.—Stor. delle guer. civ: 143—164.

[8]) Кратк. опис. о каз. малор нар. 27.—О мал нар. и о запор. 164. 9.—По извѣстіямъ современника Коховскаго, составъ польскаго войска былъ въ такомъ видѣ: вся армія раздѣлялась на пять дивизій: Фирлея, Ляндскоронскаго, Остророга, Вишневецкаго и Конецпольскаго; послѣдція двѣ еще пока несоединились съ первыми тремя. Дивизія Фирлея

вдвое, противъ этого числа, ибо подъ Збаражемъ послѣ того насчитывали до 20,000 возовъ. Слуги были годны къ битвѣ при случаѣ. Войско должно было стоять въ совершенной готовности къ битвѣ, но не заходить въ глубину Украины, согласно требованіямъ Хмельницкаго, и не начинать битвъ съ казаками. Несмотря на то, что Хмельницкій далъ слабую надежду на примирительную коммиссію и заключилъ перемиріе до троицыной недѣли, загоны мятежныхъ хлоповъ завязали неправильную и кровопролитную войну съ начала весны. 5-го марта, предводитель загона, Гараська, взялъ Острогъ [9]); перерѣзалъ четыреста человѣкъ мѣщанъ, вѣроятно унитовъ и іудеевъ, и прогналъ изъ имѣнія владѣтельницу Анну-Алоизію [10]); дочь православнаго пана,

---

имѣла четыре гусарскія хоругви, принадлежавшія собственно лично панамъ, подъ управленіемъ довѣренныхъ офицеровъ, называемыхъ поручниками; восемь хоругвей панцерныхъ, также носившихъ имена пановъ; девять хоругвей драгунскихъ и десять ротъ конныхъ драгунъ. Въ дивизіи Ляндскоронскаго было пять гусарскихъ хоругвей знатныхъ пановъ, подъ управленіемъ ихъ поручниковъ; девять хоругвей панцерныхъ; четыре хоругви острожской ординаціи, и при нихъ нѣмецкіе рейтары; восемь хоругвей конныхъ драгунъ; два полка нѣмецкой пѣхоты. Третья дивизія Остророга заключала въ себѣ восемь панскихъ гусарскихъ хоругвей и 600 жолнеровъ; шесть панцырныхъ, семь драгунскихъ конныхъ и три хоругви венгерской пѣхоты. Въ дивизіи Вишневецкаго было три гусарскія хоругви: самого Іереміи, племянника его Димитрія и знаменнаго съ поручниками и 1000 человѣкъ избраннаго рыцарства, содержимаго на счетъ князя. Дивизія Конецпольскаго состояла изъ одного гусарскаго полка, семи кварцяныхъ хоругвей подъ командою ротмистровъ, 300 человѣкъ надворнаго рыцарства Конецпольскаго, 400 человѣкъ конныхъ драгунъ и двѣ хоругви венгерской пѣхоты.

[9]) Annal. Polon. Clim. I. 113.—Памят. кіевск. комм. I. 3. 357.

[10]) Korona pols. III. Ostrozskich.

янучка знаменитаго Константина, защитника православія, она приняла католичество: съ фанатическою ревностью преслѣдовала отеческую вѣру и навлекла на себя ненависть православныхъ. Другой загонъ напалъ на Корецъ; владѣтель его, Самуилъ Корецкій, едва спасся; замокъ разграбили; шляхту и іудеевъ перебили [11]). Полѣсье взбунтовалъ Кривоносенко, сынъ славнаго Максима, неменѣе отца кровожадный. Узнавъ о его подвигахъ, Ляндскоронскій бросился на него и заперъ въ Острополѣ; но когда Кривоносенко предложилъ за себя окупъ, Ляндскоронскій согласился, чтобъ не раздражить казаковъ, пока не кончился срокъ перемирію. Изъ многихъ тогдашнихъ загоновъ, примѣчателенъ загонъ Донца, овладѣвшаго, въ концѣ мая, Заславлемъ. Говорили, что у него была сестра чаровница, которая умѣла предсказывать будущее и, чародѣйственными заклинаніями, способствовала успѣхамъ казаковъ: если казакамъ угрожала опасность, она совѣтовала избѣгать битвы; если же имъ суждено было побѣдить, она бодро гарцовала верхомъ впереди войска. Непріятельское оружіе долго ее не брало. Но когда Фирлей услышалъ о взятіи Заславля и поспѣшилъ на выручку города, Донецъ вышелъ ему на встрѣчу, несмотря на предостереженіе сестры. Чаровница кричала: „Уходи, уходи! Не здержишь, брате!“ Казаки не послушались ея и были разсѣяны. Чаровница была схвачена и казнена вмѣстѣ съ другою колдуньею, по имени Солохою. Послѣдняя предложила полякамъ свое искуство и увѣряла, что съ

---

[11]) Miastkow. Zbior. pam. o dawn. polsc. IV, 284 —St delle guer.

ея помощью они будутъ одерживать побѣды. Однако, поляки не послушали ее и посадили на колъ. „Видно", говорили они: „что ея чародѣйство приноситъ вредъ тѣмъ, кому захочетъ она помогать, потому что повредило казакамъ" [12]).

Главный станъ польскихъ войскъ былъ подъ Константиновымъ. Отряды ходили оттуда во всѣ стороны по Волыни, для укрощенія загоновъ. Такимъ образомъ отняты были у казаковъ Звягель, гдѣ перебили всѣхъ русскихъ, и Баръ. Послѣдній городъ былъ взятъ хитростью. Ляндскоронскій отрядилъ туда триста молодцовъ пѣшкомъ и сто пятьдесятъ драгунъ. Въ сумерки появился подъ Баромъ обозъ изъ пивныхъ бочекъ. Около возовъ шли драгуны, переодѣтые въ платье русскихъ хлоповъ; другіе несли на плечахъ, или тащили вязанки дровъ, вмѣшавшись въ толпу поселянъ, которые ничего не знали. Обозъ остановился предъ городомъ на разсвѣтѣ. Сторожа не подозрѣвали хитрости и пропустили обозъ и людей. Тогда тѣ, что несли дрова, начали бросать ихъ; то былъ сигналъ: поляки начали бить казаковъ. Со всѣхъ сторонъ русскіе бросились на нихъ съ ружьями, но неприготовленные къ отпору, были изрублены въ куски: спаслись только тѣ, которые успѣли убѣжать изъ города. Когда вѣсть объ этомъ разнеслась въ околодкѣ, загонъ хлоповъ, тысячъ въ пятнадцать, бросился выручать Баръ; но Ляндскоронскій послалъ имъ на встрѣчу отрядъ, который, вступивъ съ ними въ битву, положилъ чуть не половину загона на мѣстѣ,

---

[12]) Pam. o wojn. Chmieln. 31—32.—Woyn. dom. Ч I. 48—49.

остальныхъ разсѣялъ [13]). Хотя въ Украину положено было не вступать, однако поляки столь же мало наблюдали перемиріе, какъ и русскіе, потому что не только взяли Баръ, но также нападали на Шароградъ [14]) и разорили Гусятинъ, гдѣ произвели безчеловѣчное кровопролитіе. Хмельницкій жаловался на эти поступки, какъ на нарушеніе мира [15]).

Кисель все это время находился въ своихъ волынскихъ маетностяхъ—то въ Тайкурахъ, то въ Гущѣ, и переписывался съ Хмельницкимъ. Оба притворялись, увѣряли одинъ другаго въ благорасположеніи, сыпали другъ другу комплименты, а, между тѣмъ, тайно одинъ другому вредили. Хмельницкій, обманывая его надеждою коммиссіи, собиралъ ополченіе, приглашалъ татаръ; а Кисель держалъ подлѣ казацкаго гетмана шпіона, шляхтича Смяровскаго, который цифрами писалъ ему обо всемъ, что дѣлается въ Украинѣ; впрочемъ, Смяровскій скоро поплатился за эти услуги Киселю: казаки открыли шпіонство и утопили шляхтича [16]). „Отъ всего сердца (писалъ Хмельницкій Киселю) я желалъ видѣть вашу милость въ добромъ здоровьѣ и тѣмъ радоваться. Я всѣми силами стараюсь, чтобъ коммиссія наша могла скорѣе окончиться такъ, какъ угодно вамъ и какъ я желаю того же. Я послалъ за всѣми полковниками, чтобъ посовѣтоваться съ ними, гдѣ бы найдти удобное и безопасное мѣсто для коммиссіи". Но когда казака, при-

---

Histor. belli cosac. polon. 99.—Woyna dom. Ч. I. 50.—Stor. delle guer. civ. 117.

[14]) Pam. o wojn. kozac. za Cmieln. 32.

[15]) Памяти кіевск. комм. I. 3. 388.

[16]) Ibid. 413—429.

везшаго эти комплименты, подвергли, какъ выражается шляхтичъ, пріятельскому экзамену, тотъ сознался, что Хмельницкій собираетъ не только полковниковъ, но и всѣхъ вообще казаковъ и бѣглыхъ хлоповъ, и вовсе не для выбора безопаснаго мѣста для коммиссіи; наконецъ самому Киселю этотъ казакъ совѣтовалъ поскорѣе убираться изъ Гущи, говоря, что Хмельницкій на него гнѣвается, ибо то письмо, которое еще разъ воевода писалъ въ Москву, попалось въ руки казацкаго гетмана. Вскорѣ волохи, служившіе въ отрядѣ Конецпольскаго, напали на восемьдесятъ казаковъ и у предводителя ихъ отняли письмо отъ Хмельницкаго къ хану. „Мы надѣемся (писалъ гетманъ) на обѣщанія вашей царской милости и на слова, которыя ваша царская милость сказалъ и подтвердилъ, что и до конца насъ, слугъ своихъ, не оставишь... Умилосердись надъ нами; ожидаемъ вашу царскую милость съ нетерпѣніемъ; какъ началъ, такъ и кончай“. Послѣ этихъ доказательствъ, въ концѣ мая, Кисель съ коммиссарами поспѣшно убрался изъ Гущи. Еслибъ они промедлили днемъ, то попались бы въ руки казакамъ: едва только они выѣхали, шестьсотъ молодцевъ ворвались въ мѣстечко; вслѣдъ затѣмъ подобныхъ явилось до полуторы тысячи. Имѣніе Киселя снова подверглось участи панскихъ имѣній [17]).

Въ іюнѣ продолжались попрежнему схватки польскихъ отрядовъ съ волынскими загонами. Несмотря на то, что въ этихъ сшибкахъ успѣхъ былъ на сторонѣ поляковъ, возстаніе возрастало день-ото-дня. Ожесточеніе простаго народа противъ владѣльцевъ усиливалось оттого, что

---

[17]) Ibid. I. 3. 393, 403, 407, 385, 389.

послѣдніе, пользуясь вступленіемъ польскаго войска на Волынь, проходили въ свои имѣнія и грабили у крестьянъ хлѣбъ, скотъ—все, что находили, и отправляли въ Польшу, а самихъ хлоповъ подвергали варварскимъ казнямъ; кромѣ того, польскіе отряды, ходившіе укрощать загоны, вообще наносили жителямъ обиды, и оскорбленные увеличивали собою число мятежниковъ [18]). Послѣдній изъ такихъ отдѣльныхъ походовъ былъ походъ Ляндскоронскаго къ Межибожью. Онъ услышалъ, что сильный казацкій отрядъ напалъ на этотъ городъ, гдѣ сидѣлъ, запершись, комендантъ Корфъ съ нѣмцами. Съ поля ударилъ на казаковъ Ляндскоронскій, а изъ города нѣмцы сдѣлали вылазку. Казаки отступили. Ляндскоронскій началъ ихъ преслѣдовать, какъ вдругъ, услышавъ, что Хмельницкій идетъ съ ордою, воротился къ обозу [19]).

Когда, такимъ образомъ, на Волыни русскіе боролись съ польскими панами, въ Украинѣ происходилъ сборъ цѣлаго народа на войну. Хмельницкій весною распустилъ универсалы по всей Украинѣ, призывая русскихъ оборонять отечество. Онъ не ошибся, когда, разгоряченный виномъ, говорилъ, что у него будетъ двѣсти-триста тысячъ. Чигиринъ, столица гетмана, закипѣлъ толпами людей всякаго рода и званія. Поселянинъ не разсчитывалъ дорогаго времени: заброшенъ лежалъ плугъ его; орала и серпы перекованы были на оружіе... не заботился онъ, что ему ѣсть и пить, надѣясь жить на счетъ Польши. Пустѣли хутора, села, города; покидали ремесленники свои мастерскія; куп-

---

[18]) Histor. belli cosac. polon. 99.

[19]) Pam. o wojn. kozac. za Chmiel. 33. Woyn. dom. 51.

цы—свои лавки; сапожники, портные, плотники, винокуры, пивовары, могильники (копатели сторожевыхъ кургановъ), банники, всякаго рода промышленники бѣжали въ казаки; трудно было по всей Украинѣ нанять работника; недоставало даже могильщика вырыть могилу для калѣки или стараго дѣда. Даже въ тѣхъ городахъ, гдѣ было магдебурское право, почтенные бургомистры, райцы, войты и канцеляристы побросали свои уряды и пошли въ казаки, остригши бороды: по обычаю того времени всякъ, кто не служитъ въ войскѣ, долженъ былъ носить бороду. „Такъ то (замѣчаетъ современникъ) дьяволъ учинилъ себѣ *смѣхъ зъ людей статечныхъ*". Духъ своеволія усилился съ прошлаго года, когда многіе обогатились грабительствомъ польскихъ и іудейскихъ имуществъ; презрѣніе и насмѣшки ожидали того, кто не участвовалъ въ возстаніи; поэтому, иной нехотя долженъ былъ мѣнять вѣсы или чернильницу на саблю и ружье. Только старики, калѣки и женщины оставались дома, но и то, по большей части, больной или бездѣтный старикъ, не желая, или стыдясь оставаться безъ участія въ дѣлѣ освобожденія отечества, ставилъ вмѣсто себя наемщика [20]).

Хмельницкій раздѣлилъ ихъ на полки; но подъ этимъ разумѣлся не правильный отдѣлъ арміи, а извѣстный край южно-русской земли: полкъ заключалъ въ себѣ города, мѣстечки, села, и назывался по имени главнаго, болѣе другихъ значительнаго, города, гдѣ было правленіе полка. Полкомъ начальствовалъ полковникъ:

---

[20]) Лѣтоп. самов. 14.

ему были подвѣдомственны другіе чиновники. Полки раздѣлялись на сотни: сотня заключала въ себѣ села и хутора и также носила названіе по имени какого нибудь значительнаго мѣстечка. Сотни дѣлились на курени, въ которыхъ было нѣсколько десятковъ. Верховное мѣсто называлось войсковою канцеляріею: тамъ, вмѣстѣ съ гетманомъ были чиновники: обозный (начальникъ артиллеріи и лагерной постройки), асаулъ (оберлейтенантъ), писарь (государственный секретарь), хорунжій (главный знаменоносецъ); всѣ эти чины назывались *енаральными*, или *войсковыми*; всѣ вмѣстѣ—*войсковою старшиною.* Въ полку была войсковая канцелярія (полковое правленіе) и полковые старшины: полковые обозные, асаулы, писаря, судьи, хорунжіе. Въ сотнѣ была сотенная канцелярія и сотенные старшины, съ тѣми же именами, какъ въ полку. Такимъ образомъ, чиновники сотенные и полковые отправляли въ сотнѣ и въ полку тѣ же обязанности, какія возлагаемы были на чиновниковъ войсковыхъ съ подобными именами, въ отношеніи цѣлаго казачества. Куренями начальствовали атаманы. Въ то время чиновники избирались и отрѣшались на радахъ, то есть народныхъ собраніяхъ, вольными голосами, потомъ утверждались гетманами. Такой порядокъ велся издавна въ казацкомъ войскѣ, но въ этотъ годъ онъ распространился на цѣлый народъ. Тогда слово „казакъ“ перестало имѣть значеніе особаго военнаго сословія, а перенеслось на всю массу возставшаго южнорусскаго народонаселенія [21]).

---

[21]) Ibid.

На правой сторонѣ Днѣпра были полки: чигиринскій (гвардія гетмана), черкасскій, корсунскій, лисянскій, бѣлоцерковскій, паволоцкій, уманскій, калницкій, каневскій, животовскій (какъ кажется, одно и то-же, что брацлавскій), полѣсянскій и могилевскій. Пространство, занимаемое этими полками, обнимало собою землю, гдѣ жилъ южнорусскій народъ, нынѣшнія губерніи: кіевскую, часть минской, волынскую по Горынь, подольскую и часть Червонной Руси около Галича до Надворни; изъ Червонной Руси мужики бѣжали въ полки могилевскій и брацлавскій. На всемъ этомъ протяженіи только Каменецъ, твердая и неприступная крѣпость, держался во власти поляковъ; другія сосѣднія мѣстечки переходили то въ тѣ, то въ другія руки. Полкъ полѣсянскій, или овручскій, простирался на неопредѣленное пространство по лѣсамъ. На югъ казачество занимало степи до Бессарабіи или до бѣлогородскихъ кочевьевъ. На лѣвой сторонѣ были полки: переяславскій, нѣжинскій, черниговскій, прилуцкій, ичанскій, лубенскій, ирклѣевскій, миргородскій, кропивянскій, гадячскій, полтавскій и зѣньковскій. Они занимали пространство нынѣшней полтавской и черниговской губерній и часть могилевской по Гомель и Дроновъ. Болѣе всѣхъ былъ полкъ черниговскій, занимавшій пространство до Стародуба съ одной, до Гомеля съ другой стороны [22]); число

[22]) Лѣтоп. самов. 14.—По сказанію Коховскаго, въ этихъ полкахъ были тогда начальниками: въ черкасскомъ Воронченко, въ корсунскомъ—Морозъ или Морозенко, въ каневскомъ—Кулакъ, въ бѣлоцерковскомъ—Остапъ Павлюкъ, въ брацлавскомъ—Нечай, въ полѣсянскомъ—Кривоносенко, въ переяславскомъ — Лобода, въ черниговскомъ — Небаба, въ гадячскомъ—Бурляй. По другимъ свѣдѣніямъ извѣстно, что въ нѣжинскомъ

сотенъ въ каждомъ изъ полковъ было неравно: доходило до двадцати и болѣе; „що село, то сотникъ,“ говоритъ очевидецъ, а иная сотня имѣла человѣкъ тысячу. Приблизительно полагаютъ число настоящихъ казаковъ, способныхъ къ войнѣ, до двухсотъ тысячъ, а одинъ говоритъ простодушно, что русскаго войска было столь много, что въ полѣ не помѣщалось и на картѣ написать его было трудно. Но съ гетманомъ были далеко не всѣ; черниговскій и нѣжинскій полки, со многими отрядами гайдамакъ, которые также иногда являются подъ именемъ полковъ, должны были сражаться противъ литовскаго войска, а иные разсѣялись по Бѣлоруссіи и внутри Польши и Литвы грабить замки и дворы, жечь костелы и мучить шляхту и жидовъ [23]).

Въ Кіевѣ, въ маѣ, повторились страшныя прошлогоднія сцены. Со дня отъѣзда коммиссаровъ, шляхтичи

былъ Шумейко, въ могилевскомъ—Евстафій Гоголь. Впрочемъ, невозможно ясно указать не только тогдашнихъ полковниковъ, но и опредѣлить неоспоримо количество полковъ. Кромѣ полковъ, исчисляемыхъ самовидцемъ, Коховскій, опуская нѣкоторые, насчитываетъ еще лемовскій, лохвицкій, ромненскій, остерскій; въ Памятникахъ кіевской коммиссіи упоминаются еще брагильскій и звяльскій (вѣрно звягельскій), подъ командою Тыши; а въ исчисленіи полковъ, приложенномъ Маркевичемъ при его Исторіи Малороссіи, прибавляются еще полки: стародубскій, быховскій, обручевскій, туровскій, сосницкій, винницкій. Мы имѣемъ вѣрный списокъ полковъ и полковниковъ 1650 г., но по немъ нельзя заключить о 1649 г. многіе полки тогда исчезли, другіе перемѣнили названіе; полковники также то были смѣнены, то убиты, да и вообще порядокъ раздѣленія полковъ при Хмельницкомъ измѣнялся безпрерывно, то образовывались новые полки, то уничтожались, то два полка соединялись въъ одинъ полкъ; нерѣдко измѣнялись ихъ названія.

[23]) Лѣтоп. самов. 14.—Памятн. кіевск. комм I. 446—449.—Histor. belli cosac. polon. 100.—Histor pan. Jan. Kaz I. 89.

и духовные находили тамъ убѣжище, охраняемые казацкою стражею, по приказанію Хмельницкаго; но когда перемиріе окончилось, толпы удальцовъ, мѣщанъ и окрестныхъ поселянъ, называвшіяся тогда всѣ безъ различія казаками, собрались въ городѣ съ цѣлью докончить враговъ. Какой то плотникъ, кіевскій мѣщанинъ, Полегенькій, прошлый годъ бывшій въ казацкомъ войскѣ взялъ надъ ними начальство. По его замыслу, удальцы окружили городъ со всѣхъ сторонъ, чтобъ не дать жертвамъ убѣжать; другіе съ яростью бѣгали по улицамъ; пойманныхъ умерщвляли съ поруганіями и насмѣшками. Сто тринадцать человѣкъ съ торжествомъ повели на Днѣпръ и сбрасывали съ лодокъ для забавы. Не было пощады ни женамъ ихъ, ни груднымъ младенцамъ; напрасно нѣкоторые думали укрыться въ домахъ православныхъ: убійцы провозгласили, что всякій мѣщанинъ, укрывшій врага, подвергнется смерти, какъ измѣнникъ: испуганные мѣщане выталкивали ихъ на улицу. Спаслись только тѣ, которые успѣли вбѣжать въ русскіе монастыри. На порогѣ вѣковой святыни Кіева угасало неутолимое бѣшенство ожесточенныхъ мстителей. За то, въ то же время, не удержала ихъ святыня римско-католическая: они ограбили и разорили оставшіяся церкви и монастыри, и перебили монаховъ. Такое неистовство продолжалось три дня, и, съ этихъ кровавыхъ дней, Кіевъ навсегда освободился отъ власти католичества надъ восточнымъ православіемъ, польской народности надъ русскою [24]).

---

[24]) Latop Jerl 97.

Хмельницкій выступилъ изъ Чигирина и шелъ медленно; охотники со всѣхъ сторонъ приставали къ его войску; онъ ожидалъ хана. Исламъ-Гирей все еще не получалъ отъ поляковъ дани, и султанскій дворъ, не допустивъ Ракочи содѣйствовать казакамъ, потому что Ракочи усилившись, искалъ бы возможности отрѣшиться отъ всякой ленной зависимости въ отношеніи Турціи [25]), разрѣшилъ войну хану; время было самое удобное потрясти и ограбить Польшу. Въ іюнѣ, онъ соединился съ Хмельницкимъ на Чорномъ Шляху за Животовымъ. Въ его ополченіи были и крымскіе горцы, жители роскошнаго южнаго берега, отличные стрѣлки изъ лука, въ пестрыхъ рубашкахъ, съ колчанами за плечами; и степные ногаи, въ вывороченныхъ наверхъ шерстью тулупахъ, въ огромныхъ мѣховыхъ шапкахъ, питавшіеся, какъ предки ихъ при Батыѣ, кониною, согрѣтою подъ сѣдломъ; и буджацкіе татары, приводившіе въ изумленіе своею быстротою и знаніемъ безграничной и безпримѣтной степи, способные жить въ водѣ нѣсколько времени, словно рыбы, сносившіе съ удивительнымъ терпѣніемъ жаръ и холодъ, и, наконецъ, отдаленные черкесы пятигорскіе — гости новые для украинцевъ, которые замѣчали въ ихъ выпуклыхъ глазахъ и закрученномъ за ухо чубѣ что то родственное; явились, по зову Хмельницкаго, и донцы, связанные съ украинскими казаками узами вѣры и племени, и образомъ жизни. Вся степная удаль юга Россіи грянула въ Украину, почуявъ, что польской коронѣ угрожаетъ гибель и для всѣхъ будетъ пожива. Турецкій Визирь при-

---

[25]) Stor. delle guer. civ. 104.

слалъ къ Хмельницкому, по данному обѣщанію, шесть тысячъ румелійцевъ. Были въ казацкомъ войскѣ даже цыгане. Это войско было столь велико, что, по выраженію польскаго историка, подобнаго Европа не видывала со временъ Тамерлана [26]). Никто не просилъ жалованья впередъ; каждый безъ торга шелъ пробовать счастья. Мало было порядка и устройства, за то сильная охота къ битвамъ и къ поживѣ. Когда поляки услышали, что на нихъ идетъ такая армія и уже приближается къ Волыни, то, по словамъ русскаго, лѣтописца такой страхъ напалъ на нихъ, что они думали тогда же о бѣгствѣ, и самые храбрѣйшіе, которые, сидя за виномъ въ корчмахъ, разбивали Александровъ Македонскихъ, поблѣднѣли и опустили руки [27]).

---

[26]) Belli scyth. cosac. 36

[27]) Истор. о през. бр.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Польскій лагерь подъ Збаражемъ.—Голодъ.—Подвиги Вишневецкаго.— Стомпковскій.—Походъ короля.—Посполитое рушенье.—Назначеніе новаго казацкаго гетмана.—Зборовское сраженіе.

Стоя подъ Константиновымъ, польскіе предводители собрали совѣтъ. Было два мнѣнія относительно избранія мѣста для встрѣчи непріятеля. Одни, представителемъ которыхъ былъ Остророгъ, совѣтовали стать ближе къ Каменцу, чтобъ защищать эту важную крѣпость, да и самимъ имѣть изъ нея продовольствіе: притомъ носились слухи, что Хмельницкій направляетъ путь на Каменецъ. Другіе говорили: „Неблагоразумно покидать Волынь, когда она взбунтовалась; непріятельская сила ударитъ на нее, въ надеждѣ найдти союзниковъ въ здѣшнемъ простомъ народѣ. Когда мы будемъ беречь Каменецъ, казаки, черезъ Волынь, вторгнутся въ средину государства. А между тѣмъ, трусы разбѣгались, подъ предлогомъ неполученія жалованья. Оставалось рѣшиться на что нибудь. Рѣшили, по совѣту Фирлея, стать подъ крѣпкимъ городомъ Збаражемъ. Въ пользу этого располагала надежда соединиться съ Вишневецкимъ, который тогда стоялъ подъ этимъ городомъ. Славное имя его

возбуждало бодрость, а польское войско находилось въ безпорядкѣ [1]).

Хладнокровіе, оказанное князю на сеймѣ, лишеніе регментарскаго достоинства, невыгодное о немъ мнѣніе короля и придворной партіи, оскорбили до крайности честолюбиваго князя. Въ порывахъ негодованія, онъ зарекался не вступать болѣе въ дѣло и отправился изъ Варшавы въ одно изъ своихъ имѣній въ Червонной-Руси. чтобъ проводить время подлѣ своей любезной Гризельды. Дружина собралась около своего предводителя; подчиненные раздѣляли огорченіе военачальника и также положили оружіе. Но разнеслись ужасающія вѣсти объ ополченіи казаковъ, о нашествіи хана съ ордами. Опасность грозила всякому пану; Вишневецкому болѣе всего. Вишневецкій собралъ своихъ удалыхъ воиновъ, тѣхъ вишневцевъ, которыхъ малая горсть, въ началѣ возстанія, одна подвизалась противъ бичей шляхетскаго званія.

„Что будемъ дѣлать, друзья, говорилъ онъ:—уходить ли намъ? прятаться ли? И на то ли мы такъ славно подвизались, когда все бѣжало? Полетимъ, друзья, снова!“

Съ отважною дружиною отправился онъ по дорогѣ въ Украину и собиралъ себѣ товарищей. Присталъ къ нему племянникъ его, Димитрій, подражатель и любимецъ воинственнаго дяди; соединился съ нимъ Александръ Конецпольскій, его прежде жестокій соперникъ, но столько же, какъ и онъ, гонимый казацкимъ предводителемъ. Стекалась къ нему шляхта, ободряемая его именемъ.

---

[1]) Памятн. кіевск. комм. 436 —443.—Hist. Jan. Kaz. I. 50.

„Всѣ старанія кіевскаго воеводы къ укрощенію мятежа оказались напрасными; поднимается страшная буря, наступаютъ роковыя времена!" писалъ Іеремія Вишневецкій въ своемъ зазывномъ универсалѣ къ шляхтѣ. „Изъ любви къ отечеству мы пробуждаемся отъ глубокаго сна зависти, сближаемся съ народомъ и извѣщаемъ васъ о своей готовности къ услугамъ вашихъ милостей. Уже король выдалъ, какъ говорятъ, два раза вици на посполитое рушенье; о третьихъ еще не слышно, но, отечество въ крайнемъ положеніи: надобно спѣшить! Прошу васъ, господа, сіяющіе мужествомъ и совѣтомъ, беритесь за оружіе и другихъ уговаривайте и поспѣшайте ко мнѣ къ 18 Іюня!" [2]).

Дошедши до селенія Шимковцы, паны стали обозомъ: воины переходили туда изъ лагеря трехъ предводителей; въ лагерѣ отъ этого сдѣлался такой безпорядокъ, который заставлялъ опасаться повторенія пилявской комедіи. Не время было играть честолюбіемъ: Вишневецкій сталъ замѣчать, что раздвоеніе войска послужитъ къ выгодѣ непріятеля, и началъ исподоволь стараться соединиться съ главнымъ войскомъ. Для честолюбиваго магната стыдно казалось самому набиваться съ услугмаи: ему хотѣлось, чтобъ соперники сами прислали просить его помощи и черезъ то выказали, какъ мало они способны къ войнѣ безъ Вишневецкаго.

Чрезъ нѣсколько дней послѣ того, какъ Іеремія расположился обозомъ, жолнеры привели связаннаго русина.

---

[2]) Akty hist. pols. od. r, 1648 po 1660—Рук. И. П. Б.

— Что ты видѣлъ, что знаешь? спрашивали паны.

— „Хмельницкій уже въ Камени Чолганскомъ; я самъ видѣлъ его собственными глазами“, отвѣчалъ плѣнникъ.

— „Отправьте его къ предводителямъ“, сказалъ князь.

Какъ нарочно Остророгъ только-что воротился тогда въ лагерь съ четырьмя реестровыми казаками: они подтвердили показаніе русина, присланнаго Вишневецкимъ, да сверхъ того прибавили, что Хмельницкій намѣренъ пресѣчь имъ обратный путь и не допустить идущихъ къ нимъ изъ Люблина партій [3]).

Отъ этихъ извѣстій боязнь такъ усилилась въ войскѣ, что жолнеры, не слушая предводителей, пустились было бѣжать. Чтобъ успокоить волненіе, предводители рѣшили отправить поскорѣе посольство къ Вишневецкому и упросить его прибыть въ обозъ; они надѣялись, что присутствіе его остановитъ смятеніе. Ляндскоронскій самъ отправился къ нему и явился съ покорнымъ видомъ.

— „Мы всѣ знаемъ, говорилъ Ляндскоронскій, со слезами, по замѣчанію лѣтописи: — что обидѣли тебя, отважнѣйшаго, достойнѣйшаго воителя; но мы всѣ жалѣемъ, и все войско наше жалѣетъ, что король обошелъ тебя. Князь! покажи примѣръ великодушія: прости свои оскорбленія, если не не для насъ, то для Бога и спасенія отечества“.

Отъ такихъ словъ Іеремія разчувствовался и заплакалъ, однако началъ отказываться.

— „Какую пользу могу принесть вамъ? говорилъ онъ: —

---

[3]) Pam. o wojn. kozac. za Chmieln. 34—35.—Woyn. dom I. 54—56. Истор. о през. бр.

продовольствія у меня нѣтъ; пороха и оружія мало. Что сдѣлаетъ моя малая горсть при долгомъ обложеніи въ обозѣ? Впрочемъ, если здѣсь нападутъ на насъ; то мы покажемъ себя“.

Ляндскоронскій продолжалъ его уговаривать, представлялъ близость непріятеля, вспоминалъ, какъ злится на него Хмельницкій.

— Если идетъ дѣло о начальствѣ, прибавилъ онъ:— Фирлей уступаетъ его тебѣ.

Честолюбіе князя было удовлетворено.

— Нѣтъ, отвѣчалъ онъ:—я не хочу отнимать у почтеннаго старика этой чести, которая, по всѣмъ правамъ, возложена на него королемъ и Рѣчью Посполитою. Долгъ сына отечества—жертвовать общей пользѣ собою. Я готовъ служить подъ командою Фирлея, и завтра соединяюсь съ вами!

Ляндскоронскій прибылъ съ радостною для всѣхъ вѣстью [4]).

На другой день Вишневецкій и Конецпольскій подвинули свой станъ и сами пріѣхали въ главный обозъ, при всеобщихъ восклицаніяхъ обрадованнаго войска. Уже многія хоругви готовились къ бѣгству и вѣрно бы побѣжали, еслибъ не прибылъ Вишневецкій; но къ нему всѣ питали неограниченное довѣріе; при немъ стали увѣрены и въ самихъ себѣ [5]).

Собрался военный совѣтъ. Разсуждали снова о выборѣ мѣста для встрѣчи съ непріятелемъ. Іеремія присталъ

---

[4]) Hist. pan. Jan. Kaz. I. 50.—Pam. o wojn. kozac. za Chmieln. 36.—Woyna dom. 56.—Stor. delle guer. civ. 122—123.

[5]) Woyna dom. 57.—Истор. о през. бр.

къ тѣмъ, которые почитали удобнѣйшимъ—Збаражъ. На горѣ стоялъ укрѣпленный замокъ; внизу лежалъ городъ, съ деревянными укрѣпленіями, но окопанный рвомъ; поляки расположились подъ городомъ и рѣшили окопать лагерь валомъ [6]). Исполненіе этого дѣла поручено инженеру Пршіемскому и иностранцамъ; но работы производились несогласно и неправильно: каждый изъ начальниковъ хотѣлъ удобнѣе занять для себя мѣсто, и потому валъ, въ которомъ долженъ былъ заключаться лагерь, проведенъ былъ на далекое разстояніе.

8-го іюля н. ст., а по старому 28-го іюня, непріятеля ожидали каждую минуту, а окопъ еще не былъ готовъ. Въ пятницу, 29-го іюня (9-го іюля н. ст.), высланъ былъ подъѣздъ, подъ начальствомъ Сѣраковскаго; но только что онъ упустилъ изъ глазъ свой обозъ, какъ увидѣлъ огромную татарскую силу. Поляки, не вступая въ сраженіе, обратились назадъ; непріятели бросились вслѣдъ за ними и разбили ихъ на голову. Сѣраковскій едва успѣлъ спастись и прибѣжалъ въ обозъ съ вѣстью, что, можетъ быть, завтра утромъ вся непріятельская армія явится къ Збаражу [7]). Окопы не были готовы.

Одно къ другому. И безъ того, по выраженію лѣтописцевъ, сильно бились сердца у пановъ, а тутъ, для большаго страха, молнія разбила древко у знамени, которое стояло при шатрѣ главнаго предводителя; и это произошло очень странно: день былъ свѣтлый и без-

---

[6]) Diar. wojn. p. Zbaraz. Staroz. pols. I. 250.—Annal. Polon. Clim. I. 119.—Sto delle guer. civ. 142.

[7]) Annal Polon. Clim. I. 119.—Hist. panow. Jan. Kaz. I. 54.—Истор. о през. бр.

облачный; вдругъ, надъ шатромъ Фирлея, набѣжало облако и изъ него полетѣлъ ударъ. Это показалось для всѣхъ дурнымъ предзнаменованіемъ. „Неложнымъ пророчествомъ бѣды было для нихъ это явленіе“ [8]), говоритъ русскій лѣтописецъ. Тѣ, которые были недавно въ Варшавѣ, разсказывали, что разъ уже было подобное предостереженіе. „Не даромъ (говорили они) тотчасъ послѣ коронаціи короля загорѣлся дворецъ, неизвѣстно отчего“. Поляки были очень недовольны бракосочетаніемъ короля съ невѣсткою, вдовою Владислава, которое совершилось тотчасъ послѣ коронаціи. — „Такой союзъ не благословляется небомъ; нерѣдко гнѣвъ божій поражаетъ всю страну за преступленіе властителя“, толковали тогда въ Польшѣ. Ксендзы объясняли, что это сдѣлалось съ разрѣшенія папы. „Что разрѣшаетъ намѣстникъ апостольскій, то уже не грѣхъ (говорили они). Не за бракъ короля наказываетъ насъ Богъ, а за то, что мы вошли въ сношенія съ еретиками“. Отъ такого толкованія въ войскѣ возникло волненіе противъ Фирлея и реформатскихъ проповѣдниковъ и увеличивало безпорядокъ [9]).

Вдругъ, завидѣли поляки пыль; потомъ показались люди, послышались дикіе голоса и они увидѣли передовое татарское полчище. Замѣтивъ, что войска еще не соединились съ главнымъ обозомъ, татары летѣли, чтобъ отбить станъ Вишневецкаго, находившійся не въ дальнемъ разстояніи отъ главнаго лагеря; они неслись съ

---

[8]) Истор. о през. бр.—Annal. Polon. Clim. I. 119.—Histor panow. Jan Kaz I 55.

[9]) Annal. Polon. Clim. I. 104 —132.—Hist. Jan. Kaz I. 40. 65.

жаромъ: успѣхъ или неуспѣхъ на первыхъ порахъ считался у нихъ вѣрнымъ предзнаменованіемъ счастливаго или несчастнаго окончанія войны. Поляки въ обозѣ испугались; но Вишневецкій съ храбрѣйшими бросился на непріятеля и, послѣ упорной сшибки, въ которой отличились литовскіе татары, сражаясь противъ своихъ единоплеменниковъ, непріятель отступилъ. Вишневцы вошли въ обозъ [10]).

Всѣ принялись кончать поскорѣе окопы. Опасность была слишкомъ близка; паны забыли свою спѣсь; засучивъ бархатные рукава своихъ контушей, они взяли въ руки заступы и показывали примѣръ прочимъ. Работали цѣлую ночь, но все-таки не кончили дѣла. На одной сторонѣ, гдѣ находился прудъ, окоповъ еще не было, да и въ другихъ мѣстахъ оставались прогалины [11]).

30-го іюня; (10-го іюля н. ст.) начали появляться съ утра поляки и казаки. Наѣздники, разъѣзжая близь окоповъ, вызывали охотниковъ помѣряться силою и удалью. Цѣлый день впереди окоповъ происходили подобные герцы. На одномъ изъ нихъ былъ убитъ Трунетъ, одинъ изъ богатырей ханскихъ [12]). Къ вечеру гуще становились ряды воиновъ, и, наконецъ, на закатѣ солнца, на пространствѣ, сколько глазами окинуть могли поляки, растянулось предъ ними неисчислимое войско; татарскихъ ратниковъ, говоритъ современникъ, было болѣе въ этомъ войскѣ, чѣмъ у Тамерлана [13]). Прибылъ ханъ

[10]) Ibid. I. 119.—Ibid. I. 55—56.

[11]) Diar. wojn. p. Zbaraz.

[12]) Pam. o wojn. kozac. za Chm. 35.—Woyn dom. 57.

[13]) Histor. belli cosac. polon. 100.

съ пышностью азіатскаго владыки, противоположною простотѣ его союзника, казацкаго вождя. Хмельницкій, съ знатными татарами, объѣзжалъ ряды своихъ воиновъ и, поглядывая на польскіе недоконченные окопы, гордо покрикивалъ: „справимо теперъ бенкетъ ляхамъ!" Возвратившись къ хану, онъ говорилъ, что есть надежда заночевать въ польскомъ обозѣ [14]).

Крики, насмѣшки и похвалки казацкіе отзывались въ ушахъ встревоженныхъ шляхтичей. Осадное положеніе не было въ духѣ польской тактики.

„Поляки (говорили тогда въ обозѣ) храбро и бодро сражаются на просторѣ, но не въ силахъ выдерживать тѣсноты и непрестаннаго нападенія."

Обыкновенно, въ такихъ случаяхъ, поляки бѣжали, сами себя обманывая тѣмъ, что это дѣлается съ цѣлью избрать удобнѣйшее мѣсто для сраженія; теперь нельзя было думать о бѣгствѣ куда нибудь далеко: всѣ пути были заняты казаками и татарами.

Предводители ободряли унылыхъ, а особенно Іеремія: онъ безпрестанно разъѣзжалъ по обозу и посылалъ своихъ адъютантовъ уговаривать жолнеровъ.

„Чѣмъ въ большей мы опасности, тѣмъ болѣе для насъ славы (говорилъ онъ): пусть наша маленькая горсть заставитъ непріятелей завидовать: „ай да поляки!" скажутъ они: „неустрашимый народъ!"

— „Хорошо показывать храбрость въ полѣ, отвѣчали жолнеры: теперь иное дѣло, когда непріятель окружилъ насъ со всѣхъ сторонъ."

---

[14]) Histor. pan. Jan. Kaz. 55.

— А развѣ поляки (говорили ободрители) только на коняхъ молодцы? Да вѣдь тогда коню геройскія дѣла приписать надобно, а не воину. И поле, и валъ — все одной Беллоны работы. Много чести побѣдить на полѣ; а еще болѣе славы храбрымъ рыцарямъ защищаться въ окопахъ. Отцы наши въ стѣнахъ московскихъ два года бились и не поддались; они же такъ отличались, овладѣвъ чужимъ; а намъ надобно показать тоже для вѣчной славы народу нашему за спасеніе родины [15]).

Вечеромъ духовные обходили обозъ съ св. дарами; всю ночь послѣ того провели жолнеры на молитвѣ [16]).

На другой день, въ воскресенье, 1-го іюля (11-го іюля н. ст.), Хмельницкій пустилъ татаръ и казаковъ на дивизію Фирлея; онъ направлялъ ихъ на тѣ мѣста польскаго обоза, гдѣ не были еще выведены окопы. Сраженіе происходило съ полудня до сумерекъ. Сначала поляки отбили первый напоръ, но когда Хмельницкій приказалъ ударить изъ тридцати пушекъ, которыхъ у него было семьдесятъ, а татары пустили въ обозъ дождь стрѣлъ, поляки опять начали молиться и ободряли себя религіозными процессіями [17]).

Въ понедѣльникъ, 2-го іюля (12-го іюля н. ст.), Хмельницкій послалъ казаковъ гадячскаго полка на правую сторону; тамъ было озеро и окопы вовсе не дѣланы. Полкомъ командовалъ Бурляй, богатырь; отличался онъ на Черномъ морѣ, завоевалъ Синопъ, зада-

---

[15]) Annal. Polon. Clim. I. 120. — Histor. pan. Jan. Kaz. I. 57.— Pam. do pan. Zygm. III. Wlad. IV i Jan. Kaz. II. 66.

[16]) Diar. wojn. p. Zbar. Star. pols. I. 253.

[17]) Woyn. dom. 58.—Diar. wojn. p. Zbar. ibid.

валъ страхъ самому Цареграду. Съ этой стороны обозъ защищала венгерская пѣхота; она не выдержала казацкаго натиска и обратилась назадъ. Казаки вторглись въ обозъ. Тѣмъ временемъ, татары бросились огромною толпою на Фирлея: поляки потеряли духъ.

— Намъ не возможно сражаться съ такимъ множествомъ непріятелей, надобно бѣжать и запереться въ збаражскомъ замкѣ! кричала толпа.

— Чортъ побери! восклицалъ Вишневецкій: — развѣ вамъ хочется, чтобъ казаки вытаскивали васъ за ноги изъ замка и рубили головы? Да ужъ если погибать, то лучше въ полѣ! Гей, братья! кому изъ васъ со мною умирать любо? Пойдемте на эту сволочь: утремъ имъ носъ!

Князь бросился съ отважными; инженеръ Пршіемскій заворотилъ бѣгущую венгерскую пѣхоту. Казаковъ выгнали изъ окоповъ, потомъ притиснули къ пруду; многіе потонули. Погибъ Бурляй. Увидѣвъ неудачу своихъ, полковникъ Морозенко кинулся на помощь гадячанамъ, но его смяли, и онъ самъ, пошатнувшись на конѣ, едва было не попался въ плѣнъ. Сѣча была отчаянная. Жестоко напирали казаки; упорно стояли поляки, ободряемые Вишневецкимъ. Разсказываютъ, что долго тогда враги спорили за раненаго дворянина, который, съ оторванною ногою, переходилъ то въ руки своихъ, то въ руки казаковъ. Наконецъ, товарищи отстояли его и отнесли умирать въ кругу своихъ. Послѣ такого неудачнаго нападенія (говорятъ польскіе лѣтописцы), ханъ былъ недоволенъ Хмельницкимъ, который предъ тѣмъ

говорилъ ему о возможности скоро заночевать въ польскомъ обозѣ [18])

Съ этихъ поръ Хмельницкій рѣшился обложить поляковъ, томить безпрерывною пальбою, морить голодомъ, и довести до крайняго положенія [19]). Онъ приказалъ насыпать вокругъ польскаго обоза валъ выше непріятельскаго и поставить на него пушки; все было готово въ одну ночь, потому что было кому работать. Утромъ, 3-го іюля, во вторникъ (13-го іюля н. ст.), ударили на поляковъ изъ пушекъ съ разныхъ сторонъ, и „разъяренное хлопство", говоритъ очевидецъ, „лѣзло какъ смола, а татарскія стрѣлы, летая въ разныхъ направленіяхъ затмѣвали солнечный свѣтъ" [20]).

Къ вечеру прекратилось нападеніе. Поляки увидѣли, что окопы протянуты слишкомъ широко; одинъ другаго укорялъ; а послѣ несогласій рѣшили рыть другіе окопы, тѣснѣйшіе, внутри прежнихъ. На другой день они были готовы; войско вступило въ нихъ, а лишнихъ лошадей выгнали прочь, по совѣту Вишневецкаго. Но едва только поляки вступили въ новые окопы, казаки бросились за ними, насыпали также окопы, еще выше польскихъ, и опять начали палить въ обозъ. Поляки, желая закрыться отъ непріятельской пальбы, безпрестанно повышали свои окопы, но вслѣдъ затѣмъ, у казаковъ предъ самымъ польскимъ обозомъ выказывался такой

---

[18]) Annal. Polon. Clim. I. 222. — Pam. do pan. Zygm. III. Wlad. IV. i Jan. Kaz. II. 67.

[19]) Истор. о през. бр —О томъ, что случ. въ Укр. 9.—Кратк. опис. о казац. малор. нар. 28.

[20]) Diar. wojn. p Zbaraz. Star. pols I. 256 —Woyn. dom. 59.

огромный валъ, что и собаку можно застрѣлить съ него, говоритъ очевидецъ. Такимъ образомъ, днемъ и ночью казаки не давали покоя непріятелю; одни изъ нихъ повышали свой валъ, другіе палили въ польскій обозъ, въ которомъ имъ видны были всѣ движенія. Пули летали какъ градъ; пальцемъ нельзя было сунуть въ пустое мѣсто, говоритъ очевидецъ [21]). Паны разобрали свои шатры, отвязали знамена и закрывались отъ непріятеля; а когда такой родъ защиты оказался недостаточнымъ, они принялись окапывать себя и лошадей землею; каждый вырывалъ себѣ нору и сидѣлъ въ ней, какъ кротъ, по собственному ихъ выраженію; а когда, наскучивъ мучительнымъ бездѣйствіемъ, они выскакивали изъ своихъ логовищъ на сраженіе, то, вмѣсто непріятелей, въ дыму и тучѣ стрѣлъ, били другъ друга. Въ эти дни, по совѣту Вишневецкаго, поляки начали рыть въ срединѣ своего обоза еще тѣснѣйшіе окопы, ужь подъ городомъ, и даже въ городѣ близь замка, и, оставивъ у старыхъ окоповъ по пятнадцати человѣкъ изъ каждой хоругви, бросились въ новые окопы; но не ушли они половину пути, какъ казаки обратили въ бѣгство сторожу, погнались за уходящими и перебили множество жолнеровъ, не успѣвшихъ вскочить въ новые окопы: чрезъ три часа появился у казаковъ высокій окопъ и опять началась утомительная для поляковъ пальба [22]). Казаки,

---

[21]) Diar. wojn. p. Zbaraz. Star. pols. I. 257—260.—Stor. delle guer. civ. 146.

[22]) Bell. scyth. cosac. 38—39.—Woyn. dom. 72.—Diar. wojn. p. Zbar. Star. pols. I. 258.—Stor. delle guer. civ 147.

между прочимъ пускали въ польскій обозъ изъ своихъ пушекъ зажженные нитяные клубки. Либо они хотѣли зажечь обозъ, либо думали околдовать поляковъ, говоритъ современный дневникъ, но казацкіе чародѣйства не вредили полякамъ: ксендзы разрушали ихъ дѣйствія своими экзорцизмами [23]).

Потомъ Хмельницкій прибѣгнулъ къ новому способу: онъ приказалъ копать мины, чтобы подземнымъ путемъ провести казаковъ въ средину польскаго лагеря; но инженеры заблаговременно открыли хитрость; замѣтивъ, что вдругъ прекратилось нападеніе съ вала, они стали догадываться, ставили на землю мисы съ водою и клали бубны. Догадка оправдалась: вода въ мисахъ волновалась, а бубны издавали звукъ на тѣхъ мѣстахъ, подъ которыми проводились подкопы. Тогда поляки, въ свою очередь, начали рыть контрмины и достигли до казаковъ [24]). „Такова то жестокость человѣческая (восклицаетъ польскій историкъ): мало мѣста имъ было на землѣ воевать, стали еще и подъ землею! Напрасно мудрые ищутъ ада in centro terrae; въ Украинѣ—тамъ настоящій адъ человѣческой злобы“ [25]).

27-го іюля (6-го августа н. ст.), казаки закопали поляковъ со всѣхъ сторонъ; валъ былъ столь великъ, что кто только изъ осажденныхъ высовалъ голову, тотчасъ его и убивали. Къ пущей бѣдѣ, у поляковъ не доставало пороха и огнестрѣльное оружіе потрескалось отъ

---

[23]) Jak. Michal. ks. pam. 452.

[24]) Bell scyth. cosac. 42.—Annal. Polon. Clim. I. 128.—Histor. pan. Jan Kaz. I. 63.

[25]) Histor. pan. Jan. Kaz. ibid.

частой стрѣльбы; инженеры и пушкари были изувѣчены или побиты [26]) Поляки забирали въ городѣ бочки, мазницы, обливали враговъ смолою и защищались съ остервенѣніемъ обломками ружей и деревомъ отъ возовъ. Врываясь въ окопы, казаки тянули къ себѣ крючьями возы и хватали воиновъ [27]). „Тогда (говоритъ очевидецъ) братъ не смѣлъ подать помощи брату, священники не могли приготовлять къ смерти; не успѣвали хоронить мертвыхъ; лѣтній жаръ, тѣснота, гніеніе труповъ задушали осажденныхъ и, что всего ужаснѣе, наступилъ губительный голодъ. Припасы, какіе прежде покупали за дорогую цѣну, были потреблены; въ городѣ нельзя было достать ничего ни за какія деньги; паны питались конскимъ мясомъ, забывъ свои затѣйливыя блюда; шляхтичъ завяливалъ свою лошадь и нерѣдко дрался за нее съ товарищемъ; но скоро такой источникъ продовольствія прекратился; много лошадей было заранѣе прогнано за обозъ, остальныя были застрѣлены, или задохлись въ дыму; жолнеры питались падалищемъ, собирали въ городскихъ домахъ кошекъ, мышей, собакъ, а когда и этихъ животныхъ не доставало, отрывали кожу съ возовъ и обуви, и ѣли, разваривая въ водѣ, а иные грызли зубами *спеклую* землю“ [28]). „И не одинъ ляхъ (говоритъ украинскій лѣтописецъ) заплатилъ

---

[26]) Annal Polon. Clim. I. 129. — Pam. do pan. Zygm. III. Wlad. IV i Jan Kaz. II 74.

[27]) Diar. wojn p. Zbar. Star. pols. I. 260.

[28]) Histor. pan. Jan Kaz. I. 64 —Pam. do pan. Zygm. III. Wlad. IV i Jan. Kaz. I. 21.—Annal. Polon. Clim. I. 130.—Stor delle guer civ 145. Woyna dom. 70 —Diar. wojn. p. Zbar. Star. pols I. 260.

мыто головою на лядскомъ базарѣ, и воды, бѣдный, не напився безъ кровной заплаты, но и ту пивъ зъ червями и сукровицею изъ труповъ:" казаки нарочно бросали трупы убитыхъ въ воду [29]). Многіе предводители оказывали благородное воздержаніе; хотя оставалось еще нѣсколько припасовъ, но, чтобъ ободрить унывающихъ, они отказывались отъ нихъ произвольно и ѣли лошадиное мясо. Старикъ Фирлей также хотѣлъ приняться за подобный столъ, но другіе не допустили его до этаго, принимая въ уваженіе его старость.

Придаючи большаго облеженцямъ утрапенья [30]), казаки и хлопы, отдыхая отъ нападеній, садились на валы и отпускали надъ врагами насмѣшки: „Коли ви, панове, чиншъ на Вкраині одбиратимете? Отъ уже рікъ тому есть, якъ ми ще вамъ нічого не платили. А може чи не загадаете якои панщини? Отъ изъ бидла досі не брали десятини, коні ржуть, бидло пошаліло, на ярмарокъ до Вроцлава хоче".

Отважнѣйшіе изъ пановъ вступали съ ними въ разговоръ.

— Теперь вамъ пока льгота (говорили они), а вотъ, скоро пойдете на панщину гатить плотину чрезъ Днѣпръ. А чиншъ соберетъ съ васъ литовское войско, какъ придетъ зимовать въ Украину. А десятину возьмутъ татары, какъ погонятъ въ Крымъ вашихъ женъ и дочерей [31]).

---

[29]) Истор. о през. бр.

[30]) Истор. о през. бр.

[31]) Hist. Jan. Kaz. I. 60.

— Годі вже вамъ, панове, удержуватись! кричали хлопы: — тільki дурно кунтуши покаляли та сорочки подралы, по шанцяхъ лазячи. Бо то все наше, тай вы сами есте яссиръ татарамъ голоднимъ. Отъ-се вамъ наробили очкові, та панщини, та пересуди, та сухомельщини! Була вамъ токи гарна музика: отъ теперъ такъ добре вамъ у дудку заграли козаки [32]).

При такомъ несчастномъ положеніи, несогласія въ обозѣ не утихали; изнуренные жолнеры приписывали бѣдствія свои гнѣву Божію, за то, что въ войскѣ находились реформаты. Одинъ разъ закипѣло сильное негодованіе на реформатскихъ духовныхъ, которые, къ соблазну католиковъ, отправляли свои молитвословія въ одно время съ религіозными католическими процессіями. Фирлей съ трудомъ спасъ ихъ отъ смерти, отправивъ поскорѣй въ замокъ [33]).

Челядь, то есть слуги, которыхъ у польскихъ жолнеровъ было больше, нежели ихъ самихъ, безпрестанно переходила къ казакамъ; были измѣнники и дворяне, даже знатные: вѣдавши то, что замышляютъ начальники; перебѣгали къ нимъ и иностранцы. Хмельницкій ласкалъ ихъ, особенно послѣднихъ, потому, что между ними были искусные артиллеристы и инженеры. Не такъ радушно были приняты збаражскіе мѣщане и тѣ простолюдины, которые ушли въ городъ при началѣ осады, избѣгая вербунки въ казацкое войско. Городъ Збаражъ съ его крѣпкимъ замкомъ, былъ постояннымъ

---

[32]) Pam. o wojn. kozac. za Chm. 51. — Wojn. dom. 75. — Histor. pan. Jan. Kaz. I. 60.—Past. Hist. plen. 58.

[33]) Histor. pan. Jan. Kaz. I. 65.—Annal. Polon. Clim. I. 131

предметомъ казацкихъ нападеній, большею частью не совсѣмъ удачныхъ. Мѣщане и хлопы ревностно помогали полякамъ, быть можетъ, и поневолѣ, отбивать козаковъ. Но ужъ предъ концомъ осады, когда голодъ сдѣлался невыносимъ, они съ отчаяніемъ хотѣли зажечь городъ или сдать непріятелю; предводители принуждены были ихъ выпустить; несчастные вышли полуживые, съ толпою польскихъ слугъ, и были взяты въ плѣнъ татарами. Вѣроятно, казаки отдали ихъ за участіе въ войнѣ противъ единовѣрцевъ [34]).

Таково было положеніе дѣлъ внутри польскаго обоза, во время этой памятной осады. Тѣмъ не менѣе Хмельницкій досадовалъ на продолжительность ея и упорство враговъ, и прибиралъ разныя средства заставить поляковъ сдаться. Одинъ разъ, онъ надѣлалъ соломенныхъ чучелъ, одѣтыхъ въ турецкое платье, посадилъ на лошадей и думалъ испугать поляковъ появленіемъ новаго турецкаго войска. Однако, это не удалось: поляки разсмотрѣли въ зрительные трубы, что это не настоящіе турки [35]).

Стѣсняемые болѣе и болѣе врагами, поляки пытались войти въ переговоры съ ними, 4/14 іюля Вишневецкій съѣзжался съ ханскимъ визиремъ Шефферъ-Кази; они разсуждали дружески, но не могли ни на чемъ сойтись. Вишневецкій говорилъ: „ударьте разомъ съ нами на казаковъ; мы за то отблагодаримъ васъ—„Ты князь прежде явись къ хану и положи передъ нимъ оружіе“—сказалъ Шефферъ-Кази—„Это для меня унизительно и слу-

---

34) Jak. Michal. 467.

35) Bell. scyth. cosac. 40.—Кратк. опис. о каз. мал. нар. 28.

шать"—сказалъ Вишневецкій и уѣхалъ прочь. Потомъ поляки пытались сойтись съ самимъ Хмельницкимъ. Племянникъ Адама Киселя, новгородсѣверскій хорунжій Кисель, недавно бывшій въ посольствѣ у казацкаго гетмана, написалъ къ нему письмо. По этому письму Хмельницкій $^{11}/_{2}$ іюля вызывалъ одного изъ пановъ греческаго вѣроисповѣданія, Зацвилиховскаго давняго своего знакомаго и даже пріятеля, на разговоръ [36]).

„Каково вамъ въ осадѣ, господа? говорилъ онъ: — не хорошо, я думаю. Слушай же: ты мой давній пріятель; передайся къ намъ и пановъ русскихъ уговори: мнѣ вѣдь жаль своихъ единовѣрцевъ."

Зацвилиховскій на это могъ сказать только то, что присяга побуждаетъ его быть вѣрнымъ королю и Рѣчи Посполитой.

Чрезъ нѣсколько времени пытались еще разъ поляки смягчить Хмельницкаго. Зацвилиховскій отправился къ нему [37]) снова, уже съ Киселемъ. Хмельницкій—говоритъ современникъ, на этотъ разъ не былъ пьянъ отъ вина, но былъ слишкомъ упоенъ счастіемъ. Кисель хотѣлъ употребить въ дѣло краснорѣчіе, но Хмельницкій прервалъ его, покачалъ головою и сказалъ ему, начавъ своею обыкновенною поговоркою:

„Шкода говорити! вы просите пощады; я васъ пощажу: выдатйте мнѣ Вишневецкаго и Конецпольскаго; они причиною всей бѣды, выдайте также Ляндскоронскаго, Остророга и Сѣнявскаго, а самивыходите изъ обозаи по-

---

[36]) Jak. Michal. Ks. Pam. 450—Woyna dom. 63.—Pam. o woyn. koz. 41.

[37]) Pastor. Hist. plenior. 47.

ложите оружіе... Пусть, сверхъ того, мнѣ будутъ уступлены Польшею всѣ провинціи по рѣку Вислу."

„Такія тяжелыя условія—отвѣчали паны—войско не въ силахъ принять, притомъ ваша милость дѣлаете предложенія о томъ, что не въ нашей власти; войско не имѣетъ правъ надъ землями Рѣчи-Посполитой".

Хмельницкій началъ имъ говорить рѣзко и съ угрозами. Кисель сказалъ: „Намъ остается молчать. Мы надѣемся на Бога и будемъ защищаться до послѣдней капли крови, хотя бы ваша милость, алча нашей крови, подвинули на насъ силы самаго ада" [38]).

Послѣ этой неудачи сойтись съ Хмельницкимъ, когда полякамъ стало въ осадѣ хуже, паны собрались на совѣтъ и говорили: „честнѣе и надежнѣе будетъ попытаться войти въ сношенія съ ханомъ—иноземнымъ государемъ, чѣмъ съ этимъ грубымъ хлопствомъ. Рабская душа не въ силахъ сохранить умѣренности въ счастьи и не можетъ удержаться, чтобъ не ругаться безстыдно надъ тѣми, передъ которыми прежде раболѣпствовала. Если ханъ предпочтетъ миръ войнѣ, Хмельницкій падетъ, потому что этотъ государь—единственный виновникъ его могущества и счастія." Поляки рѣшились отправить къ хану двухъ особъ, Яницкаго и Бѣлецкаго, знавшихъ по татарски [39]).

16/26 іюля они явились къ Исламъ-Гирею и стали упрашивать его отступить отъ казаковъ и войти въ соглашеніе съ поляками.

---

[38]) Woyna dom. 68.

[39]) Pastor. Hist. plenior. 48.

„Что это—воскликнулъ ханъ—вы намъ предлагаете совѣщанія, когда вы и безъ того у насъ въ рукахъ? Завтра мы васъ всѣхъ за шиворотъ вытянемъ.“

На всѣ представленія польскихъ посланцевъ Исламъ-Гирей отвѣчалъ ѣдкими насмѣшками. Нельзя было сговориться съ нимъ [40]).

Хмельницкій, узнавши объ этомъ, далъ хану такой совѣтъ.

— Упорство поляковъ, говорилъ онъ:– зависитъ отъ Вишневецкаго; стоитъ только выманить его изъ обоза подъ видомъ переговоровъ и взять въ неволю, — поляки непремѣнно сдадутся, лишась храбрѣйшаго предводителя.—

Ханъ принялъ совѣтъ и препоручилъ обдѣлать это дѣло визирю Шефферъ-Кази. Послѣдній выѣхалъ къ польскимъ окопамъ и сказалъ: „Поляки, ханъ согласенъ на миръ и хочетъ быть посредникомъ между вами и Хмельницкимъ; но желаетъ, чтобъ на переговоры выѣхали къ нему Вишневецкій и Конецпольскій. Если эти два пана явятся лично къ хану, то его величество избавитъ васъ всѣхъ отъ опасности“.

Изъ обоза отвѣчали ему, что завтра поляки скажутъ свое рѣшеніе.

Вечеромъ собрался совѣтъ, и „предводители задумались“, по выраженію польскаго историка. „Зачѣмъ ханъ зоветъ на конференцію именно Вишневецкаго и Конецпольскаго? (говорили они) почему не главныхъ предводителей: Фирлея, Остророга или Ляндскоронскаго?“

---

[40]) Michalowsk. ks. pam. 451.

Татары, между тѣмъ, разглашали самыя пріятныя для поляковъ вѣсти: будто ханъ намѣренъ имъ выдать Хмельницкаго.

„Эй, не то! говорили паны: — глядите, какъ бы это не продѣлка Хмельницкаго! Онъ давно золъ на этихъ двухъ пановъ!"

Совѣтъ разошелся, ничего не рѣшивъ. Вдругъ ночью, жолнеры привели трехъ плѣнныхъ казаковъ; одинъ изъ нихъ сознался, что вызовъ пановъ къ хану есть хитрость казацкаго вождя, и что еслибъ Вишневецкій явился къ хану, то ужъ не воротился бы въ обозъ.

„Ага! такъ и есть! восклицали паны: — хитро разбойникъ, затѣялъ дѣло, да не умѣлъ довести до конца. Пьяный расхвастался и выболталъ секретъ".

Поляки рѣшились послать къ хану еще разъ Яницкаго.

$^{18}/_{28}$ іюля Яницкій явился предъ ханомъ. „Причина этой войны—представлялъ онъ ему—та, что казакамъ запрещали ходить на Чорное море и опустошать турецкое государство и Крымъ. Татары подали имъ помощь и уничтожили наше войско подъ Корсуномъ. Теперь татары съ ними въ союзѣ и воюютъ насъ. Но какое же будетъ послѣдствіе этой войны для татаръ? Казаки станутъ еще своевольнѣе и снова начнутъ опустошать оттоманское государство. Пусть лучше татары теперь же отступятъ въ свою землю: мы не сдѣлали имъ никакого зла, и турецкій императоръ не объявлялъ намъ войны".

Ханъ выслушалъ его сурово.

„Лучше вы поскорѣе сдайтесь—сказалъ онъ—а если

сегодня не сдадитесь, такъ завтра всѣмъ вамъ будетъ кесимъ; никому не будетъ пощады".

„Вотъ ужъ три недѣли вы намъ грозите судомъ Божіимъ, сказалъ Яницкій — но мы уповаемъ на милость Божію. Надѣемся, что завтра Богъ насъ не оставитъ. Кто завтра за нашими головами придетъ, тотъ и свою понесетъ къ намъ".

„А можетъ быть", сказалъ ханъ смягчившись—завтра все окончится хорошо. Пусть только князь Вишневецкій придетъ сюда ко мнѣ; я вышлю къ нему всѣхъ моихъ мурзаковъ на встрѣчу: такой ему почетъ будетъ".

Когда Яницкій выѣзжалъ отъ хана, писарь Выговскій сошелся съ нимъ и говорилъ: „я присталъ къ казакамъ по неволѣ. Меня поймали на Жовтыхъ Водахъ. Хмельницкій выкупилъ меня за кобылу и велѣлъ быть при себѣ. У меня отецъ, братья, сестры. Если я брошу Хмельницкаго, онъ прикажетъ всѣхъ ихъ побить", Онъ увѣрялъ въ своемъ расположеніи къ полякамъ, разсчитывая, на всякій случай, оградить себя отъ бѣды, если бы поляки взяли верхъ и ханъ оставилъ казаковъ [41]).

Польскіе современные лѣтописцы говорятъ, что Шефферъ-Кази подъѣзжалъ къ окопамъ и извѣщалъ, что ханъ дожидается Вишневецкаго и Конецпольскаго. Выѣхавшій къ нему Яницкій отвѣчалъ:

„Войско не позволяетъ Вишневецкому и Конецпольскому выѣзжать изъ обоза, хотя они душевно желаютъ повидаться съ его величествомъ".

---

[41]) Jak. Micha. ks. Pam. 453.

Такой отвѣтъ взбѣсилъ татарина.

— „Такъ вы смѣете пренебрегать разговоромъ съ ханомъ и не довѣряете ханскому слову!“ вскричалъ татаринъ. Онъ плюнулъ на Яницкаго и съ угрозами уѣхалъ [42]).

Скоро послѣ того, 23 іюля (2 августа н. с.), случилось такое событіе: бѣглый нѣмецъ увѣрялъ Хмельницкаго, что иностранцы недовольны поляками и есть возможность преклонить ихъ къ измѣнѣ. Этотъ нѣмецъ взялся доставить въ обозъ возмутительное воззваніе такого содержанія:

„До сихъ поръ польское войско, находясь въ осадѣ, закрывается нѣмецкою грудью. Всѣмъ извѣстно, что поляки трусы и прячутся вамъ за спину: они купили ваше мужество за невѣрную плату, потому что у нихъ обычай много обѣщать и ничего не давать, а если что и дадутъ, то достанется немногимъ. Вспомните, сколько вы перенесли опасностей и потеряли крови! Какою цѣною они платятъ вамъ за нее? Если же вы перестанете служить имъ и пристанете ко мнѣ, то получите больше выгодъ и вѣрнѣе награду: вы не только возьмете готовое жалованье, но еще примете отъ меня особые подарки за вашу отвагу и побѣды“.

Вручая бѣглецу письмо, онъ, для прикрытія хитрости, послалъ съ нимъ письмо къ Іереміи Вишневецкому, въ которомъ назвалъ его „пріятелемъ моимъ, хотя недоброжелательнымъ“. Хмельницкій возвращалъ Вишневецкому письмо, перехваченное на дорогѣ: письмо это посылалъ Вишневецкій къ королю. „Посланцу вашей ми-

[42]) Histor. pan. Jan Kaz. I. 63 —Annal. Polon. Clim. I. 127.—Pam. do panow. Zygm. III. Wlad. IV. Jan. Kaz. II. 72.

лости“ писалъ Хмельницкій „отрубили голову, а письмо возвращаю въ цѣлости. Ваша милость надѣетесь на помощь отъ короля; зачѣмъ же вы сами не выходите изъ норъ и не соединяетесь съ королемъ? Король вѣдь не безъ ума: не станетъ безразсудно терять людей. Какъ ему итти къ вамъ на помощь! Безъ табора нельзя, а съ таборомъ—все рѣчки, да протоки. Вѣрно его величество насъ скорѣе къ себѣ дождется, и, тогда наступитъ соглашеніе и договоръ обо всемъ. А ваша милость на насъ не жалуйтесь; мы васъ не зацѣпляли и хотѣли васъ сохранить въ цѣлости въ заднѣпровскомъ государствѣ. Вѣрно такъ по Божьей волѣ пришлось“.

Отдавъ письмо Вишневецкому, нѣмецъ затесался между бывшихъ товарищей и сталъ показывать возмутительное посланіе. Но оно, переходя изъ рукъ въ руки, скоро попалось хорунжему нѣмецкой пѣхоты Корфу а отъ него дошло и до князя Вишневецкаго.

Іеремія написалъ Хмельницкому отвѣтъ, гдѣ, между прочимъ, выражался такъ; „Нечего хвалиться, что ваша милость приказалъ казнить моего посланца; это не по кавалерски, а по тирански. Надобно помнить: когда кого фортуна изъ ничтожества возноситъ, то для того, чтобъ паденіе его было тяжелѣе. И вамъ слѣдуетъ осматриваться и уже пора! Ваша милость называете меня недоброжелательнымъ пріятелемъ; узнаете противное, когда покажетесь вѣрнымъ королю и Рѣчи Посполитой. По многихъ карахъ отъ Бога, все-таки придетъ до того, что вашей милости не удастся побѣдить короля, который до сихъ поръ хотѣлъ побѣдить васъ не мечемъ, но милостью, какъ подданнаго. Дурныя переправы затрудняютъ ему путь къ нашему войску, но ваша ми-

лость не всѣ наши письма перехватываете; иные и доходятъ до короля, и отъ короля къ намъ приходятъ. Не хорошо, что ваша милость послали съ бѣглецомъ универсалъ къ чужеземному войску; благодареніе Богу, ихъ вѣрность и добродѣтели несомнительны; ихъ начальники по большей части изъ шляхты, да и большая часть ихъ самихъ не привыкла измѣнять. Я возвращаю вамъ писанье къ чужеземцамъ, какъ ненужное". Онъ предлагалъ окупъ за плѣнныхъ, благодарилъ Хмельницкаго за недопущеніе его заднѣпровскихъ имѣній до разоренія. „Въ настояшее время", кончалъ Вишневецкій свое письмо „подданные мои пошли въ ваше войско; я не ставлю имъ этого въ вину; они принуждены были такъ поступить. Увѣрьте ихъ, что я окажу имъ свою милость. Желаю, чтобъ ваша милость не держали ихъ у себя, а отпустили домой" [43]).

Въ отвѣтъ Хмельницкому на его воззваніе къ чужеземцамъ, Корфъ послалъ такую записку:

„Хотя мы нѣмцы и въ осадѣ, но ваша милость не склоните насъ къ предательству; мы не хотимъ быть измѣнниками, подобными вамъ?" [44]).

Хмельницкій давно сдержалъ бы свое слово и заночевалъ въ польскомъ обозѣ, если бы тамъ не было воинственнаго Іереміи. Почти всегда, какъ только Хмельницкій напиралъ сильно на поляковъ, предводители не въ силахъ были остановить воиновъ, которые хотѣли бѣжать и запереться въ замкѣ: Хмельницкому это было

---

[43]) Jak. Michal., ks. Pam. 456—458.

[44]) Annal. Polon. Clim I. 132.

бы очень выгодно. Одинъ Іеремія имѣлъ даръ управлять толпою. Одинъ изъ ужасныхъ для поляковъ дней былъ 9 іюля (19 н. с.). Разсказываютъ, что наканунѣ этого дня, ханъ соскучившись безплодною осадою, приказалъ привести къ себѣ Хмельницкаго *за шею*, по выраженію поляковъ [45]).

„Что это значитъ? говорилъ гнѣвный повелитель Крыма:—съ такимъ огромнымъ войскомъ ты не одолѣешь малой горсти поляковъ и держишь насъ по пустому? Если ты мнѣ, въ три дня, не расправишься съ поляками, то поплатишься собою и людьми своими: ты мнѣ обѣщалъ заселить Крымъ ляхами—заселишь его своими казаками!"

Хмельницкій выѣхалъ къ казакамъ и кричалъ вслухъ сего войска:

„Гей, козаки молодці! Отъ що я вамъ до уваги подаю, що мині ханъ, его милость, казавъ, що ежели ему поляківъ на яссиръ не дамо, то сами у неволю до Крыму підемо" [46]).

Послѣ этого, русскіе наготовили лѣстницъ, цѣпей, крюковъ, машинъ и ударили на штурмъ. По извѣстію польскихъ историковъ, щадя своихъ воиновъ, Хмельницкій поставилъ впереди плѣнныхъ поляковъ и насильно набранныхъ по окрестностямъ жителей, привязалъ ихъ къ длиннымъ шестамъ, повѣсилъ имъ на груди мѣшки съ землею, для защиты отъ непріятельскихъ пуль, а за ними шли казаки, огражденные та-

---

[45]) Woyna dom. 63 —Pam. o wojn. kozac. za Chmieln. 42.

[46]) Wojn. dom. 65.—Pam: o wojn. kozac. za Chmieln. 42.

кимъ образомъ несчастными, долженствовавшими служить щитами для своихъ враговъ и мишенью для соотечественниковъ; черезъ нихъ палили, а другіе подгоняли плѣнниковъ нагайками. Вслѣдъ затѣмъ, катились изумительныя гуляй городыши, которыя польскій историкъ сравниваетъ съ троянскимъ конемъ [47]). Съ гикомъ, при громѣ нѣсколькихъ десятковъ пушекъ, бросились казаки на приступъ съ разныхъ сторонъ. Поляки сидѣли въ темнотѣ отъ дыма [48]). Въ иныхъ мѣстахъ казаки прорвались черезъ окопы и рѣзали враговъ, такъ что тѣ не успѣвали заряжать ружей. Страхъ и отчаяніе овладѣли войскомъ. Предводители говорили:

— Намъ надобно оставить въ замкѣ два полка пѣхоты, пушки, а самимъ бѣжать.

Такъ говорили они, мало помышляя, возможно ли исполнить то, о чемъ говорили. Вишневецкій засмѣялся.

— Вы помѣстите въ замкѣ пѣхоту, сказалъ онъ: а что-жъ она будетъ дѣлать въ тѣснотѣ, безъ пищи? А съ лошадьми куда дѣваться? Да и какъ пробраться сквозь неисчислимые ряды враговъ? Развѣ крылья придѣлать себѣ и лошадямъ, и перелетѣть по воздуху черезъ непріятельскій обозъ? А тѣхъ куда дѣнете, у которыхъ лошади пали, слугъ, мѣщанъ и простолюдиновъ? Вѣдь они христіане: грѣхъ ихъ покинуть! Развѣ вамъ жизнь дороже чести? Но мы сохранимъ и жизнь и честь, если рѣшимся обороняться до послѣдней возможности.—

„Не пожалѣемъ рукъ, — кричали ободренные смѣль-

[47]) Histor. ab exc. Wlad. IV. 42.

[48]) Diar. wojn. p. Zbar.

чаки: — будемъ сражаться соединенными силами, пока ни одного изъ насъ не станетъ" [49]).

Но такихъ было мало: большая часть выступала бодро, а потомъ пятилась назадъ. Князь съ обнаженною саблею заступалъ имъ дорогу.

„Если кто двинется назадъ, тотъ или самъ погибнетъ, или меня на мѣстѣ положитъ! кричалъ онъ: не дадимъ сволочи потѣшаться. Впередъ [50])."

Ободряя, такимъ образомъ, воиновъ, Іеремія бросился съ племянникомъ своимъ изъ окоповъ, ворвался въ средину непріятелей, собственноручно положилъ на мѣстѣ нѣсколько казаковъ, бросился на гуляй городыну, разогналъ подвигавшихъ ее хлоповъ, и зажегъ ее. Разсказываютъ, будто въ то время полился дождь, а машина горѣла, и всѣ причли это къ чуду [51]).

Въ другой разъ, въ концѣ іюля, въ одинъ изъ тѣхъ дней, когда, по выраженію современника [52]), съ огромнаго казачьяго вала летѣли на поляковъ огненные вѣнцы пороха, а гранаты и пули не давали никому выглянуть изъ землянокъ, всеобщее уныніе распространилось въ польскомъ лагерѣ.

— Больше ничего не остается, какъ уйдти въ замокъ и тамъ защищаться—говорили поляки.

„Такъ! такъ! говорилъ Іеремія: — этого только и хочется непріятелю, чтобъ мы уступили ему поле, а

---

[49]) Annal. Polon. Clim I. 124. — Pam. do pan. Zygm. III Wlad. IV i Jan. Kaz. II. 70.

[50]) Pam. o wojn. kozac. za Chmieln. 43

[51]) Annal. Polon. Clim. I. 129.—Histor. pan. Jan. Kaz. I. 61

[52]) Pam. o wojn. kozac. za Chmieln: 47.

сами залѣзли въ городъ и замокъ. Тогда онъ насъ и повыберетъ оттуда, какъ грибы изъ лукошка. Подлецъ тотъ, кто пойдетъ! Я останусь здѣсь" [53]).

Тогда-то, по совѣту его, поляки отправили больныхъ въ замокъ, а сами сдѣлали тѣснѣйшіе окопы и заперлись въ нихъ.

Въ самомъ несчастномъ положеніи войска, когда голодъ свирѣпствовалъ въ высшей степени, князь не терялъ духа и заохочивалъ къ бою.

„Еще немного, еще немного!" говорилъ онъ:—„и мы получимъ помощь. Король недалеко! Вотъ вотъ онъ къ намъ явится!"

Не разъ онъ ходилъ съ отрядомъ добывать языка и однажды привелъ въ обозъ нѣсколько плѣнниковъ, изъ которыхъ одинъ сказалъ:

„Король уже недалеко, близь Топорова; татары узнали объ этомъ навѣрное; Хмельницкій испугался и хочетъ бѣжать; уже онъ отправилъ возы за Горынь".

Это развеселило поляковъ.

„Вотъ и нашъ часъ приходитъ, говорилъ Іеремія:—и мы, въ свою очередь, помстимся надъ врагами!"

Чѣмъ сильнѣе козаки напирали на поляковъ, чѣмъ жарче палили изъ пушекъ, тѣмъ бодрѣе казался Вишневецкій.

— Радуйтесь! радуйтесь! говорилъ онъ:—вотъ вотъ король подходитъ; оттого то непріятель намъ и не даетъ покоя! [54]).

---

[53]) Wojn. dom. 71.—Pam o wojn. kozac. za Chmieln. 48.

[54]) Pam. o wojn. kozac. za Chmieln. 49.

Хмельницкій, черезъ бѣглецовъ, продолжавшихъ переходить къ нему, узналъ, что такое мнѣніе распространилось между непріятелемъ, и задумалъ имъ воспользоваться для своихъ выгодъ. Онъ приказалъ одну часть возовъ съ припасами побросать на мѣстѣ, а на другіе возы наложить хворосту и ѣхать по дорогѣ къ Старому Збаражу. Хлопы, сидя на возахъ, кричали:

— Эй рушай! рушай! не ближься до лядськихъ окопівъ! Уже бачу. ляхівъ не будемъ добувати. король ихъ зъ виськомъ иде [55]).

Это сдѣлано было въ томъ предположеніи, что иныхъ можно будетъ выманить изъ обоза оставленными съѣстными припасами, а другіе вздумаютъ ударить съ тыла на ѣдущихъ. Но поляки не трогались съ мѣста и недовѣрчиво посматривали на казацкіе маневры. Тогда Хмельницкій употребилъ свое приготовленіе на другое дѣло: рано утромъ, поляки увидѣли, что казацкіе окопы повысились отъ наброшеннаго на нихъ хвороста; сверху стояли огромныя лѣстницы; взобравшись на нихъ, казаки длинными *котвыцями* (такъ назывались крюки, на подобіе якорей) удили, такъ сказать, осажденныхъ и таскали за окопы. Въ то время обозъ уже былъ зарытъ до того, что не оставалось и узкаго прохода для вылазки; словомъ, „непріятель,“ говоритъ очевидецъ, „могъ насъ всѣхъ посчитать и перебить какъ куръ“ [56]).

Въ такомъ ужасномъ положеніи прошелъ день, прошелъ и другой; некому было ободрять унывающихъ.

---

[55]) Истор. о през. бр.—Woyna dom. 74.

[56]) Pam. o wojn. kozac. za Chmieln. 49.

Уже всѣ сильно роптали на Вишневецкаго за то, что онъ довелъ войско до такого положенія своими выходками и ложными увѣреніями скораго королевскаго прихода. Іеремія послѣдній разъ придумалъ средство спасти, хоть на нѣсколько дней, обозъ отъ неминуемой сдачи. Онъ находился въ своей палаткѣ съ полководцами; до ушей его долетали насмѣшки торжествующихъ казаковъ, вмѣстѣ съ стонами умирающихъ отъ голода соотечественниковъ; полководцы видѣли *послѣдняя своя* [57]), разсуждали и ничего не могли выдумать утѣшительнаго; вдругъ, со стороны непріятельскаго обоза, прилетѣла стрѣла и упала къ ногамъ Іереміи; къ стрѣлѣ привязана была записочка. Вишневецкій, вмѣстѣ съ прочими, показалъ видъ изумленія, поднялъ стрѣлу и прочиталъ слѣдующее въ записочкѣ:

„Я, природный полякъ, прошлый годъ, по причинѣ обидъ отъ одного господина, принужденъ былъ идти въ службу Хмельницкаго; но желаю добра своимъ соотечественникамъ, а потому извѣщаю васъ, братья-поляки, что король вашъ за пять миль отсюда съ большимъ войскомъ. Хмельницкій съ татарами знаетъ объ этомъ и боится, и если сильно на васъ нападаетъ, то потому чтобъ васъ скорѣе взять, пока еще не прибылъ король. Надѣйтесь и выдерживайте осаду: Богъ и король избавятъ васъ!“

Это была хитрость князя. Онъ приказалъ одному изъ приближенныхъ пустить эту стрѣлу въ то время, когда онъ будетъ сидѣть съ полководцами. Войско, узнавъ о

---

[57]) Истор. о през. бр.

письмѣ, стало увѣреннѣе, и хотя казаки сильно палили въ обозъ, а голодъ дѣлался нестерпимѣе съ каждымъ часомъ, за то каждый шумъ въ непріятельскомъ лагерѣ наполнялъ сердца поляковъ ожиданіемъ [58]).

Таковы заслуги Іереміи, которому отдаютъ честь не только польскіе, но и русскіе лѣтописцы.

Еще до прибытія казаковъ, польскіе предводители писали къ канцлеру, просили помощи и представляли невозможность удержаться противъ сильнаго и многочисленнаго непріятеля [59]). Во время осады они нѣсколько разъ посылали письма, но казаки ихъ перехватывали [60]) какъ это сдѣлалось съ письмомъ Вишневецкаго. Осажденные, изъ показаній плѣнниковъ, были увѣрены, что король идетъ къ нимъ на помощь; но король могъ не знать, въ какомъ крайнемъ положеніи войско; король могъ медлить, а, между тѣмъ, голодъ и недостатокъ пороха и оружія должны были погубить польское войско чрезъ нѣсколько дней.

„Король недалеко, говорили предводители: — теперь отъ нашей отваги зависитъ наше спасеніе. Пусть кто нибудь рѣшится отъискать его и доставить ему извѣстіе“.

„Правда, говорили паны: — но возможно ли это, когда не только человѣку, птицѣ перелетѣть трудно! Головы не дадутъ высунуть изъ окоповъ!“

---

[58]) Jak. Michal. 464.—Pam. o wojn. koz. za Chmieln. 52.—Истор. о през. бр.—Bell. scyth. cosac. 50 —Кратк. опис. о малор. пар. 30.—Hist. belli cosac. polon. 102.—Woyn. dom. 76.

[59]) Памятн. кіевск. комм. I. 3. 441—444.

[60]) Кратк. опис. о каз. мал. пар. 9.

Было объявлено въ обозѣ, что если кто доставитъ королю извѣстіе, тотъ получитъ большую награду. Вызвался служившій у Вишневецкаго шляхтичъ Стомпковскій. Ему дали письмо такого содержанія: [60])

„Мы въ крайности. Непріятель окружилъ насъ такъ, что птица не перелѣтитъ отъ насъ и къ намъ. Письма наши къ вашему величеству перехвачены. Не только лошади пали, но у насъ самихъ нѣтъ продовольствія и болѣе нѣсколькихъ дней не можемъ держаться. Хуже то, что пороха нѣтъ, а непріятель дѣлаетъ сильные приступы: много пороха потратили. Коротко сказать, пороха станетъ едва дня на три. Благоволите, ваше величество, помочь войску; великій вредъ для вашего величества а Рѣчи Посполитой будетъ, если это войско погибнетъ: оно никакимъ способомъ не можетъ существовать долѣе недѣли. Ради Бога, дайте помощь и пороха пришлите по больше. Это письмо писали уже тому третій день, а мы въ крайней нуждѣ. Ради Бога помогите. На честный миръ нѣтъ надежды. Хмельницкій надѣется быть господиномъ всей Польши. Голодъ чрезвычайный и неслыханный, ежедневные труды и опасности терпимъ мы изъ любви къ отечеству и вашему величеству. Но пороха у насъ только на нѣсколько дней. Помогите намъ, ради Бога, порохомъ, чтобъ мы, по крайней мѣрѣ, погибли въ бою, какъ воины, если за нескорою присылкою войска намъ придется погибнуть“.

Письмо это написано было условною азбукою.

11 августа, Стомпковскій, по мужицки прибралъ голову, какъ русинъ. Нельзя было перескочить черезъ окопы; онъ

---

[6]) Jak. Michal. ks. pam. 428.

съ казакомъ и двумя татарами бросился въ прудъ, который примыкалъ, съ одной стороны, къ обозу, ночью переплылъ его на лодкѣ, проползъ, какъ змѣя, посреди спящихъ непріятелей, и къ свѣту добрался до болотистаго мѣста; тамъ просидѣлъ онъ цѣлый день, боясь показать голову, чтобъ не встрѣтить красной казацкой шапки или татарской кучмы. Ночью онъ снова ползъ по травѣ; при малѣйшемъ шумѣ припадалъ лицомъ къ землѣ и притаивалъ дыханіе, какъ охотникъ за медвѣдемъ. Такимъ образомъ онъ достигъ до бурьяновъ, гдѣ уже могъ идти сгорбившись, а когда минулъ станъ непріятельскій, то побѣжалъ, выдавая себя за русскаго мужика, а далѣе, по почтѣ, прискакалъ въ мѣстечко Топоровъ, гдѣ засталъ Яна Казимира [62]).

Сеймъ, какъ уже было сказано, далъ королю право собрать, въ случаѣ необходимости, посполитое рушенье. Между лицами, окружавшими короля, происходило недоумѣнье относительно этого. Польское правительство употребило мѣры къ огражденію себя отъ сосѣдей, послало нарочныхъ пословъ въ Московское Государство, Швецію и Трансильванію съ изложеніемъ своей справедливости въ отношеніи къ украинскому возстанію; однако многіе изъ сенаторовъ представляли, что неблагоразумно оставить королевство безъ жителей, годныхъ къ отраженію не-

---

[62]) Hist. ab exc. Wlad. IV. 45.—Annal. Polon. Clim 1. 137.—Hist. Jan. Kaz. I. 71.—Pam. do panow. Zygm. III. Wlad. IV. i Jan. Kaz. II. 81.—Woyna dom. 77.—Pam. o wojn. koz. za Chmieln. 53.—Истор. о през. бр. У нѣкоторыхъ, лицо, доставившее королю письмо, называется Скршетускій.—У Пасторія (Hist. plenior) Скршетускій и Стомпковскій—два разныя лица и оба приносили королю вѣсти одинъ за другимъ.

пріятеля: не могли не опасаться Ракочи, который переговаривался съ Хмельницкимъ; боялись Швеціи, постоянной соперницы Польши [63]). Другіе страшились, чтобъ въ то время, когда дворяне выйдутъ на войну, не сдѣлалось возмущенія между польскими хлопами, въ подражаніе украинскимъ. Сверхъ того, доходили слухи, что шляхтичи на своихъ сеймикахъ негодовали и находили противозаконнымъ, что на нихъ наложили особенную подать и, вмѣстѣ съ тѣмъ призываютъ на посполитое рушенье [64]). „Это значитъ (говорили они) съ одного вола драть двѣ шкуры!" Тогда король оповѣстилъ снова сеймъ къ 1 іюня. На этотъ сеймъ не явилось и сорока пословъ, и потому многіе впослѣдствіи не признавали его правильнымъ сеймомъ, достойнымъ своего названія. Засѣданія продолжались шесть дней и предметомъ споровъ было посполитое рушенье. Оссолинскій и его приверженцы доказывали, что его собирать не нужно, представляли, что въ войнѣ искусство и храбрость цѣнятся болѣе многолюдства, хвалили наемное иноземное войско и указывали на трусость и невоинственность польскихъ шляхтичей, показавшихъ себя подъ Пилявою. Главнымъ противникомъ Оссолинскаго былъ подканцлеръ куявскій епископъ, и его стороны держались духовные. „Этому было причиною, говоритъ современникъ, не столько любовь къ отечеству, сколько то, что, при сборѣ посполитаго рушенья, они надѣялись ничего не платить съ своихъ имѣній, между тѣмъ какъ, въ противномъ случаѣ, принуждены были бы давать пособія на жалованье наемнымъ

---

[63]) Памятн. кіевск. комм. I. 3. 412.

[64]) Annal. Polon. Clim I.—Памятн. кіевск. комм. I. 412.

войскамъ". Рѣшили только, что король долженъ съ войсомъ идти въ Украину: о посполитомъ рушеньи не было сдѣлано окончательнаго приговора. Тѣмъ не менѣе, король оповѣстилъ два раза о томъ, чтобъ всѣ были на готовѣ по востребованію [65]). Эти оповѣщенія въ Польшѣ назывались *вици*. Послѣ первыхъ и вторыхъ вицей всѣ должны быть подъ ружьемъ, за третьими—выступать безъ малѣйшаго замедленія. Каждый шляхтичъ, если только онъ не былъ старъ или болѣнъ и не поставлялъ другаго вмѣсто себя, долженъ былъ выѣзжать во всемъ вооруженіи, на боевомъ конѣ; за нимъ слѣдовало нѣсколько слугъ, вооруженныхъ саблями, ружьями или стрѣлами; одинъ изъ этихъ слугъ сидѣлъ на высокомъ возѣ, запряженномъ въ двѣ лошади; возъ былъ сверху закрытъ: тамъ хранились съѣстные запасы, которые, по обычаю времени, состояли изъ ветчины, сухарей, гороху, овса, уксусу и водки въ большомъ количествѣ. Хозяинъ избѣгалъ тратить эти запасы, когда проѣзжалъ по населеннымъ землямъ и могъ все купить, а берегъ на случай нужды. Въ этомъ возѣ, кромѣ съѣстнаго, можно было найти запасное оружіе и разную домашнюю и военную утварь, какъ то: котелъ для варенья пищи, топоръ, заступъ, на случай необходимости копать валы, лопату, лукошку для выносу земли и проч. [66]).

Король выѣхалъ изъ столицы съ большимъ торжествомъ. Папскій легатъ де-Торресъ благословилъ его въ

[65]) Hist. pan. Jan. Kaz I. 71.—Annal. Polon. Clim. I. 136.—Stor. delle guer. civ. 106—115.

[66]) Stor. delle guer. civ. 132.

день св. Іоанна Крестителя и вручилъ ему освященное знамя и мечъ, какъ воителю за католичество противъ враговъ апостольской власти. Только то не гармонировало съ этою торжественностью, что съ королемъ шла немногочисленная гвардія и приводила на память, по замѣчанію польскаго историка, пословицу: „не силенъ царь безъ войска." Королева была очень грустна, провожая своего деверя-супруга [67]). Когда король выѣхалъ, подъ нимъ споткнулся конь, чего прежде никогда не было съ этимъ конемъ. Это сочли тогда же дурнымъ предзнаменованіемъ [68]).

Король прибылъ въ Люблинъ; паны окружили его; король началъ съ ними совѣщаться, собирать ли посполитое рушенье. Канцлеръ Оссолинскій былъ противъ этого.

— „Отечество еще не въ такой крайности (говорилъ онъ), чтобъ собирать посполитое рушенье противъ непослушныхъ. Одно появленіе королевскаго величества устрашитъ мятежниковъ. Видали ли вы, какъ морозною ночью вода покроется стекломъ льда, а взойдетъ солнце—ледъ растопится! Такъ отъ блеска величія государя растопляется злоба мятежа и виновные падаютъ въ прахъ, устрашенные присутствіемъ монарха."

Оссолинскаго подозрѣвали въ потачкѣ казакамъ. Въ самомъ дѣлѣ, быть можетъ, онъ боялся, чтобъ не открылись слишкомъ осязательно тайныя причины украинскаго возстанія, а потому и желалъ уладить дѣло сколь возможно тише.

---

67) Histor. ab. exc. Wl. IV. 44 —Pom. dz. pols. w. XVII. 143.

68) Annal. Polon. Clim. I. 134.—Stor. delle guer. civ. 129.

Впрочемъ, самъ король раздѣлялъ мнѣніе Оссолинскаго. „Созваніе посполитаго рушенья“—говорилъ онъ и потакавшіе ему паны „которое было собираемо всегда только въ крайности, произведетъ нехорошее впечатлѣніе. Сосѣднія государства будутъ думать, что Рѣчь Посполитая на краю гибели.“

Противъ этого возражалъ подканцлеръ литовскій, Сапѣга.

„Сохрани Богъ (говорилъ онъ), чтобъ мы короля, главу Рѣчи Посполитой, послали въ опасность! Было время, когда мы, словно на медвѣдя, ходили укрощать украинскіе мятежи: тогда они были въ зародышѣ, подъ предводительствомъ какого нибудь Павлюка; теперь иное дѣло! Мы ополчаемся за вѣру, отдаемъ жизнь нашу за семейства и достояніе наше. Противъ насъ не шайка своевольниковъ, а великая сила цѣлой Руси. Весь народъ русскій изъ селъ, деревень, мѣстечекъ, городовъ, связанный узами крови и вѣры съ казаками, грозитъ искоренить шляхетское племя и снести съ лица земли Рѣчь Посполитую. Вся шляхта должна защищать свои права и вольности“ [67]).

Наконецъ, рѣшили, что посполитое рушенье необходимо, однако, не изо всей Польши. Король находилъ, что западную полосу королевства нельзя совершенно лишить обороны и потому положилъ, что съ пространства Великой Польши отъ Балтійскаго моря до Кракова не слѣдуетъ созывать посполитаго рушенья. Такимъ образомъ, для призыва шляхты изъ остальныхъ воеводствъ Рѣчи Посполитой король выдалъ третьи вици.

---

[69]) Annal. Polon. Clim. I. 135—136.—Histor. pan. Jan. Kaz. 70.

Король, послѣ того, въ теченіи пятнадцати дней, дожидался въ Люблинѣ прибытія войска; но не только посполитое рушенье—самое регулярное войско и надворныя команды пановъ сходились медленно [70]).

Подати, положенныя на уплату жалованья войску, платились неисправно; иныя воеводства внесли только часть того, что приходилось на ихъ долю, а другія ничего не внесли; такимъ образомъ, войско не было удовлетворено какъ слѣдуетъ, и это, по замѣчанію современниковъ, было причиною нескораго сбора войска. Какъ ни побуждалъ король полковниковъ и ротмистровъ поторопиться они отговаривались неполученіемъ жалованья, слѣдуемаго ихъ отрядамъ [71]).

Вдругъ разносится вѣсть, что ханъ, съ сотнею тысячъ ордынцевъ, соединился съ казаками на Подоли [72]).

Нѣкоторые паны все еще совѣтовали королю не ходить самому на войну, а послать войско. Но тутъ пришло извѣстіе, что союзники осадили поляковъ подъ Збаражемъ. Король рѣшился непремѣнно итти самъ лично. Онъ не сталъ медлить и выѣхалъ изъ Люблина 7-го іюля (17-е н. с.) [73]). Сколько у него тогда было войска—опредѣлить невозможно, потому что безпрестанно прибывали новые отряды. Одни полагаютъ число собственно регулярнаго войска въ двадцать тысячъ [74]), другіе простираютъ до сорока тысячъ съ гвардіею, нововступив-

---

[70]) Pam. do panow. Zygm. III. Wlad. IV i Jan. Kaz. II. 81.—Annal. Polon. Clim. I. 136.

[71]) Jak. Michal. 500.

[72]) Histor. ab exc. Wlad. IV. 45.

[73]) Pom. dz. pols. w. XVII. 144.

[74]) Кратк. опис. о казац. малор. нар. 30.—Bell. scyth. cosac. 51—Jak. Michal Pam. 487.

шими въ службу и надворными командами пановъ [75]).

Король главнымъ предводителемъ назначилъ послѣ себя Оссолинскаго и тѣмъ навлекъ на себя неудовольствіе отъ многихъ, подозрѣвавшихъ канцлера; даже и тѣ, которые не сомнѣвались въ его вѣрности, не ободряли такого выбора, признавая въ Оссолинскомъ государственнаго человѣка, но вовсе не воина [76]). Равнымъ образомъ, не нравилось польскимъ патріотамъ, что начальство надъ пѣхотою поручено было Убальду (или Гавальду), шведу [77]).

Посполитое рушенье собиралось медленно. Эта медленность казалась тѣмъ непростительнѣе, что уже давно оповѣщено было всѣмъ быть на готовѣ. Шляхтичи сходились на сеймики, толковали, сбирались, шли какъ будто въ путешествіе. Только ополченія воеводствъ русскаго (Червонной Руси), волынскаго и бельзскаго (часть Червонной Руси и Польши) приходили скорѣе въ войско, потому что они на опытѣ извѣдали, что такое казаки; но и тѣ не знали военныхъ оборотовъ и при первомъ случаѣ могли побѣжать [78]). Король шелъ нарочно медленно и околичною дорогою, чтобъ дать время сходиться ополченіямъ посполитаго рушенья. Это подало поводъ, впослѣдствіи, подозрѣвать канцлера, что онъ съ дурными намѣреніями велъ короля не прямикомъ и задерживалъ [79]). Всего болѣе безпокоило поляковъ то, что

---

[75]) Histor. belli cosac. polon. 102.

[76]) Pam. o wojn. kozac.. za Chmieln. 55.—Histor. pan. Jan. Kaz.I. 68.

[77]) Annal. Polon. Clim. I. 131.

[78]) Истор. о през. бр. - Pam. o wojn. koz. za Chmieln. 53—56. St. delle guer civ. 36.

[79]) Pam. o Koniecpols. 426.

они не имѣли никакой вѣсти ни о непріятелѣ, ни о своемъ войскѣ на Волыни [80]). Разсказываютъ,—однажды начальникъ артиллеріи, Артишевскій, замѣтилъ, что поляки идутъ какъ будто съ мотыкою на солнце, по извѣстной пословицѣ, и что непріятель, того и гляди, нападетъ на нихъ въ расплохъ. Оссолинскій отвѣчалъ на это: „дай Богъ, чтобъ онъ пришелъ къ намъ" [81]).

Путь короля съ войскомъ лежалъ чрезъ Красноставъ и Сокалъ. Всего посполитаго рушенья по свидѣтельству современника, пришло тогда только 13,600 [82]). Отсюда, послѣ недоумѣнія, куда идти, поляки рѣшились идти на Збаражъ, еще не зная ничего, гдѣ войско и въ какомъ положеніи. Наконецъ 31-го іюля (10-го августа н. с.), они пришли въ Топоровъ, и здѣсь-то Стомпковскій явился предъ королемъ съ письмомъ отъ предводителей осажденнаго войска [83]). Король, по замѣчанію польскаго лѣтописца, на блѣдномъ и изможденномъ лицѣ посла прочиталъ еще явственнѣе извѣстіе о положеніи осажденныхъ, чѣмъ въ письмѣ, доставленномъ ему [84]).

Тогда король не сталъ болѣе дожидаться сбора и прибытія посполитаго рушенья и немедленно выступилъ. Но, вмѣсто того, чтобъ идти прямо на Збаражъ, онъ поворотилъ направо къ Злочеву. Впослѣдствіи, и въ этомъ хотѣли видѣть коварство Оссолинскаго: говорили, будто

---

[80]) Annal. Polon. Clim. I. 137.

[81]) Pam. o Koniecp. 425.

[82]) Stor. delle guer. civ. 148.—Ibid. 136.

[83]) Pomn. dziej. pols. 144.—Истор. о през. бр.—Pam. o wojn. kozac. za Chmieln. 53—Woyn. dom. 78.

[84]) Annal. Polon. Clim. I. 137.—Histor. pan. Jan. Kaz. I. 71.

онъ, изъ личной вражды къ Вишневецкому, хотѣлъ его долѣе помучить въ осадѣ [85]). Въ самомъ дѣлѣ, здѣсь дѣйствовали другія причины: хотѣли узнать о непріятелѣ, и притомъ необходимо было пріучить къ военному дѣлу посполитое рушенье; изъ него многіе до того времени не держали никогда оружія. Прибывъ въ Злочевъ, король выдалъ универсалъ, которымъ отрѣшалъ Хмельницкаго отъ гетманства, а, вмѣсто его, назначалъ предводителемъ казацкихъ войскъ какого-то Забусскаго, который въ то же время произнесъ присягу въ вѣрности на гетманство [86]). Поручивъ регулярное войско полководцамъ, король предоставилъ своему исключительному попеченію посполитое рушенье; самъ училъ его, показывалъ какъ держаться на лошадяхъ; какъ одинъ отрядъ долженъ поспѣшать другому на помощь; обучалъ маршировать, стрѣлять [87]). Замѣчая въ воинахъ трусость и страшась, чтобъ какимъ нибудь образомъ не вкралась измѣна, онъ, переодѣвшись, ночью ходилъ по рядамъ, прислушивался къ соннымъ, осматривалъ, исполняютъ ли свой долгъ караульные, и тоже приказывалъ дѣлать начальникамъ [88]). Однако, все еще плоха была надежда на это войско; посполитое рушенье сходились очень медленно.

Одно къ другому. Лѣто, 1649 года, было необыкновенно дождливо; уже цѣлый мѣсяцъ лило, какъ изъ ведра; дороги были попорчены, такъ что повозки груз-

---

[85]) Hist. belli cosac. polon.

[86]) Pam. o Koniecp. 426.—Рукоп. И. П. Б. разполз. F. №

[87]) Woyn. dom. 80.—Hist. pan. Jan. Kaz. 71.

[88]) Pam. do pan. Zygm. III. Wlad. IV. i Jan Kaz. II. 81.

ли въ болотной тинѣ; рѣки выступили изъ береговъ и разломали мосты: переправы были затруднительны [89]). Къ горшей бѣдѣ поляковъ, они все еще шли какъ въ море, не зная, гдѣ встрѣтитъ ихъ непріятель. Неоднократно король посылалъ узнавать о немъ, но все было безуспѣшно: посланные либо возвращались ничего не узнавъ, либо пропадали безъ вѣсти [90]). Русскіе жители края, если и знали, то не говорили полякамъ: ни просьбы, ни увѣщанія, ни награды — ничто не могло вынудить ихъ открыть истину [91]). „Эта Русь всѣ наголо мятежняки (говоритъ современникъ): если и достанемъ языка, то etiam ustulati prawdy nie powiedzą; а между тѣмъ, того и гляди, что какое нибудь неожиданное нападеніе надѣлаетъ бѣды“ [92]). Въ такомъ положеніи дѣлъ, король прибылъ къ мѣстечку Зборову, и сталъ въ деревнѣ Милоновичахъ.

Тутъ поймали какого-то татарина, и подвергли пыткѣ и распросамъ. „Казаки и татары подъ Збаражемъ“,— отвѣчалъ онъ: — „Ханъ, съ двумя султанами, своими братьями, а орды у него и счета нѣтъ. Только, вотъ какъ прошла вѣсть, что король идетъ, такъ ханъ думаетъ уйти: нельзя съ нашими татарскими луками да саблями бороться противъ польскихъ ружей и копій, польской конницы, а у хлоповъ одни косы“. — „Этому нельзя довѣрять“, разсудили паны: — „татаринъ, быть можетъ, нарочно подосланъ, чтобъ насъ испугать или

89) Истор. о през. бр.—Pam. o wojn. kozac. za Chmieln. 54.

90) Histor. ab. exc. Wlad. IV. 45.

91) Крат. истор. о казац. мал. нар. 30: „хоть ты жги ихъ — не скажутъ тебѣ правды.“

92) Памят. кіевск. комм. I. 3. 439.

не кстати одобрить черезъ чуръ“. Посланные подъѣзды не привели плѣнниковъ и не доставили вѣстей [93]).

Совсѣмъ иное происходило въ войскѣ казацкомъ. Казаки не думали предпринимать далекаго похода: ни непогода, ни дурныя дороги не озабочивали ихъ. Силы у Хмельницкаго было несравненно болѣе, чѣмъ у короля. Хмельницкій зналъ всѣ движенія польской арміи: русскіе хлопы, привозившіе припасы королевскому войску, отправлялись послѣ того къ своимъ братьямъ, разсказывать о положеніи непріятеля [94]); высылаемые на подъѣздъ поляки попадались въ руки враговъ; ихъ приводили въ казацкій станъ, и тамъ, подъ пытками, они высказывали всѣ тайны. Мѣщане города Зборова, заранѣе предвидя побѣду казаковъ, изъявляли Хмельницкому готовность помогать ему; наконецъ множество слугъ, пришедшихъ съ панами, бѣжали отъ господъ своихъ къ казакамъ; между ними были не только русскіе, но и природные поляки: „ужъ такая у насъ непріязнь черни къ шляхетству!“ восклицаетъ лѣтописецъ [95]). Словомъ, Хмельницкій разсчитывалъ каждый часъ, и когда узналъ, что король приступилъ къ Зборову, тогда оставилъ пѣшихъ изъ своей арміи кончать, какъ выражаются современники, осажденныхъ подъ Збаражемъ [96]) и запретилъ, подъ смертною казнью, выходить изъ обо-

---

[93]) Stor. delle guer. civ. 152.

[94]) Annal. Polon. Cl. I. 138.—Pam. do pan. Zygm. III. Wład. IV i Jan. Kaz. II. 82.—Hist. pan. Jan. Kaz. I. 70.

[95]) Histor. pan. Jan. Kaz. I. 72.

[96]) Лѣтоп. самов. 15.

за и производить какое нибудь волненіе [97]), а самъ пошелъ къ Зборову съ конницею, въ сопровожденіи татаръ, подъ предводительствомъ самого Исламъ-Гирея [98]). Ханъ шелъ съ рѣшительнымъ намѣреніемъ взять короля въ плѣнъ [99]). Поляки, говорятъ, что съ союзниками пошло тогда сто, а по другимъ — сто двадцать тысячъ татаръ, и пятьдесятъ, а по другимъ—восемьдесятъ тысячъ казаковъ [100]), что составляло половину всей ихъ арміи. Эти извѣстія нельзя почитать вѣрными: было ли еще тогда столько татаръ у хана—сомнительно.

По лѣвую сторону Зборова былъ густой дубовый лѣсъ, закрывавшій, со стороны города, видъ на дальнѣйшее мѣстоположеніе [101]). Хмельницкій хорошо зналъ мѣстность и повелъ туда своихъ казаковъ и татаръ, такъ что находился за милю отъ польскаго обоза при деревнѣ Мѣновѣ, и никто изъ поляковъ не подозрѣвалъ этого [102]). Чрезъ городъ протекалъ рукавъ рѣки Стрипы; поляки находились на правой ея сторонѣ и готовились переходить на лѣвую. Хмельницкій предложилъ дождаться, когда поляки начнутъ переходъ, и тогда стремительно напасть на нихъ съ двухъ сторонъ. Такимъ образомъ, часть татаръ онъ оставилъ на лѣвой сторонѣ,

---

[97]) Histor. ab. ex. Wlad. IV.— Pomn. dziej. pols. XVII. 145. — Woyn: dom. I. 79.

[98]) Лѣт. сам. 15.

[99]) Истор. о през. бр.—Bell. scyth. cosac. 53.

[100]) Pomn. dziej. pols w. XVII. 145.—De rebus gest. contra cosac. 73.

[101]) Hist. pan. Jan. Kaz. 73 —Кратк. истор. опис. о Мал. Росс.— 12.—Pam. do pan. Zygm.III. Wlad. IV i Jan. Kaz. I. 83.—Stor delle guer. civ. 153.

[102]) Pam. o Koniecp. 426.—De reb. gest. contra cosac. 74.

а другую, вмѣстѣ съ казаками, перевелъ на правую [103]). Онъ приготовилъ свое войско въ боевой порядокъ и, собравъ старшинъ, предъ рядами молодцовъ говорилъ такую рѣчь:

„Молодцы! Отцы, братья, дѣти ваши простираютъ къ вамъ руки и просятъ васъ освободить ихъ отъ фараонскаго лядскаго ига; души замученныхъ ляхами молятъ о мщеніи за кровь ихъ, безнаказанно пролитую! Церковь наша, поляками поруганная и попранная, взываетъ къ вамъ, сынамъ своимъ, постоять за нее! Но не дерзайте поднять убійственной руки на его милость, короля, помазанника Божія! Мы воюемъ противъ пановъ, нашихъ мучителей, которые подвигли его на насъ [104]).

Былъ канунъ Успенія (по католическому календарю). Король переѣхалъ чрезъ рѣку въ костелъ, слушалъ тамъ обѣдню и причастился св. таинъ [105]). Въ тотъ же день, совершена была генеральная исповѣдь войску; священники приготовляли къ битвѣ воиновъ за вѣру святую. По окончаніи религіозныхъ обрядовъ, король совѣтовался съ полководцами, раздавалъ приказы [106]) и потомъ произнесъ предъ собраннымъ войскомъ ободрительную рѣчь:

„Господа! вы идете за отечество, за женъ вашихъ и дѣтей, за спасеніе цѣлой Рѣчи Посполитой; идете противъ враговъ свирѣпыхъ, поклявшихся смести съ лица

---

[103]) Лѣт. малор.

[104]) Лѣтоп. малор.—Ист. Русс. 91.

[105]) Pam. o wojn. kozac. za Chmielu. 55.—Woyn. dom. I. 80.

[106]) Pomn. dziej. polsk. w. XVII. 146.—Stor. delle guer. civ. 152.

земли имя шляхетское, несытыхъ нашею кровью. Вспомните плѣнныхъ гетмановъ вашихъ, которые томятся въ неволѣ, далеко отъ милой родины; вспомните поруганіе костеловъ, убіеніе священниковъ, погибель тысячей невинныхъ, разореніе домовъ; вспомните все, что вы терпѣли отъ казаковъ, и сражайтесь, какъ прилично благороднымъ рыцарямъ сражатся за свое отечество! Неизбѣжная погибель грозитъ Рѣчи Посполитой, въ случаѣ трусости нашей. Вы теперь должны загладить гнусное пилявское дѣло, которое нанесло стыдъ и поношеніе польской націи. И еслибъ кто изъ васъ обратился въ бѣгство—вѣчное проклятіе да преслѣдуетъ его имя" [107]).

Когда король кончилъ рѣчь, вдругъ прибѣжалъ къ нему въ торопяхъ панъ Михаловскій и извѣстилъ, что нѣкто Бейковскій, отправясь на подъѣздъ, увидѣлъ татарскій отрядъ [108]).

Оссолинскій немедленно послалъ ротмистра Гдешинскаго въ окрестности развѣдать, дѣйствительно ли справедливы слухи. Канцлеръ поручалъ ему возвращаться не иначе, какъ съ языкомъ [109]). Но Гдешинскій, поѣздивъ неподалеку отъ обоза [110]), воротился вечеромъ и донесъ, будто онъ обѣгалъ пространство на три мили и не видѣлъ никакого признака близости непріятеля [111]).

---

[107]) Pam. o wojn. kozac za Chmieln. 56.—Истор. о през. бр.—Woyna dom. 81—82.

[108]) Annal. Polon. Clim. I. 138.— Pam. do pan. Zygm. III. Wlad. IV i Jan. Kaz. II. 82.

[109]) Pom. dziej. pols. XVII. 146.

[110]) Histor. Jan. Kaz. I. 72.—Histor. ab exc. Wlad. IV. 45.—Pam. do pan. Zygm. III. Wlad. IV i Jan. Kaz. II. 82.

[111]) Pomn. dziej. pols. w. XVII. 147.—De reb. gest. contr. cosac. 73.

„Вѣрно Бейковскому показалось такъ отъ страха: онъ видѣлъ, вѣроятно, солдатъ, которые гонялись за мужиками, чтобъ достать себѣ живность, а можетъ быть, служители ссорились между собою“ [112]).

Такъ говорилъ Гдешинскій. Ему повѣрили и отложили на утро переходъ черезъ рѣку и приведеніе войска въ боевой порядокъ.

Утромъ, рано въ воскресенье, 5-го августа (15-го, день Успенія по н. с.) началась переправа. Для скорости, войско должно было переправляться по двумъ мостамъ, которые наканунѣ старикъ генералъ Артишевскій устроилъ черезъ рѣку [113].) Одна часть, подъ начальствомъ короля, должна была переправляться на той сторонѣ Зборова, которая называлась *къ Озерной* (имя мѣстечка), куда лежалъ путь на Збаражъ, а другая на сторонѣ ко Львову [114]). Оба моста были тѣсны для множества возовъ и воиновъ, а поэтому войско необходимо растянулось на большое пространство, да и переправившись, не могло скоро стать въ боевой порядокъ [115]). Подъѣзчики увѣряли и клялись, что не видѣли татаръ, а потому всѣ думали, что непріятель далеко и опасаться нечего. Но какъ день былъ пасмурный и дождливый, то король, для предупрежденія опасности, отправилъ,

---

[112]) Hist. Jan. Kaz. 1. 73.—Annal. Polon. Clim. I. 138.—Pam. do pan. Zygm. III. Wlad. IV i Jan. Kaz. II. 82.

[113]) Bell. scyth. cosac. 53.—Pom. dziej. polsk. w. XVII. 146.—De reb. gest. contra cosac. 74.

[114]) Diar. bitw: p. Zbor. Starozytn. pols. I. 261.

[115]) Annal. Polon. Clim. I. 139.—Pam. do pan. Zygm. III. Wlad. IV i Jan. Kaz. II. 87.

на самомъ разсвѣтѣ, два отряда въ передовую и заднюю стражу: впередъ поѣхалъ князь Самуилъ Корецкій, извѣстный виновникъ корсунскаго пораженія, а назадъ отправился, съ 1200 человѣкъ, Самуилъ Коржицкій и сталъ подлѣ какого-то полуразрушеннаго стараго окопа близь озерца или плеса, образуемаго рѣкою [116]). Обязанность ихъ состояла въ томъ, чтобъ, въ случаѣ опасности, дать знать войску и удерживать нападеніе, пока войско прійдетъ въ порядокъ.

Казаки видѣли все, что дѣлаютъ враги, и самъ Хмельницкій вскарабкался на высокое дерево и наблюдалъ переправу со стороны Львова [117]). Онъ не велѣлъ трогать поляковъ до тѣхъ поръ, когда они растянутся еще болѣе и станутъ еще безпечнѣе, не видя нападенія. Онъ не ошибся въ разсчетѣ относительно тѣхъ, которые переправились со стороны Львова. Въ полдень, увѣренность въ отдаленности непріятеля до того распространилась между поляками, что на половинѣ переправы посполитое рушенье расположилось обѣдать.

— Къ чему спѣшить? (говорили они) еще успѣемъ. Непріятель далеко. Король недалеко отъ Зборова сегодня!..

Вдругъ прибѣгаютъ къ нимъ посланные отъ Коржицкаго, извѣщаютъ, что изъ лѣса напали на нихъ татары и требуютъ помощи.

— Вздоръ! (отвѣчаютъ посполитаки), это вамъ привидѣлось.

---

[116]) Histor. belli cosac. polon. 204.—Pam. o wojn. kozac. za Chm. 57.

[117]) Annal. Polon. Clim. I. 139.—Histor. pan. Jan Kaz. I. 173.—Pam. do pan. Zygm. III. Wlad. IV i Jan. Kaz. II. 83.

Чрезъ нѣсколько времени прибѣгаютъ другіе посланные.

— Спѣшите (говорятъ они); дѣло завязалось не на шутку; спѣшите, иначе погубите самихъ себя!

Посполитое рушенье все еще не довѣряло извѣстію и никакъ не хотѣло оставить своего обѣда; послали только удостовѣриться, точно ли напали на Коржицкаго непріятели.

Но уже было поздно: татары совершенно разбили заднюю стражу. Коржицкій съ малымъ остаткомъ бѣжалъ и на дорогѣ встрѣтилъ посланныхъ.

„Вы не хотѣли вѣрить словамъ военачальника: повѣрьте же теперь собственнымъ глазамъ!" говорилъ онъ и побѣжалъ прямо въ королевскій лагерь [118]).

Зборовскіе мѣщане зазвонили въ колокола.

Татары и казаки появились передъ растерянными рядами обѣдавшихъ посполитаковъ, и. съ оглушающимъ крикомъ. ударили на нихъ. Слуги, въ испугѣ, побросали возы на мосту и съ разу сдѣлали невозможнымъ ни съ другой стороны подать помощь неперешедшимъ, ни послѣднимъ убѣжать на другую сторону; притомъ дождь и туманъ дотого закрывали видъ на окрестность, что поляки, какъ говоритъ современникъ, прежде могли чувствовать удары, чѣмъ увидѣть непріятеля, наносившаго ихъ [119]).

Началась ужасная рѣзня. Нестройные и непривыкшіе

---

[118]) Histor. belli cosac. polon. 103—104.

[119]) Annal. Polon. Clim. I. 239.—Histor. pan. Jan. Kaz. I. 73.—Pam. do pan. Zygm. III. Wlad. IV. i Jan. Kaz. II. 84.—De reb. gest. contra cosac. 75.—Stor. delle guer. civ. 154.

къ битвамъ шляхтичи падали безотпорно. Конница хотѣла уйти и покинула пѣшихъ... Татары и казаки порознь удобнѣе истребили и тѣхъ и другихъ [120]). Король, по донесенію Коржицкаго, послалъ на спасеніе посполитому рушенью нѣсколько хоругвей; но сила непріятельская прибывала: всѣ присланные на помощь отряды были окружены, разбиты и совершенно истреблены съ ихъ начальниками [121]). Тогда погибъ Балдуинъ Оссолинскій, племянникъ канцлера, молодой человѣкъ, подававшій большія надежды; погибъ Фелиціанъ Тышкевичъ и Захарія Четвертинскій, бывшій коммиссаромъ у Хмельницкаго. панъ православной вѣры, и одинъ изъ Чарнецкихъ, и ученый Ржечицкій, и Котецкій, видѣвшій, прежде своей смерти, истребленіе всего полка своего, и болѣе двадцати особъ изъ знатнѣйшихъ фамилій; раненые попадали съ лошадей и окончили жизнь въ мукахъ... [122]), и много, много погибло тогда цвѣта дворянства Рѣчи Посполитой, много осталось въ Польшѣ замковъ и дворовъ безъ хозяевъ, воеводствъ и повѣтовъ безъ начальниковъ, вдовъ и сиротъ еще болѣе [123]). „Жалче всѣхъ (говоритъ украинскій лѣтописецъ) бѣдной шляхты львовской и перемышльской, природныхъ русскихъ: не бывъ никогда на войнѣ, они выступили въ походъ, со слезами разлучались съ женами и дѣтьми,

---

[120]) Pomn. dziej. pols. w. XVII. 148.

[121]) Bitw. p. Zbor. Staroz. pols. I 262.

[122]) Bitw. p. Zbor. Star. pols. I. 262.—Истор. о през. бр.—Annal. Polon. Clim. I. 140.—Histor. pan. Jan. Kaz. I. 75.—Pam. do pan. Zygm. III. Wlad. IV i Jan Kaz. II. 87.

[123]) Pam. o wojn. kozac. za Chmieln. 57.—Woyna dom. 84.

и уже болѣе никогда ихъ не увидѣли“ [124]). На полмили все поле и топкій лугъ покрылись шляхетскими трупами; кровь текла рѣками; на полмилю до Зборова не осталось ни одного поляка. Число убитыхъ дворянъ, кромѣ слугъ, простиралось до 5000. Возы со всѣми пожитками, пушки и множество оружія достались побѣдителямъ [125]). „Но да будетъ памятно имя достойнаго Ковальскаго (восклицаютъ польскіе историки): не напрасно онъ держалъ хоругвь земли львовской: ему отрубили правую руку—онъ схватилъ знамя лѣвою; отрубили лѣвую — онъ легъ на знамя и палъ подъ ударами враговъ, защищая ввѣренный ему знакъ“ [126]).

Расправившись такимъ образомъ съ одною частью польскаго войска, союзники бросились не допускать другую до переправы; но это войско уже поспѣшно перешло на другую сторону и разломало за собою мосты. Когда татары и казаки хотѣли было вслѣдъ за ними переправиться, поляки изъ за рѣки пустили на нихъ сильный огонь, и, въ то же время, начали стрѣлять имъ въ бокъ засѣвшіе въ городѣ драгуны. Но тогда уже начиналось сраженіе на другомъ берегу [127]).

Король, послѣ переправы, наскоро устроилъ къ битвѣ свое войско. Правою стороною командовалъ Оссолинскій съ воеводами подольскимъ и брацлавскимъ. „Я обма-

---

[124]) Истор. о през. бр.—Woyna dom. 84.

[125]) Истор: о през. бр.—Pam. o wojn. kozac. za Chmieln. 57.—Woyn. dom. I. 84.

[126]) Histor. pan. Jan. Kaz. I. 74.—Annal. Polon. Clim. I. 140.—Pam. do pan. Zygm. III. Wlad. IV i Jan. Kaz. II. 84.

[127]) Histor. belli cosac. polon. 104.

нутъ, кричалъ онъ: — придется, можетъ быть, идти къ татарамъ въ плѣнъ; но я не побѣгу“ [128]). Лѣвою стороною, гдѣ было ополченіе изъ внутренней Польши, начальствовалъ Любомирскій, человѣкъ знаменитый впослѣдствіи: въ числѣ знатныхъ лицъ, подъ его командою былъ молодой Янъ Собѣйскій, будущій король польскій и освободитель Европы. Въ центрѣ находился корпусъ нѣмецкой пѣхоты, подъ командой Убальда и Вольфа и самъ король съ пятисотнымъ отрядомъ гусаръ. По тогдашнему обычаю, шесть дворянъ неотлучно должны были находиться при особѣ короля во время сраженія: онъ отпустилъ ихъ къ хоругвямъ, оставя съ собою только двухъ [129]).

Въ то время, когда часть союзниковъ истребляла поляковъ на томъ берегу, все войско татарское и казацкое сосредоточивалось на другомъ. Корецкій съ своею передовою стражею первый вступивъ съ нимъ въ битву, сражался храбро; но, когда передъ нимъ показалась несмѣтная сила ордынцевъ, онъ преслѣдуемый врагами, побѣжалъ въ лагерь [130]).

Татары появились густою толпою предъ глазами польскаго войска [131]). Вслѣдъ затѣмъ посыпали и казаки изъ лѣса и съ возвышенностей въ долину.

Первая встрѣча казаковъ была съ королевскимъ парламентеромъ. Онъ оповѣщалъ имъ во всеуслышаніе, что король назначилъ казацкимъ гетманомъ Забусскаго,

---

[128]) Stor. delle guer. civ. 155.

[129]) Annal. Polon. Clim. I. 141.—Histor. pan. Jan. Kaz. I. 76.

[130]) Pomn. dziej. pols. w. XVII 159.—De reb. gest. contr. cosac. 86.

[131]) Bit. p. Zbor. Staroz. pols. I. 263.

вмѣсто мятежнаго, безбожнаго Хмельницкаго; король увѣщеваетъ ихъ покориться и назначаетъ десять тысячъ червонныхъ за голову Хмельницкаго. Польскій историкъ говоритъ, что Хмельницкій слышалъ это и очень боялся, не довѣряя своему войску [132]). Однако, по прочтеніи воззванія, герольдъ принужденъ былъ ускакать назадъ, а казаки вступили въ сраженіе по приказанію осужденнаго ихъ предводителя.

Татары бросились сначала на правую сторону польскаго войска и начали, по обыкновенію, вызывать на герцы. Казацкій полковникъ Нечай стоялъ съ отрядомъ казаковъ и не вступалъ въ бой, а послалъ полякамъ сказать: „наша казацкая оборона вамъ не пригодилась; бейтесь теперь съ татарами сами“ [133]). Поляки не выступали изъ строя [134]). Тогда, оставя правую сторону, татары, свернувшись, стремительно проскочили мимо центра и бросились на Любомирскаго, гдѣ уже дѣйствовали козаки. Рѣзкіе крики огласили воздухъ; татары кричали: „Алла! Алла!“; поляки призывали имя Іисуса Христа [135]).

Три раза подавалось назадъ польское войско, три раза заворачивали его полководцы; наконецъ не стало силъ... татары врѣзались въ средину арміи, такъ что поляки невзначай, при темнотѣ отъ стрѣлъ и выстрѣловъ, били другъ друга, и, со стороны смотря, трудно было разобрать, кто съ кѣмъ воюетъ [136]). Поляки бро-

[132]) Histor. ab. exc. Wlad. IV. 46.
[133]) А. Ю. и З. Р. Ш. 393.
[134]) Annal. Polon. Clim. I. 142.
[135]) Histor. pan. Jan. Kaz. 76.—De reb. gest. contra cosac. 85.
[136]) Rel. o bit. p. Zbor.

сились бѣжать, увлекая заднихъ [137]); непріятель гналъ ихъ по всѣмъ направленіямъ и убивалъ безпощадно [138]).

Тутъ нѣкто Пузовскій, съ татарскою стрѣлою, проткнувшею ему насквозь обѣ щеки, летитъ къ Яну Казимиру [139]). Король покинулъ центръ арміи и во весь опоръ поскакалъ къ лѣвому крылу, съ обнаженною саблею, загораживая дорогу бѣгущимъ.

„Господа! (восклицалъ онъ) не покидайте меня, не губите отечества!“ [140]).

Собственноручно хваталъ онъ за узды лошадей, оборачивая и подгоняя ихъ на непріятеля, поднималъ брошенныя знамена и показывалъ войску въ знакъ ободренія; а когда не слушали его возгласовъ, грозилъ заколоть перваго, кто осмѣлиться обратится къ непріятелю спиною.

„Тотъ умретъ какъ измѣнникъ, кто труситъ! (кричалъ онъ) Палачу велю казнить негодяевъ!“

Устыдившись присутствія государя и притомъ боясь наказанія, воины обратились было на непріятеля [141]). но снова были смяты и снова попятились: не помогали ни просьбы, ни угрозы; „походило на пилявское дѣло,“ говоритъ историкъ [142]).

---

[137]) Pam. o wojn. kozac. za Chm. 88

[138]) Истор. о през. бр.

[139]) Кратк. опис. о мал. нар. 32.—De reb. gest. contra cosac. 86.

[140]) Bitw. p. Zbor. Staroz. pols. I. 263.—De reb gest. contra cosac. 86.

[141]) Annal. Polon. Clim. I. 143.—Woyn. dom. 85.—Histor. pan. Jan. Kaz. I. 77.—De reb gest. contra cosac. 87.—Stor. delle guer. civ. 157. Pam. Jak. Michal. 436.

[142]) Pam. o wojn. kozac. za Chm. 56.—Woyn. dom. I. 85.—De reb. gest. contra cosac. 89.

Тогда король побѣжалъ назадъ и двинулъ нѣмецкую пѣхоту и рейтаровъ [143]), а далѣе и самъ Оссолинскій оставилъ свой постъ и поспѣшилъ со всѣмъ правымъ крыломъ на помощь разбитымъ [144]). Король, по увѣренію очевидца, безпрестанно леталъ отъ одного конца до другаго, командовалъ, угрожалъ, заклиналъ не срамить польской націи: стрѣлы, какъ дождь, летали вокругъ головы польскаго государя, и онъ остался невредимъ [145]). Въ самомъ разгарѣ битвы онъ приказывалъ тремъ хоругвямъ идти въ дѣло. Ему отвѣчали: „у насъ ротмистра нѣтъ.“ „Я вамъ ротмистръ“ сказалъ король и хотѣлъ на показъ другимъ броситься въ битву; но не допустили—говоритъ очевидецъ — особу государя отдаться на неминуемую смерть [146]). Соединившееся войско принялось дружно отражать непріятеля, какъ вдругъ нахлынула новая орда и, по выраженію очевидца, летѣла въ огонь, какъ будто ей кто глаза выкололъ [147]).

Въ сумеркахъ прекратилась кровавая трагедія. Поляки, разстроенные, растерянные, столпились въ обозѣ, а непріятель окружилъ ихъ со всѣхъ сторонъ [148]). Чрезъ нѣсколько часовъ задача украинскаго возстанія должна была, повидимому, рѣшиться.

Настала ночь. Темна и ужасна была ночь эта. Отчаяніе овладѣло и жолнерами и предводителями; оно въ

---

[143]) Annal. Polon. Clim. 142.—De reb. gest. contr. cosac. 88.

[144]) Pomn. dziej. pols. w. XVII. 158.

[145]) Jak. Michal. ks. Pam. 437.

[146]) Bitw. p. Zbor. Staroz. pols. I. 263.

[147]) Истор. о през. бр.—Bitw. p. Zbor. Staroz. pols. 1. 263.—De reb: gest. contra cosac. 88.

[148]) Истор. о през. бр.

тайнѣ овладѣло и королемъ; но Янъ Казимиръ скрывалъ его, какъ прилично государю. Сидя верхомъ, собрались полководцы на совѣтъ.

— Мы погибли; спасенія нѣтъ!—былъ голосъ большинства.

— Что дѣлать въ такомъ положеніи, когда Хмельницкій окружилъ насъ? У него сто тысячъ войска, кромѣ татаръ!—спрашивалъ король.

— Пусть погибнемъ мы всѣ,—говорили одни:—но съ жизнью и свободою короля соединена цѣлость Рѣчи Посполитой. Пусть погибнутъ члены, лишь бы цѣла была голова. Намъ слѣдуетъ придумать способъ вывести тайно короля изъ обоза [149]).

— Никогда! отвѣчалъ Янъ Казимиръ:—никогда я не покажу примѣра гнусной трусости, чрезъ которую мы всегда теряемъ, потому что не вытерпливаемъ до конца. Я готовъ жить и умереть съ вами [150]).

Другіе, болѣе смѣлые, совѣтовали прорваться вооруженною рукою сквозь ряды непріятеля [151]). Мысль была смѣлая, но несбыточная.

Артишевскій совѣтовалъ идти на проломъ до Збаража и соединиться съ осажденнымъ войскомъ, и представлялъ, что мѣстоположеніе дозволитъ на двѣ мили оборониться отъ непріятеля, потому что болотистыя мѣста ограждаютъ дорогу [152]). Это предположеніе сочли также неисполнимымъ: кромѣ огромной силы казаковъ и та-

---

[149]) Woyn dom. I. 87.—Кратк. ист. о бунт. Хмельн. 23.

[150]) Histor. pan. Jan. Kaz. I. 78.—Woyn. dom. I. 88.

[151]) Histor. ab. exc. Wlad. IV. 47.—Bell. scyth. cosac. 63.

[152]) Histor. belli cosac. polon. 107.

таръ, поляки затруднялись бы въ продовольствіи посреди враждебнаго народа [153]).

Гораздо благоразумнѣе показались королю слова канцлера Оссолинскаго, который совѣтовалъ такъ:

„Единственное средство спасенія—отлучить татаръ отъ казаковъ. Надобно написать къ хану, напомнить ему услуги, оказанныя, блаженной памяти, королемъ Владиславомъ, представить, что казаки будутъ татарамъ неблагодарны, наконецъ, обѣщать ему плату и вообще написать самымъ вѣжливымъ тономъ“.

Такой совѣтъ былъ принятъ [154]). Послали къ Исламъ-Гирею плѣннаго татарина съ письмомъ слѣдующаго содержанія:

“Янъ Казимиръ желаетъ здравія крымскому хану. Твое ханское величество много обязанъ брату моему, наияснѣйшему и могущественнѣйшему, бывшему королю польскому, который благосклонно обращался съ тобою, невредимо сохранилъ и даровалъ свободу; чрезъ него ты получилъ царство твое. А потому мы удивляемся, что, пришедъ для укрощенія безпорядковъ въ государствѣ нашемъ, застаемъ и тебя подручникомъ нашего мятежника, съ поднятымъ на войско наше оружіемъ. Надѣемся, что Богъ не благословитъ такого предпріятія. Тѣмъ не менѣе, приводя тебѣ на память благорасположеніе брата нашего, Владислава IV, предлагаемъ тебѣ дружбу нашу и желаемъ, чтобъ она процвѣла

---

[153]) Pomn. dziej. pols. w. XVII. 151.

[154]) Bell. scyth. cosac. 63.—Ист. о през. бр.—Annal. Polon. Clim. I. 143 —Pam o wojn. kozac. za Chm. 59.—Кратк. опис. о мал. нар. 39.—Woyn. dom. I. 87.—Pam. Albr. Radz. II. 383.

обоюдно“ [155]). Другіе историки прибавляютъ, что Янъ Казимиръ писалъ къ нему, сверхъ этого, такое предостереженіе: „Казаки всегда были тебѣ врагами, и хотя теперь и кажутся друзьями, но пришедъ въ силу, на васъ же, своихъ пособниковъ, обратятъ оружіе, какъ волчата, приходя въ возрастъ, съѣдаютъ кормившую ихъ козу“ [156]).

Вслѣдъ затѣмъ приказано окапываться, дабы къ утру войско было готово къ осадному положенію [157]). Но разсужденія полководцевъ разошлись по обозу и надѣлали смятенія. Кой-какіе переносщики разнесли вѣсть, будто паны присовѣтовали королю бѣжать, и онъ вмѣстѣ съ ними въ ту же ночь покинетъ свое войско [158]).

Все зашумѣло. „Насъ покидаютъ на зарѣзъ!“ кричала толпа. Темнота и сверкающіе огни въ станѣ непріятельскомъ придавали страха. Жолнеры кинули работу.

„Явное дѣло (кричали они), что насъ губятъ; мѣсто тѣсно и неудобно, припасовъ нѣтъ; татары и казаки перебьютъ насъ, или переморятъ голодомъ!“

Слуги готовили къ бѣгству повозки и лошадей [159]).

---

[155]) Pomn. dziej pols. w. XVII. 152 —Histor. ab. exc. Wl. 49.—Пам. кіевск. комм. I. 3. 454.—Woyn. dom 88.—Кратк. опис. о бунт. Хмельн. 23.

[156]) Ист. о през. бр.—Annal. Polon. Clim. I. 149.—Histor. pan. Jan. Kaz. I. 81.—Лѣт. пов. о Мал. Росс. 130.—Pam. do pan. Zygm. III. Wl. IV i Jan. Kaz. II. 92.

[157]) Pomn. dziej. pols. w. XVII. 153.—De reb. gest. contra cosac. 89.

[158]) Rel. o bitw. p. Zbor.—Pam. o wojn. kosac. za Chm. 60.—Кратк. опис. о каз. мал. нар. 32.—Histor. pan. Jan. Kaz. I. 77 Annal. Pol. Clim. 144.—De reb. gest. 90.

[159]) Annal. Polon. Clim. I. 144.

Одинъ литвинъ разглашалъ, что уже короля нѣтъ въ обозѣ [160]).

Утомленный кровопролитнымъ сраженіемъ, изнуренный тяжелыми думами о будущемъ, король помолился, призвалъ на помощь Божью Матерь,—покровительницу Польши, далъ обѣтъ отправиться на поклоненіе къ одному изъ чудотворныхъ ея образовъ, потомъ прилегъ не на мягкомъ ложѣ, а на твердой землѣ, говоритъ современникъ [161]). Но едва онъ сомкнулъ глаза, какъ уже стоялъ предъ нимъ новый вѣстникъ несчастій, ксендзъ Тетишевскій.

— Ваше величество! сказалъ пробудившій его духовникъ:—въ обозѣ разнеслись недобрыя вѣсти: говорятъ, будто король и паны уходятъ тайкомъ. Войско въ смятеніи. Повторяется пилявское дѣло.

— Коня! (крикнулъ король): я поѣду по рядамъ; я покажу имъ, что король съ ними.

Подали коня. Впереди понесли зажженные факелы. Янъ Казимиръ ѣхалъ съ открытою головою, чтобъ всѣ видѣли лицо его и безпрестанно кричалъ:

„Вотъ я! вотъ я! я король вашъ! не бѣгите отъ меня, дѣти мои! Не оставляйте, благородные шляхтичи, своего государя! Не покидайте, воины, своего командира! Что дѣлать? Богу было угодно послать на насъ такую бѣду; но Богъ милосердъ! Завтра, съ помощью его, я надѣюсь побѣдить непріятеля. Я не отстану отъ

---

160) Bitw. p. Zbor. Star. pols. I. 264.

161) Histor. ab. exc. Wlad. IV. 47.

васъ, и, если угодно будетъ Богу, положу вмѣстѣ съ вами голову“.

Эти слова были произносимы трогательнымъ голосомъ; слезы лились по щекамъ короля; всѣ разчувствовались и стали раскаяваться.

— Не уйдемъ (кричали жолнеры): король не покинетъ насъ.

— Мы знаемъ навѣрное (говорили воинамъ ѣхавшіе за королемъ паны), что мы завтра побѣдимъ непріятеля; татары хотятъ отступить отъ казаковъ; завтра явится новая сила посполитаго рушенья; а къ тому еще слышно, что збаражское войско перебило казаковъ и идетъ къ намъ на помощь. Славенъ будетъ завтрашній день для насъ!

Отъ такихъ вѣстей простодушные шляхтичи ожили и продолжали весело работать окопы.

Стало разсвѣтать. Король былъ готовъ къ новой битвѣ.

— Что слышно? спрашивалъ онъ.

— Не взирая на трогательную рѣчь вашего величества, не смотря на всѣ увѣренія, два ротмистра Белжецкій и Гидзинскій съ своими командами ушли изъ обоза, отвѣчали паны. — Слава Богу, что ночь была темна, а то много бы нашлось такихъ, которые послѣдовили бы этому примѣру.

— Огласить по всему обозу, сказалъ король, что они измѣнники и лишаются правъ и чести [162]).

---

[162]) Рукоп. И. П. Б. разнояз. F. № 5.—Annal. Polon. Clim. I. 144. 145.—Кратк. опис. о каз. малор. нар. 32.—Pam. do pan. Zygm. III. Wlad. IV. i Jan. Kaz. II. 88.—Woyn. dom. I. 88.— Histor. pan. Jan. Kaz. I. 78.—De reb. gest. contra cos. 90—94.—Jak. Michal. Ks. Pam. 437. А. Ю. З. Р. II. 394.

Взошло солнце. Татары бросились въ тылъ польской арміи, которая замкнулась въ неоконченныхъ окопахъ; тѣ мѣста, гдѣ не доставало насыпей, заслоняли тѣлегами [163]).

Вчера война происходила преимущественно съ татарами; сегодня былъ день казаковъ. Хмельницкій раздѣлилъ свое войско на двѣ части: одна, сильнѣйшая, ударила на польскій таборъ [164]), другая, подъ предводительствомъ миргородскаго полковника Гладкаго, начала штурмовать городъ [165]). Мѣщане зазвонили въ колокола, бросились помогать осаждавшимъ и въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ валъ былъ низокъ и рвы не глубоки, накидывали въ ровъ хворосту и соломы и показывали казакамъ дорогу [166]). Драгуны, защищавшіе городъ, ослабѣли [167]). Король послалъ къ нимъ на помощъ разныхъ служителей и погонщиковъ, давъ имъ полотняныя знамена, подъ предводительствомъ Забусскаго [168]); съ ними пошелъ на битву какой-то ксендзъ-іезуитъ, Лисецкій [169]); около него отличались и другія особы духовнаго званія [170]). Сраженіе было кровопролитное, а все-таки поляки ослабѣли... драгуны легли въ сѣчѣ; ксендзы поби-

---

[163]) Bell. scyth. cosac. 64.—Hist. ab. exc. Wlad. IV. 47.

[164]) Pam. o wojn. kozac. za Chm. 64.—De reb. gest. contra cosac. 92.

[165]) Pomn. dziej pols. w. XVII. 154.—Annal. Polon. Clim. I. 145.—Histor. pan. Jan. Kaz. 79 —De reb. contra cosac. 92.

[166]) Pam. do pan. Zygm. III. Wlad. IV. i Jan. Kaz. II. 90.—Histor. pan. Jan. Kaz I. 78.

[167]) Кратк. опис о каз. мал. нар. 33.—De reb. gest. contra cos. 92.

[168]) Bell. scyth. cosac. 64.—De reb. gest. contra cosac. 92.

[169]) Pam. o wojn. kozac za Chmieln. 64—De reb. gest contra cosac. 93.

[170]) Pomn. dzje. pols. w. XVII. 154.

ты; служители отрѣзаны и поражены [171]). Побѣдители-казаки заняли русскую церковь на краю города [172]), взмостили на нее пушки и начали крѣпко нагрѣвать поляковъ, по ихъ собственному выраженію, паля въ обозъ [173]).

Между тѣмъ тѣ, которые нападали на окопы, уже разбили телѣги, и одинъ казакъ водрузилъ свою корогву на польскомъ валу [174]). Огонь битвы разгорался болѣе и болѣе; казаки рвались съ ожесточеніемъ; гусары не въ силахъ были защищать окопы своими длинными копьями... козаки наводнили польскій лагерь. „Ради Бога спасайте меня и отечество“, кричалъ король. Польскія хоругви тѣснились около государя, чтобъ не дать, по крайней мѣрѣ, его въ неволю... казаки разъсѣяли охранительную стражу и достигали до короля.

Все измѣнилось въ минуту. Изъ союзнаго лагеря раздался голосъ: „згода!“ Хмельницкій приказалъ остановить битву, „Хмельницкій (говоритъ современникъ) не хотѣлъ, чтобъ монархъ христіанскій достался въ бусурманскую неволю“ [175]). Сѣча стала утихать; однако стоило большаго труда, чтобъ унять разсвирѣпѣвшихъ воиновъ; по мѣстамъ дрались до вечера. Только въ лагерѣ, гдѣ находился король, утихло: побѣдители отступили.

---

[171]) Pam do pan. Zygm. III. Wl. IV. Jan Kaz. II. 90.

[172]) Pam. o wojn. kozac. za Chm. 64.—Woyn. dom. I. 86.—Кратк. опис. о каз. мал. нар. 33.

[173]) Pam. do pan. Zygm. III. Wlad. IV i Jan. Kaz. II. 89.

[174]) Кратк. опис. о каз. мал. нар. 33.

[175]) Лѣтоп. самов. 15.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Переговоры съ ханомъ.—Трактатъ съ татарами.—Зборовскій договоръ поляковъ съ казаками.—Хмельницкій у короля.—Освобожденіе отъ осады польскаго войска подъ Збаражемъ.—Битвы въ Литвѣ.—Подвиги и пораженіе Кречовскаго.

Вслѣдъ затѣмъ явился въ польскій лагерь татаринъ съ поклономъ отъ крымскаго государя, и принесъ королю письмо такого содержанія:

„Счастливый, милосердый, ханъ крымскій Исламъ-Гирей наияснѣйшему королю польскому Яну Казимиру, милому брату, желаетъ здравія.“

„Счастливо ли поживаешь, твое королевское величество? хорошо или худо? Я, съ своей стороны, желаю твоему королевскому величеству на предбудущія лѣта счастья, здоровья и благополучнаго царствованія. Пріятельское письмо твоей королевской милости дошло до насъ, въ которомъ ты предлагаешь намъ дружбу. Чрезвычайно удивляюсь, почему твоя королевская милость, съ той поры, какъ принялъ скипетръ, не изволилъ прислать ко мнѣ ни одного человѣка, и царство мое ни во что поставилъ, и меня человѣкомъ не челъ. Мы пришли зимовать въ твои улусы, и, положившись на Господа Бога, останемся у васъ въ гостяхъ. Если твоей ко-

ролевской милости угодно потрактовать съ своими гостями, то вышли своего канцлера, а мы своего вышлемъ. А если канцлера не вышлешь, то кого нибудь другаго вышли, вѣрнаго человѣка, который бы не постыдился за свои слова, потому, что за одну фальшивую увертку все дѣло испортится“ [1]).

Вмѣстѣ съ этимъ письмомъ, прислалъ Хмельницкій письмо. Припоминая службу и смерть отца своего, двухгодовое заключеніе свое въ турецкой неволѣ, казацкій предводитель увѣрялъ, что онъ вовсе не мятежникъ, а только прибѣгнулъ къ ногамъ великаго хана крымскаго, дабы, при его содѣйствіи, возвратить себѣ милость и благосклонность короля. „Такъ какъ—писалъ онъ—ваше величество приказали назначить казацкимъ гетманомъ Забускаго, то извольте ваше величество немедленно прислать его къ запорожскому войску, а я тотчасъ отдамъ ему булаву и знамя, которыя теперь держу по милости вашего величества. Увѣренъ, что по милости вашего величества я былъ бы невредимъ, но знаю и то, что паны украинные державцы вашего величества мало обращаютъ вниманія но ваше величество: каждый панъ самъ себя называетъ королемъ: они не только не потерпятъ меня въ государствѣ вашемъ, но и душу у меня сейчасъ отнимутъ. Впрочемъ, я съ войскомъ запорожскимъ всегда и въ началѣ, при счастливомъ избраніи вашемъ на престолъ, старался и теперь того же желаю, чтобъ вы были болѣе могущественнымъ государемъ въ Рѣчи Посполитой, чѣмъ блаженной памяти родитель и братъ

[1]) Bitw. p. Zbor. Star. pols. I. 267.—Памятн. кіевск. комм. I. 3. 466.—Истор. о през. бр.

вашего величества. Затѣмъ не допуская, чтобъ вы были невольникомъ Рѣчи Посполитой, буду держаться того государя, который по милости Божіей сохранилъ меня подъ своимъ покровительствомъ и съ готовностью къ нижайшимъ услугамъ повергаюсь къ стопамъ вашего величества“ [2]).

Вскорѣ послѣ доставленія ханскаго письма, когда было уже за полдень, явился къ польскому лагерю трубачъ и, три раза протрубивъ, извѣщалъ, что ханскій визирь уже выѣхалъ на переговоры.

Съ польской стороны выѣхалъ, подъ прикрытіемъ значительнаго отряда, канцлеръ. Отрядъ остановился: канцлеръ съ восьмью панами вошелъ въ лощину; туда прибылъ Шефферъ-Кази.

Канцлеръ высокопарнымъ тономъ первый привѣтствовалъ хана отъ имени короля.

Визирь отвѣчалъ:

— Государь мой, ханъ крымскій, посылаетъ меня съ засвидѣтельствованіемъ благорасположенія и братской дружбы къ королю, помня прежнее благорасположеніе къ себѣ королевскаго дома [3]).

— Король, мой государь, сказалъ Оссолинскій:— желаетъ знать, что за причина, по которой разорванъ старинный союзъ между двумя народами, поляками и татарами? Польша не начинала непріятельскихъ дѣйствій, какъ вдругъ измѣнникамъ, мятежникамъ явилась изъ Крыма помощь. Для чего татары стали намъ изъ союз-

---

[2]) Jak. Michal. ks pam. 432.—Пам. кіев. комм. I. 461—464.

[3]) Pomn. dziej. pols. w XVII. 157.—Histor. ab exc. Wlad. IV. 49.

никовъ врагами и покровителями нашихъ враговъ? Какое оскорбленіе сдѣлали вамъ поляки, и за что терпятъ отъ васъ?

— Дружественный союзъ, отвѣчалъ визирь:—нарушенъ потому что намъ удержана должная дань. Если же вы будете платить намъ ежегодную дань попрежнему, то мы возобновимъ нашъ союзъ и разойдемся по домамъ.

Слово „дань" оскорбило пана Рѣчи Посполитой.

— Поляки, сказалъ онъ:—народъ свободный и никогда никому не платили дани и платить не будутъ. Если же дѣло идетъ о дарахъ и жалованьѣ, которое милостивый монархъ нашъ обыкъ дарствовать сосѣдямъ въ знакъ благодарности за услуги, то мы отъ этого не отказываемся.

Визирь отвѣчалъ ему:

— О прозвищѣ нечего спорить; даръ ли, жалованье ли, дань ли—все равно, были бы деньги; слѣдуетъ говорить о дѣлѣ, а не о словахъ [4]).

— Въ чемъ же, спросилъ канцлеръ:—по желанію ханскому, будутъ состоять условія мира?

— Миръ, отвѣчалъ визирь:—станется на такомъ условіи, если заплатятъ намъ деньги, а Хмельницкому и казакамъ будетъ прощена ихъ вина [5]).

Канцлеръ обѣщалъ представить объ этомъ королю, и они разошлись.

На другой день, въ среду утромъ, выѣхалъ Оссолинскій на прежнее мѣсто съ Киселемъ и еще нѣсколько

---

[4]) Annal. Polon. Clim. I. 149.—Истор. о през. бр.—Pam. do pan. Zygm. III. Wlad. IV. i Jan. Kaz. II. 93.

[5]) Памятн. кіевск. комм. I. 3. 468.—Wojn. dom. I. 91.

коммиссарами, назначенными для заключенія мира. Со стороны хана, при Шефферъ-Кази былъ какой-то Сулейманъ-Ага [6]). Шефферъ-Кази привелъ съ собой и Хмельницкаго [7]). „Онъ (говоритъ лѣтописецъ) [8]) принялъ видъ смиренника; только что завидѣлъ Оссолинскаго, тотчасъ снялъ шапку, отвѣсилъ поклонъ и впродолженіе переговоровъ стоялъ поодаль, не говоря ни слова“ [9]).

Переговоры окончились на слѣдующихъ пунктахъ:

1) Отъ сихъ поръ, между королемъ Яномъ-Казимиромъ и его наслѣдниками, польскими королями, съ одной, и Исламъ-Гиреемъ и его наслѣдниками, Султанъ-Гиреями, съ другой стороны, утверждается вѣчная дружба такъ, что обѣ стороны обязываются подавать другъ другу помощь, когда потребуется [10]).

2) Король польскій, по доброжелательству и щедрости, назначаетъ хану въ даръ ежегодно 90,000 злотыхъ [11]), которые будутъ отпускаться чрезъ Каменецъ. Сверхъ того, единовременно даетъ хану подарокъ, вмѣстѣ съ задержанными хану деньгами, за два года 200,000 злотыхъ, изъ которыхъ 30,000 заплатитъ немедленно [12]).

3) Татарское войско тотчасъ отойдетъ отъ королев-

---

[6]) Bitw. p. Zbor. Star. pols. I. 265.

[7]) Annal. Polon. Clim. I. 149.

[8]) Histor. pan. Jan. Kaz. I. 83.—Annal. Polon. Clim. I. 149.

[9]) Памятн. кіевск. комм. I. 3. 466.

[10]) Кратк. опис. о каз. мал. нар. 34. —Крат. истор. опис. Мал. Росс. 13.—Опис. Мал. Рос. и Укр. 6.—Latop. Jerl. 102.

[11]) Histor. ab exc. Wl. IV. 49.—Опис. Мал. Рос. и Укр. 6.—Кр. опис. о Мал. Рос. 13.

[12]) Bitw p. Zbor. Star. pol. I. 265.—Кратк. опис. о каз. мал. нар. 34.

скаго обоза и отступить отъ Збаража, и такъ какъ вольный царь великой орды и ханъ крымскій не можетъ иначе возвратиться, какъ чрезъ польское государство, то онъ будетъ стараться, чтобъ это возвращеніе совершилось съ наименьшимъ вредомъ для земель его величества короля [13]).

Одинъ изъ современниковъ [14]) прибавляетъ: что ханъ за себя и за своихъ потомковъ обѣщалъ не дозволить никогда ордамъ крымскимъ, буджацкимъ, ногайскимъ, очаковскимъ, добруцкимъ и всѣмъ вообще, равно янычарамъ и беямъ, вторгаться въ предѣлы владѣній короля.

4) Король польскій долженъ простить вину войску запорожскому и принять въ свою милость гетмана, а войско запорожское утвердить клятвою свою вѣрность [15]).

Положили, въ заключеніе, чтобъ, пока не заплатитъ король требуемыхъ денегъ, кто нибудь изъ знатныхъ пановъ находился заложникомъ въ Крыму, а также и ханъ даетъ заложника въ удостовѣреніе того, что онъ не будетъ причинять никакого разоренія польскимъ областямъ на возвратномъ пути своемъ [16]).

По окончаніи разговора съ крымцами, выступилъ и Хмельницкій. Онъ увѣрялъ въ своемъ искреннемъ расположеніи и обѣщалъ впередъ служить вѣрно Рѣчи Посполитой. Канцлеръ обнадежилъ его полученіемъ ко-

---

[13]) Памятн. кіевск. комм. I. 3. 470.

[14]) Latop. Jerl. 103.

[15]) Pomn. dziej. pols. w. XVII. 159.—Histor. ab exc. Wlad. IV. 49.—Кратк. опис. о каз. мал. нар. 34.—Кратк. истор. о бунт. Хмел. 25.—Latop. Jerl. 103.

[16]) Bitw. p. Zbor. Star. 265.—Памятн. кіевск. комм. I. 3. 471.

ролевской милости, то есть удовлетвореніемъ его требованій [17]).

Въ тотъ же день прибыли отъ казацкаго предводителя два полковника съ мирными предложеніями. Посреди густой толпы воиновъ провели ихъ въ королевскій шатеръ. Въ царственномъ великолѣпіи, окруженный сановниками, сидѣлъ побѣжденный ими король. Русскіе, увидя Яна Казимира, пали на колѣни:

— Милосердія и прощенія просимъ у вашей королевской милости, сказали они, и положили къ ногамъ короля написанныя предложенія Хмельницкаго.

Канцлеръ отвѣчалъ имъ отъ лица короля:

— По врожденной добротѣ своей, король, далекій отъ того, чтобъ жаждать крови подданныхъ, прощаетъ тяжелое ваше преступленіе, въ надеждѣ, что вы загладите вину свою вѣрностью, покорностью и доблестями [18]).

Послѣ этой сцены, пословъ проводили и начался совѣтъ.

Въ своемъ письмѣ казацкій гетманъ писалъ: „повергаясь къ стопамъ вашего величества, повторяю просьбу мою: соизвольте ваше величество какъ отецъ и милосердый государь, простить мнѣ нижайшему своему подножку, невольный грѣхъ мой и принять въ свою монаршую милость. Я же какъ издавна былъ вѣрнымъ подданнымъ предшественниковъ вашего величества, такъ и до конца жизни обѣщаюсь быть вѣрнымъ вашему величеству“. Сообщивъ, что у казаковъ съ татарами установился такой договоръ, чтобъ татары не трогали пре-

---

[17]) Памят. кіевск. комм. I. 3. 464.

[18]) Pomn. dziej. pols. w. XVII. 100.—Woyn. dom. I. 92.

дѣловъ польскаго королевства, Хмельницкій въ письмѣ своемъ говорилъ: „если въ статьяхъ, которыя при этомъ представляются, ваше величество найдете что нибудь непріятное, не извольте за то гнѣваться на меня; въ этомъ не моя воля и мнѣ вовсе того не нужно, но все войско о томъ сильно проситъ, я же нижайше прошу, чтобъ оный злодѣй, не только мой, но и цѣлой Рѣчи Посполитой, Чаплинскій, который выгналъ меня изъ моего убогаго имѣнья, который чуть было не выпросилъ моей смерти у пана хорунжаго за то, что я жаловался на него блаженной памяти его величеству брату вашему, былъ казненъ такой казней, какую онъ мнѣ назначилъ, чтобы на вѣчныя времена иные не отважились дѣлать такихъ злодѣйствъ, ибо не мнѣ одному, но и всему войску тоже учиняли безразсудные люди“ [19]).

Смыслъ статей Хмельницкаго былъ таковъ: казаки требовали отъ Польши независимости земли своей въ опредѣленныхъ границахъ, съ признаніемъ единственной власти короля и съ освобожденіемъ отъ войскъ Рѣчи Посполитой, уничтоженія уніи, свободы греческой церкви, равенства правъ ея съ правами римской церкви и умноженія числа своего войска до 40,000. Выказывая себя представителемъ казацкаго сословія, и себя не забылъ Хмельницкій, говоритъ польскій лѣтописецъ; въ концѣ предложенія было сказано: „староство чигиринское должно принадлежать казацкону гетману“ [20]). Современный историкъ очень правдоподобно полагаетъ, что

---

[19]) Grab. Ojczyste spom: II. 120.

[20]) Annal. Polon. Clim. I 151. — Pam. do pan. Zygm. III. Wlad. IV i Jan. Kaz. II. 98.

Хмельницкій мирился съ королемъ на этихъ условіяхъ только потому, что не только не надѣялся уже помощи отъ хана на продолженіе войны, а еще могъ опасаться, что татарскій государь соединится и противъ него съ новыми союзниками. [21]).

Между панами поднялся ропотъ.

„Какъ? (говорили нѣкоторые съ негодованіемъ), онъ смѣетъ намъ предлагать условія? И мы должны съ нимъ заключать договоры, какъ съ равнымъ? Иное дѣло ханъ: онъ государь; поляки имѣютъ дѣло съ крымцами, какъ равные съ равными, а казаки наши подданные“.

Такъ говорили тѣ паны, которыхъ имѣнія находились далеко отъ Украины. Король самъ сначала раздѣлялъ ихъ мнѣніе. Янъ Казимиръ забылъ, какъ много обязанъ Хмельницкому при своемъ избраніи; государь вольной шляхетской націи, онъ защищалъ интересы ея: это было безопаснѣе, чѣмъ думать о своихъ.

Но тѣ, которые испытали силу казацкаго оружія, которые не разъ покидали свои домы и только бѣгствомъ спасали жизнь свою, тѣ указывая на великополянъ и мазуровъ, говорили со вздохомъ:

„Эти господа не попробовали, какъ больно бьетъ казакъ, а потому такъ и говорятъ; мы должны согласиться, потому что мы въ рукахъ непріятелей. Если казаковъ нѣтъ возможности покорить оружіемъ, надобно покорить ихъ прощеніемъ и милостью“ [22]).

Долго спорили; наконецъ король принужденъ былъ согласиться на все. Король написалъ Хмельницкому

---

[21]) Stor. delle guer. civ. 164—165.

[22]) Histor. pan.. Jan Kaz. I. 84.—Pam. o wojn. kozac. za Chm. 65.

самъ: „Какъ помазанникъ Божій, подражая самому Богу, прощающему человѣкамъ величайшіе грѣхи, мы готовы принять тебя въ нашу милость и оставить тебя въ твоей должности, если ты искренно и дѣйствительно принесешь намъ вѣрность и покорность, не будешь прибѣгать къ чужимъ государямъ, не станешь подущать къ бунту нашихъ подданныхъ и отпустишь всѣхъ тѣхъ, которые теперь съ тобою, и мы за то примемъ тебя въ милость нашу и сдѣлаемъ для тебя то, о чемъ ходатайствуетъ передъ нами за тебя, нашъ братъ крымскій царь.“ Король (говоритъ польскій лѣтописецъ), желая привести въ послушаніе мятежниковъ, показалъ надъ ними свое милосердіе, потому что ихъ нельзя было побѣдить никакимъ инымъ образомъ. Хотя полякамъ и крѣпко не хотѣлось принать статей Хмельницкаго, говоритъ русскій лѣтописецъ [23]), но они разсудили, что лучше воротиться домой съ цѣлыми ушами.

Въ четвергъ, 9-го августа (19-го н. ст.), татары послали къ королю заложникомъ Сулеймана-Агу, и получили 30,000 злотыхъ, да сверхъ того 2,500 червонцевъ дано въ подарокъ Шефферъ-Кази и 500 Сулейману. Къ хану заложникомъ уѣхалъ Донгофъ въ сопровожденіи Мястковскаго, который повезъ ему одинъ изъ двухъ экземпляровъ трактата; другой, подобный, доставленъ былъ Сулейманомъ-Агою полякамъ.

„Я былъ допущенъ въ шатеръ хана (говоритъ Мястковскій): повелитель несметныхъ ордъ береговъ Чернаго моря сидѣлъ окруженный знатными особами, съ подобо-

---

[23]) Истор. о през. бр.

страстіемъ опустившими глаза въ землю, нѣсколько сотъ вооруженныхъ янычаръ охраняли шатеръ царя. Ханъ былъ одѣтъ въ соболью шубу, крытую бархатомъ кирпичнаго цвѣта; по правую сторону сидѣлъ братъ его султанъ Калга, по лѣвую султанъ Нуреддинъ. Примѣняясь къ христіанскимъ обычаямъ, ханъ, какъ государь, далъ мнѣ поцаловать руку“ [24]).

Этой церемоніей оконченъ мирный договоръ Польши съ Крымомъ. Въ знакъ своего расположенія, ханъ послалъ королю, своему любезному брату, въ подарокъ дорогаго татарскаго коня и лукъ съ колчаномъ въ богатой оправѣ. Король, въ свою очередь, послалъ ему сѣдло съ богатымъ верховымъ приборомъ и турецкую саблю съ золотою рукояткою, осыпанною драгоцѣнными каменьями [25]).

Потомъ начался договоръ съ Хмельницкимъ. Краковскій воевода принялъ отъ него присягу. „Было съ нимъ возни“, говоритъ очевидецъ [26]). Крайность разрѣшила недоумѣнія. Паны хотѣли удержать болѣе власти надъ Украиною; Хмельницкій хотѣлъ болѣе правъ русскому народу. Но ханъ, получивъ удовлетвореніе отъ короля, теперь, съ своей стороны, требовалъ отъ Хмельницкаго повиновенія правительству [27]). Тогда написанъ былъ зборовскій договоръ, который, въ самомъ дѣлѣ, не заключалъ въ себѣ ничего новаго, только возвра-

---

[24]) Bitw. p Zbor. Star. pols. I. 265.

[25]) Histor. pan. Jan. Kaz. I. 86.

[26]) Bitw. p. Zbor. Star. pols. I. 266.

[27]) Annal. Polon. Clim. I. 148. — Pam. do pan. Zygm. III. Wlad. IV. i Jan. Kaz. II. 92.—Histor. pan. Kaz. Jan. I. 82.

щалъ старинныя права казацкому сословію. Вотъ въ какомъ видѣ сохранился онъ:

„Объявленіе милости его королевскаго величества войску запорожскому на пункты, предложенные въ его челобитной:

„1) Его королевское величество оставляетъ войско свое запорожское при всѣхъ старинныхъ правахъ (wolnosciach), по силѣ прежнихъ привилегій и выдастъ для этого тотчасъ новую привилегію.

„2) Желая угодить просьбѣ своихъ подданныхъ и привлечь ихъ къ услугамъ Рѣчи Посполитой, его королевское величество позволяетъ числу войска запорожскаго простираться до 40,000 человѣкъ и повѣряетъ составленіе списковъ гетману войска своего запорожскаго, позволяя вписывать въ казаки какъ изъ шляхетскихъ помѣстій, такъ и изъ королевскихъ имѣній по правую сторону Днѣпра, начиная съ города Димера, въ Горностайполѣ, въ Корыстышовѣ, въ Паволочѣ, въ Погребищѣ, въ Прилукѣ, въ Винницѣ, въ Браславлѣ, а отъ Браславля до Ямполя по Днѣстру, также до Днѣстра, а на лѣвой сторонѣ Днѣпра: отъ Остра въ Черниговѣ, въ Нѣжинѣ, въ Ромнѣ, до рубежей московскихъ и до Днѣпра въ пространствѣ между этими мѣстами; далѣе же показанныхъ мѣстъ казаки не могутъ находиться; но кто пожелаетъ изъ другихъ краевъ вступить въ казачество, можетъ, безъ опасенія со стороны прежняго владѣльца, перейдти съ своимъ имуществомъ въ Украину и записаться въ реестръ. Полный поименный списокъ казаковъ, за подписью руки гетмана запорожскаго, съ приложеніемъ войсковой печати, долженъ быть оконченъ совершенно до новаго русскаго года, для того чтобъ тѣ, которые вой-

дутъ въ казацство, пользовались своими правами, а всѣ прочіе, живущіе въ королевскихъ имѣніяхъ, исправляли свои обязанности, а живущіе въ шляхетскихъ служили своимъ панамъ.

„3) Чигиринъ, какъ онъ теперь находится съ своимъ округомъ, долженъ навсегда оставаться при булавѣ войска запорожскаго, почему его королевское величество вручаетъ его нынѣшнему начальнику войска запорожскаго, благородному Богдану Хмельницкому, какъ вѣрному слугѣ короля и Рѣчи Посполитой.

„4) Все, что съ допущенія Божія, происходило во время нынѣшняго замѣшательства, должно быть предано забвенію, и никакой панъ не долженъ мстить и казнить за прошлое.

„5) Его королевское величество, по своей монаршей милости, прощаетъ всѣмъ тѣмъ изъ шляхты, которые какимъ бы то ни было образомъ находились въ запорожскомъ войскѣ; и если, во время нынѣшнихъ смутъ, кто-нибудь выпросилъ родовое или коронное имѣніе, принадлежавшее тѣмъ, которые находились въ войскѣ запорожскомъ, и если кто, по поводу такого участія, лишенъ былъ чести—все должно быть изглажено на слѣдующемъ сеймѣ сеймовою констититуціею.

„6) Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ будутъ жить казаки, вписанные въ реестръ, коронныя войска не могутъ занимать квартиръ.

„7) Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ будутъ находиться казацкіе полки, жиды не могутъ пребывать ни владѣтелями, ни арендаторами, ни просто жителями.

„8) Относительно уничтоженія уніи, какъ въ коронѣ, такъ и въ великомъ княжествѣ литовскомъ, также отно-

сительно цѣлости церквей и вотчинъ, къ нимъ приписанныхъ изстари, будетъ сдѣлано постановленіе на сеймѣ въ присутствіи и по желанію отца митрополита кіевскаго и всего духовенства. Его королевское величество желаетъ, чтобы всякій могъ свободно пользоваться правами и вольностями своими и позволяетъ отцу митрополиту кіевскому засѣдать въ сенатѣ.

„9) Всѣ должности и чины въ воеводствахъ кіевскомъ, брацлавскомъ и черниговскомъ, его королевское величество обѣщаетъ раздавать впредь только тамошнимъ дворянамъ, исповѣдующимъ греческую вѣру, по силѣ прежнихъ правъ.

„10) Отцы іезуиты не имѣютъ права находиться въ Кіевѣ и въ другихъ городахъ, гдѣ есть привилегированныя русскія школы, но должны непремѣнно перейдти всѣ въ другія мѣста. Всѣ русскія школы, существующія издавна, должны оставаться въ цѣлости.

„11) Казаки не имѣютъ права шинковать горѣлкою, но могутъ для себя курить вино и продавать оптомъ. Шинки съ медомъ и пивомъ остаются на прежнихъ основаніяхъ.

„12) Всѣ изложенныя статьи будутъ утверждены на сеймѣ, а теперь, предавъ все забвенію, да пребываетъ согласіе и любовь между живущими въ Украинѣ и между войсками его королевскаго величества и войскомъ запорожскимъ“ [28]).

Написанный и утвержденный печатью, трактатъ былъ отправленъ къ королю, откуда возвратился съ подписью:

---

[28]) Собр. госуд. гр. и дог. III. № 143. стр. 450—454.—Рук. И. П. Б. № 90 разпояз. F. № 5.

Joannes-Casimirus rex, и тогда Хмельницкій предъ крестомъ и евангеліемъ проговорилъ присягу королю со словъ краковскаго воеводы [29]).

Послѣ этого предводитель возстанія сказалъ:

— Да позволитъ же его королевское величество упасть къ ногамъ его!

Паны были довольны такимъ желаніемъ; но казаки, не довѣряя полякамъ ни на волосъ, кричали:

— Не пустимъ нашого батька, щобъ вы его не заділи. Пусть кто нибудь изъ знатныхъ пановъ останется у насъ *въ закладъ*, а безъ того гетманъ не пойдетъ къ королю.—

Одинъ изъ присутствовавшихъ при заключеніи договора, Любомирскій, вызвался остаться на нѣсколько часовъ у казаковъ, и тогда казаки отпустили гетмана.

Въ пятницу, 10-го августа (20-го н. ст.), утромъ, Хмельницкій, въ сопровожденіи сотни знатнѣйшихъ казаковъ, прибылъ въ польскій лагерь. Его подвели къ шатру; паны увѣряли короля, что онъ явится съ трусливымъ и униженнымъ видомъ, сложа на грудь руки, переводя дыханіе. Паны обманулись [30]).

Хмельницкій вошелъ бодро, съ уваженіемъ къ особѣ государя, но и съ чувствомъ собственнаго достоинства. Преклонивъ одно колѣно, онъ сказалъ:

„Много уже лѣтъ, наияснѣйшій и могущественнѣйшій государь всемилостивѣйшій отецъ подданныхъ своихъ, много уже лѣтъ свирѣпая и коварная ненависть почти всѣхъ польскихъ пановъ обращена была на насъ, вѣр-

---

[29]) Relat. o bit. p. Zbor.

[30]) Histor. ab. exc. Wlad. IV. 50.

ныхъ слугъ твоихъ. Всѣми возможными средствами они топтали привилегіи нашихъ старшинъ, считали казаковъ запорожскихъ не войскомъ величества твоего, а своими рабами. Священники наши были для нихъ хуже мухаммеданъ; захвативъ въ государствѣ власть, при блаженной памяти, королѣ Владиславѣ IV, они не давали намъ вознести свободный голосъ на сеймѣ; насилія, убійства, крайнія оскорбленія всякаго рода мы претерпѣвали отъ нихъ безнаказанно. Прости смѣлости моей рѣчи, государь милостивый; мы не обманывали благосклоннаго твоего слуха представленіемъ причинъ, вынудившихъ насъ защищать жизнь свою. Тѣрпѣніе наше потерялось: мы принуждены были заключить союзъ съ чужеземцами и употребить ихъ помощь противъ шляхетства. Какъ осуждать насъ за это, когда мы защищали жизнь свою и имущества, что свойственно всякому животному? Скотъ, если его мучатъ, бодается! У меня въ мысли никогда не было поднимать оружія противъ вашего величества, государя нашего милосердаго и неповиннаго въ страданіяхъ нашихъ. Мы возстали противъ тѣхъ только, которые презирали казаковъ, какъ пресмыкающихся, угнетали насъ, какъ самыхъ послѣднихъ рабовъ" [31]).

Хмельницкій произносилъ эту рѣчь съ жаромъ.

Король, сохраняя важность своей особы, молчалъ [32]), только ласково протянулъ руку; Хмельницкій поцаловалъ ее съ почтеніемъ. Тогда, литовскій подканцлеръ, Сапѣга отвѣчалъ ему отъ лица короля:

---

[31]) Histor. ab. exc. Wlad IV. 51.

[32]) Bell. scyth. cosac. 71:

„Что было и кто въ томъ виноватъ—того невозможно разобрать, даже и вспоминать объ этомъ болѣе не будемъ. Его величество, наияснѣйшій король, не хочетъ раздражать никого; его монаршая милость, какъ врачевство, все исцѣляетъ; подобно солнцу, освѣщающему и добрыхъ и злыхъ, добрый монархъ благодѣтельствуетъ своимъ подданнымъ, и кроткимъ и строптивымъ, и прощаетъ виновнаго, если онъ загладитъ свой поступокъ вѣрностью и трудами на пользу отечества“ [33]).

Вышедши, Хмельницкій повидался съ канцлеромъ [34]), но въ чемъ состояла ихъ бесѣда—неизвѣстно.

На другой день, враждебныя войска разошлись. Поляки съ королемъ отправились ко Львову, Хмельницкій и ханъ къ Збаражу.

Уже девятая недѣля наступила съ тѣхъ поръ, какъ панское войско стало подъ Збаражемъ и седьмая съ тѣхъ поръ, какъ оно вступило въ битву съ непріятелемъ. Въ послѣдніе дни поляки были доведены до такого истощенія, что уже для утоленія голода недоставало у нихъ и самой скверной пищи. Еще два три дня—и обозъ пропалъ бы самъ собою. Вдругъ, 9-го августа (19-го н. ст.), прибѣжали изъ подъ Зборова казаки и закричали: „Эй, панове, слухайте? уже ханъ трактуе зъ королемъ!“ Паны думали, что это только казацкія насмѣшки, какъ вотъ приблизился Кара-Мурза, и, подъѣхавъ къ окопамъ, закричалъ чрезъ переводчика:

„Радуйтесь, ляхи, я вамъ привезъ веселую новость: король вашъ съ ханомъ побратался, а хлопы будутъ

---

[33]) Истор. о през. бр.

[34]) Annal. Polon. Clim. I. 149.

вашими подданными, какъ были и прежде, исключая тѣхъ, которыхъ Хмельницкій возьметъ себѣ въ реестръ, до 40,000 молодцовъ. Не стрѣляйте по казакамъ".

Вишневецкій приказалъ его съ честью ввести въ обозъ и угощать, а между тѣмъ остерегался нѣтъ ли тутъ хитрости. „Будемъ ждать вѣсти отъ нашего государя"— говорили поляки татарину.

Въ это время казаки поставили близь пруда четыре пушки и гнали своихъ людей къ валу. Часа въ три пополудни завязалась перестрѣлка, скоро однако прекратившаяся по причинѣ дождя. Это полякамъ внушило еще болѣе подозрѣнія.

Вечеромъ прибылъ въ обозъ панъ Ромашкевичъ полякъ, и извѣщалъ что миръ дѣйствительно заключенъ, но и ему не повѣрили, тѣмъ болѣе, что онъ не умѣлъ объяснить въ чемъ состоятъ условія мира. Наконецъ пришло письмо отъ Хмельницкаго: казацкій предводитель извѣщалъ о послѣдовавшемъ подъ Зборовомъ мирѣ и выражался такъ: „ваши милости обѣщали сто тысячъ крымскому хану; изготовьте ихъ и царь отступитъ."

Это письмо произвело чрезвычайное негодованіе: „мы ничего никогда не обѣщали хану—кричали предводители— мы были готовы всѣ полечь съ оружіемъ въ рукахъ а не поддаваться: мы не будемъ откупаться."

Въ такомъ смыслѣ посланъ отвѣтъ Хмельницкому. Казацкій гетманъ сильно разсердился [35]); но вотъ вслѣдъ за тѣмъ въ окопы вошли, королевскій чиновникъ, Мирскій и Ожга, писарь львовской земли, и вручили начальникамъ письмо короля, разныя пожалованія староствами и ко-

[35]) Jak. Michal. 169.

пію зборовскаго трактата. Спасенное войско было въ невыразимой радости; но Вишневецкому, хотя также получившему староство, и его отважной партіи не понравилось, когда, читая письмо короля, они были поражены слѣдующими словами:

„По силѣ договора съ ханомъ, збаражское войско должно заплатить часть суммы для окупа хану, и потому необходимо, чтобъ кто нибудь изъ важныхъ пановъ согласился, до уплаты этой суммы, идти заложникомъ въ ханское войско, подобно какъ и мы отправили заложникомъ Донгофа, потому что они съ пустыми руками не отойдутъ отъ Збаража.“

— А чтобъ вы этого не дождали! (закричалъ Іеремія и его приверженцы) сами платите, когда обѣщали! Король и коммиссары не смѣли давать за насъ обѣщаній: мы будемъ защищаться, пока въ рукахъ будетъ оружіе!

Тогда находившійся въ казацко-татарскомъ обозѣ заложникомъ Донгофъ прислалъ нѣкоего Ольшанскаго требовать, чтобъ сумма, которой хочетъ ханъ, была непремѣнно заплачена. „Иначе—говорилъ Ольшанскій—панъ Доньгофъ сокальскій староста пропалъ“ [36]). „Кто его отдалъ въ заложники, тотъ пусть и выкупаетъ“ сказалъ на это белзскій воевода.

Но другіе удерживали такую безполезную вспышку. Они говорили—„можемъ ли мы имѣть хоть какую нибудь надежду на защиту? Мы при послѣднемъ издыханіи. Иначе и быть не можетъ: побѣдитель даетъ права и толкуетъ ихъ какъ ему угодно.“

---

[36]) Jak. Michal. ks. pam. 469.

Издыхающее войско роптало; жолнеры просились, чтобъ ихъ скорѣе выпустили, а между тѣмъ казаки передъ самымъ обозомъ разставили столы со съѣстными припасами. Молодой Потоцкій, но не того герба, къ которому принадлежалъ взятый въ плѣнъ подъ Корсуномъ гетманъ, вызвался идти въ заложники [37]).

Татары отступили немедленно по полученіи заложниковъ. И тогда сбылось предсказаніе осажденныхъ поляковъ. которые говорили, что десятины будутъ собирать съ русскихъ ихъ дикіе союзники. Мурзы, неповиновавшіеся хану и считавшіе для себя закономъ свою прихоть, забирали по городамъ и селамъ женъ и дочерей тѣхъ самыхъ молодцовъ, съ которыми вмѣстѣ издѣвались надъ поляками. Одна польская лѣтопись говоритъ, что въ мѣстечкѣ Ляховцахъ татары погнали плѣнныхъ до пятнадцати тысячъ [38]). Сами русскіе, своевольные гайдамаки, пошли ватагами опустошать свое отечество и обижать своихъ братьевъ [39]).

По отходѣ татаръ, отворились польскіе окопы; и чахлые, блѣдные поляки выползли изъ своихъ норъ. По извѣстію одного изъ современниковъ [40]) десять тысячъ, жолнеровъ было заключено въ окопахъ при началѣ осады: изъ нихъ теперь осталось только 3,000, слугъ погибло болѣе чѣмъ на половину, а изъ шестидесяти тысячъ лошадей едва осталось въ живыхъ три тысячи. Почти никто изъ нихъ не въ силахъ былъ идти прямо:

---

[37]) Pam. o wojn. kozac za Chm. 68.—Histor. belli cosac. polon. 110.—Histor. pan. Jan. Kaz. I. 87.—Истор. о през. бр.

[38]) Pam. o wojn. kozac. za Chm. 68.—Stor. delle guer. civ. 165.

[39]) Лѣтоп. самов. 15,

[40]) Stor. delle guer. civ. 164.

дуновеніе вѣтра, по выраженію лѣтописцевъ, сваливало ихъ съ ногъ; у кого былъ конь, тотъ держался за хвостъ коня; иные поддерживали другъ друга и падали отъ изнеможенія. Хлопы промѣнивали имъ свои припасы на битые талеры и не забывали колоть ихъ горькими насмѣшками. Самъ гетманъ разъѣзжалъ съ гордостью между шляхтичами, которые съ восторгомъ увидали, въ первый разъ послѣ долгаго томленія, хлѣбъ и чистую воду.

Были изъ русскихъ такіе, которые не смотрѣли на свѣжій миръ и, накормивъ безсильныхъ враговъ своихъ, продавали ихъ татарамъ [41]). Съ своей стороны и поляки мало были расположены считать казаковъ друзьями. Одинъ польскій отрядъ, на дорогѣ, въ селѣ Дергахъ, напалъ на толпу гайдамакокъ и перебилъ ихъ, беззащитныхъ и пьяныхъ [42]).

Наконецъ, когда поляки разошлись, Хмельницкій съ своимъ побѣдным войскомъ отступилъ въ Украину на покой, въ славѣ и чести.

— Що? багато пропало ляхівъ? спрашивали казаковъ родные.

— Що підъ Збаражемъ, выражались тогда:—то нехай той злічить, кому тамъ лучилось бути, а що підъ Зборовімъ, тамъ де наибільшій панъ—той мусивъ головою наложити, а що слуги и вісько грошове то добре воны тямитимуть весилья Зборове [43]).

Во все время збаражской осады на Волыни и въ Литвѣ происходили отдѣльныя битвы русскаго народа съ

---

[41]) Истор. о през. бр.—Лѣтоп. малор.

[42]) Истор. о през. бр.

[43]) Истор. о през бр.

непріятелями, столь же кровопролитныя, но не столь счастливыя для него. Нѣсколько загоновъ, отдѣлившись отъ войска, отправились на Волынь. Тамъ городъ Острогъ, доставшійся въ руки казаковъ, опять перешелъ къ полякамъ. Множество народа, по извѣстію одного современника, до 20,000 [44]), сбѣжалось въ этотъ городъ, укрываясь отъ бродившихъ татарскихъ и казацкихъ загоновъ. Три казацкихъ отряда, подъ начальствомъ Небабы, Донца и Головацкаго, подступили къ нему и увидѣли, что поляки уже успѣли поправить и возобновить укрѣпленія. „Мы не враги вамъ,—послали въ городъ сказать казаки: пустите насъ купить кое что на рынкѣ.“ Жители довѣрились и начали впускать казаковъ и продавать имъ пиво, медъ, водку, хлѣбъ и разное съѣстное. Но такъ какъ у воротъ стояла стража, то казакамъ это не понравилось, они бросились на нее и прогнали. Гарнизонъ ударилъ тревогу; всѣ казаки и татары подоспѣли къ своимъ на помощь и дѣло дошло до ожесточенной рѣзни: вырѣзали множество жителей; другихъ татары погнали въ плѣнъ, такъ что погибло тогда какъ говорятъ до 20,000 человѣкъ. Весь городъ былъ превращенъ въ пепелъ. Только двѣсти человѣкъ мѣщанъ заперлись въ палацъ: они дали храбрый отпоръ, а потомъ выговорили себѣ свободный выступъ, за извѣстную сумму. Заславль, находившійся также, послѣ изгнанія Донца, въ рукахъ поляковъ, сдался добровольно. Православные сами позвали казаковъ и впустили ихъ въ городъ, предавая имъ на жертву католиковъ и жидовъ. Гайдамаки овладѣли

---

[44]) Stor. delle guer. civ. 148.

Заславлемъ ночью перебили католиковъ; а надъ жидами потѣшались нѣсколько времени: они ихъ запихали въ топленыя печи и медленно мучили жаромъ. Православные вмѣстѣ съ гостьми потѣшались местью надъ врагами, но потомъ и сами расплатились за свою дружбу съ ними. Татары ихъ ограбили, вымучивали у нихъ деньги, многихъ замучили, другихъ угоняли въ плѣнъ и дѣлали надъ ними разныя неистовства [45]).

Военныя дѣйствія въ Литвѣ начались очень рано въ 1649 году. Оставленное Радзивилломъ на зимовыхъ квартирахъ, на лѣвой сторонѣ Припети, литовское войско было по неосторожности покинуто хорунжимъ Воловичемъ, который отлучился для поправленія здоровья. Узнавъ объ этомъ, Хмельницкій послалъ туда Илью Голоту, какого то предводителя украинскихъ хлоповъ. Сначала отрядъ его простирался только до десяти тысячъ; но едва въ Литвѣ разнесся слухъ, что гетманъ украинскій прислалъ новыя силы на помощь русской землѣ, народъ сыпнулъ со всѣхъ сторонъ къ нему и число казаковъ увеличилось. Они напали на зимовыя квартиры литовцевъ и, пользуясь ихъ безпечностью, множество перебили, а остальные, покинувъ свои походныя имущества, разбѣжались; города за Припетью поднялись; составлялись загоны; шляхта покидала домы свои и замерзала толпами по дорогамъ.

Узнавъ о пораженіи литовцевъ, Винцентій Гонсѣвскій набралъ наскоро нѣсколько отрядовъ нѣмецкой пѣхоты, началъ заворачивать бѣгущихъ жолнеровъ и не-

---

[45]) Ibid. 150.

чаянно напалъ на Голоту, который, вовсе не ожидавъ непріятеля, распустилъ три части своего свѣжаго войска и оставался только съ 7000 пѣхоты. Не въ силахъ мѣряться съ Гонсѣвскимъ, казаки побѣжали въ непроходимыя болота [46]) и заперлись на одномъ островѣ Припети, разрубивъ за собою ледъ на рѣкѣ; Гонсѣвскій пошелъ по слѣдамъ спрятавшихся русскихъ и открылъ ихъ убѣжище. Казаки защищались отчаянно и почти всѣ были перетоплены и побиты, вмѣстѣ съ своимъ предводителемъ Голотою, храбрымъ и кровожаднымъ, какъ называютъ его поляки.

Радзивиллъ, съ главнымъ корпусомъ литовскаго войска, сталъ близь Рѣчицы. Тогда разнесся слухъ, что литовцы хотятъ съ силами войти въ Украину въ то время, когда Хмельницкій съ казаками воевалъ на Волыни. Въ самомъ дѣлѣ, Радзивиллъ имѣлъ эту мысль, но другіе удержали его, представивъ, что такое предпріятіе опасно: дорога шла между лѣсовъ и болотъ, народъ въ возстаніи: литовское войско внезапно могло быть атаковано и сзади, и спереди, и съ боковъ въ какомъ нибудь неудобномъ проходѣ [47]). Хмельницкій послалъ противъ литовцевъ свѣжій десятитысячный отрядъ, подъ начальствомъ Стецька Подобайла, молодаго, отважнаго казака, который, по сказанію лѣтописцевъ, былъ готовъ летѣть въ огонь, сломя голову [48]). Хмельницкій, готовя вслѣдъ за нимъ другое, сильнѣйшее войско, приказалъ ему только удерживать вторженіе Радзивилла.

---

[46]) Histor. bell. cosac. polon. 117.

[47]) De rebus. gest. contra cosac. 37.

[48]) Histor. pan. Jan. Kaz. I. 92.—Истор. о през. бр.

Подобайло выбралъ мѣсто между Днѣпромъ и Сожью, при устьѣ послѣдней, окруженное непроходимыми болотами; а въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ мѣстность представляла возможность къ переходу, тотчасъ вырылъ рвы и насыпалъ валы [49]). Городъ Лоевъ, на противоположной сторонѣ, былъ имъ сожженъ, чтобъ не дать въ немъ утвердиться непріятелю [50]). Услышавъ объ этомъ, Радзивиллъ рѣшился уничтожить его прежде чѣмъ явится сильнѣйшее войско. Онъ оставилъ въ Рѣчицѣ гарнизонъ, а остальное войско повелъ на Подобайла. Конница и артиллерія шли сухопутно: Гонсѣвскій, съ пѣхотою и частью оружія, плылъ на лодкахъ. Два отряда посланы были въ стороны: одинъ, подъ начальствомъ Комаровскаго, къ Припети, другой, подъ начальствомъ Павловича, къ Рѣчицѣ, для наблюденія надъ свѣжими непріятельскими силами, которыя должны были появиться въ помощь Подобайлу [51]). Литовскій историкъ, постоянно уменьшающій число своихъ и увеличивающій число русскихъ, простираетъ число воиновъ въ этихъ отрядахъ только до тысячи человѣкъ въ каждомъ [52]).

Гонсѣвскій, занявъ удобное мѣсто, приказалъ сдѣлать валъ въ уровень съ непріятельскими окопами и палить въ таборъ Подобайла [53]).

Между тѣмъ, новое войско уже вступило въ Бѣло-

---

[49]) De rebus. gest. contra cosac. 39.

[50]) Ibid.—Histor. bell. cosac. polon. 117. — Крат. опис. о каз. малор. нар. 38.

[51]) De rebus. gest. contra cosac. 39—40.—Bell. scyth. cosac. 87.

[52]) De rebus. gest. contra cesac. 40.

[53]) Ibid.

руссію изъ Украины. Хмельницкій послалъ туда Кречовскаго, своего бывшаго избавителя, котораго любилъ, какъ задушевнаго друга. Съ нимъ было тридцать тысячъ русскихъ. Одно имя его, по замѣчанію современниковъ, могло собрать подъ его знамена огромное войско [54]). Природный русскій, Кречовскій служилъ Хмельницкому не изъ выгодъ, не изъ пріязни, а изъ любви къ Руси. Переправившись черезъ Припеть, онъ разсѣялъ отрядъ Мирскаго. Этотъ успѣхъ послужилъ къ тому, что къ нему начали стекаться хлопы. Услышавъ отъ плѣнныхъ жолнеровъ, что городъ Рѣчица готовъ принять казаковъ [55]), Кречовскій распустилъ слухъ, что идетъ на Рѣчицу, а между тѣмъ рѣшился стремительно атаковать Радзивилла. Отъ быстроты зависѣлъ успѣхъ. Для предупрежденія опасности, онъ разослалъ недавно приставшихъ къ нему хлоповъ по сторонамъ, для наблюденія, а самъ бросился на обозъ Радзивилла [56]).

Но казаки испортили дѣло: они разсѣялись съ лошадьми по пастбищу и дали о себѣ знать литовскому войску, потомъ завязали съ передовыми постами битву, и, такимъ образомъ, позволили непріятелямъ собраться и не попасться въ расплохъ.

Завязалась жестокая сѣча. Радзивиллъ, замѣтивъ, что лѣвое крыло русскаго войска отдѣлилось, послалъ на него конницу подъ начальствомъ Ходорковскаго, Невѣровскаго съ гусарами и Гонсѣвскаго. Лѣвое крыло казацкое попятилось въ лѣсъ. Тутъ Кречовскій, видя, что

54) Bell. scyth. cosac. 86.
55) Histor. pan. Jan. Kaz. 93.
56) Bell. scyth. cosac. 86—87.—Кратк. опис. о казац. мал. нар. 38.

литовская конница отдѣлилась отъ лагеря, стремительно выдвинулъ правое крыло своего войска и началъ перерѣзывать обратный путь непріятельской конницѣ. Тогда лѣвое крыло, примкнутое къ лѣсу, спѣшилось и, въ свою очередь, ударило на литовцевъ. Литовское войско, окруженное непріятелемъ, пришло въ безпорядокъ. Оно было бы неминуемо разбито на голову, еслибъ литовцамъ не явилась неожиданная помощь.

Отряды, посланные для развѣдыванія о непріятелѣ, подъ начальствомъ Комаровскаго и Павловича, возвращались тогда въ лагерь и были такъ недалеко, что слышали выстрѣлы. Они внезапно ударили сзади на русскихъ. Изумленные неожиданностью, казаки смѣшались, и въ то время, когда появившіеся въ тылу отряды напали на правое крыло войска Кречовскаго, Радзивиллъ ударилъ всѣми силами на лѣвое. Кречовскій бросился въ лѣсъ, спустился въ глубокую долину, окопался валомъ, а между тѣмъ послалъ къ Подобайлу, чтобъ онъ поспѣшилъ къ нему на помощь [57]). Этотъ успѣхъ дорого стоилъ литовцамъ: много было убитыхъ, много раненныхъ и, въ числѣ послѣднихъ, Гонсѣвскій: пуля попала ему въ ногу, другая въ грудь, но панцырь спасъ его.

Между тѣмъ, Радзивиллу донесли, что Подобайло готовъ броситься на него съ тыла. Радзивиллъ, оставивъ для удержанія Кречовскаго нѣмецкую пѣхоту, бросился самъ на Подобайла. Подобайло получилъ вѣсть и плылъ Днѣпромъ на чайкахъ, на помощь Кречовскому, по извѣстію нѣкоторыхъ съ 12,000, по другимъ—съ 15,000,

---

[57]) De reb. contra cosac. 44.—Bell. scyth. cosac. 86—87.

а по инымъ — съ 9,000 казаковъ. Казаки пристали къ берегу и сдѣлали изъ дерна валъ, чтобъ закрыть себя отъ непріятельскихъ наблюденій при высадкѣ и готовились напасть на Радзивилла съ тыла; но Радзивиллъ предупредилъ ихъ и напалъ стремительно въ то время, когда казаки не успѣли высадиться и потому не были готовы къ бою. Видя, что имъ невозможно удержаться на берегу, они бросились назадъ въ чайки, и многіе летѣли прямо въ воду. „Словно плавающія утки (говоритъ современникъ), они выставляли изъ воды головы, которыя безпрестанно слетали отъ литовскихъ пуль.“ Самъ Подобайло съ частью воиновъ успѣлъ, однако, прорваться и спѣшилъ соединиться съ Кречовскимъ; но предводители нѣмецкой пѣхоты, Тизенгаузенъ, Нольдъ и Вехманъ, пресѣкли ему дорогу и разсѣяли казаковъ.

Тѣмъ временемъ Кречовскій, окопавшись въ лѣсу валомъ, возами и даже тѣлами убитыхъ, отражалъ удачно нѣмецкую пѣхоту и не выходилъ изъ лагеря, дожидаясь Подобайла; но, къ ужасу своему, онъ услышалъ, что къ нему приближается не Подобайло, а Радзивиллъ, который, со всѣмъ войскомъ перешедши болотистые лѣса, заходитъ на него съ другой стороны. Пораженіе Подобайла лишило его надежды. Онъ искалъ смерти, вырвавшись съ отрядомъ изъ укрѣпленнаго табора, бросился на передовой отрядъ и былъ сильно раненъ. Казаки положили на возъ своего предводителя и ночью оставили таборъ, но на разсвѣтѣ наткнулись на войско Радзивилла и разбѣжались. Полумертваго Кречовскаго, лежавшаго на возу, литовцы привезли въ лагерь. Онъ такъ былъ храбръ, такъ внушалъ къ себѣ уваженіе, что литовскіе паны, окружая, его ласкали; самъ Ра-

дзивиллъ изъявлялъ сожалѣніе и просилъ, чтобъ онъ не боялся; но русинъ бросилъ на нихъ презрительный взглядъ, отворотился и началъ биться головою о дерево, и такъ испустилъ несчастный духъ свой, по выраженію польскаго современнаго историка [58]).

Это было въ августѣ. Казалось все было кончено; но мятежъ, по выраженію польскаго лѣтописца, словно гидра, у которой если отрубишь голову, то сейчасъ выростаетъ другая [59]). Едва кончилъ Радзивиллъ кровопролитную войну съ Кречовскимъ, надъ которымъ побѣда стоила литовцамъ дорого, какъ услышалъ, будто 60,000 казаковъ переправляются чрезъ Припеть и снова началъ устраивать къ бою свое утомленное войско. Но въ это время уже заключенъ былъ зборовскій миръ, и литовцы избавились отъ новыхъ опасностей. На дорогѣ Радзивиллъ получилъ отъ короля письмо, въ которомъ ему предписывалось отступить [60]).

---

[58]) Histor. pan. Jan. Kaz. I. 92—95.—Bell. scyth. cosac. 86—88.—Крат. опис. о каз. мал. нар 37—39.—Истор. о през. бр.—Pam. do pan. Zygm. III. Wlad. IV i Jan. Kaz. II. 103—108.—Latop. Jerl. 100—101. Pam. Albr. Radz. II. 319.

[59]) Pam. do pan. Zygm. III. Wlad. IV i Jan. Kaz. II. 104.

[60]) Письмо это напеч. въ III-мъ томѣ «Собр. гос. гр. и дог.» О литовскихъ событіяхъ этого времени спеціальное сочиненіе. «Rerum. in Magno Ducatu Lith. Commentarius».

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Неудовольствія въ Польшѣ. — Пасквили. — Обвиненія Оссолинскаго.— Смерть его.—Любовь къ Вишневецкому.—Состояніе Украины.—Сеймъ въ Варшавѣ.—Недопущеніе кіевскаго митрополита въ сенатъ.—Гражданское устройство въ Украинѣ.—Коммиссары.—Водвореніе владѣльцевъ.—Бунты.—Нечай.—Ходатайство митрополита.—Переяславская рада.—Казацкіе полки.—Положеніе владѣльцевъ.

Никто въ польскомъ лагерѣ подъ Зборовомъ не думалъ о сохраненіи зборовскаго договора. „Мы должны были suadente necessitate согласиться на подобныя статьи" писалъ одинъ полякъ изъ-подъ Зборова [1]). „Тайный шопотъ (говоритъ поэтъ-современникъ) предупреждалъ всѣхъ, что миръ, который служилъ къ униженію шляхетскаго сословія и достоинства, не могъ быть продолжительный. Это значитъ присыпать пепломъ огонь, который, современемъ, долженъ былъ вспыхнуть снова". Русскіе также мало вѣрили въ прочность этого договора. Еслибъ они и довѣряли королевскому слову, то все-таки не могли думать, что король въ силахъ сдержать его. „Что значитъ въ Польшѣ король? (говоритъ русскій лѣтописецъ) Ляхи народъ непостоянный; они не повинуются

[1]) Starozytn. Polsk. I. 263.

своимъ королямъ и живутъ между собою въ несогласіи. Сколько въ польской землѣ ляховъ, столько совѣтовъ и мнѣній: каждый хочетъ свое слово поставить выше слова другаго; они пишутъ договоры, обѣщаютъ, а потомъ отрекаются отъ своихъ обѣщаній" [2]).

Короля въ Варшавѣ встрѣтили очень дурно. Жители столицы, только по слухамъ знавшіе, что такое Хмельницкій и его казачество, кричали, что король посрамилъ честь польской націи, что онъ сдѣлалъ Польшу данницею невѣрныхъ и игрушкою хлоповъ. Когда при дворѣ происходили праздники и балы, какъ бываетъ обыкновенно по окончаніи войны, которое придворные хотѣли выставить счастливымъ, варшавскіе шляхтичи пѣли на улицѣ язвительныя пѣсни, прибивали къ стѣнамъ пасквили и распускали соблазнительныя исторіи на счетъ короля, королевы и придворныхъ [3]). Въ числѣ подобныхъ сочиненій ходило по рукамъ одно діалогической формы. Сцена происходитъ между королемъ, канцлеромъ, Киселемъ, ханомъ, русскимъ митрополитомъ и королевскимъ любимцемъ пѣвцомъ Грембошевскимъ. Король дружески бесѣдуетъ съ ханомъ. Канцлеръ, стоя передъ нимъ, восклицаетъ: „Се что добро и что красно, еже жити братіи вкупѣ!"—„Одна любовь насъ соединила, и тебѣ подобаетъ честь за эту услугу отечеству", говоритъ король. Канцлеръ, желая показать скромность, обращается къ Киселю и восклицаетъ: „вотъ кто сдѣлалъ услугу отечеству; востань,

---

[2]) Истор. о през. бр.

[3]) Annal. Polon. Clim.—Истор. о през. бр.

возлюбленный, пріими вѣнецъ!“ Митрополитъ при этомъ говоритъ Киселю: „Ты краса русскихъ, ты слава схизматиковъ!“ — „И ты, отвѣчалъ ему Кисель: возсядешъ между двѣнадцатью колѣнами Израиля“ (то есть въ сенатѣ). Пѣвецъ играетъ на лирѣ и поетъ: „сей день, его же сотвори Господь, возрадуемся и возвеселимся въ онь!“ и получаетъ за это въ награду староство [4]). Одинъ изъ сенаторовъ, Кобѣржицкій, совѣтовалъ отъискать оскорбителей величества и предать ихъ наказанію; но король хотя зналъ, кто сочиняетъ эти пасквили, однако терпѣлъ, зная непостоянство польскаго характера. „Онъ (говоритъ польскій историкъ) припоминалъ слова Тацита: „оскорбленіе теряетъ свою силу, когда имъ пренебрегаютъ, и внушаетъ къ себѣ вѣру, когда за него гнѣваются“ [5]).

Ненависть къ Оссолинскому не кончилась пасквилями и сатирическими стихотвореніями. Въ ноябрѣ 1649 г., былъ собранъ чрезвычайный сеймъ съ цѣлью утвердить зборовскій договоръ, назначить задержанную уплату жалованья войску и принять мѣры къ увеличенію регулярнаго войска въ Польшѣ. Когда еще собирались предварительные сеймики для выбора пословъ, Хмельницкій писалъ къ Киселю и уполномочивалъ его держать на предстоящемъ сеймѣ сторону русскаго народа. „Нижайше просимъ вашу милость — писалъ онъ, стараться, чтобъ на этомъ сеймѣ утверждены были наши права и вольности, успокоена наша вѣра и уничтожена унія, возвращено было домамъ Божіимъ все, что

[4]) Histor. belli cosac. polon. 112.

[5]) Annal. Polon. Clim. I. 166—169.

предки наши на них пожертвовали и каждый бы пользовался своими вольностями и болѣе не было бы въ отечествѣ раздоровъ" [6]). Тогда паны Рѣчи Посполитой обратили всю злость на виновника своего униженія. Обвинители подали на сеймъ краткій очеркъ дѣйствій канцлера. „Вся послѣдняя междоусобная война есть плодъ правленія Оссолинскаго (гласило это сочиненіе). Овладѣвъ умомъ жаднаго къ славѣ и власти короля Владислава, онъ затѣялъ войну съ Турціею, и когда представители Рѣчи Посполитой не одобрили его замысловъ, вздумалъ начать ее съ помощью казаковъ и уговорилъ короля раздать имъ приданое королевы: съ этими то деньгами казаки и поднялись [7]). Онъ раздражилъ всѣхъ нашихъ сосѣдей: Турцію оскорбительными письмами, шведскаго короля — непризнаніемъ титула, московскаго царя—разными выходками [8]); наконецъ онъ съ Владиславомъ замышлялъ сдѣлать въ государствѣ переворотъ и употребить казаковъ орудіемъ къ уничтоженію шляхетской націи [9]). Онъ одинъ не совѣтовалъ собирать посполитаго рушенья, и во время похода не велѣлъ посылать подъѣздовъ для того, чтобъ мы не знали о непріятелѣ; а когда привелъ короля въ бѣду, то предложилъ мириться съ ханомъ, и съ перваго раза согласился на все, что предложили ханъ и Хмельницкій" [10]). „Легко понять (говорили на сеймѣ), чего заслу-

---

[6]) Ojczyste spom. 2. 121.

[7]) Pam. o Koniecp. 420.

[8]) Annal. Polon. Clim. I. 166.—Hist. Jan. Kaz. I. 98.—Pam. do pan. Zygm. III. Wlad. IV i Jan. Kaz. II. 110.

[9]) Histor. belli cosac. polon. 175.

[10]) Pam. o Koniecpols. 424—426.—Annal. Polon. Clim. I. 167.

живаетъ тотъ, кто короля нашего послалъ безоружнымъ противъ враговъ, какъ на бойню; кто довелъ его до такого униженія, что онъ, отдавъ булаву Забускому и объявивъ Хмельницкаго измѣнникомъ, снова перемѣнилъ свое постановленіе; кто прежде не хотѣлъ давать татарамъ жалованья, а потомъ обязался платить постыдную дань; кто наложилъ вѣчное ярмо на жителей воеводствъ: кіевскаго, черниговскаго и брацлавскаго и довелъ Рѣчь Посполитую до заключенія такого унизительнаго договора, о какомъ наши дѣды и не слыхивали!“ [11]).

Часть этихъ обвиненій была справедлива. Канцлеръ удержался на мѣстѣ, потому что на его сторонѣ были король, придворные и множество кліентовъ. Но эти обвиненія были для него послѣднимъ ударомъ. Оссолинскій не прожилъ года послѣ этого тяжелаго сейма.

Поражая всеобщимъ поношеніемъ Оссолинскаго паны въ то же время величали враговъ его. Соперникъ его, Іеремія Вишневецкій, встрѣченъ былъ въ Варшавѣ съ такими почестями, какими пользовались въ Варшавѣ только короли. Толпа народа всякаго званія ожидала его за городомъ; рукоплесканія, восклицанія оглашали воздухъ: „вотъ онъ (кричалъ народъ), поборникъ правовѣрія, единственная защита нашей свободы!“ Изъ устъ въ уста переносились свѣжіе разсказы о его геройскихъ подвигахъ подъ Збаражемъ; духовенство всенародно оказывало ему знаки признательности отъ имени церкви [12]), а послы, въ вознагражденіе за труды, постановили отдать ему въ наслѣдственное владѣніе

---

[11]) Pam. o Koniecp. 427.

[12]) Histor ab. exc. Wlad. IV. 55.

страну, омываемую Горolомъ, и приписать къ Збаражу [13]). Королю, придворнымъ и Оссолинскому не нравилось это предпочтеніе, оказываемое воинственному князю; но, сильный любовью шляхетскаго званія, онъ только радовался безсилію злобы нелюбившихъ его и громко произносилъ сочиненное имъ латинское двустишіе: Hoc erat vetus Ossolinsciorum opus corrumpere semper reipublicae corpus (фамилія Оссолинскихъ издавна дѣйствуетъ ко вреду Рѣчи Посполитой) [14]).

Еще торжественнѣе, чѣмъ Іеремію въ Польшѣ, принимали Хмельницкаго въ Украинѣ. Возвращаясь съ побѣдоноснымъ войскомъ изъ подъ Зборова, гдѣ была потоптана гордость ляховъ, какъ выражались тогда, онъ несъ въ родную землю утѣшительную вѣсть освобожденія отъ долгой неволи. Въ каждомъ мѣстечкѣ, куда онъ проходилъ, раздавался колокольный звонъ, и русскіе люди, по обычаю предковъ, выходили съ образами, хлѣбомъ и солью на встрѣчу избавителю Украины *отъ кормыги лядськой*. „Радуйтесь, братія (говорилъ побѣдитель), подъ Зборовомъ сила русская была поставлена на вѣсы съ польскою и перевѣсила: теперь цѣлый свѣтъ узнаетъ, что значатъ казаки" [15]). То было славное время, но короткое и единственное въ жизни южно-русскаго народа, время всеобщаго восторга. „Были у насъ времена страшныя, никто не приходилъ спасать украинцевъ, никто не подавалъ воды омыть кровавыя раны

[13]) Annal. Polon. Clim. I. 167.—Pam. do pan. Zygm. III. Wlad. IV i Jan. Kaz. II. 110.

[14]) Histor. belli cosac. polon. 175.

[15]) Hist. Jan. Kaz. II. 100.

наши; но вотъ прошли грозныя невзгоды! Теперь, не будетъ у насъ ни жида, ни ляха, ни пана, и не будетъ на свѣтѣ земли лучше нашей Украины" [16]). Такъ воспѣвала народная муза эпоху славы и освобожденія Южной Руси.

Въ другой разъ Хмельницкій въѣхалъ торжественно въ Кіевъ, столицу православія, и возвѣстилъ митрополиту о возстановленіи достоинства отеческой церкви. „Тамъ (говоритъ лѣтописецъ) онъ, лежа ницъ передъ гробами святыхъ, заливался слезами благодарности и воздавалъ хвалы Всевышнему". [17]). Изъ Кіева онъ уѣхалъ въ Чигиринъ и началъ жить великолѣпно. Въ короткое время онъ пріобрѣлъ столько сокровищъ, сколько могло быть только у государя. Богатое мѣстечко Мліовъ, славное добываніемъ красильныхъ произведеній, отнято у Конецпольскаго, давало ему до двухсотъ.тысячъ талеровъ дохода [18]). Чигиринскій полкъ, набранный изъ лучшихъ казаковъ, составлялъ его гвардію: сверхъ того, три тысячи татаръ должны были стеречь здравіе вельможнаго гетмана по образцу иноземныхъ властителей, окружавшихъ себя наемною стражею изъ чужестранцевъ [19]). „Только скипетра и вѣнца недоставало ему, чтобъ быть совершеннымъ монархомъ", говоритъ современникъ [20]).

Но скоро проходило первое восхищеніе русскаго народа, и кипучая любовь къ гетману охладѣвала. На-

---

[16]) Пѣсня народ.

[17]) Истор.о през. бр.

[18]) Annal. Polon. Clim. I. 180.

[19]) Annal. Polon. Clim. 1. 176—186.

[20]) Истор. о през. бр.

добно было платить татарамъ. Уже Хмельницкій изъ своей шкатулки отсчиталъ имъ пятьсотъ тысячъ талеровъ; этого недоставало: наложена была поголовная подать на русскій народъ для заплаты союзникамъ. Татары, повадившись лакомиться въ Украинѣ, почитали позволительнымъ распоряжаться по произволу въ землѣ союзниковъ и уводить въ плѣнъ женщинъ. Распространилась ужасная дороговизна: хлопы, ѣвшіи все готовое въ походѣ, приходили домой и заставали семейства въ скудости. Иное дѣло прошлый годъ: тогда много богатствъ изъ панскихъ палацовъ перенесено было въ казацкія хаты; но все это давно было распродано московскимъ и турецкимъ купцамъ за бездѣлицу; много поживились тогда русскіе хлопы на поляхъ пилявскихъ; теперь не то: два мѣсяца простояли украинскіе удальцы подъ Збаражемъ, а получили только удовольствіе посмѣяться надъ голодными врагами, которые прежде мучили ихъ медленнымъ голодомъ; если же что и отняли у непріятеля, то это все доставалось ненасытнымъ татарамъ, которые считали себя въ правѣ подгонять русскихъ нагайками въ сѣчу, чтобъ самимъ не отваживаться на опасность. Пришла осень; мужики не взялись за цѣпы, которыми лѣтомъ били поляковъ, сравнивая ихъ съ соломою: молотить нечего было. Но это все было еще начало; еще не всмотрѣлись въ зборовскія статьи.

Польскій сеймъ утвердилъ зборовскій договоръ послѣ всеобщаго ропота, этотъ договоръ былъ написанъ кратко, потому что паны не имѣли духа ни писать, ни читать его. Послы согласились на унизительный, какъ они говорили, договоръ, потому что желали доставить

своимъ братьямъ, украинскимъ шляхтичамъ, способъ возвратиться на родину. „Но они (говоритъ украинскій повѣствователь) помнили этотъ договоръ только до тѣхъ поръ, пока не перестали смотрѣть на окровавленные трупы своихъ соратниковъ, а потомъ снова начали свои *злобства*". Зборовскій договоръ былъ нарушенъ въ одной изъ главнѣйшихъ статей своихъ на томъ же сеймѣ, на которомъ былъ утвержденъ.

Въ немъ было сказано, что митрополитъ кіевскій имѣетъ право засѣдать въ сенатѣ. Сильвестръ Коссовъ, въ сопровожденіи знатнаго духовенства, отправился въ Варшаву занять свое мѣсто, купленное для него цѣною крови. Но прежде появленія его, въ сенатѣ открылось предварительное совѣщаніе, на которомъ толковали: допустить ли грекорусскаго первосвященника въ сенатъ, или отказать ему?

Этотъ вопросъ завязали римскіе епископы. „Сидѣть и разсуждать съ духовенствомъ схизматическимъ—большое оскорбленіе римско-католической вѣрѣ (говорили они): за это насъ въ Римѣ назовутъ защитниками раскола, и папа произнесетъ клятву на цѣлое королевство".

Свѣтскіе сенаторы, часто недовольные притязаніями духовныхъ особъ, протестовали противъ такой выходки.

— Напрасно духовные отцы безпокоятся (говорили они): рѣшенія сената зависятъ не отъ однихъ духовныхъ, но и отъ свѣтскихъ. Русская земля присоединена къ королевству на условіяхъ, съ сохраненіемъ правъ духовныхъ и гражданскихъ, а митрополитъ кіевскій есть примасъ русской церкви. У насъ засѣдаютъ кальвины и лютеране; есть между нами почтенныя особы грече-

ской вѣры, и они не дѣлаютъ зла, напротивъ, подаютъ благіе для отечества совѣты.

— Это иное дѣло (возражали духовные): мы терпимъ диссидентовъ и схизматиковъ. потому что они, какъ люди свѣтскіе, подаютъ голоса въ дѣлахъ отечества, не касаясь религіозныхъ вопросовъ; иное дѣло духовные— хотя бы диссиденты, хотя бы схизматики. Они не должны находиться вмѣстѣ съ нами. Владиславъ Ягелло допустилъ на совѣщаніе гуссита, прибывшаго изъ Чехіи; тогда кардиналъ Олесницкій вышелъ изъ сената и наложилъ на королевство интердикцію. Послѣ такого примѣра можемъ ли мы дозволить входить въ общеніе съ нами главѣ отступниковъ, непріятелю св. отца?

— Этого требуетъ трактатъ (говорили свѣтскіе): онъ заключенъ королемъ и коммиссарами. Не ужели покажемъ примѣръ крайняго вѣроломства и на первыхъ порахъ нарушимъ зборовскій договоръ, и притомъ въ столь важномъ пунктѣ—относительно религіи? Этимъ мы подадимъ Хмельницкому поводъ къ новой враждѣ, чего, быть можетъ, онъ только и ждетъ. Русскій народъ привязанъ къ своей вѣрѣ и уважаетъ свое духовенство. Митрополитъ человѣкъ почтенный и умный, онъ не станетъ дѣйствовать противъ отечества, напротивъ, получа право, ему принадлежащее, онъ станетъ для насъ заложникомъ спокойствія, будетъ удерживать русскій народъ въ повиновеніи Рѣчи Посполитой. Если жъ бы онъ показалъ какое нибудь недоброжелательство къ отечеству, въ такомъ случаѣ мы можемъ отказать ему.

— Надобно намъ (говорили другіе), по крайней мѣрѣ

для вида, обласкать *русскаго каплана*, а въ другой разъ онъ самъ не захочетъ добиваться этой чести.

— Зборовскій трактатъ (возражали духовные) заключенъ во время опасности, по необходимости; поэтому онъ не долженъ нарушать старинныхъ правъ римско-католическаго духовенства. Король развѣ имѣетъ право дѣлать постановленія, которыя оскорбляютъ святую католическую вѣру? Никогда, никогда схизматикъ не дождется, чтобъ сидѣть ему съ нами. Иначе мы оставимъ сенатъ.

Кисель вышелъ изъ сената и поспѣшилъ къ митрополиту. Онъ разсказалъ ему обо всемъ. „Современемъ (прибавилъ онъ) они успокоятся и принуждены будутъ исполнять должное; а теперь я вижу въ нихъ большое ожесточеніе. Уступимъ на этотъ разъ, иначе они въ самомъ дѣлѣ оскорбятъ главу православія въ самомъ сенатѣ, и тогда произойдетъ горшая вражда“.

Митрополитъ былъ столь же миролюбивъ, какъ и Кисель, но болѣе кротокъ и прямодушенъ; онъ не пожертвовалъ общимъ спокойствіемъ интересамъ своего званія. Безъ ропота онъ уѣхалъ изъ Варшавы, и никто не замѣтилъ въ немъ неудовольствія. Только втайнѣ вздыхалъ архипастырь, предвидя новыя бѣды [21]). Однако, не уничтожая уніи, въ послѣдній день сейма 12 января король издалъ апробацію, утверждавшую права греческой религіи. По силѣ этой апробаціи должны были быть возвращены вѣдомству кіевскаго митрополита остававшіяся вакантными епархіи: луцкая, холм-

---

[21]) Annal. Polon. Clim. I. 168—169.—Hist. Jan. Kaz. I. 100.—Pam. do pan. Zygm III. Wlad. IV i Jan. Kaz. II. 113—114.—Истор. о през. бр.—Лѣтоп. повѣст. о Мал. Росс. 135.

ская и витебская, соединенная со мстиславскою; въ перемышльской же отдавались православному епископу только нѣсколько монастырей, но по смерти бывшаго тогда унитскаго владыки, онъ долженъ былъ вступить въ управленіе всею епархіею. Митрополиту въ знакъ почести, предоставлялось право ношенія креста во всѣхъ своихъ діэцезіяхъ. Возвращались православнымъ всѣ церкви, которыя постановлено было возвратить имъ еще при Владиславѣ IV въ разныхъ мѣстахъ королевства польскаго и великаго княжества литовскаго съ тѣмъ, что отдача этихъ церквей въ православное вѣдомство совершится черезъ посредство коммиссаровъ, избранныхъ самимъ православнымъ духовенствомъ; дозволялось равнымъ образомъ возобновить сгорѣвшіе храмы. Сохранялись духовные суды по древнимъ обычаямъ, дозволялось существованіе православныхъ братствъ и въ томъ числѣ двухъ, недавно передъ тѣмъ уничтоженныхъ въ Смоленскѣ и Бѣльзѣ; оставлялись въ вѣдомствѣ кіевскаго митрополита и православныхъ епископовъ школы и типографіи въ Кіевѣ и другихъ городахъ; возлагалась на духовенство цензура книгъ; церковныя и монастырскія имущества оставлялись на прежнихъ правахъ и привилегіяхъ, а духовенство подчинялось единственно своему духовному начальству и освобождалось отъ всякихъ повинностей, подводъ, стацій и работъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ утверждалось сохраненіе всѣхъ религіозныхъ и гражданскихъ правъ за русскими мѣщанами городовъ Львова, Кіева, Чернигова, Винницы, Мозыря Рѣчицы, Стародуба, Пинска и др. [22]).

---

[22]) Рук. И. П. Библ. Akty Hist. od 1648 do 1680.

Между тѣмъ въ королевскомъ дворцѣ происходили тайныя совѣщанія. Предполагали успокоивать казаковъ и ласкать до тѣхъ поръ, когда Польша будетъ въ состояніи свергнуть съ себя обязательство зборовскаго договора. Въ панскихъ домахъ толковали о томъ же. Государственные люди и дипломаты изъискивали средства повредить Хмельницкому и ослабить въ зародышѣ возраставшую Украину.

Въ Чигиринѣ было извѣстно, что говорили и что замышляется въ Варшавѣ. Былъ при дворѣ Яна Казимира русскій шляхтичъ, Верещака, умный и ловкій, рекомендованный на службу Киселемъ. Онъ подбился въ милость къ королю, умѣлъ потакать панамъ; никто не замѣчалъ въ немъ ни малѣйшей приверженности къ казачеству. Этотъ человѣкъ съ изумительнымъ искусствомъ проникалъ въ самыя сокровенныя тайны варшавскаго кабинета, въ политическіе замыслы, направленія умовъ и передавалъ все это православнымъ монахамъ посредствомъ писемъ, писанныхъ цифрами на русскомъ языкѣ; монахи сообщали ихъ Хмельницкому. Гетманъ, по положенію дѣлъ въ Варшавѣ, располагалъ свои поступки [23]).

Но до поры до времени онъ не показывалъ полякамъ ни малѣйшаго вида недовѣрчивости. Всю зиму Хмельницкій былъ занятъ водвореніемъ порядка въ освобожденной странѣ. Гражданская часть оставлена была въ прежнемъ видѣ; народъ привыкъ къ польскимъ законамъ: по своему основанію они вовсе не были тягост-

---

[23]) Annal. Polon. Clim. I. 209.—Hist. Jan. Kaz. I. 154.—Pam. do pan. Zygm. III. Wlad. IV i Jan. Kaz. II. 148.

ны; притомъ значительная часть законодательства и управленія заимствована была изъ Руси въ разныя историческія времена чрезъ сближеніе единоплеменныхъ народовъ; поэтому тогдашній гражданскій порядокъ въ Украинѣ. будучи польскимъ, былъ въ то же время и русскимъ, особенно когда чиновники и исполнители законовъ были русскіе и дѣла отправлялись на русскомъ языкѣ.

Въ нѣкоторыхъ городахъ было *мійское*, или такъ называемое магдебургское муниципальное право. Въ это время на правой сторонѣ Днѣпра въ Украинѣ пользовались имъ изъ городовъ, вошедшихъ въ границы гетманщины: Брацлавъ, Винница, Черкасы, Васильковъ. Овручъ, Кіевъ; на лѣвой: Переяславль, Остеръ, Нѣжинъ, Черниговъ, Погаръ, Мглинъ, Козелецъ, Новгородъ-Сѣверскій и Стародубъ. Каждый изъ этихъ городовъ представлялъ какъ бы отдѣльную общину. Граждане гордились своею вольностью. Они носили общее названіе мѣщанъ, или *мійскаго посполъства*, и раздѣлялись на торговыхъ и ремесленниковъ. Всякое занятіе имѣло свою корпорацію, цехи—подъ управленіемъ выбранныхъ чиновниковъ, называемыхъ цехмистрами. Такимъ образомъ были, напримѣръ, цехи: *кушнирскій*, *ткацкій*, *малярскій*, *ковальскій*, *ризницкій*, *бондарскій* и тому подобные; каждый цехъ имѣлъ свой гербъ, свою печать. Ежегодно, обыкноненно предъ новымъ годомъ, подъ звукъ городоваго колокола, сходились всѣ мѣщане на вѣче, повѣряли дѣла свои, избирали начальниковъ. Администрація сосредоточивалась въ ратушѣ, которая въ Кіевѣ и Нѣжинѣ называлась магистратомъ: въ ратушѣ, или магистратѣ, засѣдали выбранные *райцы* подъ предсѣдатель-

ствомъ *бурмистра.* Не вездѣ было одинаково число *райцевъ* и *бурмистровъ*, смотря по величинѣ и многолюдству города, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ (особенно великаго княжества литовскаго) число райцевъ доходило до двадцати четырехъ, въ иныхъ только до четырехъ; въ городахъ, вступившихъ въ черту казачины, ихъ было немного, и впослѣдствіи обыкновенно четыре. Бурмистровъ выбирали по два или по четыре, и каждый изъ нихъ предсѣдательствовалъ въ ратушѣ поочереди въ теченіе нѣскольскихъ недѣль. Подъ вѣдѣніемъ ратуши были *дозорцы*, полицейскіе чиновники. Судебная часть была отдѣлена отъ администраціи. Въ городовомъ судѣ сидѣли *лавники*, присяжные, выбранные народомъ изъ гражданъ, отличавшихся умомъ, опытностью, честностью. Число ихъ также не вездѣ было одинаково, смотря по потребностямъ. Въ собраніи *лавниковъ* предсѣдательствовалъ *войтъ*, называемый *адвокатомъ*; по большей части онъ выбирался ежегодно, а иногда и назначался отъ правительства. Это былъ важнѣйшій сановникъ города и, кромѣ суда, имѣлъ вліяніе и на администрацію. Какъ въ судѣ *лавниковъ*, такъ и въ совѣтѣ *райцъ*, были *мійскіе* писаря, также выбранные. Всѣ чиновники содержались изъ разныхъ доходовъ, предоставленныхъ имъ, и имѣли вблизи города земли, приписанныя къ ихъ уряду. Устройство мійское было вездѣ съ разными отличіями; но вообще города, пользовавшіеся магдебургскимъ правомъ, должны были судится и управлятся безъ всякаго вмѣшательства пановъ, старостъ и всѣхъ чиновниковъ Рѣчи Посполитой, были освобождены отъ воинскаго постоя, отъ службы въ арміи, отъ многихъ поборовъ и податей, отъ дачи подводъ, имѣли право вольной безпошлинной торговли, свое

казначейство, которымъ добровольно распоряжались, и свою городовую гвардію, обыкновенно составленную изъ двухъ отрядовъ: коннаго и пѣшаго. Всякій, кто жилъ въ городѣ или занимался въ немъ, какого бы онъ званія ни былъ, подчинялся суду и управѣ города. Городъ имѣлъ свой гербъ, свою печать, свое знамя. Хотя своевольные паны часто нарушали эти права, но горожане ими очень дорожили, какъ единственною опорою противъ произвола шляхетства, и Хмельницкій оказывалъ уваженіе къ этому устройству; мѣщане принимали его сторону именно потому что съ ограниченіемъ произвола пановъ надѣялись большей неприкосновенности своихъ городовыхъ правъ. Король, чтобъ привязать къ себѣ городской классъ, подтвердилъ прежнія привилегіи Сигизмунда и Владислава, и распространилъ ихъ свободу еще болѣе [24]). Въ другихъ мѣстахъ, неимѣвшихъ магдебургскаго права, было, однако, въ устройствѣ много сходнаго съ нимъ. Вездѣ, даже въ селахъ, были войты и лавники, выбираемые народомъ, только объемъ ихъ дѣйствій былъ тѣсенъ и мѣщане были наравнѣ съ крестьянами отягощены повинностями и находились въ безусловномъ повиновеніи старостъ и пановъ. Теперь, съ ограниченіемъ власти дворянства, несвободные города могли возвыситься и стать на ряду съ муниципальными сами собою. Впослѣдствіи развитію мѣщанскаго класса препятствовало казачество. Въ 1650 году этого еще не чувствовали. Оставя городовой порядокъ, какъ онъ былъ, гетманъ съ генеральною старшиною обра-

[24]) Лѣтоп. повѣст. о Мал. Росс. 137.

тилъ вниманіе на устройство военнаго класса: при составленіи реестра казаковъ, опредѣляемы были границы полковъ, сотенъ, отводились земли казакамъ; гетманъ назначалъ начальниковъ, вмѣсто убитыхъ или смѣненныхъ, по согласію съ выборомъ.

Остальное народонаселеніе, подъ именемъ посполитыхъ, долженствовало снова обратиться въ крестьянство. Уже начинались вспышки недовольныхъ, которыхъ не помѣщали въ реестрѣ; уже Хмельницкій не одного изъ нихъ казнилъ смертью [25]). Ясно можно было предвидѣть, что Украина снова подниметтся, какъ только появятся паны, которые не смѣли еще показаться въ Украинѣ до утвержденія сеймомъ зборовскаго договора и приведенія въ порядокъ казацкаго реестра. Хмельницкій въ договорѣ позволилъ дворянамъ вступить снова въ прежнія права, но хотѣлъ воспользоваться короткимъ временемъ, пока они не пришли, чтобъ обезсилить панское сословіе еще болѣе и возвысить казацкое. Гетманъ приказалъ набирать въ реестръ преимущественно изъ имѣній Вишневецкаго и Конецпольскаго и вообще богатѣйшихъ пановъ; этого казалось мало: онъ отбиралъ у нихъ цѣлыя имѣнія, города, села, хутора съ полями, лѣсами, всѣми угодьями подъ тѣмъ предлогомъ, что паны захватывали коронныя помѣстья, которыя должны служить жительствомъ казакамъ, королевскому войску. Гетманъ отдавалъ ихъ генеральнымъ старшинамъ, полковникамъ и полковымъ чиновникамъ. Съ этихъ поръ образовался въ Украинѣ классъ ранговыхъ помѣщичьихъ

---

[25]) Памятн. кіевск. комм. II. 315.

имѣній, которыми владѣли казацкіе чины до тѣхъ поръ, пока носили чинъ свой. Этотъ порядокъ впослѣдствіи послужилъ основаніемъ введенію помѣщичьяго права въ Малороссіи [26]). „У Конецпольскаго отнято было семьдесятъ селъ; а что потерялъ Вишневецкій, то и вспомнить жаль (говоритъ польскій историкъ). Хмельницкій воспользовался и насчетъ тѣхъ имѣній, которыя оставилъ панамъ, забиралъ господскій скотъ, пчелъ, табуны, не бралъ только недвижимаго“ (говоритъ историкъ) [27]).

Въ концѣ октября. 1649 года, король назначилъ къ Хмельницкому коммиссаровъ для окончательнаго устройства дѣлъ въ Украинѣ сообразно зборовскому договору, и для водворенія изгнанныхъ пановъ. Главнымъ коммиссаромъ, былъ, попрежнему, Адамъ Кисель, назначенный теперь воеводою кіевскимъ; онъ получилъ это мѣсто по зборовскому договору, обязывавшему назначать въ русскія провинціи особъ греческой вѣры. Вмѣстѣ съ нимъ собрались на Волыни изгнанные паны, дожидаясь съ нетерпѣніемъ, когда ихъ пустятъ въ имѣнія а тѣхъ которые осмѣливались пріѣхать въ свои домы, убивали хлопы. Хмельницкій выслалъ полковника съ почетнымъ отрядомъ для сопровожденія коммиссаровъ.

„Съ радостью буду ожидать я дорогихъ гостей, которые привезутъ мнѣ милость моего государя и помогутъ привести чернь къ послушанію. Съ удовольствіемъ слышу, что дворянство украинское возвращается въ свои

---

[26]) Annal Polon. Clim. I. 186.

[27]) Histor. Jan. Kaz. I. 198.

помѣстья; прошу, однако, дворянъ обождать немного, пока окончится реестрованіе казаковъ и отводъ имъ земель: дѣло покажетъ, какія имѣнія королевскія и какія дворянскія, и тогда благородные паны пріѣдутъ въ свои имѣнія." Такъ писалъ онъ.

Прибыли коммиссары въ Кіевъ и увидѣли въ русскомъ народѣ сильное раздраженіе, злобу противъ пановъ и готовность хоть сейчасъ воевать противъ Польши [28]). Хмельницкій пріѣхалъ въ Кіевъ съ полковниками, 7-го ноября, и обращался съ коммиссарами самымъ дружескимъ образомъ: не было ни тѣни похожаго на пріемъ въ февралѣ. Онъ отдалъ кіевскій магистратъ во власть воеводы и казнилъ до двадцати человѣкъ казаковъ за убійство [29]) шляхтича Голуба, совершенное незадолго передъ тѣмъ. Когда воевода подалъ ему свой креденціальный листъ, то есть увѣрительную грамату въ томъ, что онъ дѣйствительно назначенъ коммиссаромъ, Хмельницкій поцаловалъ подпись королевскую и, отъ умиленія, заплакалъ.

„О, какъ милостивъ король! (восклицалъ Хмельницкій) о, еслибъ мы могли возблагодарить ему, благодѣтелю нашему!"

Съ удовольствіемъ смотрѣли коммиссары на чувствительнаго казацкаго вождя. Началась попойка, пиры, праздники; гетманъ, казалось, выбивался изъ силъ, чтобъ угодить гостямъ. Все носило видъ искренняго согласія. Съ обѣихъ сторонъ сыпались увѣренія въ неразрывной дружбѣ и вѣчномъ мирѣ. Кисель разказывалъ,

---

[28]) Рукоп. И. П. Библ. Akty Hist. od. 1648 do 1680.

[29]) Рук. И. П. Б. Akty Hist. od. 1648 do 1680.

какъ король любитъ и уважаетъ гетмана, величалъ милосердіе своего монарха. Хмельницкій увѣрялъ, что ищетъ случая доказать свою преданность его величеству и готовъ, если нужно, пролить кровь за Рѣчь Посполитую. Но гетманъ протягивалъ время и, подъ разными предлогами, долго отклонялся отъ требованій Киселя поскорѣе впустить дворянство [30]). „Наступаетъ зима—говорилъ Кисель—каждый хочетъ согрѣться на своемъ пепелищѣ, каждому домъ свой милъ послѣ двухлѣтней передряги; повѣрьте, каждый будетъ вести себя скромно и стараться привлечь къ себѣ подданныхъ; только ваша милость прикажите, чтобъ тѣ, которые не войдутъ въ казачество, оставались послушными панамъ, и не смѣли, подъ страхомъ войсковаго наказанія, собирать шаекъ [31]). Не прежде какъ уже получивъ отъ короля универсалъ, отъ 16-го января 1650 года [32]), извѣщавшій объ окончательномъ утвержденіи сеймомъ зборовскимъ статей, Хмельницкій выдалъ позволеніе панамъ вступить въ ихъ украинскія имѣнія.

Помѣщики и шляхтичи посыпали въ Украину [33]). Прежде прибытія въ имѣнія, владѣльцы приходили сами или присылали повѣренныхъ своихъ къ гетману, давали ему подарки, какъ хозяину, и просили покровительства [34]). Хмельницкій увѣрялъ ихъ, что все будетъ хо-

---

30) Annal. Polon. Clim. I. 177.—Histor. Jan. Kaz. I. 107—108.—Pam. do pan. Zygm. III. Wl. V i Jan. Kaz. II. 120.—Latop. Jerlicza. III.

31) Ojcz. spom. 125.

32) Памятн. кіевск. комм. II. 3. 1.

33) Annal. Polon. Clim. I. 177.

34) Histor. Jan. Kaz. I: 119.

рошо, что они будутъ жить счастливо и спокойно, и выдалъ универсалъ, которымъ приказывалъ всѣмъ, невошедшимъ въ реестръ, повиноваться своимъ господамъ, подъ опасеніемъ смертной казни [35]). Всѣмъ болѣе или менѣе хотѣлось быть вольными, но не всѣ могли ими быть, потому что не всѣ могли умѣститься въ ограниченномъ числѣ казацкаго званія. Даже тѣ, которые успѣли записаться въ реестръ, подвергались затрудненіямъ: живя въ панскихъ селахъ, они должны были покидать свои домы и перебираться въ казацкія селенія [36]).

Вмѣстѣ съ этимъ выдалъ универсалъ ко всѣмъ жителямъ Украины и король; онъ извѣщалъ, что, въ случаѣ бунтовъ хлоповъ противъ владѣльцевъ, коронное войско вмѣстѣ съ запорожскимъ будетъ давать отпоръ какъ бы пограничному непріятелю [37]).

Какъ только разошлись эти универсалы, какъ только узнали невошедшіе въ реестръ, что они обязаны будутъ снова работать панщину, вдругъ вспыхнуло всеобщее волненіе.

„Какъ! (кричалъ народъ) гдѣ же обѣщанія гетмана? Развѣ мы не были казаками?"

Хлопы на отрѣзъ отказались служить панамъ. Большая часть пановъ едва только вступила въ свои имѣнія, какъ тотчасъ же должна была спасаться бѣгствомъ, а многіе заплатили жизнью за попытку управлять удалыми головами. Бѣглецы стекались въ Кіевъ подъ за-

---

[35]) Annal. Polon. Clim. I. 178.—Памятн. кіевск. комм. II. 3. 62.

[36]) Ojcz. spom 125.

[37]) Памят. кіевск. комм. II. 3. 6.

щиту воеводы, но жители самовольно не впускали ихъ въ средину города; шляхтичи скитались по предмѣстьямъ и пригороднымъ селамъ около Кіева, и рѣдкій, при ихъ бѣдности и тогдашней дороговизнѣ, могъ имѣть кусокъ бѣлаго хлѣба, или возъ сѣна. Голодъ день ото дня достигалъ ужасающихъ размѣровъ. По свидѣтельству современника, мѣра или *маца* ржи стоила 45 злотыхъ. Зажиточные покупали хлѣбъ отъ московскихъ купцовъ, которымъ царь дозволилъ вывозъ, а бѣдняки пухли и умирали по дорогамъ и улицамъ, напрасно стараясь травою и листьями поддержать существованіе. Это положеніе усиливало буйство и мятежъ [38]).

Между тѣмъ, богатые и знатные паны вступили въ свои имѣнія съ надеждою воротить прежнее положеніе дѣлъ. Князь Корецкій, какъ только пріѣхалъ въ свои имѣнія на Волыни, тотчасъ велѣлъ отыскать между подданными тѣхъ удальцовъ, что, во время всеобщаго возстанія, возбуждали свою братью къ мятежу. „Князь, говоритъ современный историкъ, бралъ примѣръ съ Тарквинія, который, припоминая какъ онъ сбивалъ маковыя головки, этимъ показывалъ, что для прочнаго господства надобно посбивать головы зачинщикамъ, и тогда нечего бояться народа, потому что народъ самъ по себѣ бездушное тѣло, если нѣтъ духа, который бы оживлялъ его и возбуждалъ къ дѣятельности.“ Притомъ же до князя доходило, что эти самые люди, недовольные исходомъ возстанія, не получившіе свободы, и теперь слишкомъ громко роптали. Ихъ поймали, заперли въ тюрьму а потомъ, по приказанію князя, посадили на

---

[38]) Annal. Polon. Clim. I. 179.—Latop. Jerlicza 113.

колъ. „Надобно показать примѣръ строгости на страхъ прочимъ,“ говорилъ князь Корецкій. Примѣръ этотъ, дѣйствительно, не остался безъ послѣдствій и навелъ страхъ на весь околодокъ, особенно на подданныхъ князя. „Прежнія бѣды рушатся на наши головы; паны уже начинаютъ мстить намъ и мучить насъ!“ роптали хлопы. Одни бѣжали, другіе же собрались въ толпу и волновались, незная что дѣлать. Въ эту толпу явился православный священникъ и говорилъ имъ:

„Вотъ награда за наши терпѣнья; вотъ до чего довела насъ потеря нашей крови, пролитой на то, чтобъ добыть свободы и скинуть съ себя невыносимое польское ярмо! Вотъ образчикъ панской милости. Вотъ вамъ клейноты польской славы—трупы нашей братіи на кольяхъ; не одолѣли ляхи нашей крѣпости силою, такъ одолѣваютъ лестію. Это, братія, значитъ, свирѣпство поляковъ! Самъ Богъ теперь открываетъ нашей простотѣ глаза, чтобъ мы не повѣряли панской злобѣ своихъ душъ. Много насъ паны обижали, много мы пострадали отъ панскаго тиранства, а теперь, по доброй воли, вложили свои головы въ тоже ярмо, чуть только скинули его съ шеи. Лисица звѣрь—и та не пойдетъ въ другой разъ въ капканъ, и птица не полетитъ въ другой разъ на приманку! А человѣку на то и разумъ данъ, чтобъ онъ разбиралъ и отъ бѣды уходилъ. Кто, братія мои, только захочетъ пановать, тотъ на все дурное пойдетъ, лишь бы самому усидѣть на панствѣ. Вотъ они нашего брата хитро засядутъ, а послѣ скажутъ, что это не вѣроломство, а благоразуміе. Такой почетъ даютъ паны своимъ дѣламъ. Въ панскихъ дворахъ обманъ похваляется, и когда нельзя кого одолѣть силою, такъ паны

одолѣваютъ обманомъ и еще тѣмъ величаются. Паны не смотрятъ на то, что праведно: лишь бы имъ корыстно было. Давно ли высохла кровь нашего доблестнаго Павлюка, какъ послѣ Кумеекъ паны заманили его, увѣрили клятвою, что ему ничего не будетъ, а потомъ казнили въ Варшавѣ на цѣломъ своемъ сеймѣ? Да что давнее вспоминать: посмотрите на вашихъ братьевъ: они еще на кольяхъ; можетъ быть, еще дышатъ и призываютъ васъ беречь себя самихъ и содѣлаться слугами божьими на праведное мщеніе за ихъ муки!“

Эта рѣчь была произнесена съ силою и вдохновеніемъ, личность и санъ оратора помогали впечатлѣнію. Толпа заволновалась. Ожесточенные хлопы кричали: „оружія! оружія! бить ихъ, бить всѣхъ и большихъ и малыхъ! Кара имъ за ихъ злодѣйства!“ Вѣсть разнеслась по окрестностямъ, и въ разныхъ мѣстахъ составились партіи, соединялись между собою и побуждали другихъ поселянъ составлять такія же партіи. Нѣсколько дворянъ попались къ нимъ и были замучены. Услышавъ о волненіи, князь Корецкій отрядилъ противъ бунтовщиковъ три тысячи своей конницы. Этотъ отрядъ легко бы, казалось, могъ расправиться, по одиначкѣ, съ шайками крестьянъ, которыя, какъ доносили князю, дѣйствовали одна отъ другой отдѣльно. Но вышло не такъ. Хлопы окружили его и обратили въ бѣгство, и еслибъ у хлоповъ были въ то время лошади, то, вѣрно бы, истребили всѣхъ. Событіе это, какъ слѣдовало ожидать, способствовало къ распространенію мятежа: слухъ о немъ скоро дошелъ въ Варшаву и надѣлалъ тамъ большаго переполоха. Король былъ недоволенъ Корецкимъ, и поручилъ канцлеру написать къ

нему письмо съ выговоромъ. „Въ настоящее время,“ было писано въ этомъ письмѣ, „вовсе негодится возбуждать и раздражать хлоповъ. Еслибъ даже казненные вполнѣ были достойны этаго, и тогда нельзя похвалить такой строгости; благоразумный человѣкъ долженъ сообразоваться съ обстоятельствами и знать, что не всегда должно наказывать преступленіе, когда изъ этаго можетъ произойти соблазнъ. Ваша-милость, требуя отъ своихъ хлоповъ повиновенія, сами вашими поступками возбуждаете и усиливаете въ нихъ строптивость и неуваженіе къ себѣ. Извольте же исправить сдѣланную вами ошибку; ибо по вашей винѣ не должна страдать вся Рѣчь Посполитая“ [39]). Неизвѣстно, какъ поправилъ свои ошибки Корецкій. Мятежъ то усиливался, то улегался, но не прекращался. Какъ только бывшіе въ войскѣ въ прошлую войну хлопы возвращались въ свои жилища, владѣльцы стали ихъ мучить. „Вотъ это и вашему Хмельницкому будетъ—говорили они—дайте только намъ справится“. Хлопы составляли шайки, владѣльцы обращались къ Хмельницкому съ жалобами [40]). Хмельницкій казнилъ непослушныхъ, вѣшалъ, сажалъ на колъ [41]), и чрезъ то имя его, которое до того времени произносилось съ благоговѣніемъ русскими, стало у многихъ предметомъ омерзѣнія. Забужане и поднѣстране, самый бойкій и отважный народъ въ Южной Руси, отличались предъ всѣми приверженностью къ буйству и неповиновенію. Начались по прежнему убійства и по-

[39]) Stor delle guer. civ 202—204.

[40]) А. Ю. и З Рос. III 401.

[41]) Памятн. кіевск комм. II. 30--20.

жары; начальникомъ мятежныхъ озвался Нечай храбрый брацлавскій полковникъ. Говорили, что къ Хмельницкому нагрянула толпа тысячъ въ пятьдесятъ [42]).

„Такъ то ты насъ покидаешь, гетманъ (говорили они), покидаешь тѣхъ, кого обязанъ защищать и не давать въ обиды панству! Или ты слѣпъ и не видишь, что ляхи тебя обманываютъ своими ласками, чтобъ потомъ погубить коварно? Или не понимаешь, что они хотятъ тебя обезоружить, поссоривъ съ вѣрными воинами? Поступай же, какъ хочешь; если тебѣ нравится неволя, оставайся въ ней; а мы выберемъ себѣ другаго старшого, который лучше тебя постоитъ за насъ."

Гетманъ не осмѣлился пренебречь голосомъ брацлавскаго полковника, любимаго народомъ Нечая, котораго имя до сихъ поръ осталось въ народной поэзіи идеаломъ мужества и отваги. Гетманъ убоялся (говорятъ лѣтописцы), чтобъ его не свергли съ гетманства, и прибѣгнулъ къ изворотамъ.

— Въ реестръ принимать болѣе нельзя (сказалъ онъ); кто захочетъ быть охочимъ казакомъ пусть будетъ [43]).

Это охочее войско, которое называли просто гультайствомъ (сбродомъ), гетманъ отправилъ подъ начальствомъ Нечая, къ Горыни, на границу отъ Польши.

Въ то же время, не показывая вида, что онъ, какимъ либо образомъ, потворствуетъ народнымъ волненіямъ,

---

[42]) А. Ю и З. Рос. Ш. 401.

[43]) Истор. о през. бр.—Annal. Polon. Clim I. 179.—Histor: Jan. Kazim. I. 110.—Pam. do Pan. Zygm. III, Wlad. IV i Jan. Kazim. II. 123.—А. Ю. и З. Р. Ш. 404.

онъ отрубилъ еще нѣкоторымъ головы и, въ томъ числѣ какому то, неизвѣстному по имени, который объявилъ себя гетманомъ и собиралъ подъ свои знамена запорожцевъ [44]).

Кисель узналъ, что Хмельницкій начинаетъ двоить, и не поѣхалъ къ нему самъ, потому что зналъ его крутой и горячій нравъ, а послалъ митрополита.

Старикъ явился къ гетману.

„Ужъ я старъ и дряхлъ, сказалъ архипастырь:— недолго буду трудиться для пользы вашей милости, панъ гетманъ! Постарайся пріобрѣсти имени своему вѣчную благодарность отъ короля и Рѣчи Посполитой, а отъ Бога благословеніе надъ своими дѣтьми. Усмири кровопролитіе, осуши слезы изгнанниковъ: иначе онѣ потекутъ изъ очей ихъ на твою душу. Вспомни, что они наслаждались изобиліемъ, а теперь лишены куска хлѣба; вспомни, что многіе изъ собратій нашихъ, исповѣдующихъ православную вѣру, которую исповѣдую и я съ тобою. проводятъ дни въ слезахъ и поруганіяхъ; иные уже умерли съ голода, другихъ злодѣйски замучили хлопы. Богъ взираетъ на это и месть его не дремлетъ.“

— Тебѣ извѣстно, почтенный архипастырь, отвѣчалъ гетманъ: — что я употреблялъ всѣ мѣры, какія только могъ; съ моей стороны нѣтъ никакой вины. Но что жъ мнѣ дѣлать съ народомъ? Пока изъ маленькаго деревца выростетъ большой дубъ, много лѣтъ надобно ждать!

---

[44]) Памятн. кіевск. комм. II. 20.

Хмельницкій пріѣхалъ въ Кіевъ.

„Господа поляки (сказалъ онъ Киселю, почесывая голову, по выраженію польской лѣтописи) поддѣли меня; по ихъ просьбамъ я согласился на такой договоръ, котораго исполнить нельзя никакимъ образомъ. Сами посудите: сорокъ тысячъ казаковъ; что я буду дѣлать съ остальнымъ народомъ? Они убьютъ меня, а на поляковъ все таки поднимутся.“

Кисель не находилъ, какой совѣтъ дать ему [45]).

Тогда Хмельницкій назначилъ въ Переяславлѣ генеральную раду въ первыхъ числахъ марта (*). Никогда

---

45) Annal. Polon Clim. I.—Histor. Jan. Kaz. I.—Pam. do pan. Zygm. III. Wlad. IV. i Jan. Kaz. II.

*) Всѣхъ полковъ было въ 1650 году шестнадцать: 1) брацлавскій, подъ начальствомъ Данила Нечая, занималъ земли между Бугомъ и Днѣстромъ на югозападъ, до границъ Молдавіи, и на югъ до незаселенныхъ степей, гдѣ кочевали орды, по рѣкамъ Лядовой и Рову, въ нынѣшнихъ уѣздахъ могилевскомъ, ямпольскомъ, значительной части винницкаго и брацлавскаго. Брацлавъ, главный городъ воеводства брацлавскаго, былъ полковымъ городомъ этого полка. Въ немъ заключалась двадцать-одна сотня, и въ числѣ ихъ Могилевъ, Ямполь, значительный тогда по торговлѣ, мѣстечки: Мурахва, Браиловъ, Тульчинъ. 2) Уманьскій, подъ начальствомъ Іосифа Глуха, на правой сторонѣ Буга, надъ которымъ была послѣдняя его сотня Ладыжинъ, на границѣ брацлавскаго полка, по рѣкамъ Кобличу Буичу, Горскому-Тикачу, Синюхѣ, отдѣлявшей его съ юга отъ степей, въ нынѣшнемъ уѣздѣ уманьскомъ, въ восточной части гайсинскаго, въ восточной части липовецкаго; онъ захватывалъ также западную часть звенигородскаго уѣзда. Эта земля носила названіе Уманьщины Въ немъ было тринадцать сотенъ. Умань былъ его полковый городъ. 3) Кальницкій, подъ начальствомъ Ивана Хведоренка, заключалъ лѣвый берегъ Буга отъ Винницы до Райгородка, послѣдней сотни брацлавскаго полка, на сѣверъ до береговъ Десны, гдѣ послѣдняя сотня кальницкаго полка была Прилуки; берега Соби до Погребыща, которое было его послѣднею сотнею на

еще не производилось въ Украинѣ такой рады; „она (говоритъ современникъ) была похожа на польскій сеймъ и была настоящимъ національнымъ собраніемъ государства вольнаго и независимаго“ [46]). Тамъ былъ окончательно прочитанъ и утвержденъ народомъ реестровый списокъ, который должно было послать къ королю. Историки разногласятъ въ числѣ казаковъ, вошедшихъ въ реестръ; извѣстно, однако, что ихъ было не ровно

---

[46]) Histor. ab. exc. Wlad. IV.

границѣ полка бѣлоцерковскаго, въ нынѣшнемъ уѣздѣ липовецкомъ, въ сѣверной части брацлавскаго, въ сѣверовосточной винницкаго, занималъ западную часть таращанскаго и южную половину махновскаго. Всѣхъ сотенъ въ немъ было восьмнадцать. Между ними города Винница и Липовецъ и значительныя мѣстечки Немировъ и Животовъ. 4) Чигиринскій, подъ начальствомъ Ѳедора Якубовича Вешняка, занималъ земли на лѣвомъ берегу Тясмина и его системы до Днѣпра, и на лѣвой сторонѣ Днѣпра, берегъ его, до впаденія Псёла, въ нынѣшнихъ уѣздахъ чигиринскомъ, звенигородскомъ и въ западной части кременчугскаго. Въ немъ было восьмнадцать сотенъ: въ числѣ ихъ Кременчугъ и Омельникъ на лѣвой сторонѣ на правой—мѣстечки: Крыловъ, Медвѣдовка, Жаботинъ, Смила. 5) Корсунскій, подъ начальствомъ Лукьяна Мозыры, въ уѣздахъ нынѣшнихъ: таращанскомъ, каневскомъ, на берегахъ Роси, Гнилого-Тикача, Ольшанки. Корсунъ, возобновленный отъ пожара, нанесеннаго ему Потоцкимъ, былъ его главнымъ городомъ. Всѣхъ сотенъ было девятнадцать, въ числѣ ихъ Мліевъ и Лисянка. 6) Черкасскій, подъ начальствомъ Яська Воронченка, оканчивался на сѣверѣ Росью и простирался на лѣвую сторону Днѣпра до рѣки Золотоноши, въ нынѣшнемъ черкасскомъ уѣздѣ и западной части золотоношскаго. Въ немъ было девятнадцать сотенъ и, кромѣ полковаго города Черкасъ, городъ Золотоноша. 7) Каневскій, подъ начальствомъ Семена Савича, на сѣверъ отъ черкасскаго, занималъ правый берегъ Днѣпра до рѣки Ирпни, уѣздъ коневскій и южную часть кіевскаго. Городъ Каневъ былъ его полковымъ городомъ: въ немъ было пятнадцать сотенъ и, въ числѣ ихъ, Терехтеминовъ и Стайки, близъ Днѣпра. 8) Кіевскій подъ начальствомъ Антона Ждановича, отъ Ирпни до Припети, по берегамъ

сорокъ тысячъ. Коховскій говоритъ, что ихъ было менѣе—37,549 [47]), а украинскія лѣтописцы говорятъ, что число ихъ превышало опредѣленное по договору, одни изъ нихъ считаютъ до 47,350 казаковъ, другіе до 50,009 [48]). Извѣстія украинцевъ заслуживаютъ въ этомъ случаѣ болѣе довѣрія, потому что Хмельницкій въ письмѣ своемъ къ королю извиняется, что хотя по зборовскому договору, слѣдовало бы уменьшить число реестро-

[47]) Annal. Polon. Clim. I. 186.
[48]) Кратк. опис. о Мал. Рос.

Ирпеня, Здвижа, на востокъ до Тетерева, гдѣ Корыстышевъ (пограничное мѣстечко гетманщины), занималъ также Полѣсье въ нынѣшнемъ уѣздѣ кіевскомъ, въ восточной части васильковскаго, въ радомысльскомъ, овручскомъ и западной части остерскаго. Въ Кіевѣ, главномъ полковомъ городѣ, была сотня того названія. Всѣхъ сотенъ было семнадцать и, въ томъ числѣ города Овручъ, Васильковъ и мѣстечко Бровары на лѣвой сторонѣ Днѣпра 9) Бѣлоцерковскій, подъ начальствомъ Михайла Громыки, занималъ берега Роси съ ея притоками, въ уѣздахъ: сквирскомъ, въ западной части васильковскаго, сѣверной таращанскаго. Мѣстечко Бѣлая-Церковь было его полковымъ городомъ. Въ числѣ сотенъ его были: Хвастовъ, Паволочь, Трилисы. 10) Кропивинскій, подъ начальствомъ Филона Джеджалыка, занималъ земли на востокъ отъ чигиринскаго полка до Сулы, между Оржицею и Удаемъ, вверхъ по Удаю до Журавки, которая была его послѣднею сотнею на границѣ съ прилуцкимъ полкомъ, въ восточной части Золотоношскаго уѣзда, въ западной части лубенскаго, въ восточной пирятинскаго. Полковой городъ его былъ Кропивна, мѣстечко близь Золотоноши, на рѣкѣ Кропивнѣ. Всѣхъ сотенъ въ немъ было одиннадцать, въ числѣ ихъ городъ Пирятинъ. 11) Переяславскій, подъ начальствомъ Ѳедора Лободы, на лѣвой сторонѣ вдоль Днѣпра, по рѣчкамъ: Трубежу, Недрѣ, Супою и по лѣвому берегу Десны до Остра, въ нынѣшнихъ уѣздахъ: переяславскомъ, остерскомъ и южной половинѣ козелецкаго. Всѣхъ сотенъ въ немъ было восьмнадцать; полковой городъ былъ Переяславль. Въ числѣ его сотенъ былъ Остеръ. 12) Прилуцкій, подъ начальствомъ Тимоѳея Носача, повыше кропивинскаго, по Удаю и мелкимъ рѣчкамъ, впа-

выхъ казаковъ, но онъ этого не могъ сдѣлать, потому что уже и безъ того претерпѣвалъ большія затрудненія при реестрованіи [49]), Каждый реестровый казакъ вступалъ въ казацкое званіе со всѣмъ семействомъ и имѣлъ по одному конному и пѣшему подпомощнику, кромѣ работниковъ [50]); сверхъ того, Хмельницкій составилъ еще двадцать тысячъ казаковъ для резерва: этотъ корпусъ находился подъ особой командой сына его, Тимоѳея [51]).

[49]) Памятн. кіевск. комм. II. 3. 14.

[50]) Кратк. опис. о каз. мал. нар. 14.

[51]) Кратк. истин. опис. о Мал. Рос. 43.

дающимъ въ Удай, въ нынѣшнемъ прилуцкомъ уѣздѣ, захватывалъ небольшую часть нѣжинскаго. Полковой городъ Прилуки Въ полку было девятнадцать сотенъ. 13) Миргородскій, подъ начальствомъ Матвѣя Гладкаго, на востокъ отъ кропивинскаго, по Сулѣ, Хоролу и ихъ притокамъ, въ нынѣшнихъ уѣздахъ: миргородскомъ, восточной части лубенскаго, въ лохвицкомъ, роменскомъ, хорольскомъ. Въ немъ было шестнадцать сотенъ и, въ числѣ ихъ, нынѣшніе города: Миргородъ, тогда главный полковой городъ, Лубны, Лохвица, Роменъ и Хоролъ. 14) Полтавскій, подъ начальствомъ Мартына Пушкаренка, занималъ земли по рѣкамъ Псёлу, Ворсклѣ, въ нынѣшнихъ уѣздахъ: полтавскомъ, гадячскомъ, зеньковскомъ и кобылякскомъ Полтава былъ его полковой городъ. Въ полку считалось семнадцать сотенъ и, въ числѣ ихъ нынѣшніе города: Полтава, Гадячъ, Зеньковъ, Кобыляки, мѣстечки Рашевка и Веприкъ. 15) Нѣжинскій, подъ начальствомъ Прокопа Шумейки, по рѣкѣ Острѣ, въ нынѣшнихъ уѣздахъ, нѣжинскомъ и козелецкомъ. Всѣхъ сотенъ было въ немъ девять и, въ томъ числѣ, въ полковомъ городѣ Нѣжинѣ три сотни. Козелецъ былъ его сотнею. 16) Черниговскій, подъ начальствомъ Мартына Небабы, по рѣкѣ Деснѣ до Сейма въ уѣздахъ: черниговскомъ, борзнянскомъ, сосницкомъ, конотопскомъ. Полковой городъ Черниговъ. Всѣхъ сотенъ было шесть; въ числѣ ихъ нынѣшніе города: Сосница, Борзна, Конотопъ. Выше, въ нынѣшней черниговской губерніи, въ уѣздахъ: стародубскомъ, мглинскомъ, городненскомъ, новгородсѣверскомъ, кролевецкомъ, глуховскомъ, суражскомъ, казаковъ тогда не было. Эта часть южнорусской земли обращена въ казачество уже послѣ, самимъ Хмельницкимъ.

Такимъ образомъ, число вступившихъ въ непосредственное вѣдомство казацкаго начальства было довольно значительно и доходило до трехсотъ тысячъ [52]). Но тѣмъ неменѣе оставалось болѣе такихъ, которые не вошли въ реестръ, должны были разстаться съ блестящими надеждами быть вольнымъ сословіемъ и поступали снова въ подданство панамъ. Надобно предполагать, что эта переяславская рада была шумная и бурная, потому что Хмельницкій жалуется на затрудненія, которыя онъ претерпѣвалъ при утвержденіи своего реестра [53]). Кисель присутствовалъ на этомъ собраніи русскаго народа, какъ воевода важнѣйшей русской земли, и подавалъ чрезъ это католикамъ новый поводъ сомнѣваться въ его искренности [54]). Изъ Переяславля Хмельницкій прибылъ въ Кіевъ отдать визитъ Киселю. Съ нимъ пріѣхали старшины и всѣ полковники, то было 13 марта. Въ Кіевѣ въ это время столпилось болѣе десяти тысячъ народа— посполыства и казаковъ: все это были недовольные, роптали на гетмана за реестрованіе, за исключеніе изъ казацкаго званія тѣхъ, которые уже привыкли считать себя казаками. Распространился слухъ, что коронное войско приближается къ границамъ казацкой земли. „Ляхи"— кричали тогда недовольные „насъ обманули; они только для вида намъ миръ дали а теперь хотятъ напасть на насъ, когда мы оставили оружіе. Зачѣмъ такое великое войско идетъ въ Украину?" Волновало ихъ возвращеніе изъ плѣна Потоцкаго; ненравилось имъ, что его оста-

---

52) Повѣсть о томъ, что случ. въ Украинѣ.

53) Памятн. кіевск. комм. II 3. 14

54) Histor. ab exc. Wlad. IV. 57.

вили въ званіи гетмана, опасались, что онъ будетъ мстить казакамъ за свое пораженіе и униженіе. Какое то духовное лицо, которое Кисель въ своемъ письмѣ къ королю не именуетъ, указывало народу на то, что ляхи обѣщали уничтожить унію и не уничтожили, а Кисель не поддерживалъ вѣры, да еще мирволилъ ляхамъ. Злились на Киселя за то, что онъ привелъ съ собою триста человѣкъ вооруженной ассистенціи. Хмельницкій боялся, чтобъ не составилась чернечая рада и не свергла его съ гетманства. Уже на Запорожьѣ нѣкто Гудскій назвался гетманомъ и къ нему стекались недовольные. Хмельницкій не рѣшался поступать круто, тѣмъ болѣе, что и на доброжелательство полковниковъ къ себѣ не могъ положиться. Толпа, народа собравшись въ Кіевѣ на Подолѣ, послала къ Киселю требовать, чтобъ онъ распустилъ свою ассистенцію. „Мнѣ дана ассистенція отъ короля и вамъ о томъ объявлено. Вамъ надобно прежде было говорить объ этомъ. Мнѣ писали, меня приглашали, обѣщали принять дружелюбно, и теперь не нужно выдумывать такого, чтобъ только показать ко мнѣ неуваженіе. Я и то взялъ только половину той ассистенціи, которую мнѣ дали, и теперь не отошлю ее, а если вамъ она не нравится, такъ самъ съ нею отъ васъ уѣду.“ Послѣ этого отвѣта, на другой день 15 марта, опять собралась народная рада, очень шумная. Хмельницкій не могъ ее успокоить. Противъ его желанія послали къ Киселю требовать, чтобъ онъ явился на раду и далъ отчетъ съ чѣмъ пріѣхалъ? „Я пріѣхалъ—отвѣчалъ Кисель—не заключать договоры, а быть стражемъ уже постановленнаго мирнаго договора. Все прежнее покончено“. Этотъ отвѣтъ усилилъ волненіе, крики и угрозы, но толпа ра-

зошлась не рѣшившись ни на что. Тогда Хмельницкій пригласилъ къ себѣ старшину и полковниковъ и убѣдилъ ихъ ѣхать съ нимъ вмѣстѣ къ Киселю съ визитомъ. Онъ предувѣдомилъ Киселя. Воевода приказалъ изготовить обѣдъ для гостей. 16 марта Хмельницкій съ полковниками, въ сопровожденіи трехсотеннаго коннаго отряда, поднялся на гору и въѣхалъ въ замокъ, но въ это мгновеніе въ толпѣ народа вспыхнулъ мятежъ, начали кричать, что пришла пора расправиться съ Киселемъ и огромная вооруженная толпа бросилась на гору окружила замокъ съ угрожающими криками и ругательствами. Хмельницкій выслалъ асауловъ и полковниковъ укрощать народъ, а потомъ и самъ неостался обѣдать и выбѣжалъ. По собственному признанію Киселя, и онъ и вся его ассистенція очень перепугались, а въ особенности женщины: „наши—говоритъ Кисель—пріѣхали сюда съ семьями какъ домой, надѣясь на миръ.“ Хмельницкій прекратилъ смятеніе. Тутъ на счастье его пришло извѣстіе, что смѣльчакъ, принявшій на Запорожьѣ гетманскій титулъ, схваченъ и отправленъ въ Чигиринъ. Хмельницкій понялъ, что, не смотря на возникшее противъ него неудовольствіе, онъ все еще столько силенъ, что соперника ему быть не можетъ и сталъ смѣлѣе и рѣшительнѣе. На другой день, переговоривши по секрету съ Киселемъ, онъ самъ собралъ на раду казаковъ, говорилъ имъ длинную рѣчь, присягнулъ передъ всѣми, что не станетъ заключать договора съ Киселемъ, увѣрялъ, что за Киселемъ нѣтъ измѣны, а если бъ вышло иначе, то онъ самъ его задержитъ, обѣщалъ не пускать пановъ въ маетности, а между тѣмъ отправить посольство къ королю, и приказалъ всѣмъ казакамъ расходить-

ся въ полки и беречь границы на случай, еслибы въ самомъ дѣлѣ ляхи вздумали вступить съ войскомъ. Казаки послушались гетмана и расходились. Поспольство шумѣло, роптало и не смѣло ничего предпринять въ Кіевѣ, только кіевляне мстили Киселю тѣмъ, что не хотѣли давать провіанту ни ему ни его ассистенціи, такъ что онъ долженъ былъ содержать ее на свой счетъ, тратя ежедневно, при большой дороговизнѣ, по сту талеровъ въ день и жалуясь на скудость своихъ средствъ, подорванныхъ разореніемъ его маетностей.

Хмельницкій написалъ универсалъ, которымъ строго запрещалъ бунты и неповиновеніе, угрожалъ непослушнымъ жестокою казнію и приказывалъ полковникамъ немедленно казнить всѣхъ. кто окажется виновнымъ, а въ примѣръ другимъ, приказалъ казнить въ Кіевѣ сдѣлавшихъ передъ тѣмъ возмущеніе въ Кальникѣ и убившихъ пана Лагевницкаго. Но въ то же время онъ обратился къ воеводѣ вмѣстѣ съ своею старшиною и говорилъ: надобно соображаться съ временемъ (служить часу), подымнаго пока не собирать, войску коронному отнюдь не подходить къ линіи. а панамъ можно оставаться въ Украинѣ только тѣмъ, которые уже прежде пріѣхали сюда въ свои имѣнія, и то тѣмъ только, которые не такъ важны, а *можнѣйшимъ* надобно попріудержаться, пока поспольство утихнетъ. Пусть присылаютъ своихъ урядниковъ только непремѣнно русскихъ, съ самымъ малымъ числомъ провожатыхъ, а съ подданными пусть обращаются какъ можно скромнѣе и дружелюбнѣе“ [55]). Кисель долженъ былъ согласиться съ доводами гет-

---

[55]) Автогр. Публ. библ. 165.

мана, но по своей привычкѣ держаться средины, въ одно и то же время дружески совѣтовался съ Хмельницкимъ и писалъ королю, что гораздо лучше взяться за оружіе снова, чѣмъ имѣть хлоповъ и не владѣть ими, и просилъ только, чтобъ когда начнется война, то дали бы ему тайно знать заранѣе, дабы онъ могъ безопасно убраться изъ Украины и вывести оттуда дворянство подъ благовиднымъ предлогомъ отъѣзда на сеймъ [56]).

Хмельницкій, съ своимъ реестромъ отправилъ посольство къ королю. Въ письмѣ своемъ къ Яну Казимиру казацкій гетманъ изъявлялъ, отъ имени своего казачества, благодарность за утвержденіе зборовскаго договора, и замѣтилъ, что какъ на сеймѣ не приняли митрополита, и поэтому не дали возможности прекратить религіозныя недоумѣнія, то казачество проситъ, чтобъ, по договору зборовскому, унія была непремѣнно уничтожена, и всѣ церкви, и церковныя имѣнія, которыми владѣютъ униты по прежнимъ королевскимъ привилегіямъ, были, по смерти ихъ, немедленно возвращены греческому духовенству, дабы не было отнюдь разъединенія въ православной вѣрѣ [57]).

Гетманъ поручалъ своимъ депутатамъ просить короля, чтобъ всѣ должности во всѣхъ русскихъ областяхъ были раздаваемы православнымъ, чтобы паны приходящіе въ украинскія помѣстья, являлись безъ военной ассистенціи и обращались кротко съ хлопами, причемъ замѣчалось, чтобъ и кіевскій воевода не имѣлъ при себѣ ассистенціи. Хмельницкій, сверхъ того, требовалъ, чтобъ

---

[56]) Памятн. кіевск. комм. II. 3. 24 и 30.

[57]) Памятн. кіев. комм. II. 3.

коронное войско не приближалось къ линіи, обозначавшей границы земли, уступленной по зборовскому договору казакамъ, наконецъ, онъ домогался выдачи своего врага Чаплинскаго.

Король принялъ депутатовъ очень ласково, а на просьбу, представленную ими, казацкіе депутаты въ маѣ получили такой отвѣтъ: „относительно уніи король сообщалъ, что кіевскій митрополитъ въ присутствіи епископовъ разговаривалъ съ унитами, а что касается до эпархій и церквей, то король уже болѣе сдѣлалъ, чѣмъ обѣщалъ; если же кто изъ частныхъ лицъ препятствуетъ, то король готовъ оказать правосудіе". Это были только слова. При этомъ король счелъ нужнымъ замѣтить, что обѣщаніе раздавать должности только исповѣдующимъ греческую вѣру относится единственно къ тремъ воеводствамъ: черниговскому, кіевскому и брацлавскому. Сообразно казацкой просьбѣ король обѣщалъ написать къ кіевскому воеводѣ, чтобъ и онъ самъ и другіе паны жительствовали въ этихъ трехъ воеводствахъ безъ вооруженной ассистенціи, ограничиваясь только домашнею прислугою, но заявлялъ свое недовольство составленнымъ казацкимъ реестромъ: изъ шляхетскихъ имѣній брацлавскаго воеводства вписано въ реестръ много хлоповъ; шляхта на это жалуется и король приказывалъ или замѣнить ихъ другими или вывести изъ шляхетскихъ имѣній, чтобъ они не присвоивали себѣ панскихъ грунтовъ и не волновали подданныхъ, съ которыми имѣли совмѣстное жительство. Относительно желанія, чтобъ коронное войско не приближалось къ казацкой границѣ, король замѣчалъ, что коронное и запорожское войско равнымъ образомъ при-

надлежатъ Рѣчи Посполитой и коронное войско будетъ имѣть право итти повсюду, гдѣ окажется нужнымъ, не дѣлая вреда запорожскому, а гетманъ коронный долженъ сноситься съ запорожскимъ о мѣрахъ порядка и защиты. Что же касается до Чаплинскаго, то король высказалъ, что находитъ требованіе Хмельницкаго уже неприличнымъ, послѣ того какъ подъ Зборовомъ онъ вошелъ въ милость короля и все прежнее должно быть забыто, причемъ прибавилъ, что не нуждается ни въ какой услугѣ Чаплинскаго [58]). Вмѣстѣ съ тѣмъ король писалъ къ воеводѣ, чтобъ онъ внушилъ шляхтичамъ и панамъ не раздражать простаго народа, обращаться съ подданными ласково, не подавать никакого повода къ безпорядкамъ [59]).

Панство вообще было очень недовольно этими требованіями Хмельницкаго.

„Видимое ли дѣло! (кричали они), Хмельницкій смѣетъ требовать уничтоженія уніи, и отъ кого же? отъ короля-католика! И король принимаетъ такія посольства!"

Хмельницкій зналъ объ этихъ толкахъ. Въ маѣ, онъ прибылъ въ Кіевъ съ полковниками, сотниками и двумя тысячами казаковъ; казаки окружили замокъ, гдѣ былъ тогда Кисель, и гетманъ имѣлъ съ нимъ свиданіе. Бѣдные шляхтичи думали, что ихъ ограбятъ и перебьютъ вмѣстѣ съ воеводою. Но хотя гетманъ и воевода поговорили другъ съ другомъ крупно за свое первенство, однако разстались друзьями, и вслѣдъ затѣмъ въ Кіевѣ

58) Рук. И. П. Б. разнолз. № 5.

59) Памятн. кіевск. комм. II. 3. 38.

казнено нѣсколько бунтовщиковъ [60]). Но это не успокоило народа. Болѣе вела къ спокойствію уступчивость самого дворянства.

Нѣкоторые паны, видя, что „плетью обуха не перешибешь", какъ гласитъ пословица, стали приходить въ свои деревни одни и соглашались жить и управлять на такихъ условіяхъ, какія имъ предложатъ. Мужики, услыша это, покидали оружіе и возвращались. Они сходились на сходки и разсуждали, какъ имъ принимать пановъ.

Въ Немировѣ была подобная сходка изъ сосѣднихъ селъ; мужики выбрали себѣ атаманомъ какого то Куйку и совѣтовались, какъ жить съ панами и служить имъ. „А що, говорилъ Куйка, дамо ему плугъ волівъ, та чотири мирки солоду; буде зъ его; абы не вмеръ зъ голоду".

Въ другихъ мѣстахъ хлопы уговаривались отдавать панамъ поклоны по большимъ праздникамъ, то есть приносить имъ отъ своего желанія что нибудь, и отказывались отъ всякой панщины. Дворяне принуждены были принимать такія условія, надѣясь поправиться современемъ. „Но какого исправленія можно было ожидать отъ такихъ своевольныхъ и необузданныхъ подданныхъ? (говоритъ современный панъ) Наше перемиріе съ ними пахло рабствомъ для насъ самихъ" [61]). Самые богатые прежде паны не получали ни гроша изъ огромныхъ маетностей, которыя только по имени слыли собственностью ихъ. Тѣ же, которые были попроще и

---

[60]) Latop Jerl 112.

[61]) Памят. кіевск. комм. II. 3. 29 и 24.

побѣднѣе (говоритъ лѣтописецъ) [62]), принялись сами пахать и косить, и жены ихъ, прежде боявшіяся выйти на солнце, чтобъ не загорѣть, вязали снопы въ іюльскій полдень. „Не было деревни, не было дома, гдѣ бы бѣдный шляхтичъ могъ и зѣвнуть свободно (говоритъ современникъ); чуть мало кто нибудь погорячился, тотчасъ бунтъ, а сорокъ тысячъ реестровыхъ, словно горохъ изъ мѣшка, разсыпавшись по цѣлой Украинѣ, производили страшный для насъ шорохъ [63]).

Хмельницкій не переставалъ наказывать строптивыхъ. Эта потачка окураживала владѣльцевъ; они стали заключать между собою договоры усмирять непокорныхъ оружіемъ [64]); богатые паны убѣгали въ Польшу и возвращались въ Украину съ командами, врывались въ мятежныя села и наказывали зачинщиковъ, отрѣзывали уши, пороли носы, выкалывали глаза [65]). Начали появляться въ Украинѣ снова унитскіе попы, ксендзы и даже іезуиты [66]).

Хлопы, не хотя рѣшительно служить владѣльцамъ, убѣгали за Днѣпръ въ степи и селились въ московскихъ земляхъ; другіе составляли загоны, подъ названіемъ левенцевъ, то есть молодцовъ, и бились съ польскими партіями. Во всѣхъ трехъ воеводствахъ Украины происходили всѣ ужасы безначалія и безпорядка, и недоставало ни чьихъ силъ прекратить такое состояніе.

---

[62]) Истор. о през. бр.

[63]) Woyna dom. Ч. 2. 4.

[64]) Пам. кіевск. комм. II. 53.

[65]) Ист. о през. бр.

[66]) Пов. о томъ, что случ. въ Укр.

Въ особенности же Подоль представляла жалкое зрѣлище. Гетманъ Потоцкій, освободившись изъ крымской неволи, собиралъ вновь войско и ставилъ около Каменца. Тогда жолнерскія партіи врывались за черту, подъ видомъ усмиренія хлоповъ; хлопы нападали на военныя квартиры. Эта партизантская война сопровождалась самыми отвратительными варварствами съ обѣихъ сторонъ [67]). Хмельницкій ясно видѣлъ невозможность удержаться въ мирѣ съ поляками, на основаніи зборовскаго договора, заключеннаго съ ними на-скоро.

Изъ тогдашняго внутренняго положенія Украины истекала причина новой неизбѣжной войны. Хмельницкій заранѣе хотѣлъ обезопасить себя отъ сосѣдей и преклонить ихъ на свою сторону.

---

[67]) Annal. Polon. Clim. I.

ГЛАВА ОДИНАДЦАТАЯ.

Сношенія гетмана съ Московскимъ Государствомъ —Московское посольство въ Польшѣ.—Сношенія съ Турціею.—Чаушъ въ Чигиринѣ.—Молдавскія дѣла.—Сватовство Хмельницкаго —Союзъ съ татарами.—Истязанія поляковъ надъ мятежниками.—Походъ въ Молдавію.—Вынужденное согласіе на бракъ.—Посольство Кравченка къ Потоцкому —Письмо короля къ Хмельницкому.—Универсалъ короля.—Сеймъ.—Посольство Хмельницкаго въ Варшаву.—Требованія Киселя.—Раздраженіе поляковъ.—Объявленіе войны. — Посольство поляковъ къ Хмельницкому. — Сношенія Хмельницкаго съ Турціею, Крымомъ и Ракочи.

Мы видѣли, что Московское Государство и Турція обратили съ самаго начала возстанія Хмельницкаго вниманіе на Украину. Хмельницкій обращался разомъ къ царю и султану.

Гетманъ составилъ планъ затянуть Московское Государство въ войну съ Польшею. Вскорѣ послѣ отпуска Унковскаго, Хмельницкій посылалъ въ Москву чигиринскаго полковника Ѳедора Вешняка. Въ письмѣ своемъ онъ выражался: „Прими насъ, слугъ своихъ въ милость своего царскаго величества и благослови, православный государь, наступить своей рати на тѣхъ, которые наступаютъ на православную вѣру, а мы Бога о томъ молимъ, чтобъ ваше царское величество, правдивый и православный государь былъ надъ нами царемъ

и самодержцемъ“. Въ отвѣтъ на такое льстивое предложеніе московскій государь въ своей грамотѣ похвалилъ Хмельницкаго за желаніе, но замѣтилъ, что при отцѣ его царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ заключенъ былъ съ Польшею вѣчный миръ, и потому нельзя наступать войною на литовскую землю. „А буде“ говорилось въ той же грамотѣ, „королевское величество тебя гетмана и все войско запорожское учинитъ свободными, безъ нарушенія вѣчнаго докончанія съ нами, тогда мы, великій государь, тебя гетмана и все войско запорожское пожалуемъ: велимъ васъ принять, подъ нашу царскаго величества царскую руку“.

Москва, цѣлыя столѣтія не поддававшаяся на предложеніе вѣчнаго мира съ Польшею, въ послѣднее время связала себя такого рода миромъ и должна была ожидать благопріятнаго случая. Хмельницкому пришлось воевать съ поляками безъ московской помощи. Послѣ Зборовскаго договора онъ говорилъ одному великорусскому сыну боярскому, пріѣзжавшему въ Украину по дѣламъ пограничнымъ: „крымскій ханъ звалъ меня воевать московскую землю, да я не хочу и его отговорилъ отъ этого, я желалъ государю служить во всемъ и не такъ бы слѣдовало быть, какъ сталось: государь не пожелалъ, не пожаловалъ насъ, не подалъ помощи, намъ христіанамъ, противъ враговъ“. Отказъ московскаго государя сильно запалъ ему въ душу; по своему обычаю сдержанный въ трезвомъ видѣ и откровенный въ пьяномъ, Хмельницкій иначе обошелся съ другимъ сыномъ боярскимъ, также пріѣзжавшимъ по дѣламъ пограничнымъ. Когда онъ ему представлялъ о взаимныхъ спорахъ пограничныхъ жителей между собой, Хмельницкій, быв-

шій тогда на веселѣ говорилъ: „вы мнѣ все про дубье, да про пасѣки толкуете, а я пойду изломаю Москву и все Московское Государство, да и тотъ, кто у васъ на Москвѣ сидитъ, отъ меня не отсидится: зачѣмъ онъ не учинилъ намъ помощи на поляковъ ратными людьми?“ Казаки распространяли зловѣщіе слухи о томъ, что на Московское Государство скоро нападутъ татары, а Хмельницкій съ ними за одно. „Будетъ у насъ“,—говорили казаки—„съ вами, москали, большая война за то, что отъ васъ намъ на поляковъ помощи не было“.

Всю осень и зиму, послѣ того, въ московскомъ государствѣ опасались, чтобъ Хмельницкій за одно съ татарами не напалъ на царскія области. Въ Москвѣ стали понимать, что оставаться въ нейтральномъ положеніи трудно. Придется рано или поздно, либо воевать съ Польшею за Украину, либо терпѣть нападенія и разоренія отъ казаковъ и татаръ. По этому москвичи старались вывѣдать, въ какой степени слабы силы Рѣчи Посполитой и, при случаѣ, искать предлога нарушить мирный договоръ. Въ концѣ 1649 года, посланъ въ Варшаву гонецъ Кунаковъ извѣстить о прибытіи вслѣдъ за нимъ пословъ и вмѣстѣ для узнанія польскихъ дѣлъ. Въ своей запискѣ онъ передавалъ сообщенныя ему въ Варшавѣ разсужденія въ такомъ смыслѣ:

„Король нашъ подъ Зборовомъ нарушилъ по неволѣ вѣчное докончаніе съ московскимъ царемъ; онъ позволилъ крымскому хану ходить съ войскомъ черезъ Польшу и Литву, куда ему понадобится, а крымскому хану черезъ наши земли некуда ходить, развѣ на одно Московское Государство. Узнаетъ про это царь и можетъ начаться война, и если съ царскими войсками соединит-

ся Богданъ Хмельницкій, то нашей Рѣчи Посполитой придетъ крайняя бѣда. И Москва нынѣ стала *субтельна*, устроила у себя рейтарскій строй, а на Украинѣ всѣ люди привыкли къ ратному дѣлу. Хмельницкій съ ними одной вѣры. Наша Польша бѣдствуетъ отъ панскаго несогласія; польскія и литовскія войска поражены отъ казаковъ и хлоповъ; жолнеры наши умѣютъ только свое государство грабить, а отъ казаковъ убѣгаютъ. Да еще у насъ неурожай. Всѣ паны вдались въ роскошь и своевольство; на сеймахъ нѣтъ согласія. Духовенство только собираетъ себѣ сокровища и даетъ мало денегъ для спокойствія Рѣчи Посполитой“.

Кунаковъ доносилъ, что паны очень боятся, чтобы въ письмахъ царю не сдѣлать ошибки и не дать Москвѣ повода къ войнѣ. Русскому гонцу передавалъ вѣсти о разговорахъ между сенаторами, купецъ Данило Грекъ, который былъ вхожъ къ референдарію. Тоже подтверждалъ бывшій при немъ приставомъ Свяцкій.

Донесеніе Кунакова произвело въ Москвѣ ободрительное вліяніе. За придирками дѣло не стало. Москва сочла умѣстнымъ оскорбиться тѣмъ, что нѣкоторые польскіе писатели помѣщали въ своихъ сочиненіяхъ непріятныя ей выраженія. Эти сочиненія послалъ въ Москву Хмельницкій. Первое изъ нихъ былъ панегирикъ Владиславу IV, написанный, какимъ то ксендзомъ. Авторъ прославлялъ подвиги поляковъ противъ москвитянъ, избраніе на царство Владислава и называлъ москвитянъ народомъ вѣроломнымъ, а царя Михаила Θеодоровича назвалъ просто вождемъ Θедоровичемъ. Другое—была извѣстная исторія Владислава IV, написанная Вассенбергомъ. Московская политика находила оскорбительнымъ

описаніе бѣдствій понесенныхъ Московскимъ Государствомъ отъ поляковъ и похвалы доблестямъ и храбрости послѣднихъ. И между прочимъ особенно не понравились Москвѣ, нѣкоторыя мѣста, въ сдѣланномъ тогда нарочно русскомъ переводѣ, напр. „*И нынѣ пусть Московія за своимъ Михаиломъ опять исподоволь возрастаютъ и возносятся либо паче того къ большему паденію*, а возрастати именуется то: возрасти и буде высоко вознесенъ, чтобъ паче зъ большимъ паденіемъ ко дну разорытьца. А въ то время буди Владиславусъ прямой и истинной великой князь московской, а Михаило буди прозваной великой князь московской и мучитель". Или „Москвитеня, которые только лише голымъ именемъ христіяня словутъ, а дѣломъ и обычаями многимъ пуще и хуже варваровъ самихъ, и тѣхъ мы часто одоляли, побивали, и потомъ лутчую часть ихъ земли подъ наше государство и владѣніе привели" Такихъ мѣстъ, принадлежавшихъ частнымъ писателямъ, въ тѣ времена, казалось достаточнымъ для того, чтобы начать искъ объ оскорбленіи съ стороны той націи, къ которой принадлежали писатели [1]).

Хмельницкій извѣщалъ, что латинскіе проповѣдники поносятъ православіе, а король замышляетъ съ татарами напасть на Московію. Извѣщенія его были кстати: между московскимъ и варшавскимъ дворами уже начались неудовольствія. Царь жаловался, что поляки пишутъ неполно его титулъ; такое обвиненіе относилось, между прочимъ, и къ Іереміи Вишневецкому [2]). Хмельницкій раздувалъ начавшееся несогласіе.

[1]) Акты Южн. и Зап. Росс. т. III. ст. 256—416.

[2]) Histor. ab exc. Wlad. V. 12.

Въ іюнѣ, царь послалъ въ Варшаву посломъ боярина, Григорія Пушкина, съ товарищами. Польскіе лѣтописцы разсказываютъ, что когда король выслалъ на встрѣчу царскимъ посламъ пановъ, то цѣлый день прошелъ въ толкахъ о церемоніяхъ; бояре долго не хотѣли садиться въ карету, домогаясь узнать, дѣйствительно ли это королевская карета [3]), и не хотѣли давать правой руки высланнымъ къ нимъ на встрѣчу посламъ. Пушкинъ въ переговорахъ по этому предмету закричалъ на пана Тышкевича „лжешь", а тотъ ему въ отвѣтъ сказалъ: „за такія слова у насъ бьютъ въ рожу, еслибы ты не представлялъ царской особы!.. „И у насъ дураковъ бьютъ, которые не умѣютъ чтить великихъ пословъ," сказалъ Пушкинъ. Потомъ указавши на товарища Тышкевича Тыкоцинскаго, Пушкинъ спросилъ: „что это онъ ничего со мною не говоритъ?" „Не понимаю по русски, что вы говорите" сказалъ тотъ. „А за чѣмъ же король прислалъ дураковъ ко мнѣ?" сказалъ Пушкинъ. „Не я дуракъ"—отвѣчалъ Тыкоцинскій, а меня послали къ дуракамъ; мой гайдукъ могъ бы вести съ вами польское дѣло." Пушкинъ завопилъ о безчестіи и ввергнулъ обычную московскую поговорку: б...... сынъ! Такое начало не предвѣщало хорошаго. Московское Правительство какъ будто нарочно посылало такого посланника, который способенъ былъ произвести разрывъ [4]).

На третій день, по пріѣздѣ въ Варшаву, въ частной бесѣдѣ съ нѣкоторыми послами во дворцѣ, бояре вспо-

[3]) Annal. Polon. Clim. I. 181.—Histor. Jan. Kaz. I. 112.

[4]) Jak. Michal. 533.

минали о прежнихъ войнахъ москвитянъ съ поляками, вздыхали о своихъ неудачахъ, приписывая ихъ наказанію Божію за грѣхи, но прибавляли, что и русскихъ Господь изберетъ орудіемъ мщенія за преступленія поляковъ. „Если (говорили они) поляки не отдадутъ намъ Смоленска и княжествъ сѣверскаго и черниговскаго, отторженныхъ отъ Россіи при Владиславѣ, то едва ли можно надѣяться покоя [5]).

Распространился въ городѣ слухъ, что послы пріѣхали съ объявленіемъ разрыва [6]). Хотя сказанное послами было ихъ частное мнѣніе, однако польское правительство такъ испугалось грозящей войны, что немедленно послало въ Москву посломъ Бартлинскаго для успокоенія царя и узнанія, что за причина такой перемѣны [7]). Между тѣмъ, король поручилъ Радзивиллу и нѣсколькимъ другимъ сенаторамъ вступить въ переговоры съ московскими послами.

Послы неупоминали оффиціальнымъ образомъ о Черниговѣ и Смоленскѣ, но, тѣмъ неменѣе, Пушкинъ съ перваго раза началъ говорить *и досадно и доткливо* [8]).

— Великій государь изволитъ гнѣваться на васъ, поляковъ, за нарушеніе крестнаго цалованія. При вѣчныхъ и доконченныхъ граматахъ мирныхъ постановлено было, чтобъ титулъ царскаго величества писался съ большимъ страхомъ и безъ малѣйшаго пропуска, а вы этого не соблюдаете. Его царское величество тре-

---

[5]) Histor. ab. exc. Wlad. IV, 58.
[6]) Annal. Polon. Clim. I. 182.
[7]) Histor. ab. ex. Wlad. IV. 58.
[8]) Полн. собр. зак. I. 240.

буетъ, чтобъ всѣ, которые написаны въ этой росписи, которую мы предлагаемъ вамъ, были подвергнуты за большія вины казни, а за малыя—наказанію.

Паны, послѣ многихъ отговорокъ, отвѣчали, что виновные будутъ наказаны на первомъ сеймѣ, по конституціи 1637 года, при тѣхъ послахъ, которыхъ царь пришлетъ съ прописными граматами.

Разумѣется, такое обѣщаніе не было искреннимъ; власть короля и сената не столько была сильна, чтобъ имѣть возможность наказать Іеремію Вишневецкаго, которому шляхтичи оказывали уваженіе болѣе, чѣмъ самому королю. Поляки хотѣли отдѣлаться какъ нибудь отъ войны, пока Рѣчь Посполитая соберется съ силами; но они не предвидѣли, что, давая обѣщанія, которыхъ не могли исполнить, сами подавали впередъ на себя поводъ къ нападенію.

Послѣ этого притязанія, Пушкинъ объявилъ другое. Дѣло шло объ оскорбительныхъ сочиненіяхъ.

— Его царское величество, говорилъ онъ:—требуетъ, чтобъ всѣ *безчестныя* книги были собраны и сожжены въ присутствіи пословъ, чтобъ нетолько слагатели ихъ, но и содержатели типографій, гдѣ онѣ были печатаны, наборщики и печатальщики, а также и владѣльцы маетностей, гдѣ находились типографіи, были казнены смертью.

Замѣчательно, что въ числѣ этихъ виновныхъ противъ царской чести оказывался и Іеремія Вишневецкій.

— Изъ вашихъ требованій, отвѣчали огорченные сенаторы —видимъ, что его царское величество ищетъ предлога къ войнѣ. Нѣсколько строкъ, въ которыхъ по-

грѣшили литераторы, еще не даютъ повода къ разрыву мира. Въ такомъ случаѣ и мы можемъ жаловаться на московскихъ лѣтописцевъ, которые въ своихъ писаніяхъ умаляютъ честь польскаго народа. Стоитъ ли какое нибудь оскорбительное слово, написанное по легкомысленности, или ошибка въ титулѣ, происшедшая, быть можетъ, отъ случайнаго недостатка чернилъ, стоитъ ли все это того, чтобъ, проливать человѣческую кровь?

— Какъ? возражалъ посланникъ—возможно ли, чтобъ царь терпѣлъ уменьшеніе своей чести, когда Господь Богъ возвеличилъ его предъ всѣми владыками и монархами земными? Такія укоризны не только помазаннику Божію, но даже и простому человѣку терпѣть не пристало, а у васъ за то, по конституціи 1637 года, положена казнь, латинскимъ языкомъ называемая пенамъ пердуелліонисъ, почему государь царь и требуетъ, чтобъ оскорбители его были наказаны. Это оскорбленіе дѣлаетъ намъ „большую кручину", поэтому мы не хотимъ вступать съ вами въ дальнѣйшіе-переговоры, пока король не удовлетворитъ насъ.

Паны оставили конференцію и отправились съ вопросомъ къ королю. „Болѣло (говоритъ польскій лѣтописецъ) сердце короля, но дѣлать было нечего. Рѣчь Посполитая не залечила еще корсунскихъ и зборовскихъ ранъ; Русь готова была отъ нея оторваться совершенно; финансы были истощены; войско въ безпорядкѣ: жолнеры не хотѣли служить, потому что имъ платили, какъ выражались они, вмѣсто наличной монеты, клочками бумагъ, и росписками на полученіе жалованья. Трудно было ввязаться въ войну съ Россіею. Король попробовалъ еще одно средство смягчить требованія пословъ".

Съ кроткимъ видомъ Радзивиллъ явился къ русскимъ.

— Его величество король, говорилъ онъ:—почитаетъ честь и достоинство царя столько же, сколько и свое собственное. Всякое оскорбленіе, нанесенное его царскому величеству, любезному его брату, онъ принимаетъ также и на себя. Разбирательство „безчестныхъ" книгъ и преслѣдованіе ихъ сочинителей не только не произведетъ уменьшенія, но прибавитъ оскорбленія его царскому величеству. Поэтому король, щадя и соболѣзнуя о чести любезнаго брата своего, его царскаго величества, проситъ васъ, бояръ, пословъ царскихъ, оставить это дѣло.

— Ни за что! отвѣчали послы: — если намъ не дадутъ удовлетворенія, то мы уѣдемъ, не окончивъ переговоровъ.—

Паны снова отправились къ королю. Между тѣмъ, возвратился изъ Москвы гонецъ Рѣчи Посполитой и принесъ извѣстіе, что царь вовсе не требуетъ возвращенія завоеванныхъ Польшею провинцій; напротивъ, желаетъ вѣчнаго мира между москвитянами и поляками, въ надеждѣ обратить соединенныя силы обоихъ христіанскихъ народовъ на оттоманскую имперію; но требуетъ непремѣнно, чтобъ виновные въ оскорбленіи его царскаго величества посредствомъ книгъ были преданы казни, а также наказаны примѣрно и тѣ, которые писали царскій титулъ съ пропусками, и что только на этихъ условіяхъ можно надѣяться прочнаго мира.

Тогда Радзивиллъ далъ посламъ такой отвѣтъ:

— Его величество, король, обѣщаетъ выдать универсалъ, чтобъ впередъ никто не смѣлъ печатать оскор-

бительныхъ книгъ на его царское величество подъ опасеніемъ лишенія маетностей.

— Этого мало, говорили послы:—надобно воспретить подъ опасеніемъ смертной казни.

Паны обѣщали и это, отговариваясь будущимъ сеймомъ, равнымъ образомъ обѣщали наказать прежде оказавшихся виновными. Нѣсколько книгъ и, въ томъ числѣ, сочиненія Твардовскаго были сожжены въ присутствіи пословъ.

Послѣ этого было еще нѣсколько притязаній со стороны пословъ: упоминали о возвращеніи Смоленска, требовали 500,000 черв. за безчестье бояръ нанесенное польскими книгами; паны успокоивали ихъ. Наконецъ, послѣ великолѣпнаго пира, они уѣхали, повторивъ, что только наказаніе „слагателей безчестныхъ книгъ“ и писавшихъ царскій титулъ съ пропусками можетъ отклонить войну Московскаго Государства съ Польшею [9]).

Поляки видѣли, что начавшееся недоумѣніе съ московскимъ дворомъ доведетъ ихъ рано или поздно до неминуемой войны, а потому заранѣе начали искать себѣ союзниковъ. Они стали сходиться съ крымскимъ ханомъ. Сперва за медленность въ доставкѣ денегъ, обѣщанныхъ по зборовскому договору, ханскій визирь послалъ къ канцлеру, а ханъ къ самому королю угрозы и упреки, но весной польскій король отправилъ въ Бахчисарай Бѣчинскаго съ извѣстіемъ, что деньги уже въ Каменцѣ;

---

[9]) Полн. собр. зак. I. 237—242. — Histor. ab exc. Wl. IV. 62.— Annal. Polon. Clim. I. 181—185.—Histor. Jan. Kaz. I. 111—117.—Pam. do pan. Zygm. III. Wlad IV i Jan. Kaz. II. 124—127.—Woyn. dom. Ч. 2. 7.—Истор. о през. бр.

тогда, по этому извѣстію, во время пребыванія московскихъ пословъ въ Варшавѣ, пріѣхалъ отъ Исламъ-Гирея въ Польшу посолъ, Мустафа-Ага. „Что онъ вамъ скажетъ, то будутъ наши слова", писалъ Исламъ-Гирей—„какое дѣло хотите начинайте, только дайте намъ знать чрезъ Мустафу-Агу, въ какое время можете быть готовы. Лѣтомъ ли, зимою,—когда будетъ ваша воля; а мы готовы и ждемъ вашего рѣшенія. Дѣло великое! Много государствъ и царствъ можете пріобрѣсти, только будьте готовы и намъ дайте знать; а о казакахъ запорожскихъ, если какіе люди вамъ скажутъ дурное, не вѣрьте; они ваши слуги и подданные. Куда вы замыслите—они тамъ служить вамъ будутъ охотно; такой у насъ съ ними договоръ, что безъ нашей воли никуда не смѣютъ двинуться" [10]).

Мустафа-Ага предлагалъ отъ своего государя соединенными силами напасть на Московское Государство.

— Татары (говорилъ онъ), не могутъ сидѣть спокойно дома: имъ надобно войны; нападемъ же вмѣстѣ на этихъ бородатыхъ козъ (такъ называлъ онъ московскихъ русскихъ); сто тысячъ крымцевъ будутъ готовы, хоть сейчасъ, къ услугамъ Рѣчи Посполитой [11]).

— Москали, отвѣчали поляки: — наши общіе враги: не владѣютъ ли они достояніемъ татаръ? Не были ли они сами данниками татарскихъ хановъ? Если твое ханское величество соединишься съ королемъ на завоева-

---

[10]) Jak. Michal. 540.

[11]) Annal. Polon. Clim. I. 184.—Histor. ab exc. Wlad. IV. 62.

ніе Московскаго Государства, то получишь снова въ удѣлъ себѣ астраханское царство [12]).

Такимъ образомъ предложено было дѣйствовать въ случаѣ нужды, соединенными силами противъ Московскаго Государства.

Втайнѣ совѣщались, если война окончится счастливо, обратить взаимныя силы на казаковъ, которыхъ поляки изображали давними недругами татаръ [13]). Ханъ побаивался казаковъ, которые взяли верхъ, по выраженію лѣтописца [14]).

Хмельницкій узналъ объ этомъ: не даромъ дѣйствовалъ въ его пользу при дворѣ Верещака.

Крымскій ханъ, послѣ того, усиленно побуждалъ поляковъ скорѣе начинать войну противъ москалей, и въ письмахъ своихъ къ королю [15]), жаловался на пановъ, которые отсовѣтуютъ нападать на Московское Государство, изъявлялъ надежду завоевать его, себѣ присвоивалъ земли, населенныя магометанами, а христіанскія уступалъ Польшѣ.

Прибыли и къ Хмельницкому татарскіе послы съ предложеніемъ соединиться съ поляками и съ ними идти на Москву [16]). Кисель располагалъ гетмана къ этой войнѣ, въ случаѣ, если поляки вынуждены будутъ вести ее, и представлялъ, что для казаковъ это будетъ случай загла-

---

[12]) Истор. о през. бр.

[13]) Истор. о през. бр.

[14]) Лѣтоп. самов.

[15]) Jak. Michalt 556.

[16]) Annal. Polon. Clim. I. 196.

дить прежнія огорченія, нанесенныя Польшѣ [17]). Хмельницкій съ притворною радостью слушалъ эти предложенія, далъ приказаніе казакамъ сбираться, приводить въ порядокъ артиллерію, снаряжалъ войсковую амуницію, но въ самомъ дѣлѣ, въ то же время, отправилъ гонца въ Москву съ предостереженіемъ, и послалъ царю реестръ своего войска, желая удостовѣрить въ своей силѣ.

„Пусть его царское величество не думаетъ ничего дурнаго о насъ; мы не замышляемъ и замышлять не будемъ никакого зла", говорилъ казацкій посланецъ.

Хмельницкій тогда же просилъ покровительства (протекціи) царскаго надъ Украиною.

Поляки, узнавъ, что тайны ихъ открыты, думали поразить Хмельницкаго тѣмъ же оружіемъ, и король отправилъ въ Москву Альберта Пражновскаго.

„По дружбѣ своей къ любезному брату (говорилъ польскій посолъ въ Москвѣ) король предупреждаетъ его, что Хмельницкій, по наущенію турковъ, соединяется съ татарами и думаетъ ворваться въ Московское Государство. Онъ, вмѣстѣ съ крымскими послами, присылалъ къ намъ просить вспомогательныхъ силъ противъ Москвы; но его величество, король, не хочетъ нарушать мира съ своимъ братомъ и предупреждаетъ его, чтобъ онъ, въ случаѣ, если казаки нападутъ на Москву съ татарами, не подозрѣвалъ въ участіи короля и Рѣчь Посполитую."

Бояре отвѣчали, что казаки—подданные короля и ему слѣдуетъ унимать ихъ и не допускать до своевольства.

Таковы были въ этотъ годъ сношенія гетмана съ Московскимъ Государствомъ. Московское правительство дѣйствовало въ его пользу нерѣшительно, а между тѣмъ, Хмельницкій видѣлъ со стороны поляковъ явное желаніе разорвать зборовскій договоръ; татары принуждали его воевать Московское Государство и скрывали подъ этимъ предлогомъ другой планъ: напасть на Украину; имъ все равно было гдѣ бы ни воевать, лишь бы грабить и наѣздничать; они могли служить Польшѣ удобнымъ орудіемъ къ порабощенію Украины, какъ недавно служили Украинѣ къ ея освобожденію. Они заранѣе показывали это, потому что, скучая миромъ, нападали загонами на украинскія села. Въ такихъ обстоятельствахъ Хмельницкій рѣшился продолжать свои сношенія съ Турціею.

Гетманъ послалъ въ Константинополь какого то полковника съ предложеніемъ союза и съ просьбою воспретить татарамъ набѣги на Украину. Казацкій посланникъ ласкалъ турецкое правительство надеждою, что Украина будетъ находиться подъ покровительствомъ Турціи.

Обрадованный этимъ, визирь послалъ въ Чигиринъ чауша Османъ-Агу, который привезъ Хмельницкому въ подарокъ турецкую саблю, съ рукояткою слоновой кости, знамя, съ изображеніемъ луны, гетманскую булаву, осыпанную каменьями, и грамату, въ которой Хмельницкій титуловался княземъ Украины. Чаушъ предлагалъ ему помощь противъ поляковъ и потомственное княжество въ Украинѣ, если только онъ вполнѣ признаетъ себя подъ покровительствомъ султана. Хмельницкій, съ своей стороны, уступалъ въ такомъ случаѣ въ полное владѣніе Турціи всю землю по Днѣстру и,

въ томъ числѣ, Каменецъ [18]). Предполагаемое покровительство, впрочемъ, не было данничествомъ Украины: казаки обязывались, въ отношеніи Турціи, только помогать войною и преимущественно не допускать донскихъ и другихъ казаковъ пиратствовать на Черномъ морѣ. Визирь писалъ, что гетманъ съ казаками будетъ въ особенной чести предъ прочими подвластными Турціи назарейской вѣры вельможами, и что татары не посмѣютъ болѣе дѣлать насилія Украинѣ [19]).

Когда происходилъ пріемъ султанскаго посла въ Чигиринѣ, пріѣхали къ Хмѣльницкому двое пановъ отъ короннаго гетмана уговаривать его воевать Москву. Они были свидѣтелями его сношеній съ Турціей. Угостивъ ихъ обѣдомъ и, по обыкновенію, подвыпивши, Хмельницкій говорилъ имъ:

„Ни король, ни Рѣчь Посполитая не можетъ меня принуждать ни къ какой службѣ; я себѣ воленъ—кому захочу тому и послужу. Мнѣ турецкій царь поможетъ, московскій тоже; всѣ орды со мною постановили договоръ. Не то, что польскую корону — римскую имперію кому захочу тому и отдамъ. Если ляхи двигаютъ свое войско, такъ вѣдь и я свое двину и тогда, тѣ, что тамъ живутъ, прежде войска своею жизнію заплатятъ“ [20]).

Старикъ Кисель, узнавши о сношеніяхъ съ Турціею, клонящихся къ отдачѣ Украины подъ власть султана, такъ испугался, что, по словамъ польскаго историка,

---

[18]) Annal Polon. Clim. I. 188.—Woyna dom Ч. 2. 5.

[19]) Малорос. перен. хранящ. въ оруж. пал. 3.

[20]) Jak. Michal. 554

чуть не умеръ [21]). Онъ отправилъ къ Хмельницкому брата своего Юрія.

Казацкій гетманъ былъ взбѣшонъ: ему только что донесли, что Потоцкій сталъ съ войскомъ на границѣ Украины, и жолнеры врываются за черту въ казацкую землю подъ видомъ укрощенія непокорныхъ хлоповъ. Хмельницкій встрѣтилъ Киселя этими словами:

— Здравствуй! Я принялъ уже турецкую протекцію!

— Ваша вельможность, вскричалъ поблѣднѣвшій Кисель:—если для тебя ничего не значитъ погибель Рѣчи Посполитой и самого короля твоего, то ради православной вѣры, которую мы исповѣдуемъ, ради свободы... неужели думаешь, что турокъ будетъ хранить драгоцѣнный завѣтъ вѣры и свободы? Если ты хочешь вступить съ турками въ какое нибудь сношеніе, то найди предлогъ удержать до времени посла, и спроси совѣта у короля, открывъ ему искренно предложенія турецкаго двора. —

— А что мнѣ дѣлать, сказалъ Хмельницкій: — когда ляхи ищутъ моей погибели! Ваши несправедливости, ваши тайныя козни вынуждаютъ меня искать защиты у турковъ. —

Кисель хотѣлъ доказывать, но бѣшеный гетманъ прервалъ его и закричалъ:

— Не тільки Украину, Польщу всю и Римъ и папежа завоюю, та туркамъ отдамъ!

Кромѣ Киселя, здѣсь стояли депутаты отъ разныхъ украинскихъ владѣльцевъ: они приносили подарки Хмель-

---

[21]) Histor. Jan. Kaz. I. 118.

ницкому и просили у него укрощенія непокорныхъ хлоповъ. Хмельницкій замѣтилъ, что проговорился и пришелъ въ большую досаду, которую готовъ былъ излить на все окружающее.

— Это измѣнники, это шпіоны! кричалъ онъ:—они пришли подглядывать за мною.—

Онъ обратился къ Выговскому и, указавъ на Киселя, сказалъ:

— Повѣсить его!

Потомъ обратился къ депутатамъ и прибавилъ:

— Утопить ихъ!

Гостей увели. Гетманъ пилъ еще съ досады, бѣсился, наконецъ упалъ и заснулъ. Проснувшись, онъ вспомнилъ о своей горячности и первый вопросъ его былъ:

— А що, живий Кисель? Позовите его!

Жена Хмельницкаго и Выговскій, зная, что вспыльчивый гетманъ часто, въ минуты гнѣва, давалъ приказанія, о которыхъ жалѣлъ послѣ, не исполнили его приказанія. Кисель вошелъ къ гетману; Хмельницкій просилъ у него прощенія. „Я вчера съ досады напился (сознавался онъ) и совсѣмъ обезумѣлъ!“

Кисель простилъ ему вспышку продолжалъ уговаривать не знаться съ невѣрными и просилъ пріѣхать на совѣщаніе съ митрополитомъ и кіевскимъ воеводою. Гетманъ разсыпался въ увѣреніяхъ, но тѣмъ неменѣе, отправилъ чауша съ особенными знаками признательности и расположенія къ султану [22]).

---

[22]) Annal Polon. Clim. I. 188—189.—Pam. do pan. Zygm. III. Wlad. IV i Jan Kaz. II. 130.— Histor. Jan. Kaz. I. 118—119.—Belli. scyth. cosac. 104—105.—Кратк. опис. о каз. мал. нар. 41.—Лѣтоп. повѣств. о Мал. Росс. 147.

Сблизившись съ турецкимъ дворомъ, Хмельницкій былъ тогда въ состояніи дѣйствовать на подручника оттоманской порты, хана крымскаго, и разорвать союзъ крымцевъ съ Польшею. Онъ началъ съ того, что вмѣсто Москвы, направилъ татаръ на Молдавію.

Молдавскій господарь, обязанный, въ 1648 году, спасеніемъ Хмельницкому, далъ обѣщаніе выдать за Тимоѳея Хмельницкаго дочь свою, (домну-Локсандру т. е. госпожу Александру—m-me Alexandrine,) но это обѣщаніе было не искренно; сначала господарь отказывался подъ благовиднымъ предлогомъ, что не смѣетъ на это отважиться безъ позволенія Турціи; а когда Хмельницкій истребовалъ не только позволеніе, но и приказаніе турецкаго двора на этотъ бракъ, тогда Лупула сблизился съ поляками и началъ тайно дѣйствовать ко вреду Хмельницкаго. Сама невѣста, если вѣрить украинскому источнику, любила Тимоѳея; а если вѣрить польскимъ лѣтописямъ, то предпочитала казаку, Димитрія Вишневецкаго, молодаго и ловкаго кавалера, который, слыша о ея красотѣ, явился въ Яссы, подъ чужимъ именемъ, и познакомился съ княжною очень романически. Неизвѣстно дѣйствительно, понравился ли домнѣ Локсандрѣ князь Вишневецкій, но Лупула находилъ болѣе удобнымъ отдать ее за него, чѣмъ за Хмельницкаго. Уже старшая дочь его была за Радзивилломъ; отдавъ другую за Вишневецкаго, онъ вступалъ въ родство съ двумя знатнѣйшими фамиліями Рѣчи Посполитой и могъ надѣяться имѣть всегда сильную опору въ Польшѣ, которая, несмотря на временной упадокъ, все еще, какъ казалось, могла снова сдѣлаться могущественною державою. Хмельницкому очень не понравилось, когда

онъ узналъ, что Лупула принималъ радушно пановъ возвращавшихся изъ крымской неволи, заискивалъ расположенія гетмана Потоцкаго, давалъ полякамъ деньги на войско. Раздосадованный двоедушіемъ Лупулы, Хмельницкій написалъ ему: „если ты не отдашь своей дочери за моего сына, то я пошлю къ тебѣ сто тысячъ сватовъ!“ Хмельницкій жаловался турецкому двору на непослушаніе Лупулы, увѣрялъ, что господарь надѣется на Радзивилла, хочетъ отложиться отъ Турціи и воевать противъ нея. Съ своей стороны, и турки сообщали Хмельницкому явныя доказательства зложелательства къ нему господаря. Невѣрнымъ хотѣлось, по мнѣнію современниковъ, стравливать между собою христіанскихъ сосѣдей, чтобъ потомъ порабощать ихъ [23]). Лупула обратился къ Потоцкому, который около Каменца укрощалъ гайдамаковъ.

Услыша это, и, видя со стороны господаря рѣшительное нежеланіе отдать дочери, Хмельницкій обратился къ брату крымскаго хана, султану Калгѣ и приглашалъ его помогать казакамъ воевать Молдавію.

Султанъ прислалъ къ нему своего посла потолковать о предложеніи.

Хмельницкій старался внушить татарамъ недовѣрчивость къ полякамъ, и одно обстоятельство доставило ему удобный для этого случай. Посланникъ брата ханова, султана Калги прибылъ въ Чигиринъ снова располагать Хмельницкаго къ войнѣ съ Московскимъ Государствомъ.

Когда гетманъ, сидя въ Чигиринѣ, разсуждалъ съ

---

[23]) Истор. о през. бр.—Histor. Jana Kaz. 1. 126.—Лѣтоп. самов. 16.

татарскимъ посланцемъ, вдругъ даютъ ему знать, что толпа подольскихъ хлоповъ хочетъ представиться своему повелителю. Онъ вышелъ на площадь вмѣстѣ съ татариномъ.

Толпились казаки: среди ихъ находились существа, въ которыхъ трудно было узнать человѣческій образъ: у однихъ не было рукъ, другіе ползали безъ рукъ и ногъ, третьи выказывали отвратительныя лица безъ ушей и носовъ, съ ямками вмѣсто глазъ. Казаки гремѣли саблями и кричали: „кара клятвопреступникамъ!“

Эти несчастные—были жертвы Потоцкаго и его жолнеровъ. Когда коронный гетманъ расположился на Днѣстрѣ съ войскомъ, левенцы начали набѣгать на жолнеровъ, уводить лошадей, похищать запасы. Они образовали изъ себя совершенную разбойничью шайку: грабили въ Молдавіи и переносили продавать награбленное въ Польшу, грабили въ Польшѣ и продавали въ Молдавіи. Потоцкій выслалъ противъ нихъ сильный отрядъ, подъ начальствомъ Кондрацкаго. Кондрацкій разбилъ левенцовъ въ лѣсу Недоборѣ и привелъ связаннаго главнаго предводителя Мудренка, съ двадцатью другими предводителями. Потоцкій однихъ изъ нихъ посадилъ на колъ, другихъ перекалѣчилъ и распустилъ по Украинѣ, чтобъ видъ ихъ наводилъ страхъ на всякаго, кто захочетъ показать свою удаль и не станетъ повиноваться панамъ. Этихъ-то изуродованныхъ привели къ гетману.

„Боже праведный! восклицалъ Хмельницкій, увидя ихъ:—вотъ, что значитъ слово поляковъ! Во время мира они такъ поступаютъ съ нами, и дѣлаютъ, подъ видомъ согласія съ нами, такія безчеловѣчія. Не явное ли дѣло, что, не успѣвъ одолѣть насъ силою, они вздумали обе-

зоружить насъ посредствомъ зборовскихъ статей, чтобъ потомъ удобнѣе и легче истребить?"

„Убѣдитесь же,—сказалъ онъ татарамъ:—каковы ляхи ваши союзники! Что же будетъ далѣе, когда они отправятъ насъ въ Московое Государство? Тогда они нападутъ на беззащитные домы наши, предадутъ ихъ огню, истребятъ города и села, умертвятъ женъ и дѣтей нашихъ. Скажите же султану Калгѣ, что кіевскій, воевода подъ предлогомъ войны съ москалями, предлагалъ мнѣ напасть на крымцевъ и турокъ. Потоцкій уже сталъ на турецкой границѣ—не ясно ли? Вотъ, то же самое, что дѣлаютъ теперь съ нами, начнутъ они дѣлать и съ вами, когда орда и казаки отправятся противъ москалей. Но мы съ татарами друзья, и не скрываемъ отъ нихъ опасности" [24]).

Послѣ этого Калга сблизился съ Хмельницкимъ и отправился съ нимъ къ Молдавіи. Шестнадцать тысячъ казаковъ, подъ начальствомъ Тимоѳея Хмельницкаго, прилуцкаго полковника Носача, полтавскаго полковника Пушкаря, и арматнаго писаря Дорошенка, и съ ними двадцать тысячъ крымцевъ двинулись къ городу Сорокѣ и сожгли его [25]). Потомъ свадебные поѣзжане, какъ называли они себя, разсѣялись отрядами по Молдавіи и обращали ее *въ нивецъ*, по выраженію современника, до самыхъ горъ [26]). Дикія толпы татаръ забирали скотъ хлѣбъ, врывались въ дворы бояръ, уводили въ плѣнъ

[24]) Истор. о през. бр.—Annal. Polon. Clim. I. 194—198.

[25]) Annal. Polon. Clim. I. 198.—Лѣтоп. пов. о Мал. Росс.—Народ. дума см. Южнор. пѣсни, изд. Метлинскаго, 393.

[26]) Лѣтоп. самов. 16.

людей, не щадили и церквей. Пылали города и села; удерживались только крѣпкіе замки. Главное войско приблизилось къ Яссамъ: напрасно Лупула умолялъ Потоцкаго прибыть для спасенія его.

„О Потоцькій! Потоцькій! или у тебя розумъ жиноцькій?“ такія слова влагаетъ ему въ уста народная дума; „ты себѣ пируешь, а Хмельницкаго не останавливаешь! Вотъ ужъ онъ началъ пахать конскими копытами молдавскую землю и поливать ее кровью“ [27]). — „Ты не знаешь Хмельницкаго, а я знаю его (отвѣчалъ ему Потоцкій, по словамъ украинской лѣтописи): онъ убилъ моего сына, а потомъ и меня побѣдилъ и, помучивъ недѣлю на пушкѣ, отдалъ татарамъ въ плѣнъ, отъ котораго я избавился съ большимъ трудомъ“ [28]).

Въ самомъ же дѣлѣ Потоцкій сильно былъ занятъ укрощеніемъ хлоповъ. „Ему, говоритъ польскій лѣтописецъ, хотѣлось бы наказать и казаковъ, но король воспретилъ ему оборонять чужое просо, покинувъ свое.“ [29]).

Лупула, не видя ни откуда помощи, убѣжалъ изъ Яссъ. „О Яссы мои, Яссы! (восклицалъ онъ, по словамъ народной думы) были вы когда то красны, да ужь не будете такими, какъ посѣтятъ васъ казаки!“

Господарь скрылся въ буковомъ лѣсу и сидѣлъ въ засѣкѣ съ семействомъ и приближенными боярами, откуда выглядывалъ на зарево пылавшихъ жилищъ своихъ подданныхъ. Люди его, взобравшись на высокіе буки,

---

[27]) Максим. Украин. нар. пѣсни 41.

[28]) Истор. о през. бр.

[29]) Histor. Jan. Kaz. I. 127.

донесли ему, что уже горятъ Яссы [30]). „какъ новая Троя для прекрасной Елены", по выраженію польскаго историка.

„Что дѣлать?" спрашивалъ господарь.

Было у него два поляка, Кутнарскій и Доброшевскій, которымъ онъ довѣрялъ по домашнимъ дѣламъ; они предложили единственное средство—согласиться на требованія Хмельницкаго.

Казацкій гетманъ тогда съ Нуреддиномъ стоялъ на границахъ Молдавіи, въ Ямполѣ. Пришло посольство отъ господаря; письмо Лупулы было столько же унизительно, сколько прежнія его письма были высокомѣрны: онъ самъ предлагалъ теперь дочь въ замужество за Тимоѳея и десять тысячъ талеровъ. Другіе послы явились къ татарамъ и отсчитали 180,000 талеровъ. Такимъ образомъ господарь удовлетворилъ всѣхъ. Хмельницкій былъ доволенъ обѣщаніемъ, турки видѣли покорность владѣтеля Молдавіи, который обязывался находиться въ повиновеніи у султана; казаки и татары удовольствовались добычею. Только Лупула горько плакалъ надъ пепелищемъ столицы и роптадъ на поляковъ, которые побуждали его враждовать противъ Хмельницкаго а въ бѣдѣ оставили на произволъ побѣдителя [31]). Тѣмъ не менѣе, онъ написалъ Потоцкому, что готовъ сейчасъ нарушить свой

[30]) Ibid. 125.

[31]) Annal. Polon. Clim. I. 199.—Pam. do pan. Zygm. III. Jan. Kaz. II. 138.—Histor. Jan. Kaz. I. 125.—Bell. scyth. cosac. 100—103.—Woyn. dom. ч. 2. 25.—Лѣтоп. самов. 16.—Pam. o wojn. kozac za Chm. 74.—Крат. опис. о казац. мал. нар. 40.—Лѣтоп. пов. о Мал. Росс. 149.—Истор. о през. бр.—Pam. Albr. Radz. II. 425.

договоръ съ Хмельницкимъ, если только можетъ надѣяться, что Польша подастъ ему помощь и защиту [32]). „Онъ (говоритъ лѣтописецъ) имѣлъ привычку кланяться тому, кто сильнѣе—такова всегда судьба народа, живущаго посреди сильныхъ: съисподу дымъ выѣдаетъ глаза, а сверху каплетъ“ [33]).

„Вотъ была слава! (восклицаетъ народная дума) тогда казачество не давало себя на смѣхъ никому, а топтало ногами непріятеля; такъ то Хмельницкій хорошо сдѣлалъ: Польшу побѣдилъ, Волощину засмутилъ, Гетьманщину взвеселилъ“ [34]). „Недаромъ (замѣчаетъ безпристрастный украинскій лѣтописецъ) казаки побратались съ врагами христіанской вѣры“ [35]).

Съ тѣхъ поръ рушился предполагаемый союзъ крымцевъ съ Польшею. Султанъ Калга заключилъ „побратымство“, какъ говорили тогда, съ Хмельницкимъ. Татары были довольны, что казаки скорѣе поляковъ дали имъ способъ обогащаться чужимъ; а ханъ, Исламъ Гирей, хотя и побаивался, что Русь сдѣлалась сильна, но не смѣлъ дѣйствовать на перекоръ Хмельницкому, потому что турецкій дворъ почиталъ Украину будущею данницею Турціи и повелѣвалъ крымскому хану находиться съ Хмельницкимъ въ дружескихъ сношеніяхъ, какъ съ союзникомъ и подручникомъ порты.

Когда Потоцкій стоялъ у Каменца, а Хмельницкій у Ямполя, соперники не начинали никакого враждебнаго

---

[32]) Jak. Michal. 577.

[33]) Histor. Jan. Kaz. I. 125.—Annal. Polon. Clim. I. 199.

[34]) Собр. украин. пѣсенъ. Максим. 73.

[35]) Лѣтоп. самов. 16.

дѣла. Хмельницкій побаивался, что Потоцкій вмѣшается въ дѣло съ Лупулою, однако обошлось безъ всякихъ непріязненныхъ выходокъ со стороны поляковъ, и казацкій предводитель, вовратившись въ Украину, хотѣлъ показать, что, несмотря на войну съ союзникомъ Польши, онъ все таки не думаетъ разрывать зборовскаго мира; онъ издалъ новый универсалъ, въ которомъ писалъ, что мятежи хлоповъ, усилившіеся въ послѣднее время, когда онъ находился въ походѣ, происходили противъ его воли, приказывалъ хлопамъ повиноваться шляхтѣ и грозилъ непослушнымъ казнью [36]).

Но, въ то же время, онъ отправилъ къ Потоцкому Кравченка какого то казацкаго чиновника. Вмѣстѣ съ нимъ поѣхалъ и посланецъ отъ Калги.

Гордый казакъ, явившись къ гетману, не поклонился и не сдѣлалъ ему должнаго привѣтствія, а тотчасъ заговорилъ грубымъ голосомъ:

— Или ты еще не напился крови нашей, панъ гетманъ! Зачѣмъ нарушаешь зборовскій договоръ?

Панъ замѣтилъ, чтобъ онъ обращался вѣжливѣе. Кравченко продолжалъ:

— Гетманъ Хмельницкій удивляется, для чего войско польское стоитъ на границѣ, когда нигдѣ не слышно о непріятелѣ?

— Не знаю, чему удивляется Хмельницкій, сказалъ коронный гетманъ:—развѣ ему неизвѣстно, что по старинному обычаю, войско польское должно стоять на границѣ королевства даже и въ мирное время до самой зимы?

[36]) Память. кіевск. комм. П. 3. 58—63.

— Рѣчь Посполитая, сказалъ Кравченко:—можетъ положиться на казаковъ: они служатъ пограничною стражею и защищаютъ отечество.—

— Какіе это защитники,—возразилъ Потоцкій:—когда они дѣлаютъ насилія дворянству и принуждаютъ бѣжать владѣльцевъ, когда въ моемъ нѣжинскомъ староствѣ вооруженною рукою выгнали подстаросту?

— Хмельницкій и казаки,—отвѣчалъ Кравченко:—не дѣлаютъ насилія дворянству; а если панскіе подданные такъ поступаютъ, то зачѣмъ паны мучатъ и утѣсняютъ народъ? Владѣльцы должны ласково и кротко обращаться съ поселянами, потому что они хотя и подданные ихъ, а въ ярмо шеи класть не станутъ.—

Потоцкій не хотѣлъ вступать въ разсужденія съ казаками объ этомъ предметѣ и сказалъ:

— Прежде я спрошу тебя: съ чего это Хмельницкій, который хвастаетъ своею вѣрностью, собираетъ полки?. Составляются партіи, вся Украина вооружается? По какому праву казацкій гетманъ ходилъ въ Молдавію? Если онъ что нибудь предпринималъ, то долженъ былъ посовѣтоваться со мною, какъ съ главнокомандующимъ войскъ. Пусть онъ не надѣется меня одурачить. Я понимаю, къ чему это клонится.—

Послѣ того подошелъ татарскій посланецъ.

— Султанъ оскорбился обидами, которыя вы наносили казакамъ, и принимаетъ ихъ такъ, какъ бы дѣлали тоже татарамъ,—сказалъ онъ.

— А для чего это султанъ Нуреддинъ вступилъ въ украинскія степи съ тридцатью тысячами татаръ? спросилъ Потоцкій.

— Они, съ позволенія казаковъ, пасутъ лошадей;—отвѣчалъ татаринъ.

— Но теперь миръ между ханомъ и королемъ,—возразилъ Потоцкій:—вы не должны занимать нашихъ пастбищъ, а мы вашихъ.—

— Земля казацкая есть также земля татарская: казаки ни въ чемъ не отказываютъ татарамъ, своимъ союзникамъ,—сказалъ Кравченко:—напротивъ, по зборовскому договору, польскія войска не должны стоять за линіею, а ваши жолнеры переходятъ черту: это противно договору.—

— Земля никогда не была казацкою,—съ гнѣвомъ сказалъ Потоцкій:—земля принадлежитъ Рѣчи Посполитой. Имѣю право стоять на линіи и за линіею. Не я самъ собралъ здѣсь войско, а король мнѣ это приказалъ; не сойду отсюда, пока не получу отъ его величества иного приказанія.—

Въ спорѣ съ казакомъ, коронный гетманъ чуть было не схватился за саблю, но удержался: онъ разсудилъ, что, быть можетъ, Хмельницкій нарочно прислалъ такого молодца, чтобъ раздражить его [37]).

Отправивъ Кравченка, коронный гетманъ доносилъ королю о новыхъ притязаніяхъ Хмельницкаго, извѣщалъ, что казацкій гетманъ дѣйствительно отдался въ протекцію Турціи, что вся Украина волнуется, и что хлопы вовсе не думаютъ о повиновеніи панамъ. Дворяне безпрестан-

---

[37]) Bell. scyth. cosac. 108—110.—Кратк. опис. о каз. мал. нар. 41.—Кратк. опис. о бунт. Хмельн. 29.—Woyn. dom. ч. 2. 6.—Annal. Polon. Clim. 198.—Pam. do pan. Zygm. III. i Jan. Kaz. II. 137.—Histor. Jan. Kaz. I. 124.—Истор. о през. бр.

но жаловались на подданныхъ. Вишневецкій, богатѣйшій изъ всѣхъ магнатовъ, представлялъ, что онъ не получаетъ вовсе никакихъ доходовъ.

Всѣ въ Польшѣ сознавали необходимость войны. Янъ Казимиръ хотѣлъ еще продлить время, потому что финансы и войско не были въ порядкѣ; жолнеры не хотѣли служить безъ чистыхъ денегъ и не вѣрили ассигнаціямъ и роспискамъ, такъ что Потоцкій, прежде удерживавшій ихъ, потомъ самъ вынужденъ былъ сказать: „вижу, что голодный жолнеръ не слушается команды" [38]). Въ этихъ обстоятельствахъ, король рѣшился собрать сеймъ для разсужденія о дѣлахъ отечества, а между тѣмъ хотѣлъ, до поры до времени, усыпить Хмельницкаго и послалъ къ казацкому гетману собственноручное письмо такого содержанія:

„Я не ожидалъ отъ тебя, благородный гетманъ, чтобъ ты нарушилъ такъ недавно поставленный миръ. Въ Украинѣ изъ едва потухшаго пепла опять появляются искры; дворянство терпитъ оскорбленія отъ подданныхъ, казаки самовольно воюютъ. Безъ моего позволенія ты принялъ въ Украину татаръ и послалъ ихъ съ казаками въ Молдавію опустошать огнемъ и мечомъ владѣнія союзника Рѣчи Посполитой. Напоминаю тебѣ, гетманъ, твою обязанность: распусти казачество, потуши начатки мятежа и накажи бунтовщиковъ, поднявшихъ оружіе на владѣльцевъ" [39]).

Хмельницкій принялъ это письмо съ обычнымъ почтеніемъ; но уже прошло нѣсколько мѣсяцевъ послѣ его по-

---

[38]) Histor. Jan. Kaz. I. 127.

[39]) Belli scyth. cos. 111.

слѣдняго универсала къ народу: этотъ универсалъ только больше раздражалъ непокорныхъ хлоповъ. Хмельницкій ясно увидѣлъ невозможность удержаться въ мирѣ съ Польшею на основаніи зборовскаго договора, отдавшаго большую часть народонаселенія Украины подъ власть пановъ. Съ самаго перваго объявленія крестьянамъ о возвращеніи ихъ въ прежнее подданство, онъ нѣсколько разъ издавалъ универсалы о покорности владѣльцамъ, безпрестанно наказывалъ непослушныхъ — все было напрасно. Виновныхъ было такъ много, что власть Хмельницкаго не могла съ ними сладить. Гетманъ началъ явно потакать освобожденію народа отъ пановъ. Онъ примирился съ Нечаемъ посредствомъ кіевскаго митрополита. Буйство усилилось. Дворяне бѣжали изъ Украины и самъ Кисель, услыша о потачкѣ со стороны Хмельницкаго, ушелъ изъ Кіева въ свое волынское помѣстье, Гущу [40]).

Хмельницкій рѣшился потребовать уничтоженія уніи и зная. что поляки не согласяться на его требованія, приготовлялся къ войнѣ и обезопасивалъ Украину дипломатическими сношеніями. Полковникъ Джеджалыкъ поѣхалъ въ Константинополь, и турецкій дворъ обѣщалъ, въ случаѣ войны съ поляками, помощь и приказаніе господарямъ валахскому и молдавскому содѣйствовать Хмельницкому [41]). Хмельницкій вступилъ въ новыя сношенія и съ Ракочи, возбуждалъ въ немъ неудовольствіе противъ Польши за предпочтеніе Яна Казимира при выборѣ короля, и представлялъ ему возможность

[40]) Annal. Polon. Clim. I. 202.—Pam. do pan. Zygm. III. Wlad. IV i Jan Kaz. II. 141.—Stor. delle guer. civ. 229.

[41]) Лѣт. нов. о Мал. Росс. 174.

напасть на Краковъ [42]). Наконецъ, онъ завелъ сношенія съ Швеціею: по его настроенію отправлены были въ Стокгольмъ послы отъ татаръ [43]): это было начало тѣхъ сношеній Хмельницкаго съ шведами, которыя впослѣдствіи были такъ пагубны для Польши.

Всѣ эти тайныя сношенія стали извѣстны полякамъ тотчасъ же. Потоцкій получалъ чрезъ своихъ агентовъ вѣрныя извѣстія о дипломатическихъ дѣйствіяхъ украинскаго гетмана и сообщалъ ихъ королю. „Ясное дѣло (писалъ онъ въ заключеніи своего донесенія), что Хмельницкій хитритъ, какъ лисица, и обманываетъ поляковъ до тѣхъ поръ, пока не увидитъ удобнаго случая довести до конца свои намѣренія. Если только у поляковъ есть еще разумъ и силы, то слѣдуетъ напасть на Хмельницкаго и уничтожить казачество. Если мы будемъ медлить и не станемъ дѣлать того, что надобно, то насъ ожидаютъ печальныя послѣдствія коварства Хмельницкаго“ [44]). Въ ноябрѣ Исламъ-Гирей заговорилъ съ польскимъ королемъ уже не тѣмъ дружелюбнымъ тономъ, какъ прежде. „Мы отправили было—писалъ онъ—нашего брата султана Калгу, чтобъ онъ, соединившись съ запорожскимъ войскомъ шелъ на Москву, въ то время какъ вы, братъ нашъ пойдете на нее съ другой стороны, но гетманъ запорожскій, готовясь садиться на коня, узналъ по вѣстямъ, дошедшимъ до нашего брата султана Калги, что польскіе паны въ трехъ миляхъ отъ него собираютъ войско, сказалъ, что онъ отъ этого войска въ опасности и

[42]) Woyn. dom. Ч.

[43]) Histor. ab exc. Wlad. IV. 65.—Annal. Polon. Clim. I. 206.

[44]) Histor. ab. exc. Wlad. IV. 66.

не пошелъ на войну вмѣстѣ съ султаномъ Калгою. Если дѣйствительно казакамъ запорожскимъ угрожаетъ опасность отъ васъ, нашего брата или отъ какихъ нибудь пановъ вашихъ, то это очень не хорошо. Между нами на томъ и миръ состоялся, чтобъ казаки спокойно сидѣли въ своихъ домахъ и ни одинъ вашъ панъ или староста не смѣлъ начинать никакой войны во вредъ имъ. Если сдѣлаете имъ что нибудь дурное, то и договоръ нашъ, утвержденный присягою, нарушается. Кто казакамъ запорожскимъ станетъ дѣлать какія нибудь непріятности, тотъ намъ, татарамъ, не другъ и братъ“ [45]).

Король оповѣстилъ собраніе чрезвычайнаго сейма. Онъ издалъ тогда универсалъ, изъ котораго поляки собравшись на предварительныя сеймики могли видѣть положеніе отечества и приготовиться къ важному дѣлу. Смыслъ этого универсала былъ таковъ: „Къ намъ приходятъ вѣрныя и несомнѣнныя извѣстія о непрестанныхъ козняхъ закоренѣлаго и заклятаго врага Рѣчи Посполитой, о чемъ извѣщаемъ всѣхъ нашимъ писаніемъ. Рѣчь Посполитая уже понесла много непоправимаго вреда отъ союза Хмельницкаго съ татарами. Въ недавнее время, пустивъ слухъ, будто хочетъ идти на Москву вмѣстѣ съ татарами, онъ внезапно бросился на доброжелательнаго Рѣчи Посполитой господаря Молдавскаго и оружіемъ вынудилъ у него обѣщаніе, отдать дочь за его сына. Если это станется—какая тогда опасность будетъ угрожать Рѣчи Посполитой, каждый можетъ разсудить. Недовольный этимъ нашъ врагъ ищетъ еще и другихъ способовъ увеличить свое могущество, ко вреду Рѣчи Поспо-

---

[45]) Jak. Michal. 574.

литой. Онъ отдался подъ протекцію турецкаго императора, принималъ турецкихъ пословъ въ присутствіи нашихъ пословъ, отправлялъ своихъ пословъ въ Константинополь съ изъявленіемъ покорности Портѣ, и держитъ тамъ своихъ резидентовъ для совѣщанія. Кромѣ того, недавно чрезъ наши земли проѣзжало посольство отъ татарскаго хана въ Швецію; послы не хотѣли открыть предмета своего посольства, и мы разумѣемъ это не иначе какъ такъ, что Хмельницкій побудилъ отправить это посольство съ цѣлью возбужденія шведовъ противъ Рѣчи Посполитой. Наконецъ, подстрекаемая имъ чернь опять начинаетъ неистовствовать и уже истребила десятки шляхетскихъ семей съ женами и дѣтьми, едва только они, полагаясь на мирный договоръ, прибыли въ свои имѣнія. При такихъ замыслахъ и козняхъ, нельзя на будущую весну ожидать ничего инаго, кромѣ новой войны отъ казаковъ въ соединеніи съ оттаманскими и татарскими вспомогательными силами. Сверхъ того и другихъ сосѣдей надобно остерегаться и заранѣе предпринимать мѣры, а то не время будетъ собираться на сеймъ и разсуждать, когда непріятель явится въ срединѣ Рѣчи Посполитой. Донося вамъ объ этихъ опасностяхъ, желаемъ, чтобы вы поскорѣе измыслили средства къ ихъ отвращенію“ [46]).

Въ декабрѣ открылся сеймъ. Каждый спѣшилъ въ Варшаву подать свой голосъ въ важномъ дѣлѣ: о цѣлости Рѣчи Посполитой.

Всѣ равно были раздражены противъ Хмельницкаго,

---

[46]) Jak. Michal. 580—581.

но не всѣ равно горячо принимались за мысль о войнѣ съ нимъ.

Пока время проходило въ совѣщаніяхъ, донесли, что казацкіе послы прибыли съ прошеніемъ. Это были старшины Марковичъ, Гурскій и Дорошенко. Нѣкоторые сенаторы до того воспламенились мыслью о необходимой во всякомъ случаѣ войнѣ, что не совѣтовали принимать ихъ. „Это шпіоны (говорили они): они пріѣхали сюда съ цѣлью вывѣдать что дѣлается на сеймѣ и какое будетъ его рѣшеніе“ Но король представлялъ, что ихъ слѣдуетъ выслушать.

„Казаки (говоритъ польскій лѣтописецъ) явились съ видомъ покорности и почтенія, проговорили рѣчь, превозносили въ ней великодушіе и благодѣянія къ себѣ короля, а потомъ, потупя глаза въ землю, поднесли съ благоговѣніемъ прошеніе отъ лица Хмельницкаго и всего казачества“ [47]). Оно заключало въ себѣ такой смыслъ: „Пусть архіепископы гнѣзненскій и львовскій, епископъ краковскій, великіе гетманы коронный и литовскій, воевода Ляндскоронскій и подканцлеръ коронный утвердятъ присягою миръ, между Рѣчью Посполитою и войскомъ запорожскимъ, а заложниками мира пусть будутъ князь Вишневецкій, издавна нежелавшій смутъ и милостиво обращавшійся съ войскомъ запорожскимъ и своими подданными; панъ коронный хорунжій Конецпольскій, который привезъ намъ стародавнюю привилегіею на Чигиринъ, гдѣ пусть и жительствуетъ, и паны: староста бѣлоцерковскій Любомирскій и обозный коронный (Ка-

---

[47]) Pam. do pan. Zygm. III. Wlad. IV i Jan. Kaz. 2. 143.

линовскій), которые пусть пребываютъ въ своихъ маетностяхъ. Всѣ они должны жить у насъ безъ войска и хоругвей, безъ большой дворни и ассистенціи, какъ заложники, и обращаться хорошо съ нами.

Просимъ, чтобы унія, давняя причина всѣхъ золъ была совершенно уничтожена, какъ въ Коронѣ такъ и въ Княжествѣ литовскомъ и всѣ епископства, каѳедры, церкви—были возвращены, чтобъ господа униты впередъ себѣ ничего не присвоивали коварствами и хитростями и вѣра наша не подвергалась никакимъ утѣсненіямъ». Свободное русское богослуженіе должно безпрепятственно отправляться по старинѣ, сообразно своимъ обрядамъ во всѣхъ городахъ Короны и Великаго Княжества литовскаго. Духовные и свѣтскіе паны римскаго вѣроисповѣданія въ имѣніяхъ, какъ королевскихъ, такъ и дѣдичныхъ не должны принуждать къ повиновенію себѣ духовныхъ русской нашей вѣры, брать съ нихъ даней и десятинъ съ церковныхъ имѣній. По уничтоженіи уніи въ Коронѣ и Великомъ Княжествѣ литовскомъ, униты немедленно должны возвратить неунитамъ всѣ епархіи каѳедры, церкви, земли и имущества, а кто окажется непослушнымъ, того по конституціи слѣдуетъ судить, и казнить жестоко. Священники древней русской религіи должны пользоваться такими же правами, какъ и римско-католическіе и не подчиняться свѣтскимъ законамъ, а жолнеры у нихъ не должны занимать стоянокъ.

Просимъ возвратить къ львовской каѳедрѣ село Перетынско и капитулѣ галицкой село Кцеловъ, сообразно привилегіи князя Льва ея основателя.

Доносимъ вашему величеству, что народъ русскій терпитъ большія утѣсненія отъ пановъ духовныхъ и

свѣтскихъ. Просимъ покорно, чтобъ они отнюдь не мстили. Если мы по милости вашего величества получимъ отдѣльную линію, то просимъ, чтобъ и за этою линіею, наши духовные и вся Русь оставались свободными при своихъ обрядахъ, чтобъ отъ унитовъ не было никакого утѣсненія, ибо въ чужихъ земляхъ нигдѣ не дѣлается такого угнѣтенія и преслѣдованія вѣрамъ, какъ въ нашей землѣ. Доносимъ еще вашему величеству, что пріятели наши изъ сосѣднихъ земель сообщали намъ, что изъ Польши послано просить помощи противъ кого то, неизвѣстно съ вѣдома, или безъ вѣдома вашего величества. Просимъ ваше величество все это намъ простить, ибо мы такъ поступаемъ по долгу подданства; извольте охранить насъ, вѣрныхъ подданныхъ, отъ всякихъ обидъ, иначе мы, спасая свои головы, должны будемъ, въ предупрежденіе зла, искать себѣ пріятелей" [48]).

Эти статьи произвели въ сенатѣ величайшее волненіе.

— Вотъ, наконецъ, до чего дошли казаки (кричали сенаторы): имъ недостаточны зборовскія статьи — они хотятъ присяги, заложниковъ! Но что же значитъ присяга пановъ, когда слово монарха, которое для подданныхъ должно быть высочайшимъ закономъ, они считаютъ нарушеннымъ? Эти требованія казаковъ напоминаютъ басню, въ которой волки заключаютъ миръ съ пастухами для того, чтобъ послѣдніе удалили собакъ. Такія требованія есть чисто плодъ безумной и наглой го-

---

[48]) Jak. Michal. ks. Pam. 593.

ловы, которая посылаетъ ихъ въ насмѣшку надъ королемъ и представителями Рѣчи Посполитой?

„Какъ? (говорили послы) такъ мы будемъ игрушками Хмельницкаго? такъ мы ему позволимъ это? простимъ ему измѣну и наглость? отдадимъ ему оплотъ нашъ отъ невѣрныхъ, Украину, которую онъ даритъ Оттоманской Портѣ? О, конечно, согрѣшили мы предъ Богомъ, терпимъ мы наказаніе его за наши преступленія. Покоримся, покаемся, братья: онъ не излилъ еще на насъ полный фіалъ своего гнѣва; онъ не отдалитъ отъ насъ своего милосердія“ [49]).

Въ одно время съ казацкимъ прошеніемъ явилась депутація отъ Киселя съ мнѣніемъ воеводы относительно успокоенія отечества. „Тогда (говоритъ лѣтописецъ) паны увидѣли, что Кисель какъ былъ схизматикъ, то и выказывалъ всегда свой схизматическій духъ“.

Кисель находилъ, что отечество въ такой опасности, что надобно во многомъ уступить Хмельницкому. Онъ совѣтовалъ согласиться на заложниковъ, чтобъ они жили въ украинскихъ имѣніяхъ, но могли носить почетное званіе коммиссаровъ. Онъ надѣялся склонить Хмельницкаго подарками и деньгами, чтобъ онъ перевелъ всѣхъ своихъ казаковъ изъ панскихъ имѣній въ королевскія и, такимъ образомъ, прекратилъ бы возбужденія хлоповъ къ мятежу. Но Кисель считалъ неизбѣжнымъ уничтоженіе уніи „Ссылаюсь на тѣхъ“, писалъ онъ— „которые были со мною вмѣстѣ подъ Зборовомъ; тогда состоялась безусловно статья объ уничтоженіи уніи; гетманъ запорожскій иначе не хотѣлъ мириться, какъ

---

[49]) Woyna dom. Ч. 2. 9.

только съ тѣмъ, чтобы присягнули на этомъ король и мы всѣ. Я съ трудомъ отклонилъ присягу и отложилъ уничтоженіе уніи до разговоровъ объ этомъ съ митрополитомъ. Въ Кіевѣ съ большими затрудненіями я довелъ дѣла до того, что вопросъ о вѣрѣ сталъ вопросомъ о церковныхъ имуществахъ; я было предлагалъ различіе имуществъ: чтобъ послѣ умершихъ владѣльцевъ-унитовъ они получались не унитами, а при живыхъ—униты были бы въ ожиданіи и тогда я чуть было не лишился жизни. Что дано и дозволено на сеймѣ — то не исполнено. Чернь мятется. Я всегда желалъ и желаю, чтобъ Русь была въ единствѣ съ Польшею, а не желаю, чтобъ она уничтожалась. Если цѣлый народъ и клиръ противится уніи, а противъ народа стоитъ какой нибудь десятокъ-другой духовныхъ особъ, ради церквей и деревень — скажите, ради Бога. что лучше: уступить ли церкви и деревни, которыхъ наберется не болѣе двадцати или тридцати въ оныхъ епархіяхъ, или же, ради этихъ церквей, пусть тысячи костеловъ будутъ опустошены? Если есть способъ, согласный съ онымъ католическимъ исповѣданіемъ, которому и я, по милости Божьей, благопріятствую, пусть тѣ господа изъ Руси, кто только знаетъ, какъ онъ вѣритъ и умѣетъ объясниться, соединятся съ цѣлымъ народомъ и клиромъ, а Рѣчь Посполитая останется въ покоѣ. Въ самомъ дѣлѣ, перейти отъ обряда къ обряду, все равно, что одно платье скинуть, а другое надѣть. Такъ лучше поступить, когда вѣра одна и та же, чѣмъ подвергать крайней опасности Рѣчь Посполитую. Пусть Богъ лишитъ меня вѣчной жизни, если я не считаю обѣ вѣры за одно и тоже по существу — разница въ обрядахъ; и у той и другой

церкви—одинъ глава Христосъ, одно пріемство отъ апостоловъ, одни вселенскіе учители, одно ученіе; одна безъ сущности другой существовать не можетъ; я только придерживаюсь обряда, въ которомъ родился и терплю то, что приходится терпѣть, а другіе не могутъ терпѣть и думаютъ, что дѣдовская вѣра чрезъ то уничтожается. Что же тутъ дѣлать? Не повѣсить же въ свободной націи всю Русь и не подвергать же Рѣчь Посполитую вѣчной опасности" [50]).

Это письмо взволновало посольскую избу. „Какъ козелъ не будетъ бараномъ, такъ схизматикъ не будетъ искреннимъ защитникомъ католиковъ и не можетъ охранить шляхетскія вольности, будучи одной вѣры съ бунтовщиками хлопами"—говорили паны. „Вѣра есть даръ Духа святаго, а Духъ святый—іероглифъ вольности—гдѣ хочетъ и какъ хочетъ даетъ вдохновеніе. Какъ! для схизматиковъ, для глупаго хлопства дѣлать рабами шляхту, не позволять ей вѣрить, какъ повелѣваетъ Духъ святый,—а пусть вѣритъ какъ предписываетъ пьяная, сумасшедшая голова Хмельницкаго! Вотъ проявился какой докторъ чертовской академіи, холопъ, недавно отпущенный на волю, хочетъ отнять у поляковъ даръ Божій вѣру святую! Имъ не нравится слово унія, а намъ не нравитсь схизма: пусть отрекутся безумнаго ученія своего схизматика, патріарха, оскверненнаго аріанскою ересью, посвященнаго бусурманскою властью, пусть соединяется съ западною церковью и назовутся правоверные. На это Польша согласна, а Кисель кіевскій воевода, что это хочетъ быть проповѣдникомъ казацкаго ученія?"

---

[50]) Jak. Michal. 587.

Въ сенаторской избѣ уничтоженіе уніи возбудило также толки.

— Требуютъ уничтожить унію, источникъ и начало зла (разсуждали сенаторы)! Не можетъ быть проченъ миръ гражданскій тамъ, гдѣ нарушается религіозный. Въ угодность заклятому врагу, мы должны насиловать совѣсть, распространять заблужденіе, нарушать основаніе закона: чего себѣ не хочешь, того другому не дѣлай. Но еслибъ мы этого и хотѣли, то въ правѣ ли такъ поступать? Унія русскихъ съ римскою церковью установлена въ національномъ сунодѣ и утверждена св. отцомъ. Пусть такимъ образомъ и уничтожается! [51])".

Домогательства русскихъ уничтожить унію тронули щекотливую струну польскаго сердца, фанатически-приверженнаго въ тотъ вѣкъ къ католической религіи. Всѣ единодушно были проникнуты негодованіемъ. Въ то время были открыты хитрости Верещаки; перехвачена переписка. Его заточили въ маріенбургскую крѣпость.

— Вотъ что дѣлаютъ эти защитники раскола (говорили тогда паны): они всѣ злодѣи, всѣ измѣнники!

— О, не потерпи король, монархъ нашъ, такого гнуснаго униженія! (кричали въ посольской избѣ) Ты принялъ на себя долгъ охранять свободный народъ; ты долженъ быть полнымъ королемъ нашей націи и не раздѣлять своей короны съ кѣмъ бы то ни было, тѣмъ болѣе съ холопомъ. Препоясуй мечъ свой: мы идемъ за тобою: насъ много у тебя; пойдемъ всѣ поголовно, и юноши, и мужи, и старцы, за вольность нашу: нака-

---

[51]) Annal. Polon. Clim. I. 211.

жемъ эту наглую сволочь! Пусть не брыкаетъ Хмельницкій; въ горло ему заткнемъ его дерзкое требованіе!

Мысль о защитѣ римско-католической церкви и шляхетской свободы, породила рѣдкое между поляками единодушіе.

24-го декабря, въ послѣднее засѣданіе сейма, война была объявлена всѣми голосами. Сеймъ положилъ созвать посполитое рушенье и собирать временныя подати для платы регулярному войску. Такъ какъ это было противно обыкновенію, то нѣкоторые сначала стали представлять несообразность двухъ повинностей разомъ, приводя обыкновенную пословицу: „съ одного быка драть двѣ кожи". Но король, въ примѣръ прочимъ, пожертвовалъ значительную сумму на содержаніе войска изъ собственныхъ доходовъ; вслѣдъ за нимъ сенаторы дали обѣщаніе принести пожертвованія съ своей стороны. Эти примѣры подѣйствовали на пословъ. Изъ любви къ отечеству и для спасенія его (какъ говорили они) прекратились споры и недоумѣнія. Установили мѣры собиранія податей посредствомъ провинціальныхъ сеймиковъ, опредѣлили строгое наказаніе всѣмъ, кто сталъ бы противиться или медлить взносомъ, а равнымъ образомъ и неисправнымъ сборщикамъ. Король и сенаторы предложили отъ себя еще, кромѣ дарованныхъ пожертвованій, плату иностраннымъ отрядамъ, которыхъ предположили пригласить изъ Германіи. Послѣ тридцатилѣтней войны скитались по Европѣ толпы наемныхъ войскъ, готовыхъ пристать къ тому, кто даетъ имъ жалованье, и служить со всею честностью, какъ бы и за собственное отечество. Это были остатки тѣхъ войскъ, которыми предводительствовали въ кровавую эпоху Гер-

маніи то католическіе, то протестанскіе полководцы. Этихъ то храбрыхъ, закаленныхъ въ бояхъ рубакъ, вызывали теперь король и паны противъ казаковъ. Наконецъ, положили отправить посольство въ Римъ и просить у папы денежнаго вспоможенія для такого дѣла, которое касалось, по мнѣнію поляковъ, не только спасенія христіанской державы, но вообще цѣлости и чести римско-католической церкви. Другое такое же посольство, съ просьбою о денежномъ пособіи, было послано къ императору Фердинанду III.

Поляки разсуждали, что новонабранное войско требуетъ нѣкотораго времени для обученія; вообще надобно было помедлить, пока финансовыя и военно-административныя дѣла ихъ прійдутъ въ надлежащій порядокъ; а потому, по предложенію короля, сеймъ рѣшился еще разъ попробовать, нельзя ли, посредствомъ мирныхъ сношеній, заставить Хмельницкаго отказаться отъ своихъ требованій, или, по крайней мѣрѣ, задержать военныя дѣйствія казаковъ. Казацкимъ посламъ вручили такой отвѣтъ на присланное прошеніе:

„Если казаки не хотятъ довольствоваться зборовскими статьями, то король и Рѣчь Посполитая не имѣютъ средствъ удовлетворить ихъ. Что же касается новыхъ, неслыханныхъ предложеній Хмельницкаго и требованій подтвержденія существующаго договора, то королевству даже принимать ихъ унизительно. Если казаки не оставятъ духа мятежа и не приведутъ въ исполненіе зборовскихъ статей при коммиссарахъ, назначенныхъ отъ Рѣчи Посполитой, то Рѣчь Посполитая принуждена будетъ, для усмиренія ихъ, употребить силу“.

Казацкіе послы получили дворянское достоинство. По-

ляки желали расположить къ себѣ этихъ лицъ. По отъѣздѣ ихъ, отправились въ Украину и коммиссары, которыхъ начальникомъ былъ опять Кисель; но они еще не успѣли прибыть въ казацкую землю, какъ Хмельницкій уже узналъ, что сеймъ постановилъ воевать противъ него и не хочетъ принимать присланныхъ статей. Гетманъ, съ своей стороны, не хотѣлъ и не видѣлъ никакой возможности отрекаться отъ нихъ, а потому, не дожидаясь коммиссаровъ, созвалъ генеральную раду и объявилъ на ней, какъ водилось по казацкому обычаю, объ опасностяхъ грозящихъ Украинѣ.

„Вотъ, наконецъ“ говорилъ онъ: „панове-братья, намъ объявляется война; давно уже грозятъ намъ ею поляки, тая замыселъ отнять у насъ свободу, доблестно купленную нашею кровью. Уже ляхи перестали вести совѣты между собою, да пріискивать мѣры, чѣмъ и какъ уплатить войску, не спорятъ и о томъ, какъ нападать на нашу землю. Все порѣшили на послѣднемъ своемъ сеймѣ въ Варшавѣ, во всемъ согласились: и деньги платить, и помочь давать; продаютъ свои сокровища, вывозятъ дорогую утварь изъ краковскаго замка, чтобъ уплатить чужеземному войску и собрать своихъ подъ знамена; послали за пѣхотою въ нѣмецкую землю; набираютъ жолнеровъ въ Коронѣ и Литвѣ; все шляхетство идетъ въ посполитое рушенье съ оружіемъ и запасами. Какъ только соберутъ людей, тотчасъ нападутъ на насъ: думаютъ, чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше; хотятъ начать войну зимою, чтобъ мы не могли вести земляныхъ работъ, и чтобъ наши союзники татары, по недостатку подножнаго корма, не могли поспѣть къ намъ на помощь. Гроза большая наступаетъ на насъ и уже близ-

ко; надобно скорѣе браться за умъ! Что дѣлать? спрашиваю, братья, вашего совѣта. Ожидать ли намъ враговъ въ нашемъ отечествѣ, или опередить ихъ и самимъ на нихъ напасть?"

Одни говорили:

„Лучше намъ оставаться въ своей землѣ; укрѣпить границы и ждать ляховъ, тутъ они отъ холода и голода будутъ проподать пуще, чѣмъ отъ оружія. Поляки привыкли спать на печкѣ, жить въ довольствѣ; не вынесутъ они зимней стужи и голода, и разбѣгутся сами"

Другіе возражали:

„Не приходится намъ сидѣть спокойно, ожидая непріятеля и смотрѣть, какъ онъ, безъ всякаго отпора, начнетъ лить кровь нашихъ земляковъ. Это нанесетъ большой вредъ и людямъ, и имуществамъ, и убьетъ въ насъ бодрость духа, съ какою мы одолѣвали всякія трудности и добыли себѣ свободу. Гораздо лучше будетъ, когда мы сами пойдемъ въ непріятельскую землю: одно—то, что войско наше будетъ продовольствоваться добычею; другое—умножится слава наша, а съ нею и храбрость наша, а врагамъ нанесетъ страхъ и смятеніе. Если мы успѣемъ, на первый разъ, одолѣть ляховъ, то уже трудно будетъ возвратить жолнерамъ бодрость, а шляхтѣ надежду; одна дума о своей слабости дастъ противной сторонѣ средства къ побѣдѣ".

Послѣ всѣхъ разсужденій, рѣшили держаться линіи между кіевскимъ и брацлавскимъ воеводствами по Бугу, и укрѣпить эту сторону, сколько можно [52]).

Вслѣдъ за тѣмъ, Хмельницкій издалъ универсалъ, въ

[52]) Stor. delle guer.

которомъ объявилъ русскимъ о новой войнѣ. запрещалъ жить панамъ въ Украинѣ, исключая тѣхъ, которые отрекутся отъ своихъ правъ надъ хлопами и станутъ заодно съ казаками. и призывалъ весь народъ къ ополченію. Паны, которые не успѣли еще оставить, въ числѣ прочихъ, Украины, заранѣе бѣжали опрометью; нѣкоторые были убиты; со всѣхъ сторонъ стекались хлопы въ сборное мѣсто, назначенное у Ставищъ; девять тысячъ татаръ, передовой отрядъ крымской вспомогательной силы, былъ уже въ распоряженіи предводителя русскаго народа. Коммиссары увидѣли, что уже поздно переговариваться, побоялись ѣхать къ гетману и послали одного изъ нихъ, Маховскаго, къ митрополиту Сильвестру Коссову.

„Король, говорилъ онъ:—опуская на время поднятое оружіе, обращается къ тебѣ, достойный архипастырь: останови своими пастырскими совѣтами пролитіе христіанской крови и опустошеніе земли русской“.

Какъ ни должно было, повидимому, огорчать православнаго владыку пренебреженіе къ греческой вѣрѣ, но онъ и здѣсь не измѣнилъ своей кротости. Онъ умолялъ Хмельницкаго отложить всякую месть, а положиться на волю Божію .Хмельницкій, прочитавъ убѣжденіе митрополита, заплакалъ, какъ говоритъ польскій историкъ, и клялся. что долженъ воевать, единственно защищая отечество.

Маховсксій уѣхалъ прочь. Знакомый Богдану чаушъ опять явился въ Чигиринѣ. „Вы знаете“ писано было въ граматѣ падишаха, „что высокія врата умѣютъ оказывать милость друзьямъ и карать недруговъ. И такъ какъ вы секретно сообщили нашему чаушу Осману, что вы со всею искренностію отдаетесь подъ крылія покрови-

тельства высокихъ вратъ, то мы, принимая это отъ всего сердца и не сомнѣваясь въ вашей вѣрности, послали крымскому хану строгое приказаніе, чтобъ онъ не обращалъ очей и ушей своихъ къ Польшѣ, а напротивъ, если бы оттуда повѣялъ на васъ какой нибудь вѣтеръ, и поляки захотѣли бы притѣснить васъ или напасть на васъ, то ханъ обязанъ тотчасъ защищать васъ своимъ быстролетнымъ войскомъ. и пока вы будете вѣрны и преданы счастливымъ вратамъ нашимъ. до тѣхъ поръ— имѣйте безопасныя сношенія съ ханомъ: вы въ немъ не обманетесь. Посылаемъ вамъ поставъ злотоглава и кафтанъ и требуемъ. чтобы. вѣря настоящему нашему писанію, вы возложили на себя этотъ кафтанъ въ знакъ вѣрности, подобающей нашему подручнику, потому что вы писали къ блистательнѣйшимъ вратамъ нашимъ, что готовы давать намъ такую же дань. какую даютъ другіе христіанскіе подданные наши. а мы. узнавши о вашей вѣрности. будемъ этимъ довольствоваться. вы же будете держать при насъ своихъ достойныхъ людей".

Хмельницкій отправилъ въ Константинополь Антона Ждановича и какого то Павла Петровича съ толмачемъ благодарить падишаха [53]). Ихъ тамъ приняли съ знаками вниманія и дружелюбія. Но Исламъ-Гирей показывалъ неохоту идти на поляковъ; визирь приказывалъ ему, и онъ далъ невольное обѣщаніе явиться со всею ордою, и послалъ вызовъ къ полякамъ, подъ предлогомъ, что идетъ воевать за оскорбленіе казаковъ. своихъ союзниковъ. Хмельницкій не хотѣлъ принимать помощи отъ валах-

[53]) Рукоп. Арх. Иностр. дѣлъ.

скаго господаря Радула, зная вообще непостоянство валаховъ, а еще менѣе отъ Лупулы, который самъ набивался помогать казакамъ, но съ коварною цѣлью вредить имъ. Довѣрчивѣе онъ сошелся съ Ракочи: по договору, заключенному съ нимъ, седмиградскій князь долженъ былъ напасть на Краковъ въ то время, когда казаки будутъ громить Польшу съ востока.

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Начало непріязненныхъ дѣйствій. — Пораженіе и смерть Нечая.—Разореніе Ямполя.—Приступъ поляковъ къ Сцяпамъ.

Первыя непріязненныя дѣйствія съ обѣихъ сторонъ открылись въ февралѣ, 1651 года, въ Подоліи, землѣ, гдѣ отважный народъ не хотѣлъ признать зборовскаго договора и первый увлекъ своимъ примѣромъ южную русь къ новой брани съ поляками. Правительство польское намѣревалось начать войну ранѣе весны, чтобъ не допустить къ Хмельницкому турокъ и крымцевъ, которые не привыкли къ зимнему холоду и не могли обойтись безъ подножнаго корма для лошадей. Потоцкій и Калиновскій, съ тридцатью тысячами кварцяныхъ жолнеровъ, отправились къ Каменцу и раздѣлили войско на двѣ части: Потоцкій сталъ подъ Каменцомъ, а Калиновскій пошелъ въ Баръ и выдалъ универсалъ къ русскимъ жителямъ; онъ извѣщалъ ихъ, что польское войско вступитъ въ Украину, но единственно съ тѣмъ, чтобъ укрощать загоны и не будетъ оказывать непріязненныхъ дѣйствій, если простой народъ станетъ повиноваться владѣльцамъ, а казаки будутъ оставаться въ покоѣ на основаніи зборовскаго договора [1].

---

[1]) Annal. Polon. Clim. I. 223.—Woyna dom. Ч. 2. 11.

Услышавъ объ этомъ, брацлавскій полковникъ Нечай хотѣлъ предупредить вторженіе; онъ двинулся съ своимъ полкомъ на Баръ и посылалъ воззванія къ жителямъ тѣхъ мѣстъ, которыя не вошли въ границы украинскія по зборовскому миру. Хлопы стекались къ предводителю.

Брацлавскій воевода Ляндскоронскій, находившійся съ Калиновскимъ, послалъ, какъ начальникъ земли, къ казацкому вождю депутатовъ.

— Что это значитъ? говорили они:—Хмельницкій еще не давалъ вызова на брань, а ты уже вооружился съ своимъ полкомъ!

— Обманщики! отвѣчалъ Нечай:—не вы ли сами думаете напасть на насъ, а показываете видъ, будто ничего не знаете? Вы хотите уловить насъ коварною дружбою!

Депутаты не возвратились: Нечай приказалъ ихъ повѣсить въ присутствіи турецкаго коммиссара ([2])

Калиновскій, не допуская Нечая до Бара, пошелъ къ нему на встрѣчу ([3]).

Нечай, съ тремя тысячами, стоялъ въ мѣстечкѣ Красномъ и каждый день увеличивалъ свои силы. Наступила масляница. Казаки, по русскому обычаю, начали гулять. Полковникъ поставилъ передовую стражу въ Ворошиловкѣ, подъ начальствомъ сотника Шпаченка: онъ долженъ былъ наблюдать приближеніе непріятеля и извѣстить полковника. Поляки стояли въ Станиславчикѣ.

Гетманъ Калиновскій созвалъ военный совѣтъ и го-

---

[2]) Bell. scyth. cos. 122.—Истор. о през. бр.

[3]) Annal. Polon. Clim. I. 223.

ворилъ: „Дошла до насъ вѣсть, что хлопы собрались въ Красномъ, пьянствуютъ и празднуютъ масляницу, а насъ не боятся и не ожидаютъ, чтобъ мы на нихъ напали. Нападемъ на нихъ сонныхъ и пьяныхъ; побѣда достанется легко, а военнымъ она придастъ духа на передъ!“

Въ прощальное воскресенье, Нечай отправился на крестины. Казаки, съ часу на часъ, дожидались нападенія и уговаривали своего начальника не предаваться безпечности.

— Эй, пане Нечаю, говорили они:—держи коника въ сідлі, а шаблю підъ опанчею!

— У меня, отвѣчалъ Нечай:—есть Шпакъ, добрый хлопецъ: онъ мнѣ дастъ знать о тревогѣ!

Казаки послѣдовали примѣру начальника и начали пьянствовать.

Тѣмъ временемъ, Калиновскій отобралъ два отряда драгунъ, которые почти всѣ были нѣмцы, и польской конницы. По однимъ извѣстіямъ, каждый отрядъ имѣлъ двѣ тысячи человѣкъ, по другимъ всего отобраннаго польскимъ гетманомъ войска было семь тысячъ; узнавъ, что Шпаченко стоитъ въ Ворошиловкѣ съ малымъ отрядомъ, Калиновскій стремительно бросился на него и поразилъ этотъ передовой отрядъ такъ, что не осталось ни одного человѣка принести въ Красное вѣсть о несчастіи. Была ночь. Въ Красномъ никто не думалъ объ опасности, какъ уже передовые жолнеры овладѣли городскими воротами и изрубили безъ сопротивленія пьяную безъ чувствъ стражу. Драгуны были разставлены кругомъ города, а конные полки вступали въ городъ. Это было въ третьемъ часу по полуночи. Когда поляки вошли

въ городъ, то вдругъ залаяли и завыли собаки; пробудившіеся жители стали прислушиваться и явственно различали стукъ конскихъ копытъ и звукъ удилъ.

Ударили въ набатъ. Пьяные казаки схватились за оружіе. Предводитель сидѣлъ за ужиномъ „съ любезною кумою", по выраженію пѣсни.

— Гей, утікаймо, Нечаю, кричали казаки: — ляхи въ місті.

Бѣгство тогда еще имъ было возможно; но разгоряченный виномъ полковникъ, вскочивъ изъ-за стола, закричалъ:

— Утікати! Щобъ то козакъ Нечай утікавъ! Якъ можно славу свою козацькую підъ ноги топтати? Давай швидче коня, джуро! Виріжимъ всіхъ ляхівъ, таки всіхъ до одного! —

Онъ вскочилъ на своего буланаго, котораго не успѣли даже осѣдлать, и выѣхалъ на улицу, гдѣ казаки уже рѣзались съ жолнерами въ темнотѣ.

— О, та до-сына вражихъ синівъ! кричалъ Нечай. — А ну лишь, хлопці, биймо ихъ, якъ курей!

Онъ полетѣлъ впередъ на враговъ, собственноручно выбилъ изъ рукъ хорунжаго знамя, повалилъ его на землю; казаки, которымъ было море по колѣно, принялись „сікти на капусту ляхівъ", какъ выражается пѣсня, а между-тѣмъ жители палили на враговъ съ крышъ, изъ оконъ, съ заборовъ. Жолнеры попятились назадъ и пришли въ безпорядокъ; вся улица уложена была трупами; журчали ручьи крови. Поляки бѣжали, казаки преслѣдовали ихъ за городскую браму, какъ вдругъ позади ихъ въ городѣ сверкнуло пламя и раздались выстрѣлы.

Это былъ многочисленный польскій отрядъ изъ разогнанныхъ подольскихъ шляхтичей, подъ начальствомъ Коссаковскаго; въ то время, когда казаки и жители мѣстечка расправлялись съ жолнерами, они ворвались въ мѣстечко со всѣхъ сторонъ и зажгли его въ нѣсколькихъ мѣстахъ. Казаки воротились въ городъ, спотыкаясь на груды труповъ, а вытиснутое войско снова пришло въ порядокъ и обратилось на нихъ въ тылъ. Въ мѣстечкѣ сдѣлалось страшное смятеніе. Среди пылавшихъ строеній, казаки рѣзались отчаянно, отбиваясь отъ враговъ, наступившихъ на нихъ отовсюда; наконецъ стали уходить въ замокъ. Братъ Нечая палъ въ глазахъ его; полковникъ, изстрѣленный, изрубленный, еще отмахивался саблею; поляки силились взять его живьемъ и не взяли: умиравшій, онъ былъ отнесенъ въ замокъ и скончался, заповѣдавъ казакамъ предать послѣдній поклонъ осиротѣвшей матери.

Начальство надъ казацкимъ отрядомъ послѣ Нечая приняли сотники Гавратынскій и Кривенко. Три дня они мужественно защищались: враги напрасно предлагали имъ помилованіе; на четвертыя сутки, не видя ни откуда спасенія, казаки ночью вырвались изъ замка, но утромъ поляки догнали ихъ на озерѣ, покрытомъ тогда льдомъ. Русскіе всѣ погибли въ сѣчѣ: только сотники Гавратынскій и Тышко были схвачены и повѣшены.

Занявъ замокъ, поляки вошли въ церковь и нашли въ ней мертвое тѣло Нечая; попы, въ черныхъ ризахъ, отпѣвали казацкаго рыцаря. Поляки перебили этихъ священниковъ и потомъ ругались надъ ихъ трупами

и надъ трупомъ Нечая, дѣлая съ нимъ то, что воображали съ нимъ сдѣлать, еслибъ онъ попался къ нимъ живой. Народная пѣсня говоритъ, что русскіе предлагали полякамъ окупъ за тѣло Нечая, дабы похоронить его съ честью; но „*вражи ляхи*" (выражается украинская пѣсня) не взяли ни серебра, ни золота, искрошили рыцаря на мелкія части и пустили ихъ по водѣ; только голова Нечая спаслась отъ посрамленія: русскіе какъ то унесли ее и предали погребенію гдѣ-то въ церкви великомученицы Варвары, и произнесли надъ нею завѣтное прощаніе: „Прощай, казаче! Заживъ есчи великоі славы!" Все мѣстечко сгорѣло; враги истребили безъ разбора жителей; ихъ имущество, какое спаслось отъ огня, досталось побѣдителямъ [4])

Это пораженіе показалось для русскихъ дурнымъ предзнаменованіемъ. Казаки, подобно татарамъ и полякамъ, вѣрили, что первый успѣхъ или неуспѣхъ служитъ предзнаменованіемъ счастливаго или несчастнаго окончанія войны. Убійственное предчувствіе распространилось въ народѣ съ вѣстью о погибели брацлавскаго полковника. Говорили, что въ Кіевѣ передъ тѣмъ появилась кровь на главныхъ воротахъ [5]).

Кисель, находясь тогда въ своей Гущѣ, все еще надѣялся, авось либо можно дипломатическимъ искуствомъ остановить кровопролитіе и былъ пораженъ извѣстіемъ о судьбѣ Нечая. Онъ обратился къ митрополиту, убѣж-

---

[4] Annal. Polon. Clim. I. 223—225.—Woyna dom. Ч 2, 11.—Histor. belli cosac. polon. 127—128.—Histor. delle guer. civ. 237—242.—Народныя пѣсни.

[5]) Histor ab. exc. Wlad. IV. 72.

далъ его употребить пастырскія увѣщанія надъ Хмельницкимъ, писалъ къ Калиновскому, просилъ его пріостановить дальнѣйшія военныя дѣйствія, снестись и объясниться съ казацкимъ гетманомъ. По этому совѣту, Калиновскій писалъ къ Хмельницкому, доказывалъ, что разбитіе Нечая не должно считаться началомъ войны, что Нечай—своевольный бунтовщикъ, началъ войну безъ позволенія своего гетмана; Калиновскій припоминалъ, что Нечай еще прежде былъ непослушенъ Хмельницкому и поднималъ хлоповъ противъ пановъ. У Калиновскаго въ этомъ случаѣ не было ни мало искренности; онъ хотѣлъ поставить своего врага въ бездѣйствіе, чтобы тѣмъ временемъ нанести ему ударъ. Но Хмельницкій не былъ изъ тѣхъ, которыхъ можно прельстить и обмануть такими письмами. Когда митрополитъ, по просьбѣ Киселя, сталъ его увѣщевать, Хмѣльницкій письменно отвѣчалъ ему, что онъ не подалъ повода къ нарушенію мира и ожидалъ коммиссіи, какъ вдругъ поляки первые начали лить кровь. „Я согласенъ", выражался онъ, „и теперь ждать коммиссіи, но пусть польское войско отступитъ отъ линіи и не дѣлаетъ нападеній. Я дитя той же орлицы у которой оттоманскія руки общипали золотыя перышки: они скоро отростутъ, если только поссорившіеся братья, окончивъ вражду взаимнымъ прощеніемъ другъ другу, обнимутся по дружески" [6]). Отзываясь такъ чувствительно, Хмельницкій былъ увѣренъ, что война неизбѣжна и желая возвратить къ себѣ прежнее довѣріе народа выдалъ универсалъ, въ ко-

---

[6]) Jak. Mich. ks. pam. 634.

торомъ приказывалъ всѣмъ вооружиться поголовно за свободу русской земли и позволилъ истреблять всякіе остатки панскаго и католическаго въ земляхъ русскихъ [7]). Онъ разослалъ своихъ агентовъ и въ Польшу—волновать тамошнихъ простолюдиновъ, увѣряя ихъ будто казаки воюютъ не за одну Русь, а вообще за весь простой народъ Рѣчи Посполитой [8]).

Въ тоже время онъ послалъ къ хану, убѣждая его прибыть съ ордою, какъ возможно скорѣе.

„Польскаго войска не болѣе тридцати тысячъ (писалъ онъ); оно состоитъ изъ новобранцевъ и находится подъ командою Потоцкаго и Калиновскаго, которые недавно испытали татарскій плѣнъ и теперь не осмѣлятся показать лица передъ ордою; тѣ же, которые выдержали збаражскую осаду, уже погибли отъ трудовъ и нищеты. Теперь самое благопріятное время для войны. Король объявляетъ сборъ посполитаго рушенья; но вашему ханскому величеству извѣстно, какъ медленно и трусливо поляки собираются на войну. Если орда успѣетъ придти до прибытія посполитаго рушенья, то наше взаимное войско будетъ такъ велико, что десяти человѣкамъ придется бить одного, а если они одинъ разъ проиграютъ, то уже больше не поправятся. Все королевство польское, отъ Днѣстра до отдаленныхъ сѣверныхъ предѣловъ, отдадимъ подъ власть повелителя оттомановъ“ [9]).

Зная тайное недоброжелательство къ себѣ хана, Хмельницкій еще разъ отправилъ въ Константинополь

---

[7]) Histor. belli cosac. polon. 129.

[8]) Histor ab. exc. Wlad. IV. 73.

[9]) Histor, belli cosac. polon. 129.—Woyna dom. ч. 2. 12—13.

просьбу, чтобъ турецкое правительство принудило своего данника выступить поскорѣе на поляковъ, не теряя драгоцѣннаго времени.

Сколько пораженіе Нечая опечалило русскихъ, столько же обрадовало поляковъ. „Вотъ несомнѣнные признаки дальнѣйшихъ побѣдъ и успѣховъ!“ говорили въ Польшѣ. Калиновскій предлагая въ своемъ письмѣ къ Хмельницкому миръ въ тоже время писалъ въ Польшу, что онъ намѣренъ очистить отъ мятежниковъ подольскую землю, а потомъ пойдти въ средину Украины [10]). Письмо его произвело восторгъ въ Варшавѣ. Служили благодарственные молебны, при дворѣ отправлялись балы и праздники[11]), носились между шляхтичами утѣшительныя извѣстія; когда послѣ того не приходило долго вѣсти отъ войска— это приписывалось быстрымъ его успѣхамъ. „Теперь (говорили поляки) они, конечно, уже подлѣ Чигирина, а, можетъ-быть, и далѣе, гонятъ врага въ степи къ Дону.“ Другіе даже начинали роптать за собираніе податей и объявленіе посполитаго рушенья. „Насъ только пугаютъ (говорили они) для того, чтобъ выманить деньги. Мы пойдемъ въ посполитое рушенье, да проходимся до Вислы или Сана, а оттуда назадъ разойдемся, ничего не сдѣлавъ, потому что войско и безъ насъ размечетъ въ прахъ хлоповъ“ [12]). Самъ король, такъ неотступно спѣшившій на войну, дожидался несомнѣнной вѣсти о новыхъ побѣдахъ и отправился на богомолье въ Жу-

---

[10]) Pam. o wojn. kozac. za Chmieln. 78.

[11]) Histor. belli cosac. polon. 133.

[12]) Woyna dom. ч. 2. 15.

ровицы, на границу Литвы, гдѣ была икона Божіей Матери, которой приписывали чудодѣйственную силу [13]).

Усиливъ свое войско новыми отрядами, прибывшими изъ главнаго лагеря подъ Каменцомъ, Калиновскій началъ опустошать страну между Бугомъ и Днѣстромъ. Богатое мѣстечко Мурахва сдалось безъ сопротивленія; жолнеры не убивали жителей, но ограбили ихъ. Такую же участь имѣли многолюдный городъ Шаргородъ и мѣстечко Черніевцы [14]). Оттуда войско обратилось на Ямполь, на Днѣстрѣ. Услышавъ, что тамъ собиралась ярмарка, поляки разсчитали, что тамъ будетъ чѣмъ поживиться. Калиновскій распустилъ слухъ, что идетъ къ Винницѣ, и послалъ на Ямполь передовой отрядъ подъ начальствомъ Ляндскоронскаго. Жители Ямполя не ожидали нападенія, вѣря ложнымъ слухамъ объ удаленіи польскаго войска въ противную сторону. Вдругъ утромъ, на самомъ разсвѣтѣ, когда большая часть спала и только лавочники раскладывали свои товары, явились неожиданно новые гости, приносившіе, по выраженію современника, вмѣсто товаровъ, раны и убійства. Зазвонили въ колокола, схватились за оружіе, но уже было поздно: большее войско вторглось въ городъ вслѣдъ за передовыми. Пріѣзжіе бросились бѣжать, покинувъ свои товары, и столпились на мосту; мостъ обломился, и всѣ попадали въ рѣку. Поляки окружили городъ, ограбили его совершенно, наполнивъ множество возовъ разными произведеніями и, въ томъ числѣ, венгерскими винами:

---

[13]) Bel. scyth. cos. 125.

[14]) Annal. Polon. Clim. 1. 225.—Histor. belli cosac. polon. 130.—Woyna dom.. ч. 2. 13.

купцы привозили ихъ въ предположеніи распродать на свадьбѣ Тимоша, которая, какъ думали, будетъ здѣсь справляться. Когда уже болѣе нечего было брать, поляки зажгли городъ и начали умерщвлять всѣхъ жителей безъ разбора, не щадя ни стариковъ, ни женщинъ, ни младенцевъ. Тогда погибло болѣе десяти тысячъ народа всякихъ націй—русскихъ, волоховъ, венгерцевъ, и ни одной живой души не оставили жолнеры [15]).

Покинувъ дымящіяся развалины Ямполя, заваленнаго трупами, поляки приступили къ городку Сцянамъ. Этотъ городокъ раздѣлялся на двѣ части: одна находилась на неприступной горѣ, другая лежала у подошвы горы. На горѣ засѣлъ храбрый казацкій сотникъ, котораго одни историки называютъ Калюшемъ [16]), а другіе— Александренкомъ [17]). Калиновскій послалъ къ нему предложеніе сдаться и заплатить окупъ.

— У меня нѣтъ денегъ, отвѣчалъ казакъ:—есть люди и оружіе: будемъ сражаться до послѣднихъ силъ!

Калиновскій ударилъ на низменный городъ. Послѣ перваго сопротивленія, жители убѣжали на гору; поляки хотѣли взять верхній городъ — казаки храбро отразили ихъ; три дня приступали враги на утесистую скалу и три дня напрасно теряли людей [18]). Наконецъ, поляки оставили упорный городокъ и отправились подъ Винницу, которая только что изъ сотни кальницкаго

---

[15]) Annal. Polon. Cl. I. 226.—Pam. do pan. Zygm. III. W ad. IV Jan. Kaz. II. 156.

[16]) Annal. Polon. Clim. I.

[17]) Histor. belli cosac. polon. 130

[18]) Annal Polon. Clim. I .225.

полка сдѣлана была полковымъ городомъ [19]). Винницкимъ полковникомъ былъ Иванъ Богунъ. Онъ „упремудрилъ“ ляховъ, говоритъ украинская лѣтопись. Прежде всего онъ отправилъ къ Хмельницкому просить помощи, а самъ составилъ планъ задержать поляковъ подъ Винницею, пока подойдетъ войско отъ Хмельницкаго. Какъ только поляки подходили къ Винницѣ, Богунъ оставилъ въ винницкомъ замкѣ гарнизонъ, а самъ вышелъ на встрѣчу врагамъ и, послѣ первой стычки обратился въ бѣгство, перешелъ рѣку и заперся въ монастырѣ, который находился вблизи Винницы и омывался со всѣхъ сторонъ водою. Поляки замѣтили, что у непріятеля войско несильно, и думали, что на казаковъ напалъ страхъ; они обратились прямо на монастырь, и никому не вошло въ голову, зачѣмъ по льду раскидана солома. Богунъ приказалъ заранѣе прорубить на Бугѣ ледъ, и, когда утренній морозъ подернулъ воду тонкою корою, набросать соломы. Густые ряды польскаго войска ступили на эти мѣста и стремглавъ пошли на дно. Въ числѣ нѣсколькихъ сотъ утонувшихъ былъ Юрій, братъ Киселя, едва спасшійся прошлый годъ отъ висѣлицы въ домѣ Хмельницкаго. Отважнаго Лядскоронскаго чуть успѣли вытащить изъ воды [20]).

Взбѣшенный этою хитростью, Калиновскій рѣшился, во что бы то ни стало, взять Богуна. Онъ отправилъ Лядскоронскаго за Бугъ наблюдать, чтобъ не явилось неожиданно свѣжее казацкое войско, и разузнать, гдѣ

---

[19]) Histor. belli cosac. polon. 11.

[20]) Annal. Polon. Clim. I. 228.—Pam. do pan. Zygm. III. Wlad. IV i Jan. Kaz. II. 157.—Истор. о през. бр.—Histor. bell. cosac. polon. 131.

находится казацкій гетманъ[21]), а самъ приказалъ брать Винницу. Богуну не нужно было упорно охранять городъ: онъ старался только задержать поляковъ отъ похода далѣе въ Украину. Жители Винницы дали сильный отпоръ, стоившій полякамъ много людей, а потомъ ушли въ замокъ.

Всѣ усилія поляковъ взять приступомъ замокъ были напрасны[22]). Богунъ съ изумительною для враговъ дѣятельностью и быстротою командовалъ разомъ и монастыремъ и замкомъ, и не только отражалъ удачно приступы жолнеровъ, но и безпокоилъ ихъ отважными выходками. Современникъ разсказываетъ, что въ одну ночь казацкій полковникъ сдѣлалъ вылазку съ тремя стами казаковъ на другую сторону Буга для узнанія, нейдетъ ли къ нему вспомогательное войско; этотъ отрядъ вступилъ въ битву съ поляками; послѣдніе узнали Богуна, потому что лучи мѣсяца ярко играли на его блестящемъ панцырѣ. Враги устремились на него. Уже хорунжій Рогальскій ударилъ его рукояткою своего знамени, а другіе жолнеры хватали его за руки, но Богунъ, необычайно сильный, однимъ встряхомъ повалилъ на землю своихъ преслѣдователей и поскакалъ во весь духъ, отмахиваясь саблею отъ толпы гонителей, какъ вдругъ, въ жару битвы, попалъ въ одну изъ тѣхъ продушинъ, въ которыя прежде такъ хитро спровадилъ враговъ. Но борзый конь его счастливо выкарабкался изъ воды на ледъ и донесъ своего мокраго и обмерзлаго сѣдока въ монастырь. Поляки думали, что это приключеніе отобьетъ у него

---

[21]) Histor. bell. cosac. polon. 132.

[22]) Woyn. dom. Ч. 2. 14.

охоту къ такимъ смѣлымъ выходкамъ, но къ удивленію ихъ, на другой же день Богунъ снова показался на своемъ буланомъ конѣ.

— Каково здоровье? кричали ему насмѣшливо поляки.

— Вчера поляки отомстили мнѣ такою же банею, какою я ихъ угостилъ, отвѣчалъ Богунъ.

„Такъ то (замѣчаетъ современникъ) храбрецы, въ одно и то же время, и сражаются и весело разговариваютъ между собою" [23]).

Такъ проходили дни, какъ вдругъ прибѣгаетъ Ляндскоронскій съ страшною вѣстью, что приближается уманскій полковникъ Глухъ съ сильнымъ ополченіемъ. Ляндскоронскій встрѣтился съ нимъ подлѣ Липовца и убѣжалъ опрометью; Глухъ гнался за нимъ по слѣдамъ и долженъ былъ явиться подъ Винницею чрезъ нѣсколько часовъ [24]). Это извѣстіе навело паническій страхъ, подобный, по замѣчанію лѣтописцевъ, тому, который овладѣлъ поляками подъ Пилявою.

„Бѣжать! бѣжать! кричали предводители:—насъ застигнетъ мартовская распутица, переправы будутъ невозможны; притомъ наше войско будетъ во всемъ нуждаться въ непріятельской землѣ."

Въ ту же минуту дано приказаніе, какъ можно скорѣе, уходить и побросать даже всѣ возы, которые были полны со времени разоренія Ямполя. Но нѣкоторыя

---

[23]) Annal. Polon. Clim. 229.—Pam. do pan. Zygm. III. Wlad. IV Jan. Kaz. II. 155.

[24]) Hist. belli cosac. polon. 152.

хоругви до того прониклись страхомъ, что побѣжали, не слушая команды, сами не зная куда [25]).

Гетманы и начальники, желая ихъ удержать, поспѣшили за ними и покинули лагерь и большую часть войска безъ дисциплины. Тогда служители, пользуясь сумятицею, бросились на возы и начали самовольно выбирать изъ нихъ, что кому хотѣлось; хозяева вступались за свою добычу; началась драка... въ то же время иные жолнеры спали мертвецки пьяны, а другіе начали тревожно будить ихъ; проснувшимся представилось, что на нихъ наступаютъ казаки: они схватились за ружья и начали палить по своимъ.

Такъ прошла ночь. На разсвѣтѣ Богунъ сдѣлалъ вылазку, и поляки бросились въ разсыпную, кидая не только возы, но даже пушки и оружіе... [26]) „словно (говоритъ современникъ) [27]), боязливый человѣкъ увидитъ въ лѣсу нѣсколько волковъ и ему представляется огромная стая, между тѣмъ, какъ число ихъ невелико: такъ точно бѣжали и мы; и нашимъ глазамъ представлялись ужасныя химеры; въ самомъ же дѣлѣ не было большой опасности. Возвращавшійся изъ подъѣзда Димитрій Вишневецкій привелъ въ порядокъ нѣсколько отрядовъ и спасъ по крайней мѣрѣ часть артиллеріи" [28]). Впрочемъ, поляки не ушли бы отъ совершенной гибели, еслибъ казаки не бросились на оставленные возы и тѣмъ не дали

---

[25]) Pam. do pan, Jan Kaz. II. 159.

[26]) Истор. о през. бр.—Woyn. dom. ч. 2. 14—15 —Annal. Polon. Clim. I. 230.—Лѣтоп. нов. о Мал. Росс. 77.

[27]) Woyna dom. ч. 2. 15.

[28]) Ibid.

возможности переднимъ уйти далеко. Задніе не избѣжали такъ легко бѣды. Въ Липовцѣ напали на бѣгущихъ поляковъ ночью казаки„. Такое смятеніе произошло—говоритъ очевидецъ, что походило на пилявское дѣло. Одни изъ нашихъ бѣжали въ ворота, а другіе лѣзли прямо черезъ валъ, тѣ верхомъ, тѣ пѣшіе,... если бы самъ Богъ насъ не оборонилъ, мы всѣ пропали бы тогда„! Казаки гнались за ними по пятамъ, и пока жолнеры добѣжали 24 марта до Бара, то оставили болѣе тысячи раненыхъ своихъ собратій, и потеряли не только все награбленное ими у подолянъ, но и всѣ собственные пожитки: въ Барѣ у нихъ не было ни бѣлья, ни платья и притомъ ихъ утомляли непрестанные караулы: „по три дни и по три ночи, приходилось намъ", говоритъ Мястковскій—„стоять на сторожѣ, не разводя огня, и мы поморозили себѣ носы, руки и ноги [29]). Изъ Бара жолнеры въ началѣ апрѣля, поспѣшили въ Каменецъ, гдѣ соединились съ другою частью войска, бывшаго подъ начальствомъ Потоцкаго [30]).

Съ тѣхъ поръ войско стояло подъ Каменцемъ и уже не осмѣливалось выступать изъ лагеря. Оно находилось въ бѣдномъ положеніи. Наступила Пасха, а для жолнеровъ, говоритъ современникъ, была она настоящею іудейскою пасхою въ пустынѣ. За неимѣніемъ хлѣба, они, по неволѣ, ѣли хлѣбы въ родѣ опрѣсноковъ, безъ соли и съ горечью, потому что эти хлѣбы печены были изъ лебеды [31]). Угрожавшія вѣсти тревожили ихъ: господарь

---

[29]) Jak. Michal. Ks. Pam. 625.

[30]) Кратк. опис. о каз. малор. народ. 45.—Woyn. dom. ч. 2. 15—Истор. о през. бр.—Hist. ab. exc. Wlad. IV. 72.

[31]) Histor. belli cosac. polon. 132.

Лупула писалъ, что Хмельницкій намѣревается грянуть на нихъ съ сильнымъ войскомъ, чтобъ не допустить до соединенія съ королемъ [32]). Предводители посылали къ королю извѣстія, вовсе непохожія на прежнія, описывали свое бѣдствіе и умоляли о скорѣйшей помощи [33]). И вотъ, въ Варшавѣ, внезапно разочаровались поляки въ своихъ блестящихъ надеждахъ насчетъ удивительныхъ побѣдъ кварцянаго войска! „Тѣ, которые сочиняли небывалыя событія", говоритъ лѣтописецъ,— „теперь первые опустили руки [34]); а охотники до таинственнаго со вздохомъ разносили вѣсти, что въ Варшавѣ, на кладбищѣ казнимыхъ преступниковъ, у мертвеца изъ уха пролилось много крови, а другой мертвецъ изъ могилы просунулъ руку."—„Это пророчитъ большія бѣды Польшѣ", говорили тогда [35]).

---

[32]) Woyn. dom. ч. 2. 16.

[33]) Histor. belli cosac. polon 133.

[34]) Woyna dom. 15—16.

[35]) Stor. delle guer. civ. 244.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

Ополченіе въ Польшѣ.—Папскій легатъ.—Коринѳскій митрополитъ Іосафъ въ Украинѣ.—Выступленіе короля изъ Люблина къ Сокалу.—Планы Хмельницкаго.—Неудачная осада Каменца.—Битва подъ Купчинцами.—Положеніе лагерей казацкаго и польскаго.—Татарскій мурза.—Поляки идутъ къ Берестечку.—Прибытіе хана къ Хмельницкому.—Планы Хмельницкаго.—Поляки идутъ къ Дубну.—Вишневецкій предупреждаетъ опасность.—Возвращеніе поляковъ.—Переправа польскаго лагеря черезъ Стырь.—Появленіе татарско-казацкаго войска.—Первыя стычки.—Гнѣвъ хана.—Ночь передъ битвою.

Король получилъ въ Журовицѣ донесеніе изъ Каменца и, какъ будто пробудившись отъ сна, по выраженію недоброжелательнаго къ нему историка [1], побѣжалъ въ Варшаву. Онъ недолго оставался въ столицѣ и, въ половинѣ апрѣля, выѣхалъ въ Люблинъ съ королевою, сенаторами, окруженный всѣмъ дворомъ и многими знатными особами обоего пола, съ десятью тысячами новоприбывшаго изъ Германіи войска. По пріѣздѣ въ Люблинъ, двадцатаго апрѣля, онъ выдалъ *третьи вици* на посполитое рушенье. „Сообразно сеймовой конституціи, — писалъ король — оповѣщаемъ, сими третьими и

---

[1]) Histor. belli cosac. polon. 133.

послѣдними вицами, всѣхъ обывателей Рѣчи Посполитой, что мы лично идемъ для укрощенія своевольныхъ мятежниковъ, которые, соединившись съ невѣрными, покушаются искоренить не только всю шляхетскую кровь, свободу, вольности и самое имя польское, но даже и святую католическую вѣру, всегда процвѣтавшую въ нашемъ королевствѣ, и ниспровергнуть костелы, посвященные имени Божію. Мѣстомъ сбора для всѣхъ, подлежащихъ посполитому рушенью, назначаемъ Константиновъ на пятое число мѣсяца іюня и желаемъ, чтобы никто, подъ страхомъ наказанія по закону, не уклонялся отъ этого служенія Рѣчи Посполитой, но каждый спѣшилъ бы въ указанное мѣсто, съ охотою и готовностію, какъ подабаетъ защитникамъ Христовой вѣры, чести Рѣчи Посполитой, свободы и вольности" [2]).

Дорогой, гость посѣтилъ короля въ Люблинѣ. Это былъ снова Іоаннъ де-Торресъ, епископъ адріанопольскій, легатъ папы Иннокентія X, пріѣзжавшій въ Польшу прежде при Владиславѣ. Папа не прислалъ денегъ, которыхъ просили поляки; онъ отговаривался тѣмъ, что римская казна истощена; за то онъ прислалъ всѣмъ полякамъ, идущимъ на брань, свое первосвященническое благословеніе и полное отпущеніе всѣхъ грѣховъ, королю въ подарокъ мантію и освященный мечъ, украшенный жемчугомъ и драгоцѣнными камнями, а королевѣ золотую розу. Во время утренняго богослуженія легатъ вручилъ Яну Казимиру и его супругѣ эти дары и, отъ имени св. отца, торжественно провозгласилъ польскаго

---

[2]) Jak. Michal. ks. pam, 611.

короля защитникомъ св. вѣры. Вниманіе папы обрадовало поляковъ. Нѣсколько дней прошло въ религіозныхъ церемоніяхъ, напоминавшихъ времена крестовыхъ походовъ. Король обнародовалъ, что самъ святой отецъ благословляетъ ополчающихся на брань и повелѣвалъ творить въ храмахъ торжественныя моленія о ниспосланіи счастливаго окончанія войнѣ, предпринятой за честь римско-католической религіи. Религіозный характеръ войны возбуждалъ въ полякахъ отвагу и мужество; шляхтичи выходили съ увѣренностью въ побѣдѣ, потому что въ Римѣ будутъ молиться за нихъ; шли на смерть съ надеждою очиститься отъ грѣховъ участіемъ въ такомъ святомъ дѣлѣ и пріобрѣсть мученическій вѣнецъ на небѣ [3]).

Польша возстала. Шляхтичи не только выходили сами, но выбирали изъ своихъ подданныхъ крѣпкихъ и рослыхъ, вооружали ихъ и брали съ собою на войну [4]).

И у казаковъ также было религіозное побужденіе. Въ Польшѣ—легатъ; здѣсь такое же лицо—былъ митрополитъ коринѳскій. Онъ препоясалъ Хмельницкаго мечомъ, освященнымъ патріархомъ на самомъ гробѣ Господнемъ, вручилъ ему частицы мощей изъ Греціи, кропилъ войско святою водою, ободрялъ надеждами на помощь Божію и рѣшился самъ съ духовенствомъ идти на брань за честь православной вѣры. Этотъ пастырь, проживая въ Украинѣ, тайно сносился съ Москвою черезъ своего двоюроднаго брата Илью, писалъ къ цареву тестю Милославскому и къ самому царю, сообщалъ о томъ, что

---

[3]) Histor. ab exc. Wlad. IV. 72.—Annal. Polon. Clim. I. 240.

[4]) Истор. о през. бр.

дѣлается въ Украинѣ, извѣщалъ о благожелательствѣ къ Москвѣ гетмана, котораго онъ, съ своей стороны, настраивалъ вступить въ подданство царю: „Гетманъ Хмельницкій“, писалъ онъ, „мнѣ сказалъ такъ: если государь хочетъ, чтобы мы ему поклонились и оберегали его Украину безъ жалованія, и если онъ любитъ христіанскую вѣру, какъ подобаетъ истинному христіанскому государю, — пусть пришлетъ намъ помощь, и мы признаемъ его царемъ и учинимся его подданными; какъ служатъ ему донскіе казаки, такъ и мы будемъ служить ему, ради единой христіанской вѣры; и если онъ изволитъ отбирать отъ поляковъ свои города, мы будемъ помогать ему взять ихъ; если же онъ захочетъ, чтобы этими городами владѣли ляхи, то казаки и татары разорятъ ляховъ, а не дадутъ имъ владѣть русскими городами“. Отъ себя митрополитъ замѣчалъ: „мы подлинно слышимъ, что казаки ляховъ побѣдятъ; мира между ними ни за что ни будетъ; гетманъ хочетъ ихъ до конца раззорить и посадить на польское королевство короля истинной христіанской вѣры“. Въ Москвѣ, черезъ грековъ, распространился слухъ, будто Хмельницкій договорился съ Ракочи: послѣдній будетъ помогать казакамъ, а когда поляковъ завоюютъ, то гетманъ посадитъ на польскій престолъ ракочіева брата, съ тѣмъ, что этотъ новый король приметъ православную вѣру. Этими слухами хотѣли увѣрить царя и бояръ, что Хмельницкій ведетъ войну за торжество православной вѣры. Но греки старались укрыть передъ царемъ и боярами дружелюбныя сношенія гетмана съ Турціею; грекъ Илья говорилъ въ Москвѣ, что турецкій падишахъ предлагалъ Хмельницкому войско, но гетманъ отвѣчалъ: „Мнѣ турецкое вой-

ско не нужно: я, и съ своими войсками, могу стоять противъ ляховъ". Кромѣ коринѳскаго митрополита былъ тогда въ Украинѣ другой митрополитъ съ востока—назаретскій, по имени Гавріилъ. Отправляясь на войну, Хмельницкій взялъ съ собою Іосафа, а Гавріила отправилъ въ Москву съ письмомъ къ царю—умолялъ царя прислать ему ратную помощь и изъявлялъ готовность поступить въ подданство со всею Украиною. Къ этимъ сношеніямъ съ Москвою, которыя велись безпрестанно черезъ грековъ: Илью, Ивана и Павла и серба Василья, примазался и писарь Выговскій. Никогда не любя Москвы, хитрый писарь видѣлъ, что гетманъ къ ней расположенъ и соображалъ, что, рано ли поздно, Украинѣ придется отдаться Москвѣ, и потому заранѣе пользовался случаемъ выказаться и выслужиться передъ московскимъ государемъ. Онъ поручалъ грекамъ говорить въ Москвѣ, что они ведутъ сношенія иногда тайно отъ гетмана, но всегда въ соумышленіи съ Выговскимъ. Но такъ какъ они все таки не говорили, чтобы гетманъ былъ не расположенъ къ Москвѣ, то быть можетъ, все это дѣлалось и съ согласія Хмельницкаго: для него было полезно, чтобы царь получалъ свѣдѣнія о его преданности Москвѣ такими путями, которые будто бы совершаются мимо его; тѣмъ самымъ царь былъ склоннѣе довѣрять ему.

Другіе греки служили дѣлу возстанія въ самой Украинѣ. Аѳонскіе монахи ходили по городамъ и селамъ и призывали православныхъ къ оборонѣ своей святыни. Самъ константинопольскій патріархъ прислалъ Хмельницкому грамату, восхвалялъ его благочестіе, одобрялъ предпринятую войну противъ враговъ и утѣснителей православія, называлъ римскихъ католиковъ вообще из-

мѣнниками, раззорителями, орудіями самаго сатаны. Эту грамату послалъ онъ съ какимъ то Никитою Михайловичемъ, русскаго происхожденія, и поручалъ ему изложить нужды восточной церкви и просить помощи. Съ этимъ Никитою Михайловичемъ отправлено было посланіе и къ кіевскому митрополиту: патріархъ просилъ его быть дружелюбнымъ къ Хмельницкому, и осѣнить своимъ благословеніемъ его предпріятіе. Патріархъ писалъ и къ коринѳскому митрополиту: хвалилъ за то, что онъ остается при Хмельницкомъ, и ободрялъ на подвиги во имя православной вѣры [5]). Но войска у Хмельницкаго въ этотъ годъ было менѣе, чѣмъ прежде: значительная часть его была оставлена для охраненія Украины; притомъ, Хмельницкій не имѣлъ тогда той нравственной силы, какая была у него прошлый годъ. Хлопы, воины неискусные въ строю, хотя шли съ фанатизмомъ противъ пановъ, но питали недовѣрчивость къ своему гетману за потачку панамъ и казни мятежниковъ. Многіе реестровые казаки, пользуясь уже своими правами, охотнѣе хотѣли бы идти противъ турокъ, съ которыми сносился и дружился ихъ предводитель. Новый союзъ съ татарами не нравился имъ, потому что эти союзники, вступая въ русскую землю подъ видомъ помощи, уводили въ плѣнъ женщинъ. Были такіе казаки, которые, при самомъ началѣ войны, предложили полякамъ свои услуги противъ того, кого за годъ боготворили [6]).

Въ первыхъ числахъ мая, король выступилъ изъ Люблина и отряды посполитаго рушенья безпрестанно при-

---

[5]) Акты Южн. и Зап. Росс. т. Ш.

[6]) Histor. belli cosac. polon. 138.

бывали къ нему, одни за другими, изъ ближнихъ воеводствъ. Дворъ провожалъ короля до Красностава; королева хотѣла слѣдовать съ нимъ далѣе, изъявляя готовность раздѣлять съ нимъ труды и опасности для славы и чести. Поляки съ восхищеніемъ смотрѣли на такую отвагу. „Это была новая Томира (говоритъ современникъ); ея смѣлый духъ, ея мужественная осанка показывали въ ней не только женщину съ мужскимъ сердцемъ, но какъ будто мужа, скрывшагося подъ женскою одеждою.“ Однако король и сенаторы упросили ее воротиться; они представляли ей, что, не подвергая себя опасностямъ въ полѣ, пусть лучше она заботится о спокойствіи оставленнаго отечества вмѣстѣ съ примасомъ. Королева уступила съ нежеланіемъ; только тогда, когда настала минута прощанія, она измѣнила своей твердости и прослезилась и вмѣстѣ съ нею (говоритъ историкъ) заплакали прекрасныя и любезныя придворныя дамы знатнѣйшихъ польскихъ фамилій, а между тѣмъ, молодые придворные кавалеры утѣшали ихъ, говоря: „эти слезы сокрушатъ дерзость мятежниковъ; съ Божіею помощью, они заплатятъ кровью за слезы героинь польскихъ“ [7]).

Король прибылъ подъ Сокаль и тамъ рѣшился стоять лагеремъ, пока кварцяное войско не успѣетъ съ нимъ соединиться [8]). Въ вицяхъ было назначено сборное мѣсто подъ Константиновымъ, но послѣ того это мѣсто признали неудобнымъ для сбора войскъ, потому что страна, гдѣ находился Константиновъ, была уже въ рукахъ ка-

---

[7]) Annal. Polon. Clim. I. 241.—Histor. ab. exc. Wlad. IV. 72.

[8]) Histor. ab. exc. Wlad. IV. 73.

заковъ и, притомъ, кварцяному войску надобно было идти чрезъ непріятельскую землю, между тѣмъ какъ теперь оно могло пройти чрезъ Червоную Русь.

Хмельницкій все это время дожидался хана, но крымскій повелитель посылалъ къ нему только обѣщанія и отговаривался тѣмъ, что ему прежде надобно усмирить калмыковъ [9]).

Такимъ образомъ терялось драгоцѣнное для казаковъ время. Хмельницкій не рѣшался, съ одними собственными силами, ударить на кварцяное войско, стоявшее подъ Каменцемъ.

Но вотъ, донесли ему, что король уже выступилъ въ походъ и посполитое рушенье собирается въ его лагерь. Не дожидаясь болѣе союзника, Хмельницкій составилъ планъ пресѣчь кварцяному войску соединеніе съ королемъ. Онъ отрядилъ сильный казацкій отрядъ, тысячъ въ сорокъ, подъ начальствомъ асаула Демка и полковниковъ Джеджалыка и Савича на Каменецъ, ударить на жолнеровъ сзади, когда они двинутся [10]) а самъ, съ восьмнадцатью тысячами, долженъ былъ идти на Тарнополь и перерѣзать имъ дорогу. Но молдавскій господарь узналъ объ этомъ и сообщилъ Потоцкому во время. Польское войско двинулось ранѣе, чѣмъ казаки могли стать въ положеніе, необходимое для ихъ плановъ [11]). Посланное казацкое войско, прибывъ подъ Каменецъ, не застало тамъ непріятельскаго войска. Демко и Савичъ [12])

---

[9]) Histor. belli cosac. polon. 137.

[10]) Pam. de pan. Zygm. III. Wlad. IV i Jan. Kaz. II. 163.

[11]) Histor. belli cosac: polon. 135.

[12]) Истор. о през. бр.—Histor. belli cosac. polon. 536.— Woyn. dom. ч. 2. 71.

отправились въ погоню, а Джеджалыкъ принялся штурмовать Каменецъ. Джеджалыкъ нѣсколько дней пускалъ въ Каменецъ ядра, которыя, при неискусствѣ казацкихъ пушкарей, не нанесли полякамъ вреда, и, 19-го мая оставилъ его. Казаки взяли только недалеко лежавшую крѣпость Паневцы: имъ отворилъ ворота какой то Тржигатковскій, уговорившись, что за это онъ получитъ чинъ полковника въ казацкомъ войскѣ; но когда казаки вошли въ крѣпость, то, вмѣсто полковничьяго чина, дали ему петлю на шею, въ награду за измѣну своему долгу и отечеству [13]). Между тѣмъ, тотъ казацкій отрядъ, который пошелъ въ погоню за польскимъ войскомъ, догналъ поляковъ на переправѣ чрезъ рѣку Серетъ, при селеніи Купчинцы; но поляки узнали заранѣе о погонѣ и поставили за холмомъ и лѣсомъ по обѣимъ сторонамъ дороги скрытые отряды; а когда казаки явились, то побросали возы и пустились бѣжать. Казаки погнались за ними, прошли чрезъ рѣку, но едва достигли мѣста, гдѣ была скрыта засада, бѣгущее войско вдругъ оборотилось, скрытые отряды выскочили на казаковъ съ боковъ и притиснули ихъ къ рѣкѣ. Много ихъ потонуло [14]). Плѣнные казаки сказали полякамъ, что Хмельницкій заходитъ съ другой стороны прямо имъ на встрѣчу. Это извѣстіе снова породило въ войскѣ страхъ; поляки бѣжали днемъ и ночью и, недалеко отъ Сокала, доходя до Буга, увидѣли позади себя чернѣющіе ряды людей: имъ показалось, что они летѣли прямо на нихъ. „Бѣда! бѣ-

---

[13]) Annal. Polon. Clim. 236—237.

[14]) Истор. о през. бр.—Histor belli cosac. polon. 184.—Annal. Polon. Clim. I. 238.—Pam. do pan. Zygm III. Wlad III. i Jan. Kaz. II. 165.

да! (кричали поляки) это Хмельницкій!“ Въ безпорядкѣ они кидались въ Бугъ вплавь, и многіе утонули, „и много тогда погибло ляховъ отъ одной боязни“, говоритъ лѣтописецъ [15]). Хмельницкаго не было; чернѣвшая толпа была татарскій загонъ, уводившій невольниковъ. Увидя польское войско, татары бѣжали отъ него въ страхѣ, никакъ не предполагая, что ихъ появленіе надѣлало такого ужаса тѣмъ, которыхъ они боялись сами [16]).

Избавившись отъ опасности, польское войско прибыло въ королевскій лагерь безъ запасовъ, пожитковъ и потерявъ значительную часть артиллеріи въ своихъ походахъ.

Хмельницкій доходилъ до Тарнополя; но услышалъ, что планы его разрушены и что войско уже соединилось съ королемъ. Досадуя на Джеджалыка за то, что провелъ попустому время подъ Каменцемъ [17]), гетманъ возвратился назадъ, сталъ подъ Збаражемъ и тамъ рѣшился дожидаться хана [18]).

Такъ находились непріязненныя войска въ своихъ лагеряхъ около трехъ недѣль; оба теряли удобное время къ нападенію одно на другое. Хмельницкій не отваживался напасть на короля, потому что польскія силы увеличивались съ каждымъ часомъ, между тѣмъ какъ положеніе казаковъ подъ Збаражемъ было невыгодно: распространились въ таборѣ повальныя болѣзни, до того пагубныя, что въ короткое время казаки вывезли двѣс-

---

[15]) Истор. о през. бр.

[16]) Histor. belli cosac. polon. 135.

[17]) Истор. повѣст. о Мал. Росс. 78.

[18]) Woyna dom. ч. 2. 19.—Hist. belli cosac. polon. 142.—Stor. delle guer. civ. 252.

ти шестьдесятъ возовъ съ мертвыми и больными [19]). Кромѣ того, край этотъ былъ опустошенъ прежнею войною и въ послѣдній годъ саранчею [20]). Армія начала терпѣть голодъ. Хмельницкій посылалъ отряды въ Полѣсье и на Волынь для фуража [21]).

Королевское войско, безпрестанно увеличиваясь, подвергалось тоже тѣмъ неудобствамъ, отъ которыхъ терпѣло казацкое: и тамъ распространились повальныя болѣзни, отъ которыхъ многіе умирали, не увидѣвъ непріятеля. Многочисленное стеченіе народа произвело дороговизну, которая скоро возвысилась до того, что шляхтичи, говоритъ современникъ, нерѣдко дрались между собою за кусокъ бѣлаго хлѣба, а овесъ былъ по 20 злотыхъ за корецъ, тогда какъ, въ обыкновенное время, цѣна его была 2 злотыхъ [22]). Сверхъ того, безпокоили короля обычныя несогласія пановъ и духъ неповиновенія, никогда неоставлявшій поляковъ. Король употреблялъ всѣ мѣры, чтобъ усмирить волненія, и въ особенности дѣйствовалъ посредствомъ религіи. Онъ самъ часто ѣздилъ въ бернардинскій монастырь, показывалъ всѣмъ примѣръ, что въ такое время мысли должны быть обращены къ Богу. Наступилъ праздникъ Тѣла Господня. Въ этотъ день все войско было собрано; канцлеръ, епископъ Лещинскій совершилъ литургію и, по окончаніи ея, вынесъ св. Дары съ торжествомъ, какъ слѣдовало по обряду праздника. За нимъ шелъ король съ горящею

---

19) Woyna dom. ч. 2. 21.

20) Истор. о през. бр.

21) Histor. belli cosac. polon. 138.

22) Stor. delle guer. civ. 246.—Woyna dom. ч. 2. 20.

свѣчею, послѣ него слѣдовали сенаторы и воеводы. Все войско было выстроено и, по данному знаку, каждая хоругвь должна была подходить къ духовенству, стоявшему около канцлера, который держалъ безкровную жертву. Впереди хоругви шелъ хорунжій съ своимъ знаменемъ и, подошедъ къ первосвященнику, клалъ съ благовѣніемъ знамя у ногъ его; всѣ за нимъ становились на колѣни, и хорунжій, отъ имени своихъ подчиненныхъ, произносилъ клятву пребывать въ согласіи и единствѣ, какъ прилично воинамъ креста. Примѣръ тому показала хоругвь королевская, за нею слѣдовали прочія хоругви; обрядъ этотъ, кромѣ того, что поддерживалъ въ воинахъ духъ, послужилъ и для обозрѣнія всего войска [23]). Это войско было тогда еще неполно; изъ нѣкоторыхъ воеводствъ еще неуспѣло прійти посполитое рушенье, что очень не нравилось королю. Въ станѣ подъ Сокаломъ онъ былъ также дѣятеленъ, какъ и подъ Зборовомъ, производилъ маневры, училъ неопытныхъ, отправлялъ подъѣзды и безпрестанно возбуждалъ и поддерживалъ въ подчиненныхъ духъ воодушевленія и порядка [24]).

Простоявъ нѣсколько недѣль подъ Сокаломъ, паны сочли неудобнымъ для встрѣчи съ непріятелемъ то мѣсто, которое до того времени считали выгоднымъ. Случилось обстоятельство, которое заставило ихъ перевести лагерь изъ подъ Сокала въ другое мѣсто.

Ханъ шелъ уже съ своими ордами на соединеніе съ Хмельницкимъ и отправилъ своихъ пословъ къ королю. Эти послы имѣли тайное свиданіе съ королемъ, и потомъ спро-

---

[23]) Bell. scyth. cosac. 134.

[24]) Woyna dom. Ч. 2. 20.

сили позволеніе повидаться съ Ничахомъ, плѣннымъ мурзою, взятымъ Калиновскимъ подъ Купчинцами. Этотъ богатырь, черный какъ негръ, исполинскимъ ростомъ приводившій въ изумленіе, пользовался благосклонностью пановъ, какъ знатокъ военнаго дѣла; онъ совѣтовалъ имъ не покидать мѣста подъ Сокаломъ. Когда татары сошлись съ нимъ, тогда два поляка, знавшіе по татарски, нарядились въ платье нѣмецкихъ солдатъ и, стоя на караулѣ подъ видомъ часовыхъ, услышали, что этотъ мурза описывалъ воиновъ посполитаго рушенья трусами и передавалъ хану совѣтъ поскорѣе напасть на поляковъ подъ Сокаломъ, гдѣ онъ, между тѣмъ, будетъ ихъ задерживать своими совѣтами, потому что мѣсто для нихъ неудобно и тѣсно. Хитраго мурзу, послѣ того, отправили въ Варшаву, а ханскихъ пословъ отпустили съ честью [25]).

Польскіе историки не говорятъ, что за цѣль была этого посольства и какое послѣдствіе оно имѣло; но лѣтописцы украинскіе повѣствуютъ, будто король, замѣтивъ, что ханъ нерасположенъ къ казацкому гетману, предлагалъ ему южную часть Украины, гдѣ находилось Запорожье—пріютъ недовольныхъ, колыбель возстаній, если только онъ отступитъ отъ казаковъ [26]).

Во всякомъ случаѣ, поляки разсчитывали, что если ханъ и недоволенъ своимъ союзникомъ Хмельницкимъ, а все таки не упуститъ случая, когда можно, повредить полякамъ. Послы съ тайными предложеніями могли быть также и шпіоны, присланные для того, чтобъ узнать,

---

[25]) Histor. ab. exc. Wlad. IV. 74.

[26]) Кратк. истор. опис. о Мал. Рос. 16.

какъ велико польское войско и есть ли возможность съ нимъ сладить [27]). Паны не смѣли оставаться на томъ мѣстѣ, которое непріятель почиталъ для себя выгоднымъ: рѣшили перенести лагерь на Волынь [28]). „Лучше (говорили они) воевать въ землѣ враждебнаго народа, чѣмъ отягощать собственный народъ войною" [29]). Конецпольскій былъ посланъ впередъ, съ двумя тысячами пятьюстами человѣкъ, осмотрѣлъ переправы и доносилъ, что самое удобное мѣсто стать лагеремъ—подъ мѣстечкомъ Берестечкомъ, на рѣкѣ Стырѣ; „тамъ (извѣщалъ онъ) просторное поле, обильное пастбище, хорошая вода" [30]). И такъ, 5-го іюля, (15-го н. с.) войско, усиленное новыми ополченіями посполитаго рушенья, двинулось въ походъ. Впередъ, по направленію на югъ, гдѣ былъ Хмельницкій, высланъ былъ Вишневецкій, съ тремя тысячами. для наблюденія за непріятелемъ [31]).

Какъ только поляки замыслили идти на Волынь, Хмельницкій узналъ объ этомъ и задумывалъ напасть на нихъ въ то время, когда они будутъ проходить по болотистымъ мѣстамъ между Сокаломъ и Берестечкомъ, и запереть ихъ въ непроходимомъ мѣстѣ. Но онъ, съ часу на часъ, дожидался хана и не рѣшился выступить до его прибытія цѣлымъ войскомъ, а послалъ только впередъ отрядъ, готовясь броситься вслѣдъ за нимъ и самъ когда придетъ ханъ [32]).

---

27) Histor. ab exc. Wlad. IV. 74.

28) Woyn. dom. ч. 2. 20.

29) Histor. bel. cosac. polon. 139.

30) Pam. o Koniecp.

31) Histor. belli cosac. polon. 142.

32) Ibid. 143.

Первый день польское войско проходило по болотистому, вязкому лугу; лошади забивались въ тину; ломались по кочкамъ колеса; солдаты сбивались съ дороги. Вечеромъ войско должно было переправляться по узкому сухому пути, окруженному топями; оно растянулось на большое пространство и находилось въ такомъ положеніи, что еслибъ непріятель напалъ на него, то поляки, при всей своей многочисленности, не въ силахъ были дѣйствовать взаимными силами и были бы разбиты [33]). На другой день, шесть часовъ сряду, король раздѣлялъ свое войско на отдѣлы, для удобнѣйшаго перехода [34]). Поляки шли медленно. Но Вишневецкій прислалъ королю пойманныхъ казаковъ. Принужденные пытками, плѣнники разсказали о намѣреніи гетмана и король приказалъ спѣшить день и ночь, и на пятый день пути, они достигли Берестечка [35]). Хмельницкій пропустилъ удобное время напасть на поляковъ во время перехода.

Польское войско остановилось на лѣвой сторонѣ Стыри; король призналъ лучшимъ перевести его на правый берегъ, потому что тамъ была огромная равнина.

Началась переправа. Польское войско было такъ огромно и такъ своевольно, что переправа не окончилась въ нѣсколько дней. „Мы были до того безразсудны (говоритъ современникъ) [36]), что въ то время, когда уже непріятель, угрожавшій погибелью нашей свободѣ,

---

[33]) Woyn. dom. Ч. 2. 21.

[34]) Bel. scyth. cosac. 142.—Лѣтоп. пов. о Мал. Росс. 79.

[35] Histor belli cosac. polon. 143. -Woyna domowa. Ч. 2. 21.—Мѣстечко дубенскаго уѣзда, въ трехъ верстахъ отъ австрійской границы

[36]) Woyna dom. Ч. 2. 21.

готовъ былъ, не сегодня-завтра, появиться предъ нашими глазами, въ нашемъ войскѣ возникли волненія. Шляхта негодовала на короля за предпочтеніе нѣмцамъ. Иные, поссорившись съ товарищами, требовали отъ начальства наказанія своимъ соперникамъ и кричали, что если имъ не окажутъ удовлетворенія, то они не пойдутъ на переправу [37]). Шумъ, смятеніе, даже драка въ самыя опасныя минуты"…. Еще разъ былъ благопріятный случай для Хмельницкаго, но Хмельницкій не являлся, а между тѣмъ польскія силы увеличились еще нѣсколькими десятками тысячъ: подъ Берестечкомъ прибыли ополченія посполитаго рушенья воеводствъ краковскаго, сендомирскаго, волынскаго, бельзскаго и русскаго [38]).

Хмельницкій въ то самое время былъ занятъ пріемомъ хана. Радостныя восклицанія и привѣтственный громъ орудій возвѣщали на далекое пространство о соединеніи казацкаго гетмана съ повелителемъ крымцевъ [39]). Но уже первое свиданіе союзниковъ предвѣщало мало добраго. Исламъ-Гирей намекалъ на предполагаемую войну съ москвитянами, которой такъ искусно помѣшалъ Хмельницкій, и слушалъ холодно увѣренія гетмана въ благодарности. Исламъ-Гирей, по неволѣ, долженъ былъ нарушить зборовскій договоръ, выгодный для него и представлявшій ему случай обогатившись уже на счетъ Польши, обогатиться еще и на счетъ Московскаго государства. Исламъ-Гирей оскорблялся тѣмъ, что Хмель-

---

[37]) Woyna dom. Ч. 2. 22.

[38]) Woyna z kozak. i tat. I, 273.

[39]) Histor. belli cosac. polon 142.

ницкій, дѣйствуя посредствомъ турецкаго двора, насильно принудилъ крымскаго хана идти противъ поляковъ. Между татарскими беями были враги и недоброжелатели Хмельницкаго, одинъ изъ нихъ Велибей разсылалъ къ разнымъ татарамъ письма, убѣждалъ не ходить на помощь къ казакамъ, и увѣрялъ, что того желаетъ самъ ханъ [40]).

Не успѣвъ исполнить своего плана и преградить врагамъ путь къ Берестечку, Хмельницкій затѣялъ другой: онъ послалъ казаковъ, которые нарочно попались въ плѣнъ и сказали, что ихъ гетманъ направляетъ всѣ свои силы къ Дубно. Это сдѣлано съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобъ раздѣлить польское войско и атаковать его на двухъ переправахъ: оставшихся—на Стырѣ, а тѣхъ, которые двинутся къ Дубно, на рѣкѣ Иквѣ—среди болотъ и яровъ.

Сначала планъ было удался. Тогда еще обозъ на Стырѣ не успѣлъ переправиться и множество возовъ и пѣхоты было на другомъ берегу, а, по настоянію короля, вопреки возраженіямъ Потоцкаго, на военномъ совѣтѣ рѣшили—идти съ конницею подъ Дубно.

На другой день, едва только стало разсвѣтать, раздались трубы и передовые полки двинулись по дорогѣ къ Дубно. Самъ король, собравшись въ путь, слушалъ обѣдню. Въ это время приводятъ къ Потоцкому какого то шляхтича.

„Я шелъ изъ Подкаменя (сказалъ онъ), и одинъ Промыслъ спасъ меня. Когда я проходилъ чрезъ лѣсъ,

---

[40]) Польская рукоп. архив. иностр. дѣлъ.

то видѣлъ изломанные кустарники и свѣжіе слѣды конскихъ копытъ—несомнѣнный признакъ, что непріятельское войско недалеко.“

Потоцкій побѣжалъ къ королю и прервалъ его благочестивыя занятія. Онъ разсказалъ ему о вѣсти и заклиналъ, именемъ булавы, которую государь вручилъ ему, не идти впередъ.

„Умоляю, ваше величество, сказалъ онъ:—не выступать, по крайней мѣрѣ, сегодня; если желаніе безсмертной славы и побѣды, такъ горячо побуждаетъ ваше величество то повременимъ до утра: быть можетъ, тѣмъ временемъ, мы получимъ навѣрное извѣстіе о непріятелѣ.“

Король приказалъ помедлить, но все таки собирался въ походъ, и передовые полки были за четыре версты отъ стана [41]). Вдругъ прибѣгаетъ гонецъ Вишневецкаго.

Іеремія уже успѣлъ подъ Радзивилловымъ войти въ новую битву съ казаками и узналъ намѣреніе непріятеля.

„Воротитесь (извѣщалъ онъ) и не покидайте своего поста. Хмельницкій идетъ къ Дубно, чтобъ остановить войско наше во время переправы чрезъ Икву, а ханъ хочетъ напасть на оставшійся обозъ на Стыри и уже сосредоточилъ свои силы около мѣстечка Перенятина [42]).

Тогда король далъ приказаніе немедленно воротиться и началъ переправлять остальную пѣхоту и обозъ съ лѣвой стороны Стыри на правую. Эта работа продолжалась весь день и, наконецъ, цѣлую ночь, при зажженныхъ лучинахъ [43]).

---

[41]) Woyna dom. Ч. 2. 23—24.

[42]) Histor. belli cosac. polon. 143.—Bel. scyth. cosac. 144.—Woyna z koz. i tat. 1, 272.—Stor. delle guer. civ. 256.

[43]) Histor. belli cosac. polon. 145.

Король запретилъ, подъ страхомъ наказанія, выходить изъ обоза пасти лошадей, для того, чтобъ какой-нибудь нерасторопный слуга не попался подъ татарскій арканъ и не высказалъ непріятелю о положеніи войска. Но поляки, какъ обыкновенно у нихъ дѣлалось, не слушали приказаній, попадались въ плѣнъ и черезъ это Хмельницкій зналъ о всѣхъ движеніяхъ своихъ непріятелей. Такъ случилось и въ этотъ день [44]). Попавшись въ плѣнъ, слуги сказали, что король уже нейдетъ къ Дубно. Хмельницкій узналъ, что другой планъ его разрушенъ Вишневецкимъ. Досадно стало гетману, что его кровный и непримиримый врагъ одинъ уничтожаетъ замыслы его и, какъ будто насмѣхаясь надъ силою его, стоитъ въ отдаленіи отъ главнаго войска и спасаетъ всѣхъ своею храбростью и предусмотрительностью. Хмельницкій послалъ сильный отрядъ сломить и уничтожить храбреца.

Недалеко отъ Берестечка, напали казаки на Вишневецкаго; два раза онъ посылалъ просить подкрѣпленія и два раза не выдержали поляки. Приходилось Вишневецкому посрамить свою воинскую славу, какъ вдругъ, уже на закатѣ солнца, является Конецпольскій. Съ тѣхъ поръ, какъ онъ былъ высланъ для узнанія мѣстности, его не было въ лагерѣ; онъ воевалъ съ казацкими загонами, а теперь возвращался изъ Бродъ и, услышавъ шумъ сраженія, нечаянно поспѣшилъ на спасеніе Вишневецкаго и ударилъ на казаковъ сзади; они смѣшались и оставили сраженіе. Съ торжествующимъ

---

[44]) Woyna z koзak. i tat. l. 272.—Histor. belli cosac. polon. 144.—Кратк. ист. о бунт. Хмельниц. 33.—Stor. delle guer. civ. 256.

видомъ прибылъ Іеремія въ обозъ съ новыми плѣнниками. Татарскіе плѣнники сказали, что ханъ хотя прибылъ, но вовсе не расположенъ сражаться и теперь хочетъ возобновить миръ [45]).

Это было вечеромъ, 18-го іюня (28-го н. с.). Вдругъ на горизонтѣ зачернѣла толпа. Въ польскомъ лагерѣ раздался крикъ, началась бѣготня. Король приказалъ коннымъ полкамъ выходить въ поле. Но это были только передовые татарскіе наѣздники, открывавшіе сраженіе, по своему обыкновенію, герцами. Они вызывали поляковъ помѣриться силою и, чтобъ раздражить ихъ, называли трусами и показывали разные оскорбительные знаки. Нѣсколько отважныхъ выѣхало на герцы. Дѣло обошлось безъ большаго кровопролитія, но татары удалились съ тайнымъ предчувствіемъ неудачи. „У татаръ (говоритъ современникъ) былъ обычай замѣчать, въ какую сторону головою упадетъ первый татарскій трупъ: если къ непріятелю, то это счастливая примѣта, а если къ своимъ, тогда ждали потери". Случилось, что какой-то татаринъ, на пѣгомъ конѣ, разскочился на поляка, но тотъ ударилъ его копьемъ—и наѣздникъ упалъ навзничь головою къ своимъ [46]).

Король, ожидая, съ минуты на минуту, появленія цѣлаго непріятельскаго войска, не велѣлъ конницѣ возвращаться въ лагерь. Жолнеры провели ночь сидя на коняхъ, жалуясь, по выраженію современника, на лѣнивую зарю, которая, какъ казалось имъ, слишкомъ

---

[45]) Hist. belli cosac. polon.—144.

[46]) Annal. Polon. Clim. I. 248.—Pam. do pan. Zygm III. Wlad. IV i Jan. Kaz. II. 174.

медлила и оставляла ихъ въ непріятномъ положеніи [47]).

19-го іюля (29-го н. ст.), когда взошло солнце, поляки увидѣли издали на югѣ непріятеля. „Казаки, въ своихъ коротенькихъ черныхъ свиткахъ, были подобны громовымъ тучамъ, волнуемымъ бурею (говоритъ современникъ) [48]). Они остановились таборомъ, верстъ за пять отъ польскаго лагеря, надъ рѣчкою Пляшовою, впадавшею въ Стырь. Вслѣдъ за ними начали, мало по малу, появляться татары. Пойманные наканунѣ поляками плѣнники говорили, что въ этотъ день союзники не будутъ начинать генеральной битвы по какимъ-то колдовскимъ примѣтамъ, а потому король выстроилъ только часть своего войска, остальнымъ же велѣлъ выходить изъ обоза, приказывая, однако, быть на готовѣ по первому вызову [49]).

Вдругъ десять тысячъ татаръ летятъ вмѣстѣ съ казацкими отрядами, въ видѣ треугольника, на лѣвое крыло польской арміи. Король велѣлъ перемѣшать кварцяныхъ жолнеровъ съ посполитымъ рушеньемъ и двинуть на непріятеля. Непріятель нарочно пускалъ стрѣлы и пули въ посполитое рушенье, замѣтя, что это народъ невоинственный. Оглушительный крикъ татаръ придавалъ имъ боязнь: они пришли въ безпорядокъ и побѣжали [50]). Два раза король посылалъ имъ свѣжія силы, но изъ казацкаго табора прилетали на помощь своимъ новыя толпы [51]). Уныніе начало распространяться по рядамъ;

---

[47]) Woyn. dom. Ч. 2. 26.

[48]) Hist. belli cosac. polon. 148.

[49]) Woyna dom. Ч. 2. 26.

[50]) Ibid. 2. 27.

[51]) Histor. belli cosac. polon. 149.

мирный шляхтичъ не могъ смотрѣть безъ содроганія на потоки крови, слышать стоны умирающихъ, крики раненыхъ. Коронный гетманъ, ободряя ихъ, кричалъ:

„Никто не долженъ страшиться такого зрѣлища: всякій знаетъ, что оно обыкновенное игралище Марса"!

„Пріятно (замѣчаетъ современникъ) [52]) было смотрѣть издали, какъ бѣгущіе опять возвращаются на непріятеля, какъ опрокидываютъ его, какъ перелетаютъ съ одной стороны на другую знамена, берутъ плѣнниковъ; и не даромъ одинъ почтенный мужъ при этомъ зрѣлищѣ воскликнулъ: „Господи Боже! покажи на мнѣ милость свою, чтобъ въ то время, когда другіе бьются, я могъ только смотрѣть и любоваться".

Враги разошлись; и тѣ и другіе приписывали себѣ побѣду. Полякѣ говорили, что заставили казаковъ и татаръ оставить поле битвы [53]); казаки хвалились, что тогда то познали поляки казацкую силу [54]). Убитыхъ, по свидѣтельству современнаго дневника, было только двѣсти съ обѣихъ сторонъ [55]), но безъ ранъ рѣдкій возвратился съ поля [56]).

Истомленные безсонницею прошлой ночи и сраженіемъ, польское войско нуждалось въ успокоеніи, а потому король позволилъ конницѣ возвратиться въ обозъ, но приказалъ быть въ совершенной готовности, когда сдѣлается тревога [57]); между тѣмъ, на передовыхъ око-

---

[52]) Histor. belli cosac. polon. 150.

[53]) Woyna dom. Ч. 2. 27.

[54]) Пов. о томъ, что случ. въ Украинѣ. 1.

[55]) Wojn. z kozak. i tat. 273.

[56]) Histor. belli cosac. polon. 151.

[57]) Woyn. dom. Ч. 2. 28.

пахъ поставлены были караулы для наблюденія за движеніемъ непріятеля [58]).

Эта первая стычка мало удовольствія принесла и Хмельницкому. Впродолженіе сраженія, ханъ съ холма смотрѣлъ въ зрительную трубу и удивлялся многочисленности польскаго войска [59]). По возвращеніи орды съ поля, онъ собралъ около себя мурзъ и началъ совѣтоваться: нельзя ли отъискать предлога оставить Хмельницкаго и примириться съ поляками? Услышавъ объ этомъ, Хмельницкій прибѣжалъ къ Исламу.

— Какъ же это? сказалъ ханъ—ты увѣрялъ, что у поляковъ войска тысячъ какихъ-нибудь тридцать, да и тѣ неопытная молодежь, а я вижу, что у короля войско огромное и есть воины храбрые.—

— Они отважны на первыхъ порахъ, возразилъ Хмельницкій: — пусть-ка попробуютъ пуль, лагерныхъ неудобствъ, непогоды, солнечнаго зноя и безсонныхъ ночей, а наконецъ, голода; не станетъ вина и другихъ напитковъ: воды пить не привыкли; холоду и голоду не испытывали,—посмотрите, какъ они сами поднимутъ мятежъ и оставятъ своихъ начальниковъ. Надобно только истребить кварцяныхъ, а посполитое рушенье отъ одного страха пойдетъ въ разсыпную. Назадъ тому три дня, уже и такъ многіе, разсердившись на короля, ушли домой [60]).

— Если ты мнѣ завтра не расправишься съ поляка-

---

[58]) Histor. belli cosac. polon. 151.

[59]) Histor. ab. exc. Wlad. IV. 75.

[60]) Pam. do pan. Zygm. III. Wlad. IV i Jan Kaz. II. 175.

ми,—сказалъ, по извѣстію поляковъ, ханъ: — то я тебя самого отведу къ королю [61]).

Украинскіе лѣтописи увѣряютъ, будто въ эту ночь дѣйствительно было заключено новое и окончательное тайное условіе между ханомъ и королемъ. Поляки отдавали хану Запорожье, обѣщали подарки и союзъ, и ханъ далъ слово, что будетъ слѣдующій день сражаться только для вида [62]). Есть причины, заставляющія, съ другой стороны, сомнѣваться въ этомъ, особенно, если вѣрить описаніямъ сраженія по историкамъ польскимъ, а русскихъ подробныхъ описаній не сохранилось.

Какъ бы то ни было, несомнѣнно только то, что ханъ показывалъ въ то время сильное нерасположеніе къ казацкому вождю. Хмельницкій не унывалъ. Удалившись изъ исламова шатра, онъ сталъ наблюдать въ сумеркахъ польскій лагерь; видѣлъ, какъ разставляли караулы, и замѣтилъ, что одинъ крайній редутъ, около рѣки Стыри, охранялся слабо. Казацкій гетманъ выбралъ шайку отважнѣйшихъ и приказалъ имъ напасть на нѣмцевъ, которымъ былъ ввѣренъ этотъ пунктъ. Въ полночь, казаки переплыли Стырь и тихо подкрались къ непріятелю. Нѣмцы спали, утомленные битвою и трудами. Разсыпавшись между сонными, казаки начали ихъ колоть, и уже много погибло нѣмцевъ и ни одинъ не успѣлъ пикнуть. Но, послѣ долгаго труда, руки ослабѣли у казаковъ и умиравшіе, сквозь сонъ почувствовавъ мученіе, произносили глухіе стоны. Это про-

---

[61]) Woyn. domowa. Ч. 2. 28.

[62]) Лѣтоп. пов. о Мал. Росс. 154.

будило одного артиллериста... онъ встаетъ, догадывается, подходитъ къ пушкѣ и выпаливаетъ. Громъ ея пробудилъ множество народа; раздалась тревога на трубахъ отъ одного редута до другаго и скоро затрубили по всему лагерю, и вся армія была уже на ногахъ. Воины летѣли туда, откуда послышалась тревога. Казаковъ уже не было: они бросились въ рѣку, переплыли ее, и когда жолнеры, съ зажженными лучинами, смотрѣли на зарѣзанныхъ нѣмцевъ, молодцы уже выбрались насухо, съ удивительною для враговъ скоростью [63]).

Съ этой минуты все войско польское не спало. Проснулись и въ казацкомъ войскѣ. И тамъ, и у поляковъ начали готовиться къ рѣшительному бою. Какъ только сталъ показываться на востокѣ свѣтъ и можно было отличить человѣка отъ человѣка, король началъ устроивать войско въ боевой порядокъ [64]). Онъ раздѣлилъ его какъ водится, на три части. Правымъ крыломъ командовалъ Потоцкій; подъ его начальствомъ были, между прочими, Ляндскоронскій, Александръ Конецпольскій, Юрій Любомирскій и два брата Собѣскихъ; лѣвымъ крыломъ начальствовалъ Калиновскій; здѣсь былъ и герой этой эпохи — Іеремія. Ополченія посполитаго рушенья перемѣшаны были съ кварцяными: ополченія сендомирское, краковское, бельзское, любельское, волынское, русское и сѣрадское—шляхтичи, большею частью потомки православныхъ предковъ, находились на лѣвой сторонѣ. Прочіе были на правой. Правое крыло при-

---

[63]) Hitor. belli cosac. polon. 152.

[64]) Histor. belli cosac. polon. 153.

мыкало къ лѣсу, лѣвое къ Стыри. Центромъ начальствовалъ самъ король. Впереди, въ центрѣ, стоялъ Пржіемскій съ артиллеріею, за нимъ ряды нѣмецкой пѣхоты, прикрытой по оконечностямъ отрядами конницы; далѣе, вдоль полукруглаго шара, гусары съ копьями, украшенными красными древками, а за ними король, окруженный пятьюстами конной дружины изъ знатнѣйшихъ дворянъ; за королемъ была пѣшая гвардія, полки нѣкоторыхъ воеводствъ, въ томъ числѣ драгуны, присланные брандербургскимъ курфирстомъ, по долгу ленной зависимости. Позади былъ лагерь, окруженный возами. скованными цѣпями, а за нимъ Берестечко и извилистая Стырь [65]. Число всего польскаго войска простиралось до трехсотъ тысячъ [66], но если прибавить къ тому слугъ, погонщиковъ, неучаствовавшихъ въ фрунтовой службѣ, то быть можетъ оно было болѣе и могло дѣйствительно привести въ страхъ не одного хана. „Въ то время (говоритъ современникъ) [67], только ксендзы, женщины, старики и дѣти оставались дома, въ Польшѣ; всѣ взрослые и сильные пошли на войну, освященную благословеніемъ римскаго первосвященника: всякому желательно было избавиться отъ грѣховъ и мученій послѣ смерти“.

Канцлеръ Лещинскій совѣтовалъ королю удалиться съ поля битвы для предохраненія себя отъ опасности.

---

[65]) Bel. scyth. cos. 158—161.—Histor. belli cosac. polon. 141—148.—Annal. Polon. Cim. I. 253—255.—Histor. ab exc. Wlad. IV. 77.—Wojna koz. i tat. l. 273 Past. Hist. plen.

[66]) Woyna dom. Ч. 2. 28—Истор. о през. бр.

[67]) Woyn. dom. Ч. 2. 29:

— Народъ божій, говорилъ онъ: —удалялъ отъ опасности Давида, дабы не затмилось свѣтило Израиля; Владиславъ, Ягелло и Сигизмундъ III всегда издали смотрѣли на сражавшихся, да и самъ ханъ предъ глазами нашими, хотя и считается смѣльчакомъ, но только зритель битвы, а не боецъ.—

— Собственная безопасность для меня не дороже безопасности отечества, сказалъ король: — король живетъ одною жизнью съ народомъ; едино тѣло должно быть оживляемо единымъ духомъ. Другимъ королямъ угодно было удаляться отъ битвы, а я знаю, что побѣды зависятъ прежде всего отъ Бога, а потомъ отъ короля и вождей. Пусть дворяне видятъ своего короля и ободряются; пусть враги видятъ его и боятся насъ. Пуля найдетъ виновнаго [68]).—

Хмельницкій тоже устроивалъ свою армію: она раздѣлена была на двѣ половины по союзнымъ народамъ. По отлогости равнины, на лѣвой сторонѣ, расположились татары; ихъ длинный рядъ загибался назадъ, въ видѣ полумѣсяца, и соединялся съ казацкимъ войскомъ; казаки прямо стояли противъ лѣваго польскаго крыла; впереди находился знаменитый казацкій четвероугольникъ изъ возовъ въ три ряда, скованныхъ между собою цѣпями: пѣхота уставлена была рядами въ рединѣ этого подвижнаго укрѣпленія, которое, по сознанію поляковъ, могло выдержать самый сильный напоръ. Пѣхота была прикрыта по бокамъ отрядами конницы [69]). Число хан-

---

[68]) Annal. Polon. Clim. I. 251.—Pam. do pan. Zygm. III Wlad. IV. i Jan. Kaz. II. 180.

[69]) Histor. ab exc. Wlad: IV. 77.

скаго войска вообще историки простираютъ до ста тысячъ, а число казацкаго польскіе историки явно преувеличиваютъ, ибо одни простираютъ его до 350,000, другіе до 250,000 [70]), иные до 200,000 [71]), но, по всѣмъ вѣроятіямъ, у Хмельницкаго не было столько войска, потому что тысячъ болѣе тридцати поставлено было на границѣ литовской; нѣкоторые украинскіе полки, например, кіевскій, уманьскій, оставлены были въ срединѣ Украины и почти всѣ мѣстечки наполнены были казаками. Подъ Збаражемъ Хмельницкій не имѣлъ войска болѣе восьмидесяти тысячъ. Современные польскіе дневники также упоминаютъ только о восьмидесяти тысячахъ дѣйствующаго русскаго войска подъ Берестечкомъ [72]). Если прибавить сюда толпу простонародья изъ Волыни, которая смотрѣла за возами и лошадьми и служила для исправленія всякихъ работъ, то, быть можетъ русское войско простиралось до ста тысячъ слишкомъ. Такимъ образомъ, одинъ польскій историкъ, упоминая о числѣ всего войска, дѣйствовавшаго подъ Берестечкомъ, съ обѣихъ сторонъ, справедливо насчитываетъ только пятьсотъ тысячъ слишкомъ, но триста тысячъ изъ него было поляковъ. Опытные реестровые казаки, такъ называемые ветераны, были въ войскѣ Хмельницкаго такая же сильная надежда, какъ нѣмецкіе полки въ польскомъ войскѣ; но вообще у казаковъ тогда уже начало показываться качество, нѣсколько угаснувшее въ эпоху всеобщаго волненія—предательство.

---

[70]) Ibid.

[71]) Annal. Polon. Clim. I. 246.

[72]) Wojna z koz. i tat. I. 319.

Выстроенные къ битвѣ, враги долго не видѣли другъ друга за утреннимъ туманомъ, разстилавшимся по стырской равнинѣ. Въ польскомъ лагерѣ пѣли молитвословія; по рядамъ носили чудотворный образъ холмской Божіей Матери, которой работу преданіе приписывало св. евангелисту Лукѣ [73]). Онъ былъ подаренъ, какъ думали поляки, константинопольскимъ императоромъ кіевскому князю, и въ этомъ то памятникѣ былой эпохи независимости Южной Руси поляки искали помощи противъ казаковъ, ополчавшихся за возвращеніе русской землѣ независимости. Канцлеръ, съ духовенствомъ и клирошанами, отправлялъ торжественную процессію, и, возвышая крестъ. ободрялъ воиновъ благочестія и креста Христова, какъ называли поляки свое посполитое рушенье. Король, разъѣзжая по рядамъ, съ обнаженною саблею, въ блестящемъ собраніи польской знати, возбуждалъ мужество въ воинахъ:

„Друзья! (восклицалъ онъ) теперь пришелъ часъ воздать справедливую месть мятежникамъ, соединеннымъ съ невѣрными, за оскорбленіе святыни римско-католической церкви, и спасти потоптанное божественное право и честь польскаго королевства. Я съ вами неразлучно: или уничтожимъ холопа и возвратимся домой съ побѣдою, или всѣ ляжемъ здѣсь, защищая отеческую свободу. Лучше смерть, чѣмъ быть въ неволѣ у хлоповъ и въ посмѣяніи у всѣхъ народовъ“ [74]).

Тоже дѣлалось и въ казацкомъ войскѣ, гордившемся именемъ ополченія за православіе, хотя въ немъ поло-

---

[73]) Bel. scyth. cosac.

[74]) Woyn. dom. Ч. 2. 31.

вина войска состояла изъ враговъ Іисусова креста. Коринѳскій митрополитъ Іосафъ, въ архіерейскомъ одѣяніи, проѣзжалъ на конѣ между русскими; предъ нимъ несли церковныя хоругви и образа; дымъ кадильный возносился предвѣстникомъ дыма пушечнаго.

„Братія и воины Христовы“, говорилъ архіерей: „постойте за церковь вашу, отродившую васъ духовнѣ“ [75]).

Хмельницкій, въ своей горностаевой мантіи, препоясанный освященнымъ мечомъ, съ булавой, осыпанной драгоцѣнными камнями, леталъ на безцѣнномъ аргамакѣ и напоминалъ казакамъ, что пришелъ день утвердить навсегда свободу вѣры и русскаго отечества; и голосъ его, приводившій враговъ въ трепетъ своею рѣзкостью, разносился на далекое пространство.

---

[75]) Ист. о през. бр.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

Сраженіе при Берестечкѣ.—Бѣгство хана.—Задержаніе Хмельницкаго.—Десять дней осады.—Переговоры.—Вылазки.—Бѣгство русскихъ.—Расхищеніе казацкаго лагеря.--Мужество казаковъ.

Среди такихъ церемоній взошло солнце: но безъ лучей было дневное свѣтило: туманъ еще съ часъ закрывалъ враговъ другъ отъ друга. „Наконецъ, словно занавѣсъ (говоритъ современникъ) [1]), поднялся его воздушный пологъ и лучи солнца отразились въ блестящихъ оружіяхъ и панцыряхъ, и утренній вѣтерокъ заигралъ желтыми значками, раздвоенными на острые клинышки, и гордо вдали на холмѣ въ татарскомъ лагерѣ высилось бѣлое знамя, поставленное близь шатра, гдѣ находился повелитель Крыма.“—„Былъ видъ величественный (говорятъ современники), на пространствѣ, сколько можно было окинуть взоромъ, разостлались несметные ряды трехъ враждебныхъ народовъ: каждый изъ нихъ готовился къ бою за то, что было для нихъ всего драгоцѣннѣе: поляки за отечество, татары за славу и добычу, казаки за независимость [2]). Раздѣляло ихъ ров-

---

[1]) Bel. scyth. cos.

[2]) Histor. ab exc. Wlad. IV 78.

ное поле, которому суждено было упиться кровью и устлаться трупами. Враги смотрѣли другъ на друга безмолвно, недвижно, какъ бы любуясь огромностью силъ своихъ" [3]). Хмельницкій не приказалъ начинать битвы до тѣхъ поръ, пока самъ непріятель не бросится на нихъ. Король далъ приказаніе не выходить изъ строя подъ опасеніемъ смертной казни, и не отвѣчать на татарскіе вызовы [4]). Въ такомъ торжественномъ безмолвіи стояли они до полудня и только рѣдкіе крики прерывали глубокую тишину, подобную той, какая бываетъ въ воздухѣ предъ наступленіемъ грозы. „Въ эти часы томительнаго ожиданія и неизвѣстности явился, говоритъ преданіе, сохраненное польскими лѣтописцами въ воздушной синевѣ архангелъ Михаилъ и свѣтоносным мечемъ грозилъ татарскому полчищу, и въ далекомъ небѣ блеснулъ образъ св. Дѣвы. Многіе видѣли это, говоритъ лѣтопись, и оживлялись мужествомъ сердца ихъ и бездѣйствіе было тягостнѣе битвы" [5]).

„Что бы это значило, что непріятель не трогается? (спрашивали другъ друга поляки) вѣрно онъ боится нашей огромной силы и думаетъ бѣжать."

Другіе подозрѣвали, не замышляетъ ли Хмельницкій какой нибудь хитрости [6]). Король приказалъ оглядываться назадъ и остерегаться нападенія съ тыла. Поглядывая на далекій холмъ, гдѣ бѣлѣлось ханское знамя, иные думали, что невѣрные собираютъ на нихъ силы ада и

---

[3]) Woyna. dom. ч. 2. 30.

[4]) Лѣтоп. повѣств. о Мал. Рос. 82.

[5]) Woyna dom. ч. 2. 31.

[6]) Кратк. истор. о бунт. Хмельн. 34.

заклинаніями хотятъ поразить ихъ пуще оружія. Непонятное опасеніе стало распространяться между полководцами, такъ что нѣкоторые хотѣли было отложить битву до другаго дня. Тогда король, желая прекратить толки и не допустить войско до упадка духа, послалъ къ хану Отвиновскаго, знавшаго восточные языки, съ вызовомъ открыть поскорѣе битву, которая, по сказанію украинскихъ лѣтописцевъ, долженствовала быть только примѣрная для татаръ.

„А что, сказалъ ханъ окружавшимъ его:—вытрезвился ли Хмельницкій, который мнѣ говорилъ ложъ о польскомъ войскѣ, будто оно ничтожно? Пусть идетъ подбирать медъ у этихъ пчелъ, у которыхъ такъ много жалъ„ [7]).

Было два часа пополудни; облако начало находить на солнце и вѣтеръ подулъ съ запада: вдругъ въ польскомъ войскѣ заиграли на трубахъ и запѣли торжественную пѣснь въ честь Богородицы „O gospodzie uwielbiona“, которую пѣли всегда предъ начатіемъ сраженія [8]).

Пѣхота казацкая двинулась подъ прикрытіемъ своего укрѣпленія. Татары, съ дикимъ гикомъ, бросились къ центру польской арміи [9]). Тогда Іеремія Вишневецкій съ двѣнадцатью полками кварцянаго войска и съ четырмя ополченіями: краковскимъ, сендомирскимъ, ленчицкимъ и сѣрадскимъ, бросился стремительно на казаковъ [10]). Безтрашный полководецъ самъ указывалъ всѣмъ

[7]) Pam. do pan. Zygm. III. Wlad. IV i Jan. Kaz. II. 150.

[8]) Wojna z koz. i tat. I. 274.

[9]) Annal. Polon. Clim. I. 225.

[10]) Histor. ab exc. Wlad. IV. 78

дорогу и летѣлъ впередъ съ обнаженнымъ мечемъ. Непобѣдимый, по сознанію поляковъ, казацкій четвероугольникъ распался [11]).

Въ войскѣ казацкомъ изъ полководцевъ было много такихъ, которые для *„паньства великого, для лакомства несчастного“*, какъ выражается старинная пѣсня, готовы были предать врагамъ свободу вѣры и отечества. Украинская лѣтопись обвиняетъ въ этомъ случаѣ особенно одного, Гурскаго, родомъ кіевлянина, котораго называетъ генеральнымъ асауломъ. Хмельницкій, если вѣрить этому сказанію, наблюдая самъ за двухмысленнымъ ханомъ, оставилъ Гурскому команду надъ пѣхотою, но Гурскій. недавно пожалованный поляками въ дворяне и обласканный ими, во время нападенія Вишневецкаго, двинулъ казаковъ назадъ [2]). Поляки проскочили среди казацкаго войска, разорвали его и князь Вишневецкій вдали показывалъ знамя съ гербомъ своего дома, посреди непріятельскаго лагеря, вдалекѣ отъ прочихъ знаменъ Рѣчи Посполитой [13]).

По слѣдамъ Іереміи, король приказалъ двинуть на казаковъ артиллерію и иностранную пѣхоту, а между тѣмъ съ праваго крыла прибѣжалъ на помощь Вишневецкому Александръ Конецпольскій [14]). „Тогда (говоритъ очевидецъ) грянуло разомъ нѣсколько десятковъ пушекъ, поднялась черная туча, разрываемая огненными фонтанами; раздался ужасный крикъ; ржаніе коней, ревъ

---

[11]) Histor. belli cosac. polon. 153.—Woyna dom. ч. 2. 32.

[12]) Кратк. Истор. опис. о Мал. Рос. 16.

[13]) Woyna domowa Ч. 2. 32.

[14]) Ibid.

испуганныхъ воловъ, вопли раненыхъ смѣшивались съ оглушающими пушечными выстрѣлами, и, сквозь поднявшійся дымъ, виднѣлись багровые потоки крови, груды труповъ въ панцыряхъ, съ обнажѐнными саблями и ружьями въ заледенѣлыхъ рукахъ, и бѣшеные кони, волочившіе по полю своихъ всадниковъ, неуспѣвшихъ вынуть ногъ изъ сѣдла и кончавшихъ жизнь подъ шипами подковъ“.

Къ вечеру дѣло совершенно было кончено. Ханъ закричалъ, какъ говоритъ украинскій лѣтописецъ: „въ казацкомъ войскѣ измѣна!“ и стремительно бросился въ бѣгство [15]); за нимъ, пораженные паническимъ страхомъ, пустились въ безпорядкѣ татарскія полчища.... Бѣгство ихъ государя и за нимъ всѣхъ мурзъ до того поразило татаръ, что они, не будучи никѣмъ преслѣдуемы, бросали, въ безпамятствѣ, свои арбы съ женами и дѣтьми, свои сокровища, награбленныя на Руси, больныхъ и даже мертвыхъ, въ противность алкорану, запрещавшему оставлять правовѣрныхъ безъ погребенія [16]). Хмельницкій, изумлявшій всегда враговъ твердостью и присутствіемъ духа, стоялъ, какъ ошеломленный; потомъ отдалъ начальство Джеджалыку, а самъ бросился за ханомъ въ надеждѣ уговорить его и воротить на сраженіе [17]). Ханъ покинулъ поле битвы, остановился верстахъ въ трехъ отъ казацкаго обоза. „На насъ сегодня на всѣхъ, сказалъ ханъ, какой то страхъ напалъ, татары

---

[15]) Истор. о през. бр.

[16]) Histor. belli cosac. polon. 154.—Woyna dom. Ч. 2. 38.—Лѣтоп. пов. о Мал. Росс. 83.

[17]) Histor. ab exc. Wlad. IV. 78.—Истор. о през. бр

не пойдутъ биться; останься со мной, подумаемъ; а завтра я пошлю своихъ людей помогать казакамъ" [18]).

Поляки заняли все поле, гдѣ прежде стояли татары, захватили ханскій шатеръ, взяли даже серебряный барабанъ, которымъ скликали татаръ на битву [19]), начали поражать казацкія силы съ трехъ сторонъ; въ добавокъ, усилился вѣтеръ и дулъ прямо въ лицо казакамъ, и смятеніе до того распространилось между ними, что одна часть войска, желая подать помощь другой, наткнулась, въ дыму, на собственныя пушки, и пушкари, вмѣсто поляковъ, начали бить своихъ. Быть можетъ, и это была заранѣе устроенная хитрость измѣнниковъ. Тогда часть конницы, видя пораженіе, убѣжала изъ лагеря и пустилась вслѣдъ за татарами. Другая часть конницы и пѣхота сомкнулись снова. Мужественный Джеджалыкъ съ присутствіемъ духа привелъ все въ порядокъ, храбро отражалъ натиски и сталъ ретироваться къ рѣкѣ Пляшовой.

Вечерѣло. Облака, съ самого полудня мало по малу заволакивавшія небо, распустились сильнымъ дождемъ; лошади и люди спотыкались, порохъ подмочился; поляки прекратили битву.

„Это всегда такъ бываетъ", говорили старые воины: послѣ каждой кровавой битвы Богъ смываетъ съ своей земли человѣческую кровь, пролитую человѣческими руками" [20]).

---

[18]) А. Ю. и З. Рос. III. 419.

[19]) Histor. ab exc. Wlad. IV. 78.

[20]) Annal. Polon Clim. I. 57.—Pam. do panow. Zygm. III. Wlad. IV i Jan. Kaz. II. 182.—Ист. о през. бр.

Торжественное „Te Deum“ разносилось по полю битвы [21]). Всю ночь послѣ того утомленные жолнеры спали, какъ убитые, гдѣ кто упалъ, и никто не боялся хитростей непріятелей, которые еслибъ воспользовались такою увѣренностью, повернули бы дѣло иначе. Дождь лилъ, какъ изъ ведра, небо покрывали тучи, раздираемыя молніями; только неутомимый король былъ на воздухѣ, съ открытою головою, несмотря на то, что получилъ контузію въ ногу; онъ подавалъ собою примѣръ дѣятельности прочимъ полководцамъ [22]).

Въ казацкомъ таборѣ воины тоже не спали. Они дожидались своего гетмана, который обѣщалъ къ нимъ воротиться. Тѣмъ временемъ, они снова сбили возы въ четвероугольникъ и начали окапывать обозъ съ трехъ сторонъ; съ четвертой не нужно было никакихъ окоповъ: тамъ простиралось болото, въ которомъ утонула бы нога и человѣческая, и лошадиная [23]). Окопы окончились въ одну ночь и казаки утромъ готовы были на новую битву, къ удивленію поляковъ, которые говорили: „вотъ бойкій народъ! Копать землю имъ ни почемъ; но вѣдь на то они холопы!“ [24]). Писарь Выговскій окончивъ распоряженія уѣхалъ къ хану просить, чтобы онъ отпустилъ къ нимъ гетмана, явно задержаннаго и уже не воротился въ обозъ. Ханъ и его задержалъ вмѣстѣ съ гетманомъ.

Въ субботу, 21-го іюня (1-го іюля н. ст.), жолнеры собирали и считали тѣла, и нашли убитыми шесть ты-

---

21) Annal. Polon. Clim. I. 257.—Woyna dom. Ч. 2. 34.

22) Bel. scyth. cosac. 175.—Woyna dom. Ч. 2. 35.—Past. Hist. Plen. L IX.

23) Ibid. 177.

24) Ibid.—St[illegible] delle guer civ. 259.

сячъ съ обѣихъ сторонъ. „Съ такимъ малымъ кровопролитіемъ мы пріобрѣли рѣшительную побѣду!“ воскликнули они [25]). Тѣла поляковъ были отвозимы къ погребенію во Львовъ; этимъ завѣдывали кармелиты *). Между тѣмъ король и предводители начали совѣтъ.

„Что дѣлать? говорилъ Янъ Казимиръ:—добывать ли казаковъ штурмомъ, или морить обложеніемъ?“

Іеремія Вишневецкій совѣтовалъ дѣйствовать рѣшительно: истребить все непріятельское войско, не щадить ни силъ, ни средствъ, чтобъ затушить совершенно возстаніе. Приверженцы его совѣтовали послать войско за рѣку, подѣлать плотины и палить въ казаковъ со всѣхъ сторонъ; другіе предлагали спустить воду и затопить казацкій обозъ.

„Стоитъ ли терять благородную кровь, чтобъ получить какія нибудь попоны или отрепья? (говорили другіе) лучше стѣснимъ ихъ, пока они преклоняться предъ королевскимъ величествомъ“ [26]).

Король прибавилъ при этомъ:

„Мы не должны быть суровѣе самихъ казаковъ, которые не уничтожали войска, разбѣжавшагося подъ

---

[25]) Annal. Polon. Clim. 258.

*) Впрочемъ, вѣроятно хоронили и на мѣстѣ. Близь Берестечка, на лѣвомъ берегу Стыри, есть курганъ, на которомъ построена каменная каплица съ статуею св. первомученицы Θеклы. Народное преданіе говоритъ, будто въ этомъ холмѣ, погребены триста (а по другимъ три тысячи) дѣвицъ, прибѣжавшихъ искать спасенія въ польскомъ лагерѣ отъ татаръ. Въ то самое время, когда на правой сторонѣ Стыри сраженіе было въ самомъ разгарѣ, толпа татаръ забралась на лѣвую, позади польскаго лагеря и перебила этихъ дѣвицъ.

[26]) Wojn. dom. Ч. 2, 236.—Истор. о през. бр.

Пилявою, не шли изъ подъ Замостья на Польшу и не употребили всѣхъ правъ побѣды подъ Зборовомъ. Для чего же и намъ взаимно не заплатить имъ великодушіемъ, если они согласятся на справедливыя условія? Умѣримъ милосердіемъ нашу побѣду. Эти неблагородные члены государства нужны, однако, для благородныхъ; лучше мы излечимъ ихъ кроткими средствами“ [27]).

Наконецъ, рѣшили осадить казаковъ и палить въ казацкій лагерь до тѣхъ поръ, пока они будутъ просить мира, а тѣмъ временемъ послать за пушками въ Гродно и Львовъ, потому что въ польскомъ лагерѣ орудій было недостаточно для такого большаго пространства [28]).

Въ воскресенье, поляки подвинулись къ непріятельскому лагерю и растянулись около него въ видѣ полумѣсяца. Нѣмцамъ было приказано подѣлать на другой сторонѣ шанцы и палить на непріятеля съ востока. Такимъ образомъ, казаки отовсюду были осыпаемы пулями.

Казаки ждали Хмельницкаго цѣлую субботу и не дождались; ждали его до полудня въ воскресенье, съ безпокойствомъ поглядывая на окопы, которые насыпали для пушекъ польскіе жолнеры. Гетманъ не являлся. Между тѣмъ, многіе изъ чиновниковъ, а особенно шляхтичи по происхожденію, вѣроятно, желая облегчить полякамъ побѣду, переѣзжали въ польскій лагерь, какъ скоро увидѣли, что будетъ штурмъ. Наконецъ, со всѣхъ сторонъ, загремѣли пушки, градомъ посыпались картечи въ казацкій лагерь. Казачество заволновалось. Довбиши ударили въ котлы и толпа повалила на раду.

---

[27]) Histor. belli cosac. polon. 151.—Woyn. dom

[28]) Wojna z koz. i tat.

„Поляки хотятъ насъ добывать (говорили они): а кто же теперь насъ поведетъ? Нельзя быть безъ головы! Надобно выбрать старшого“ [29]).

Хмельницкій, уходя изъ табора, оставилъ вмѣсто себя команду Джеджалыку; ему предоставляли теперь начальство вольные голоса.

Кропивенскій полковникъ долго отказывался отъ этой чести. Того требовали запорожскіе обычаи, къ тому же онъ зналъ, что Хмельницкій не любилъ, если кто нибудь беретъ на себя принадлежащее ему начальство: за нѣсколько дней первенства онъ могъ поплатиться головою [30]). Наконецъ, послѣ усильныхъ просьбъ и даже угрозъ и брани, безъ чего не обходилось въ казацкомъ обществѣ, онъ принялъ команду только на одинъ день.

Первое дѣло этого новоизбраннаго наказнаго гетмана было послать къ полякамъ просить мира. Это сдѣлано было не для того, чтобъ казаки хотѣли въ самомъ дѣлѣ помириться, но для того, чтобъ поляки на время пріостановили штурмъ и дали имъ, въ свою очередь, сдѣлать удачныя нападенія. Поляки перестали палить и тогда русскіе быстрымъ полетомъ пустились въ двѣ стороны: одни на польскіе шанцы, другіе, черезъ рѣку, на нѣмцевъ. Много въ тотъ день пало польскихъ воиновъ, много было взято въ плѣнъ, но главное зло—нѣмцы остались: ихъ хладнокровія не сломила горячая казацкая удаль.

Ночью Богунъ съ отважными переправился черезъ рѣку; они подползли по берегу до нѣмецкихъ шанцевъ. Караульные заснули. Казаки отняли нѣсколько пушекъ,

---

[29]) Истор. о през. бр.

[30]) Wojna z koz. i tat. I.

перетащили черезъ рѣку и убили до ста человѣкъ, но тутъ подоспѣли къ нѣмцамъ на помощь и казаки принуждены были обратиться назадъ [31]).

„Вотъ, что значитъ спускать непріятелю!“ говорили тогда поляки, и рѣшились не давать казакамъ отдыха ни на минуту.

Весь понедѣльникъ происходила битва: казаки опрокинули нѣсколько хоругвей и набрали много плѣнниковъ.

Во вторникъ, съ утра до вечера, гремѣли съ обѣихъ сторонъ пушки. Казаки огромною толпою выскочили изъ окоповъ, бросились на средину польской арміи, и тяжелъ былъ для нихъ этотъ день.

Ночью, со вторника на середу, казаки бросились неожиданно на польскій лагерь, но лунная ночь помѣшала ихъ намѣренію сломить непріятеля внезапнымъ напоромъ [32]).

Въ середу, русскіе до того были ужасны, что польскіе полководцы не находили охотниковъ идти на штурмъ. „Только что шляхтичъ высунетъ голову изъ лагеря, пуля казацкая тотчасъ и подцѣпитъ его“ [33]), говорили очевидцы.

Ночью, съ середы на четвертокъ, почти все казацкое войско бросилось на разные пункты польской арміи, но

---

[31]) Wojn. z koz. i tat. I. 320.—Woyn. dom. Ч. 2. 36.—Bell. scyth. cosac. 179.—Кратк.. опис. о каз. мал. нар. 32.—Лѣтоп. пов. о Мал. Рос. 33.

[32]) Woyna z kaz. i tat. I. 321.

[33]) Ibid. 319.

помѣшала, говоритъ современникъ, хлопамъ гроза и проливной дождь.

Храбры и отчаянны были ихъ выходки, хитры замыслы, которые обыкновенно выдумывалъ и исполнялъ Богунъ; но страшная безладица не допускала ихъ приводить къ концу начатаго дѣла. Одни избирали начальникомъ Джеджалыка, другіе Богуна, третьи еще какого нибудь вождя. Каждая партія исполняла только то, что приказывалъ ея вождь, и не хотѣла дѣйствовать такъ, какъ хотѣлъ избранный другою партіею; а начальники эти поступали нарочно на перекоръ одинъ другому [34]). Паны узнали о такомъ безпорядкѣ и ободряли этимъ жолнеровъ: „гдѣ нѣтъ старшаго, тамъ ничего не сдѣлаетъ солдатъ, хотя бы у него была чертовская отвага“.

6-го іюля, въ четвергъ, полякамъ привезли пушки; началась такая пальба, что казаки, какъ они сами сознавались, думали, что земля подъ ними провалится. Они храбро отстрѣливались, но польскія пушки были больше казацкихъ и наносили казакамъ больше вреда. Тогда, подобно осажденнымъ полякамъ подъ Збаражемъ, русскіе окапывали себя и лошадей; но такая война была не въ казацкомъ духѣ. Казаки готовы были пойти въ огонь, въ воду, но сидѣть неподвижно и бояться выглянуть на свѣтъ—было не сходно съ ихъ размашистою натурою. Джеджалыкъ, принявшій въ третій или въ четвертый разъ начальство, увидѣлъ, что, вмѣсто поляковъ, они скоро начнутъ съ досады бить другъ

---

[34]) Истор. о през. бр.—Woyna dom. Ч. 2. 38.

друга, и опять послалъ къ панамъ предложеніе прекратить пальбу для начатія мирныхъ переговоровъ. Король принялъ его, но приказалъ держать въ готовѣ артиллерію. „Уже разъ (говорили поляки) они насъ обманули; съ ними надобно дружиться, а камень за пазухой держать“ [35]).

И вотъ въ русскомъ лагерѣ собралась рада шумная, безпокойная, какая бывала только въ крайнихъ случаяхъ угрожавшей гибели.

„Старшина насъ покинула (говорили русскіе), Хмельницкій всему виною! Онъ злодѣй, измѣнникъ, погубилъ насъ! Мы выбились изъ ляшской неволи, а онъ насъ опять предалъ панамъ! Мы возстали... вотъ онъ намъ за то и надѣлалъ бѣды! Онъ ;нарочно покинулъ войско! Онъ подружился съ бусурманомъ и самъ ушелъ съ нимъ, а насъ оставилъ на зарѣзъ! Будемъ просить милости у короля; пусть только онъ сохранитъ наши зборовскія статьи; а его злодѣя поймаемъ и выдадимъ. У насъ будетъ лучше его гетманъ“.

Тутъ, среди разъяренной толпы, явился митрополитъ Іосафъ съ духовными и успокоивалъ волненіе.

Послѣ разныхъ споровъ и несогласій, рѣшили, наконецъ, отправить къ королю посольство съ предложеніемъ заключить миръ [36]). Посланы были три чиновника: сотникъ чигиринскаго полка Крыса, миргородскій полковникъ Гладкій, и сотникъ переяславскаго полка Петрашенко [37]).

---

[35]) Wojna z. koz. i tat. I. 325.—Pam. do pan. Zygm. III. Wlad. IV i Jan. Kaz. II. 185.—Annal. Polon. Clim. I. 261.

[36]) Истор. о през. бр.

[37]) Ibid.—Wojna z koz i tat. I. 322.

Въ блестящихъ кармазинныхъ кунтушахъ, какъ будто для показанія казацкаго богатства, явились казацкіе посланцы къ Потоцкому.

— Мы пришли просить милосердія и пощады! сказали они по латыни, (всѣ трое были люди образованные) и поклонились почтительно.

Потоцкій воскликнулъ также по латыни:

— Ахъ, вы, измѣнники! ахъ, вы, злодѣи, какихъ на свѣтѣ еще не было! И вы смѣете толковать о вѣрѣ, представляете будто воюете за церковь? Христіане ли вы, когда побратались съ невѣрными татарами и турками? Нѣтъ, вы недостойны видѣть короля [38]).

— Милостивый пане, отвѣчали казаки:—мы пришли просить прощенія; не мы сами зачинщики зла; насъ обманули лихіе люди, привели насъ насильно на войну, а потомъ оставили [39]).

Потоцкій продалжалъ имъ читать нравоученіе, а казаки просили прощенія. Наконецъ, Потоцкій сказалъ имъ ласковѣе:

— Хорошо; дожидайтесь! Если его величеству будетъ угодно, васъ позовутъ.

Черезъ нѣсколько часовъ ихъ позвали въ королевскій шатеръ, который тогда находился на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь былъ ханскій. Король сидѣлъ посреди сенаторовъ и воеводъ. Казаки вошли, потупя глаза, и тотчасъ пали на колѣни. Петрашенко началъ говорить рѣчь.

---

[38]) Wojna z koz. i tat. I. 322.—Histor. belli cosac. polon. 158.

[39]) Annal. Polon Clim. I. 263.—Pam. do pan. Zygm. III. Wlad. IV. Jan. Kaz. II. 186—187.

„Казаки, побѣжденные тобою, великій король, и уцѣлѣвшіе отъ смерти на кровавомъ полѣ, умоляютъ тебя о милосердіи. Мы преисполнили мѣру человѣческихъ преступленій, но думаемъ, что еще не превысили врожденнаго милосердія твоего. Пощади кающихся, или скорѣе умертви виновныхъ! Сто тысячъ повергаютъ передъ тобою головы, готовыя къ отсѣченію если тяжесть нашихъ преступленій можетъ быть смыта только обильною кровью. Но къ чему, государь, употреблять оружіе противъ тѣхъ, которыхъ мучитъ совѣсть! Въ твоей волѣ казнить насъ или помиловать; мы въ своемъ лагерѣ, какъ въ темницѣ, будемъ ожидать казни. Но если ты во власти умертвить насъ за оскорбленіе твоего величества, то пріобрѣтешь болѣе славы, если простишь наши заблужденія и тѣмъ заставишь насъ умирать ежедневно отъ раскаянія въ своихъ прегрѣшеніяхъ. Ты умножишь побѣду свою нашею погибелью, но уменьшишь царство свое, потому что принесешь многихъ въ даръ мщенію“ [40]).

— Для чего вы подняли оружіе? развѣ вамъ худо было? Не сдѣлалъ ли король по вашему желанію? не простилъ ли вамъ прежнихъ проступковъ?—обращались къ нимъ паны съ укоризненными вопросами.

Казаки продолжали просить прощенія, взваливали всю вину на Хмельницкаго и, заливаясь слезами, цаловали, по тогдашнему польскому обыкновенію, руки и полы одеждъ сенаторовъ и пановъ [41]).

---

40) Annal. Polon. Clim. I. 263.—Pam. do pan. Zygm. III. Wlad. IV i Jan. Kaz. II. 186—187.

41) Wojna z koz. i tat. I. 322.—Кратк. опис. каз. малор. нар. 53.—Bel. scyth. cos. 184.

— Видимъ въ васъ добрые знаки покорности, сказали паны:—хорошо, если только они не притворные. —

Казаки увѣряли, что они хотятъ оставаться въ повиновеніи у короля и Рѣчи Посполитой [42]).

Казакамъ приказано было выйти, и король началъ совѣтъ. Въ казацкой просьбѣ, которая тутъ же была прочитана, не было ничего, кромѣ покорности и охоты предаться на волю короля. Послѣ продолжительнаго совѣщанія, казаки снова были позваны.

— Хотя подобныхъ вамъ злоѣевъ и свѣтъ не производилъ,—сказалъ канцлеръ отъ имени присутствовавшаго здѣсь же короля:—хотя ваши преступленія исключаютъ всякую надежду на прощеніе, но удивительное милосердіе королевскаго величества подобно безконечному милосердію Господа, небеснаго Творца, который ниспосылаетъ и грѣшникамъ щедроты своей благости; его величество король не желаетъ вамъ окончательной гибели, если только ваше раскаяніе непритворное и невынужденное вашимъ положеніемъ, и вы покажите знаки послушанія. Завтрашній день вы получите приказанія; двое изъ васъ могутъ идти въ войско и объявить королевскую милость, а одинъ пусть остается здѣсь, чтобъ мы видѣли первый примѣръ покорности вашей.—

Казаки недовѣрчиво поглядывали другъ на друга; но Крыса вызвался остаться безъ принужденія. Онъ не думалъ уже возвращаться и остался у поляковъ въ службѣ. „Видно, что у тебя не черная душа!“ говорили ему паны [43]).

---

[42]) Wojna z koz. i tat. I. 222.

[43]) Wojna z koz. i tat. I. 323.—Bell. scyth. cos. 184.—Histor. belli cos. polon. 158.—Annal. Polon. Clim. I. 264.

На другой день, въ пятницу, явились казаки за обѣщанными условіями и были допущены къ гетману и канцлеру, которые находились тогда вмѣстѣ.

— Его величество обѣщаетъ вамъ пощаду,—говорилъ канцлеръ:—если вы намъ выдадите Хмельницкаго и разорвете союзъ съ татарами. Одни изъ васъ пойдутъ спокойно за плугъ, а другихъ король пошлетъ въ погоню за Хмельницкимъ и татарами. Вы должны выдать намъ старшинъ, для испрошенія королевской милости, и всѣ пушки, и оставаться въ совершенной зависимости у короля.

— Хмельницкаго у насъ нѣтъ и не знаемъ, гдѣ онъ; пановъ будемъ слушать; татаръ бить будемъ, а старшинъ и пушекъ отдать, не знаемъ, какъ присудитъ рада; *нехай до завтра, бо теперь вісько пьяне* [44]).—

— Ступайте! сказали имъ. Послы пошли, потупивъ головы.

Снова грянули поляки изо всѣхъ орудій и нѣсколько часовъ палили такъ, что въ польскомъ обозѣ слышно было, какъ картечи ломали казацкіе возы. Казаки отстрѣливались, но слабо [45]), потому что тогда у нихъ происходила рада.

Недовольное неудачею посольства, казачество смѣнило съ начальства Джеджалыка. Избранъ былъ снова Богунъ. Духовные по прежнему старались увѣрить ихъ, что Хмельницкій ушелъ для ихъ же пользы и скоро воротится, но уже тогда мало вѣрили этому.

---

[44]) Wojna z koz. i tat. I. 320, 325.

[45]) Ibid.

„Мы согласны (говорили казаки) помириться съ королемъ; пусть только онъ намъ подтвердитъ зборовскія статьи; мы выдадимъ ему Хмельницкаго и Выговскаго и всѣхъ подобныхъ имъ; мы пойдемъ за татарами и вѣрно будетъ служить Рѣчи Посполитой“.

Эти требованія были написаны и отправлены съ депутаціею къ королю [46]).

Потоцкій, вѣроятно, думалъ, что польскія картечи укротили русскихъ, когда увидѣлъ новую депутацію; но удивился вспыльчивый гетманъ, когда прочиталъ совсѣмъ другое, нежели ожидалъ.

„Ахъ вы, хлопы!—закричалъ онъ:—что это такое? Не изъ чего жъ и война идетъ, какъ черезъ то, что Рѣчь Посполитая не хочетъ связываться этимъ договоромъ ни въ какомъ случаѣ! Если хотите какой нибудь милости его величества, то забудьте о зборовскомъ договорѣ; съ этимъ предложеніемъ нельзя являться къ королю, иначе вы разгнѣваете его еще больше. Москвитяне не хуже васъ, а выдали Владиславу пушки и знамена подъ Смоленскомъ, и король оказалъ имъ милосердіе. Повинуйтесь, а не то всѣ пропадете, холопы [47]). Вотъ вамъ пункты: два часа срока—не болѣе“.

Въ пунктахъ, поданныхъ казакамъ, было сказано:

„Такъ какъ Хмельницкаго и Выговскаго нѣтъ въ таборѣ, то казаки обязаны дать въ заложники полковниковъ до тѣхъ поръ, пока не представятъ Хмельницкаго и Выговскаго, отдать всѣ пушки, и тѣ, какія въ лагерѣ, и какія есть въ Украинѣ; возвратить знамена,

---

[46]) Истор. о през. бр.—Wojna z koz. i tat. I. 320

[47]) Histor. belli cosac. polon. 160.—Акты З. и Ю. З. Рос. Ш. 467.

полученныя Хмельницкимъ отъ королей Владислава и Яна Казимира; выдать бунчукъ, булаву и всѣ гетманскія принадлежности. Король назначитъ имъ гетмана и впередъ будетъ самъ производить въ гетманы, а число казацкаго войска опредѣлитъ будущій сеймъ. Зборовскія статьи уничтожаются, а вмѣсто нихъ казаки будутъ довольствоваться ожеговскими, заключенными гетманомъ Конецпольскимъ" [48]).

Эти статьи отнимали у казаковъ всякую свободу выбирать чиновниковъ, лишали ихъ возможности почитать себя вольнымъ народомъ.

Вмѣстѣ съ послами отправился въ казацкій лагерь сендомирскій хорунжій.

„Никогда! никогда!" кричала рада:—„король забылъ, что обязанъ намъ свободою и жизнью подъ Зборовомъ. Подпишите зборовскія условія, которыя мы вамъ написали саблею, иначе мы не хотимъ мириться и лучше всѣ до одного положимъ свои головы" [49]).

Съ такимъ отвѣтомъ воротился хорунжій.

Паны, надменные побѣдою, далеки были отъ того, чтобъ согласиться на требованіе казаковъ. Только подканцлеръ Радзѣіовскій доказывалъ съ жаромъ, что въ самомъ дѣлѣ Янъ Казимиръ долженъ, по всѣмъ правамъ подписать зборовскій договоръ, и навлекъ на себя негодованіе короля и шляхты.

Между тѣмъ, болѣе и болѣе находилось такихъ, которые переходили въ польскій лагерь. За Крысою вслѣдъ

---

[48]) Wojna z koz. i tat. I. 323.—Wojna dom. Ч. 2. 40.

[49]) Истор. о през. бр.—Wojna z koz. i tat. I. 320—324.—Woyn. dom. Ч. 2. 325.

пришелъ Липинскій, родомъ шляхтичъ, потомъ также шляхтичъ Головацкій [50]). Немало послѣ нихъ было таких *вѣрныхъ*, какъ назывались они въ польскомъ ополченіи. Ихъ принимали ласково, чтобъ обнадежить другихъ, и позволяли служить въ польскомъ войскѣ. Только одинъ изъ такихъ *зміевъ, которымъ жити не треба*, какъ выражается украинская лѣтопись, получилъ иной пріемъ. Это былъ Лисенко, атаманъ кровожаднаго за́гона вовгуревцевъ. Онъ явился безъ оружія въ ставку князя Вишневецкаго, избравъ самого злѣйшаго врага казачества, чтобъ тѣмъ сильнѣе доказать свое обращеніе. „Принимаю унію (говорилъ онъ), признаю св. отца и клянусь польскимъ *крыжемъ* не дѣлать зла католикамъ“. Князь съ отвращеніемъ смотрѣлъ на гайдамака и, не сказавъ ему ни слова, обратился къ своимъ мечникамъ, далъ знакъ, а самъ ушелъ прочь. Лисенка разорвали на двухъ доскахъ, соединенныхъ посрединѣ гвоздями и расходившихся въ разныя стороны [51]).

Въ субботу, 28-го іюня (8-го іюля н. с.), началась снова пальба. Казаки, изъ мести и ожесточенія, начали умерщвлять плѣнниковъ въ виду польскаго войска: одному свернули голову, другому забили подъ колѣна гвозди [52]). Богунъ рѣшился не сдаваться до послѣдней капли крови и дѣйствовалъ противъ поляковъ какъ оружіемъ, такъ и своею хитростью. Онъ распространилъ въ польскомъ лагерѣ слухъ, будто ханъ съ Хмельницкимъ воротились и ночью нападутъ на польское войско.

---

[50]) Wojna z koz. i tat. I. 325.

[51]) Повѣст. о томъ, что случ. въ Украинѣ.

[52]) Bell. scyth. cosac. 185.

Немедленно отправили за рѣку большой корпусъ. Чтобъ увѣрить поляковъ въ истинѣ этого, казаки затрубили въ трубы, забарабанили въ литавры, заиграли на инструментахъ [53]). Тѣмъ временемъ, Богунъ напалъ на усѣвшихся на близкихъ окопахъ и удержалъ надъ нами верхъ [54]). Ни искуство Богуна, ни отвага казаковъ не могли спасти ихъ. Волненіе въ лагерѣ дошло до крайности. Толпы новонабранныхъ хлоповъ, исправлявшихъ разныя работы и вооруженныхъ только косами, сходились на сходки.

„Что, братцы (говорили на этихъ сходкахъ ораторы), король хочетъ, чтобъ полковники и вся старшина шли въ заставу, а они не хотятъ: оттого не мирятся; а тѣмъ временемъ татары разоряютъ край нашъ, побрали нашихъ женъ и дѣтей. Выдадимъ старшину ляхамъ и будемъ свободны"

Богунъ узналъ о такомъ замыслѣ и, собравъ на совѣщаніе старшинъ, говорилъ: „Глупая чернь отдаетъ насъ на убой и сами всѣ пропадутъ. Остается выйти отсюда и спасти какъ самихъ себя, такъ и ихъ".

Старшины рѣшили ретироваться; но, чтобъ этотъ замыселъ могъ быть исполненъ какъ слѣдуетъ, Богунъ не приказывалъ объявлять о немъ, а велѣлъ переводить казаковъ, мало по малу, на другой бокъ рѣки, и между тѣмъ безпрестанно сражаться съ непріятелемъ, чтобъ отвлечь вниманіе. Такъ, подъ распоряженіемъ Богуна, начали дѣлать мосты черезъ Пляшовую и плотину черезъ болото [55]).

---

[53]) Wojna z koz. i tat. I. 325—326.

[54]) Истор. о през. бр.

[55]) Ibid.

Народу говорили, что это дѣлается для того, чтобъ имѣть пастьбища на другой сторонѣ рѣки.

Но поляки немедленно узнали объ этомъ. Одинъ изъ многочисленныхъ тогда казаковъ, переходившихъ къ полякамъ, неизвѣстный по имени, казакъ *гожій*, какъ выражается о немъ современникъ, явился въ польскій лагерь и объявилъ, что казаки думаютъ уйти [56]).

„Надобно прижать этихъ ужей, чтобъ больше не кусались!" говорили тогда поляки [57]). По совѣту Потоцкаго, отправленъ былъ Ляндскоронскій съ нѣсколькими тысячами за рѣку [58]); хотѣли было послать туда Вишневецкаго, но подвиги его возбудили зависть: не желали, чтобъ отъ него зависѣло окончаніе битвы, потому что и безъ того приверженцы провозгласили его побѣдителемъ на генеральномъ сраженіи [59]).

Весь день, въ воскресенье, шелъ проливной дождь и казаки готовились уходить, какъ вдругъ увидѣли, что за Пляшовой стоитъ польскій отрядъ. Послана была еще одна депутація въ польскій лагерь и явилась въ обѣдъ къ Потоцкому [60]).

„Что еще? зачѣмъ?" вскрикнулъ гетманъ. Казаки попрежнему просили утвердить зборовскій договоръ.

„Было время (писали они), когда подъ Зборовомъ король находился въ такой же бѣдѣ, какъ и мы теперь, но казаки пустили его въ добромъ здоровьѣ, истребо-

---

56) Wojna z koz. i tat. I. 326.

57) Ibid. 327.

58) Истор. о през. бр.

59) Pam. do pan. Zygm. III. Wlad. IV. i Jan. Kaz. II. 189.

60) Wojna z koz. i tat. I. 326.

вавъ только права свои. Зачѣмъ же, поляки, не помните этого, наступаете на насъ силою и хотите истребить? У насъ одна свободная дорога, а вы и ту хотите отнять“ [61]).

Потоцкій вспыхнулъ, затопалъ, закричалъ и прогналъ пословъ съ ругательствами. Вслѣдъ за тѣмъ прискакалъ къ нему король, услышавъ о новыхъ послахъ изъ русскаго лагеря.

— Что это значитъ? панъ коронный гетманъ!... сказалъ съ сердцемъ Янъ Казимиръ:—вы распоряжаетесь самовольно и не даете знать королю.

— Ваше величество! отвѣчалъ Потоцкій:—эти измѣнники не стоятъ того, чтобъ ихъ допускать къ высокой особѣ. Еслибъ я зналъ, что у нихъ написано въ прошеніи, то приказалъ бы вытолкать, не допуская къ себѣ [62]).—

Нечего было дѣлать. Богунъ рѣшился вести войско на проломъ. Въ воскресенье, вечеромъ, онъ приказалъ начать сраженіе для того, чтобъ занять хлоповъ битвою съ поляками въ то время, когда другіе будутъ заниматься приготовленіемъ плотины. Богунъ выкатилъ имъ горѣлки и отчаянные хлопы полетѣли изъ окоповъ. Они сражались въ тотъ вечеръ храбро, увели много плѣнниковъ, которыхъ обрекали на мучительныя казни на слѣдующій день. Вечеромъ ударили отбой, и поляки говорили тогда:

„Чортъ возьми! у нихъ люди храбры, да и пороху

---

[61]) Истор. о през. бр.

[62]) Wojna z koz. i tat. I. 326.

много, а у насъ вѣтеръ лошадьми колышетъ! Богъ вѣсть, что дальше будетъ“ [63]).

Утомленные хлопы не подозрѣвали, что будутъ дѣлать казаки съ предводителями, напились горѣлки и скоро весь таборъ заснулъ. Казаки тѣмъ временемъ свозили на болото возы, кожухи, шатры, кунтуши, свитки, мѣшки, сѣдла, попоны—все, что имѣли и безъ чего, при нуждѣ, могли обойтись, бросали въ болото, и такимъ образомъ устроили три плотины [64]). Ляндскоронскій увидѣлъ это и поспѣшилъ имъ на встрѣчу, чтобъ не дать переправиться. Богунъ выстроилъ на трехъ плотинахъ войско, выставилъ впереди двѣ пушки, а сзади поставилъ часть конницы, а потомъ должны были слѣдовать артиллерія и казаки отрядами; Богунъ шелъ впереди и командовалъ, какому отряду слѣдовало когда переправиться [65]). Передніе крикнули рѣзкимъ голосомъ. Этотъ крикъ испугалъ Ляндскоронскаго; онъ подумалъ, что на него наступаетъ цѣлый таборъ; и такъ какъ у него было немного войска, то уступилъ дорогу непріятелю и убѣжалъ [66]). Казаки начали свободно переходить, но, не смотря на увѣщанія полковниковъ не спѣшить, такъ столпились, что многіе, при ночной темнотѣ, положили головы во время этой переправы.

Занялась заря. Хлопы проснулись, а уже половины войска и всей конницы не было въ лагерѣ [67]). Взошло

[63]) Wojn. z koz. i tat. I. 327.

[64]) Истор. о през. бр.—Wojna z koz. tat. I. 326.

[65]) Annal. Polon. Clim. I. 265.

[66]) Истор. о през. бр.—Annal. Polon. Clim. 1. 265.—Wojna dom. Ч. 2. 42.

[67]) Annal. Polon. Clim. I. 266.

солнце; они все еще ни о чемъ не знали, потому-что таборъ былъ очень великъ, да притомъ утренній туманъ закрывалъ видъ. Только тѣ, которые ночевали ближе къ нереправѣ, продолжали переходить толпами. Между тѣмъ хлопы стали завтракать [68]). Это былъ день св. апостоловъ Петра и Павла [69]): надобно было разговляться.

Со стороны поляковъ не было ни малѣйшаго нападенія [70]). Вдругъ кто то посреди толпы крикнулъ рѣзкимъ голосомъ: Братці! уже ні едного полковника немае въ таборика, поутикали усі!"

По всей массѣ пробѣжалъ внезапный страхъ, раздался крикъ нѣскольких тысячъ голосовъ, перепугавшій поляковъ и, въ минуту, весь оставшійся таборъ пришелъ въ крайнее смятеніе [71]). Кто держалъ ложку съ горячимъ кулишомъ, кто наливалъ чарку горѣлки для бодрости, другой заряжалъ ружье, иные держали плѣнныхъ шляхтичей. готовясь, можетъ быть, живьемъ зарывать ихъ въ землю: —все было покинуто. „Словно воробьи (говоритъ поэтъ—очевидецъ) [72]), когда вырвутся изъ сѣти и мечутся во всѣ стороны, и бросаются толпами на блестящія окна: такъ всѣ бросились въ разсыпную съ отчаянными криками: „пропали мы!" ища перехода. „Сюда! сюда! кричали передніе казаки и вели ихъ на плотины, но хлопы въ такомъ множествѣ натолпились, что плотины разгрузли

---

[68]) Wojn. z koz. i tat. l. 328.

[69]) Истор. о през. бр.

[70]) Wojn. z koz. i tat. I. 328.

[71]) Bel. scyth cosac. 188.—Wojn. z koz. i tat. I. 328.—Лѣтоп: самов. 17.—Stor. delle guer. civ. 263.

[72]) Odmiana sfery niest. kozac.

и они начали тонуть [73]). Напрасно Богунъ, съ другаго берега подъѣхавши къ нимъ, увѣрялъ, что онъ никогда въ мысляхъ не имѣлъ бросать ихъ на произволъ судьбы [74]), и уговаривалъ переходить въ порядкѣ; напрасно казаки кричали имъ „стойте! стойте? тише!" хлопы, не поспѣвъ на плотину, бросились въ разныя стороны, толкались, стучали лбами другъ о друга, по выраженію очевидцевъ, и, въ испугѣ, стремглавъ летѣли въ воду [75]). Поляки нѣсколько времени смотрѣли на своихъ непріятелей и не могли понять, что это значитъ. Нѣкоторые думали, что непріятель задумалъ хитрость, что казаки притворнымъ бѣгствомъ хотятъ завлечь поляковъ въ таборъ [76]). Они разувѣрились только тогда, какъ въ польскій лагерь прибѣжали плѣнные шляхтичи, чудесно спасшіеся отъ мучительной смерти. „Непостижимо! (говорили тогда поляки) мы на нихъ вовсе не нападали; вдругъ непріятель съ крикомъ бросается, ни съ того ни съ сего. Больше ничему нельзя приписать этаго, какъ особенному промыслу Божію" [77]).

Со всѣхъ сторонъ повалили поляки въ казацкій таборъ и съ жадностью подбирали все, что имъ попадалось на глаза: на рожнахъ жарились большіе куски говядины, на треногахъ стояли горшки съ борщемъ, киселемъ, или казацкою соломахою. [78]). „О, Господи Боже! (вос-

---

[73]) Bel. scyth. cosac. 189.—Wojn. z koz. i tat. I. 328.

[44]) Лѣтоп. пов. о Мал. Росс. 88.

[75]) Wojn. z koz. i tat. I. 328.—Bel. scyth. cosac. 189.—Odm. sf. niest. kozac.

[76]) Wojna dom. Ч. 2. 42.—Pam. o wojn. kozac. za Chm. 90.

[77]) Wojna z koz. i tat. I. 328.

[78]) Wojna dom. Ч. 2. 42.—Bell. scyth. cosac. 129.

клицали жолнеры) какъ Ты милосердъ! мы уже страдали голодомъ, а Ты намъ, ни оттуда, ни отсюда, послалъ столько хлѣба, муки, каши, мяса!“ Въ таборѣ было много овецъ и быковъ, и много стояло лошадей, совсѣмъ осѣдланныхъ, такъ что жолнерамъ стоило сѣсть на нихъ и гнаться за казаками. Двадцать восемь пушекъ досталось побѣдителямъ; ружей и пороха было столько, по замѣчанію современниковъ, что ими можно было снабдить все польское войско. Казачество потеряло и тѣ знаки, которые служили для него залогомъ уваженія къ его мужеству и доблестямъ. Это были два знамени: одно, пожалованное Владиславомъ, когда онъ предпринималъ войну противъ невѣрныхъ и втайнѣ думалъ возстановить значеніе короля посредствомъ русскаго народа; другое, присланное Хмельницкому въ Переяславль Яномъ Казимиромъ [79]). Митрополитъ Іосафъ—загадочное лицо въ этой кровавой эпохѣ, проповѣдникъ крестоваго похода православныхъ противъ католичества и вмѣстѣ, пропагаторъ соединенія Украины съ Московщиной и могущества православной русской державы, и главная, по замѣчанію поляковъ, причина упорства осажденныхъ русскихъ,—не достался врагамъ на жестокія мученія, которыя ожидали бы его, по сознанію самихъ поляковъ [80]). Послѣдній разъ онъ выдержалъ себя и, представъ въ архіерейской мантіи, предъ растерянныя толпы, хотѣлъ остановить ихъ и палъ съ освященнымъ мечомъ въ рукѣ, освятивъ его, по замѣчанію историковъ, своею

---

[79]) Bell. scyth. cosac. 195.—Wojna z koz. i tat. I. 327—329.—Pam. o wojn. kozac. za Chm.

[80]) Bell. scyth. cos. 194.

кровію [81]): какой-то шляхтичъ закололъ его [82]). Поляки принесли къ королю его митру, омофоръ драгоцѣнной работы, жезлъ, литой изъ соребра, и освященный мечъ. Янъ Казимиръ приказалъ похоронить архіерея въ близкой русской церкви со всѣмъ его облаченіемъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ привезли къ королю и турецкаго посла, неразлучно-находившагося при казакахъ. Его вытащили изъ болота. Жолнеры разграбили шатеръ Хмельницкаго и взяли его шкатулку, въ которой было множество писемъ и тридцать тысячъ талеровъ. Деньги достались полякамъ, кто успѣлъ подхватить ихъ, а письма и печать войска запорожскаго принесли къ королю [83]). Поглядывая на кипы бумагъ, заключавшихъ переписку съ турецкимъ правительствомъ, молдавскимъ господаремъ, трансильванскимъ княземъ и агентами въ Польшѣ, паны говорили въ шутку: „теперь будетъ что читать!" [84]). Однако, нѣкоторыя письма были написаны условною азбукою.

Среди раненыхъ и убитыхъ, поляки отъискали нѣсколько своихъ несчастныхъ собратій: одни были облуплены, какъ скотины, у иныхъ были отсѣчены руки и ноги, другіе еще дышали въ страшныхъ мученіяхъ; по трупамъ нѣкоторыхъ поляки видѣли, что казаки употребляли всякія варварства, какія придумывало ожесточеніе [85]). Это возбудило свирѣпство воиновъ; они

---

[81]) Pam. o wojn. kozac. za Chm. 91.—Истор. о през. бр.

[82]) Кратк. опис. о каз. малор. нар. 50.—Bel. scyth. kosac. 144.

[83]) Annal. Polon. Clim. I. 266. — Крат. опис. о казац. мал. нар. 66.—Истор. о през. бр.—Wojn. dom. ч. 2, 42.—Лѣтоп. пов. о каз. мал. нар. I. 88—89.

[84]) Wojn. z koz. i tat. I, 329.

[85]) Annal. Polon. Clim. I. 266.

гонялись за русскими, хватали и терзали ихъ. Въ таборѣ было много женщинъ, которыя пришли въ лагерь раздѣлять труды и опасности съ своими мужьями и братьями. Никому не было пощады, и даже раненымъ и чуть живымъ. „Наши (говоритъ современникъ) были похожи на разъяренныхъ охотничьихъ собакъ, которые преслѣдуя звѣря, пронюхаютъ его во всякой ямѣ, во всякомъ кустѣ“ [86]). Напрасно хлопы кричали: *милостивіи панове ляхи, на Бога гляньте, будемъ вірні: мы не козаки, а мужики зъ черні!*—„Нѣтъ пощады тѣмъ, которые пили шляхетскую кровь и грабили костелы!“ [87]) кричали поляки. Жолнеры вытаскивали безсильныхъ враговъ изъ подъ возовъ, изъ болотъ, и мучили безъ состраданія, отплачивая за своихъ. Русскіе толпами сами бросались въ воду и скорою смертью избавлялись отъ мученій.

Три тысячи храбрыхъ не посрамили тогда казацкой славы, какъ говорилось въ тотъ вѣкъ въ Украинѣ. Занявъ небольшой холмъ, они дорого продали жизнь свою, защищались мужественно, перебили множество враговъ; а когда увидѣли, что на нихъ со всѣхъ сторонъ наступаетъ сильное войско, тогда бросились въ рѣку, предпочитая смерть рабству. Осталось изъ нихъ триста человѣкъ; они засѣли на небольшомъ островѣ, на рѣкѣ Стыри, и оборонялись цѣлый день; сколько ни подходили къ нимъ шляхтичи, казаки ловко палили по нихъ и мѣтко задѣвали ихъ косами, коль скоро какой нибудь отважный бросался черезъ воду. Послѣ неудачныхъ попытокъ надъ храбрецами, долго начальники не могли вызвать на нихъ

[86]) Wojna domowa. Ч. 2. 42.

[87]) Odmiana sfery niestat. kozac.

охотниковъ. Потоцкій послалъ депутата къ этимъ отчаяннымъ, для которыхъ не существовалъ страхъ смерти [88]).

— Панъ Краковскій, говорилъ депутатъ:—удивляется вашей храбрости и, жалѣя такихъ мужественныхъ воиновъ, даруетъ вамъ жизнь, если вы сдадитесь.

— Скажите пану Краковскому,—отвѣчали казаки:—чтобъ онъ такъ не думалъ о казакахъ. Нѣтъ, ляхи, не проведете насъ обѣщаніями: намъ жизнь недорога, а милостями враговъ гнушаемся мы!—

Они показали множество серебра и золота, которое унесли съ собою изъ табора.

— Смотрите, продолжали они:—какъ мало значитъ для насъ добро мірское.—Драгоцѣнности полетѣли въ воду въ глазахъ изумленныхъ поляковъ.

— Знайте, прибавили казаки:—что свобода для казака всего дороже.—

Потоцкій послалъ на нихъ двѣ хоругви. Самъ король прибѣжалъ смотрѣть на это рѣдкое зрѣлище. Они обняли другъ друга, прочитали молитву и бросились на поляковъ; каждый изъ нихъ не прежде разставался съ жизнью, какъ убивъ врага и сказавъ ободрительное слово товарищу. Цѣлая сотня полка радзивиллова погибла прежде, чѣмъ перебили неустрашимыхъ русскихъ. Оставался только одинъ изъ храбрыхъ; онъ вскочилъ въ лодку и началъ отмахиваться косою. Четырнадцать пуль запустили въ него: онъ былъ еще живъ и держался! Одинъ жолнеръ бросился на него также съ косою и попятился

---

[88]) Bel. scyth. cosac. 191.

назадъ. Король приказалъ сказать казаку, что удивляется его храбрости и даруетъ ему жизнь.

„Я гнушаюсь жизнью (отвѣчалъ воинъ), хочу умереть, какъ истинный казакъ!

Нѣсколько нѣмцевъ вошли по шею въ воду и закололи его копьями [89]).

„Каждый можетъ видѣть (говорили тогда поляки), что Богъ лелѣетъ счастіе и благосостояніе польскаго народа. Кто можетъ сказать: мы побѣдители непріятеля? Самъ Богъ низложилъ его"!

---

[89]) Bellscyth. cosac. 193. —Лѣтоп. пов. о Мал. Рос. 58.—Крат. ист. опис. о каз. мал. нар. 55.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.

Напирскій.—Поляки преслѣдуютъ казаковъ.—Король уѣзжаетъ въ Варшаву.—Польское войско идетъ въ Украину.—Дѣла въ Украинѣ.—Пораженіе Небабы.—Занятіе Чернигова.—Радзивиллъ вступаетъ въ Кіевъ.—Хмельницкій у хана.—Хмельницкій въ Паволочи.—Свиданіе съ полковниками.—Судьба жены Хмельницкаго.—Третья женитьба Хмельницкаго.—Казацкій лагерь на Масловомъ Бродѣ. — Повсемѣстное возстаніе русскихъ.—Смерть Вишневецкаго.—Разореніе Трилисъ.—Кіевскій пожаръ.—Неудача казаковъ подъ Кіевомъ.—Письмо Хмельницкаго къ Потоцкому.

Почти въ это время всеобщей радости пришли въ войско вѣсти, довершившія побѣдоносное торжество польскаго короля. Хмельницкій, объявляя войну, разбудилъ и поселянъ Червоной Руси. Въ этой части русской земли, присоединенной къ Польшѣ еще въ XIV вѣкѣ, более угасала національность, изглаживались воспоминанія о временахъ князя Ярослава и короля Данила. Посѣщеніе Хмельницкимъ Львова, въ 1648 году, а въ особенности воззванія Нечая, который въ своемъ полку считалъ множество хлоповъ изъ воеводства русскаго, сдѣлали червоно-руссовъ участниками борьбы русскаго народа съ Польшею. Хмельницкій разослалъ туда свои универсалы и обнадеживалъ помощью Ракочи. На челѣ возстанія явился тогда Напирскій, пройдоха, сорви-голова, промотавшійся шляхтичъ, думавшій поправить свое положеніе среди всеобщаго замѣшательства:—такъ опи-

сываютъ его современники [1]). Возмущеніе показалось сперва въ ущельяхъ Бескидовъ, гдѣ жили горные гуцулы, люди православные, русскіе по языку, удальцы, смѣлые, здоровые, какъ вода горныхъ ключей, по выраженію ихъ пѣсенъ. Гуцулы для Червоной Руси, казалось, должны были быть тѣмъ, чѣмъ были для Украины казаки. По голосу Хмельницкаго, они стали подъ начальство Напирскаго [2]). Съ нимъ вмѣстѣ дѣйствовалъ нѣкто Чепецъ, который, съ передовымъ отрядомъ, первый спустился въ долины, и приглашалъ поселянъ къ возстанію [3]). „Мы пришли освободить васъ отъ злодѣйствъ пановъ и жидовъ", говорилъ онъ. Не только хлопы, но и нѣкоторые дворяне, особенно тѣ, которые не исповѣдывали католической вѣры, становились въ это ополченіе, въ надеждѣ возвратить себѣ права. Каждый изъ этого ополченія носилъ зеленый снурокъ, и пламя угрожало тому селу, гдѣ не хотѣли видѣть этого знака [4]). Напирскій надѣялся на Хмельницкаго: тогда еще никто не предвидѣлъ берестечскаго пораженія, надѣялся и на трансильванскаго князя. Напирскій думалъ воспользоваться повсемѣстнымъ отсутствіемъ дворянства, ушедшаго въ посполитое рушенье. Предводитель хотѣлъ завладѣть всѣми укрѣпленными мѣстами, потомъ взять Краковъ и предать столицу въ руки Хмельницкаго въ то время, когда шляхтичи будутъ отстаивать права свои

---

[1]) Bel. scyth. cos. 207.—Annal. Polon. Clim. I. 244.

[2]) Ibid.

[3]) Annal. Polon. Clim. I. 244.—Pam. do pan. Zygm. III. Wlad. IV i Jan. Kaz. II. 171.

[4]) Bell. scyth. cos. 209.

на Волыни. Для удобнѣйшаго исполненія замысла, и притомъ, чтобъ не тратить понапрасну людей, Напирскій назвалъ себя Косткою (такъ называлась одна изъ знатныхъ польскихъ фамилій) и распустилъ слухъ, будто присланъ отъ Яна Казимира съ повелѣніемъ занять крѣпости, оставленныя безъ обороны. Первая крѣпость, съ которой онъ началъ дѣло, была Чорстынъ, лежащая на не приступной горѣ, на берегу рѣки Дунайца. Тамъ, вмѣсто старосты, оставался подстароста, жидъ. Напирскій требовалъ, чтобъ его впустили. Самозванецъ показывалъ грамату съ подписью короля, съ большою висячею подписью. Жидъ сначала было воспротивился, но вскорѣ почувствовалъ, говоритъ современникъ, что у него не достало духу. Мятежники заняли Чорстынъ.

Дошла вѣсть до краковскаго епископа, которому король предоставилъ тогда надзоръ за этимъ краемъ. Къ Напирскому явились посланники отъ епископа.

„По какому праву и по чьему приказанію занятъ Чорстынъ и что за войско появилось въ Польшѣ?“ писалъ епископъ.

„Я Костка, природный дворянинъ Рѣчи Посполитой (отвѣчалъ самозванецъ): я присланъ отъ короля для охраненія границы отъ непріятельскихъ нападеній. Его величество безпокоится, что всѣ дворяне вышли изъ отечества и потому прислалъ меня“.

Посланцы увѣряли епископа, что сами видѣли королевскую грамату, и разсказали ему примѣты новаго чорстынскаго коменданта.

„Не можетъ быть (сказалъ епископъ): я знаю всѣхъ Костокъ, сколько ихъ есть въ Польшѣ. Это не Костка“.

Подозрѣніе его оправдалось: въ Краковъ привели изъ

отряда Напирскаго покупщиковъ пороха и олова; они сознались подъ пытками, что замокъ занятъ приверженцемъ Хмельницкаго.

Епископъ тотчасъ послалъ отрядъ своей надворной команды и еще хоругвь староства Опунцкаго, всего около тысячи человѣкъ, подъ начальствомъ шляхтича Яроцкаго, а между тѣмъ написалъ къ королю, который немедленно отправилъ противъ мятежниковъ три тысячи войска.

Пришедши подъ Чорстынъ, послали впередъ часть жолнеровъ, которые должны были показывать видъ, что хотятъ соединиться съ мятежниками, и потомъ при удобномъ случаѣ, отворить ворота и выдать предводителей. Напирскій впустилъ ихъ. Тогда они тайно дали знать своимъ, что въ Чорстынѣ недостатокъ воды, потому что на горѣ, на которой лежалъ замокъ, невозможно было дорыться до воды; а единственный колодецъ, служившій для продовольствія замка, находится за стѣною. Поляки окружили Чорстынъ, отняли воду и начали палить. Пальба ничего не повредила осажденнымъ; изъ пяти тысячъ, запертыхъ въ замкѣ, былъ убитъ одинъ поваръ; удалые гуцулы могли перетерпѣть нѣсколько дней безъ воды; а между тѣмъ прибывала къ нимъ сильная помощь изъ горъ, отъ своихъ братій; но пришедшіе шпіоны схватили нечаянно Напирскаго и Чепца, называвшаго себя маршаломъ Комаровскимъ, и выдали полякамъ.

На третій день послѣ того, они ѣхали, по краковской дорогѣ, въ цѣпяхъ, и толпы народа съ любопытствомъ бѣжали смотрѣть на сподвижниковъ Хмельницкаго. Гуцуловъ выпустили изъ замка и не преслѣдовали.

Напирскій, привезенный въ Краковъ, былъ подвергнутъ допросу.

„Я родомъ Мазуръ (сказалъ онъ), я помогалъ Хмельницкому. Еслибъ вы не провѣдали о моей хитрости, у меня было бы тридцать тысячъ: я взялъ бы Краковъ и освободилъ бы всѣхъ крестьянъ въ Польшѣ отъ власти пановъ и жидовъ“.

Его пасадили на колъ за оградою Кракова, а Чепца четвертовали [5]).

Подобное возмущеніе сдѣлалось около Познани, въ Великой Польшѣ. Туда явилось шесть русскихъ шляхтичей, православной вѣры, посланныхъ Хмельницкимъ. Сначала они прикидывались предъ дворянами будто бы убѣжали изъ родины, спасаясь отъ народнаго возстанія, а потомъ, когда, по случаю отхода шляхетства въ посполитое рушеніе, число шляхетскаго сословія стало рѣдѣть въ краю, они стали возмущать простой народъ, распускали слухи о побѣдахъ казаковъ, о пораженіи короля, толковали, что Хмельницкій возсталъ за свободу не только русскихъ, но вообще всего простаго народа въ Польшѣ, призывали свергнуть иго владѣльцевъ, и, такимъ, образомъ набрали толпу, которая начала возмущеніе. Но князь Чарторижскій, управлявшій тогда Познанскимъ епископствомъ, погасилъ мятежъ въ самомъ началѣ. Отрядъ изъ пятисотъ всадниковъ, посланныхъ имъ противъ мятежниковъ, напалъ на нихъ:

---

[5]) Bel. scyth. cos. 211 — 214. — Pam. do panow. Zygm. III. Wlad. IV i Jan. Kaz. II. 193—194.—Annal. Polon. Cli I. 244—270—272.— Histor. ab exc. Wlad. IV. 75.—Stor. delle guer. civ. 254—255.—Wojna domowa. Ч. 2. 50.

хлопы не знали ни военнаго строя, ни дисциплины, и съ перваго натиска разбѣжались. Четверо изъ эмиссаровъ были схвачены и посажены на колъ; другіе скрылись въ лѣсахъ. Это пораженіе отняло отвагу у другихъ хлоповъ, которые, по примѣру этихъ, уже были готовы подняться. Вѣсть о пораженіи Хмельницкаго подъ Берестечкомъ погасила всякую попытку на новыя движенія; иначе Польшу ожидали бы большіе перевороты [6]).

Послѣ расхищенія казацкаго табора, самъ король намѣревался идти въ Украину со всѣми, и обѣщалъ не оставлять войска до тѣхъ поръ, пока не прибудетъ въ Кіевъ центръ непріятельской земли.

Вишневецкій и Калиновскій были посланы впередъ съ семью хоругвями, для преслѣдованія бѣжавшихъ казаковъ. Первый отправился къ Дубно, а другой, на югъ, къ Кременцу [7]). Король, посылая эту погоню, обнародовалъ по Волыни универсалъ, который должно было оповѣстить по приходскимъ церквамъ городовъ и селъ.

„Желаемъ смягчить правосудіе милосердіемъ (было сказано въ этомъ универсалѣ) и объявляемъ милость свою русскому народу: мѣщанамъ и поселянамъ, если они не будутъ имѣть ничего общаго съ мятежниками, будутъ ловить хлоповъ, разбѣжавшися изъ подъ Берестечка и готовить королевскому войску мосты, а для содержанія его—жизненные припасы“ [8]).

Король отправился по дорогѣ въ Кременецъ, и по-

---

[6]) Histor. ab exc. Wlad. IV. 75.

[7]) Pam. o Koniecp. — Wojna z koz. i tat. I. 328—Bell. scyth. cos. 190.

[8]) Wojna z koz. i tat. I. 330.—Bell. scyth. cos. 198.

всюду поляки встрѣчали несчастные остатки сокрушенной русской силы. Во время бѣгства потонуло и было побито врагами двадцать двѣ тысячи русскихъ. Страна вокругъ была разорена и опустѣла; тѣ, которые успѣли пробиться изъ табора, умирали отъ голода, особенно пѣшіе. Поля были усѣяны ихъ трупами. Когда поляки ѣхали лѣсами, лѣсной гулъ доносилъ до нихъ со всѣхъ сторонъ крики умиравшихъ, которые напрасно пытались поддержать жизнь кореньями и травами. Слыша топотъ коней и польскую рѣчь, русскіе силились бѣжать, но подламывались ихъ ноги и, спасаясь отъ враговъ, они заползали въ кусты, какъ подстрѣленныя птицы, желая, по крайней мѣрѣ, умереть не въ рукахъ непріятелей. Король приказалъ подбирать ихъ и кормить, изъ состраданія, потому что, какъ замѣчаетъ современникъ, они были хотя не дворяне, а все таки подданные, годные для того, чтобъ служить дворянству [9]). Но русскіе съ омерзеніемъ отворачивались отъ собственнаго хлѣба, который теперь предлагали имъ побѣдители, и разбивали себѣ головы о пни и камни [10]). Такое зрѣлище представлялось полякамъ до самой рѣки Иквы. Тамъ стекались отряды, посланные въ погоню. Калиновскій привелъ въ лагерь толпу плѣнниковъ, уроженцевъ лѣвой стороны Днѣпра; привязанные за шею къ сѣдламъ, они бѣжали какъ собаки на сворѣ за охотниками. Поляки стали ихъ обыскивать и нашли только нѣсколько папушъ табаку; съѣстнаго не было ничего; за то пороха и пуль у нѣкоторыхъ было довольно.

---

[9]) Bell. scyth. cosac. 199.

[10]) Ibid. 324.

— Много васъ здѣсь? спрашивали ихъ.

— Тысячи нашихъ скитаются по этому лѣсу, сказали: — на бѣду намъ, нѣтъ здѣсь и птицъ, да притомъ рѣдкій въ силахъ зарядить ружье.

— Что жъ вы ѣдите? спросили ихъ.

— Катранъ, холодецъ (спаржа) и другія зелья, да и того негдѣ достать. Скоро всѣ пропадемъ съ голода [11]).

Іеремія не привозилъ плѣнныхъ; заставъ подъ Дубно три тысячи хворыхъ и усталыхъ, онъ приказалъ ихъ добить, не трогаясь жалкою участью враговъ [12]).

Посполитые подняли ропотъ и требовали у короннаго гетмана отпуска. „Какъ? (кричали шляхтичи), мы оставили наши семейства, наши домы, въ лѣтнее хозяйственное время, мы давали деньги и сами служили,— и этимъ недовольны! Хотятъ насъ разорить, повести въ непріятельскую землю и выморить голодомъ. А между тѣмъ въ Польшѣ неспокойно. Кто знаетъ, что теперь дѣлается съ нашими женами и дѣтьми?„

Коронный гетманъ вспылилъ и началъ имъ выговаривать бранными словами. Тогда мазовецкій подкоморій замѣтилъ ему:

— Панъ гетманъ! извольте обходиться осторожнѣе съ дворянствомъ: вы знаете, вѣдь это omnes!

— Что? какъ? насъ? закричалъ Потоцкій.—Барабанщикъ! бей въ литавры! Будемъ бить этихъ omnes измѣнниковъ!

Іеремія Вишневецкій схватилъ его за руку и съ трудомъ успокоилъ. Эта сцена усилила волненіе шляхет-

---

[11]) Wojna z koz. i tat. I. 331.—Ист. руск. Ш.

[12]) Bell. scyth. cos. 200.

ства; оно начало расходиться самовольно [13]). Кварцяное войско роптало на задержку жалованья и требовало, чтобъ король принялъ мѣры къ сбору податей для заплаты воинамъ. Этого нельзя было сдѣлать иначе, какъ освободивъ шляхтичей отъ воинской службы [14]).

„Въ самомъ дѣлѣ (говорили нѣкоторые паны), держать посполитое рушенье не къ чему: казаки совершенно пали. Довольно небольшаго числа войска, чтобъ уничтожить остатки мятежа. Нельзя, притомъ, лишать средину королевства людей, способныхъ носить оружіе, потому что Ракочи можетъ напасть на насъ" [15]).

Король согласился. Потоцкій напрасно старался удержать его. Посполитое рушенье было распущено.

„Предоставляю славу окончанія войны вамъ, господа", сказалъ гетманамъ Янъ Казимиръ.

И послѣдній разъ осмотрѣлъ онъ свое войско подъ Орломъ. Всѣхъ силъ, отправляемыхъ въ Украину, было болѣе тридцати тысячъ: они преимущественно состояли изъ нѣмцевъ; посполитаго рушенья прикомандировано было семь тысячъ [16]) изъ тѣхъ, которые пришли поздно и еще не были въ битвѣ. Остальное было распущено.

Послѣ торжественнаго прощанія, король уѣхалъ въ Варшаву черезъ Броды и Львовъ, а кварцяное войско двинулось въ Украину тремя большими отрядами [17]).

---

[13]) Pam. o Koniecp.

[14]) Wojna z koz. i tat. I. 332.

[15]) Bell. scyth. cos. I. 200.—Лѣтоп. повѣст. о Мал. Росс. 92.

[16]) Annal. Polon. Clim. I 239.

[17]) Wojna z koz. i tat. I. 329.

Болѣе недѣли шли жолнеры по разоренной и опустѣлой Волыни.

Такъ какъ это были пограничныя земли между Украиною и Польшею, по зборовскому договору, то жители разбѣжались изъ края, который всегда подвергался первымъ непріязненнымъ дѣйствіямъ. Цѣлыми толпами переселялись тогда въ Московское Государство. „Край этотъ былъ такъ безлюденъ (говоритъ очевидецъ), что о немъ можно было произнесть: земля была пуста и неустроена; мы не видѣли ни городовъ, ни селъ; только поле и пепелъ; не было ни людей, ни животныхъ, только птицы кружились въ воздухѣ“ [18]). Бурьянъ подымалъ по полямъ высокія свои маковки, такъ что лошади тонули въ немъ и едва виднѣлись всадники [19]).

Затруднительно было положеніе польскаго войска. Только конница имѣла нѣсколько запасовъ, и притомъ могла дѣлать набѣги по окрестностямъ и добывать, хотя очень скудное, пропитаніе [20]). Пѣхота пухла съ голоду, по выраженію современника. Не въ состояніи бывъ фуражировать, пѣхота принуждена была покупать; но жолнеръ въ то время все свое жалованье обыкновенно проѣдалъ, пропивалъ и проигрывалъ, а потомъ шелъ ободранный, босой и голодный [21]). Въ добавокъ, если у кого и были деньги, то не у кого было купить чего-нибудь. Пѣхота принуждена была ѣсть конскую падаль, иногда такую, которая уже по три дня гнила въ боло-

---

[18]) Памятн. кіевск. комм. II. 3. 85.

[19]) Wojna z koz. i tat. I. 335.

[20]) Pam. do panow. Zygm. III Wlad. IV i Jan. Kaz. II. 197.

[21]) Annal. Polon. Clim. I, 278. — Pam. do panow. Zygm. III, Wlad. IV i Jan. Kaz. II. 197.

тѣ [22]). Отъ этого сдѣлались въ войскѣ заразительныя болѣзни и болѣе полуторы тысячи пало, пока войско дошло до перваго украинскаго мѣстечка Любара.

Потоцкій спѣшилъ, какъ можно скорѣе, въ Украину, которую поляки называли тогда обѣтованною землею, надѣясь тамъ имѣть продовольствіе; но, на бѣду, шли проливные дожди: слякоть препятствовала идти и ѣхать, и не было строеній, гдѣ бы можно было укрыться отъ непогоды [23]). Когда, наконецъ, войско достигло предѣловъ Украины, жолнеры съ радостью увидѣли хлѣбъ на поляхъ: но вскорѣ эта радость исчезла; люди убѣжали и сожгли мельницы; пѣхота принуждена была довольствоваться жареными зернами [24]). Въ Любартовѣ Потоцкій получилъ въ такомъ смыслѣ посланіе отъ четырехъ казацкихъ полковниковъ: бѣлоцерковскаго Громыки, миргородскаго Гладкаго, кропивянскаго Джеджалыка и полтавскаго Пушкаренка:

„Поляки! заключимъ искренній и братскій миръ; вы можете побѣдить насъ выгодными условіями, но завоевать—никогда: знайте это! И если вы насъ теперь одолѣете, то казаки будутъ непреклоннѣе въ своемъ мщеніи, чѣмъ въ борьбѣ за свою свободу" [25]).

Потоцкій (говоритъ современникъ), по старости лѣтъ и по нездоровью, готовъ былъ на миръ, разумѣется, на выгодныхъ условіяхъ, но другіе паны, особенно Вишневецкій и Ляндскоронскій, твердили, что надобно истребить врага.

---

[22]) Памятн. кіевск. комм. II. 3. 84.

[23]) Wojna z koz. i tat. l. 275—336.

[24]) Wojna z koz. i tat. l. 336.

[25]) Histor. ab. exc. Wlad IV. 73.

Въ то время, когда, съ одной стороны, поляки вступили въ Украину, съ другой, иное войско одержало побѣду надъ русскими и завладѣло центромъ земли южно-русской. Когда Хмельницкій отправлялся на Волынь, онъ оставилъ полки черниговскій и нѣжинскій на сѣверной границѣ Украины для охраненія отъ литовскаго войска [26]). Подъ начальствомъ Радзивилла литовское войско расположилось надъ Припетью для усмиренія тамошнихъ хлоповъ, которые поднимались какъ скоро на Украинѣ казаки брались за оружіе противъ пановъ. На правой сторонѣ Днѣпра, въ Чернобылѣ, стоялъ кіевскій полковникъ Антонъ Ждановичъ [27]), а въ Полѣсьѣ Горкуша съ шестью, а по другимъ, съ пятнадцатью тысячами, и другіе предводители [28]). Въ Кіевѣ находился двухтысячный гарнизонъ изъ корсунскаго полка, подъ начальствомъ Мозыры зависѣвшій отъ Ждановича [29]). На лѣвой сторонѣ было на готовѣ двадцать тысячъ казаковъ. Главнымъ начальникомъ ихъ былъ Небаба. Онъ стоялъ въ Черниговѣ. Онъ, по замѣчанію современника, занимался пьянствомъ и ссорами съ другими предводителями [30]).

Небольшая сторожа находилась подъ Лоевымъ, на переправѣ черезъ Днѣпръ.

Пока неизвѣстно было, чѣмъ кончится война на Волыни,

---

[26]) Лѣтоп. самов 17.

[27]) Histor. belli cosac. polon. 187.

[28]) Wojna z koz. i tat. I. 314.—Latop. Jerlicza. 123.

[29]) Annal. Polon. Clim. I. 282. Онъ названъ Макерою; но въ современномъ дневникѣ говорятъ, что отрядъ его былъ корсунскій полкъ, а корсунскимъ полковникомъ былъ тогда Лукьянъ Мозыра.

[30]) Лѣтоп. самов. 17.

Радзивиллъ не трогался съ мѣста и стоялъ лагеремъ подъ Рѣчицею; только по Полѣсью происходили стычки. Но когда король извѣстилъ его о побѣдѣ подъ Берестечкомъ и поручилъ соединиться съ войскомъ, которое пойдетъ въ Украину [31]), Радзивиллъ послалъ къ переправѣ отрядъ, подъ начальствомъ Мирскаго. Мирскій напалъ на стражу, состоявшую изъ трехсотъ человѣкъ. Казаки не ожидали нападенія и безпечно пьянствовали. Мирскій разбилъ ихъ такъ, что только нѣсколько человѣкъ успѣло прибѣжать въ Черниговъ и сказать Небабѣ: *«ляхи прийшли на тое місто де була наша залога; але не много ляхівъ»* [32]).

Небаба, *„порвавшись неисправно противъ исправнаго войска,“* по замѣчанію современника [33]), почиталъ себя непобѣдимымъ и думалъ уничтожить незначительный отрядъ Мирскаго. Пятнадцать тысячъ казаковъ сцѣпились съ этимъ отрядомъ подъ Рѣпками; но князь Радзивиллъ зашелъ быстро и искусно въ тылъ казацкому войску и бросился на него въ то время, когда оно было занято сраженіемъ. Въ нѣсколько часовъ казаки полегли почти всѣ. Самъ Небаба, лишившись коня, побѣжалъ, но тяжелый панцырь помѣшалъ ему: два литвина напали на него; онъ оборонялся; ему отрубили правую руку—онъ защищался лѣвой и положилъ голову, какъ воинъ, вмѣстѣ съ своимъ братомъ [34]). Остатки разбитыхъ убѣжали въ Черниговъ [35]).

---

[31]) Histor. belli cosac. polon. 185.

[32]) Wojna z koz. i tat. I. 317.

[33]) Лѣтоп. самов. 17.

[34]) Wojna z koz. i tat. I. 318.—Histor. belli cosac. polon. 186.

[35]) Ibid.

Радзивиллъ подвинулся къ Чернигову. Испуганные мѣщане прислали къ нему депутатовъ.

„Умоляемъ (писали они) сжалиться надъ нами и нашими дѣтьми, и пощадить насъ. Мы выдадимъ всѣхъ паробковъ, которые пришли для соединенія съ Небабою. [36]).

Радзивиллъ остановился лагеремъ въ Любечѣ, а часть войска послалъ на Черниговъ. Неизвѣстно, выдали ли ему черниговцы казаковъ, только литовцы, по непріятельски, опустошили черниговскій край, грабили, убивали русскихъ безъ разбора, и истребили множество жителей въ самомъ городѣ [37]). Другой отрядъ литовскаго войска, подъ начальствомъ Гонсѣвскаго, перешелъ Днѣпръ, и разбилъ Горкушу на рѣкѣ Ирпени; Ждановичъ отступилъ. Гонсѣвскій дошелъ почти до Кіева и, воротившись, донесъ, что Украину обнялъ всеобщій страхъ, и что въ Кіевѣ войско незначительное [38]). Тогда литовскій гетманъ подвинулся къ Кіеву.

Какъ только услышали кіевляне, что литовцы идутъ къ русской столицѣ, въ испугѣ, собрали, какіе успѣли, пожитки, сѣли на байдаки и поплыли внизъ, по Днѣпру, къ Каневу и Черкасамъ [39]). Казаки также оставили Кіевъ, предавъ огню предмѣстіе [40]). Но Ждановичъ тогда же замыслилъ уступить непріятелю столицу, надѣясь удачнѣе поразить его въ ней. Митрополитъ, архимандритъ печерскаго монастыря Іосифъ Тризна, духовенство и члены городоваго магистрата остались въ городѣ и предались

---

[36]) Ibid.

[37]) Памятн. кіевск. ком II. 399.—Annal. Polon. Clim. I. 281.

[38]) Histor. belli cosac. polon. 130.

[39]) Лѣтоп самов.

[40]) Latop. Jerlicza. 124.

на волю Божію, хотя. по замѣчанію украинскаго историка, жизнь ихъ была не въ безопасности [41]). Они боялись попасть въ руки поляковъ и надѣялись болѣе на великодушіе литовцевъ [42]). Не доходя до города, Радзивиллъ получилъ стѣдующее письмо:

„Сіятельнѣйшему, ясневельможному пану-гетману войска, его королевской милости, литовскаго и всему рыцарскому сословію нижайшій поклонъ.“

„Со слезами просимъ васъ, милостивые паны, оказать со страданіе надъ нами и сжалиться надъ церквами Божіими и всѣмъ вашимъ городомъ Кіевомъ: не допускайте своихъ воиновъ до разоренія. Мы никогда не поднимали рукъ противъ помазанника Божія, но всегда молили всемогущаго Бога о счастливомъ ему царствованіи; а во время смутъ укрывали многихъ благородныхъ дворянъ и дворянокъ, которые сами подтвердятъ это. Давно бы мы принесли покорность вашимъ милостямъ, панове, еслибъ намъ былъ вольный проѣздъ. Просимъ вашихъ милостей избавить насъ отъ военнаго разоренія. Іюля 29, у св. Софіи“ [43]).

Радзивиллъ отвѣчалъ:

„Вѣрные подданные могутъ спокойно сидѣть въ домахъ своихъ, не опасаясь никакихъ враждебныхъ поступковъ“ [44]).

Литовское войско подвинулось къ Кіеву и обозъ сначала расположился на равнинѣ подъ Подоломъ. Самъ Радзивиллъ помѣстился въ покояхъ митрополита, близь

---

[41]) Лѣтоп. самов. 17.

[42]) Annal. Polon. Clim. I. 281.

[43]) Wojna z. koz. i tat. I. 338.

[44]) Ibid. 337.

собора св. Своеіи [45]), извѣстилъ объ этомъ Потоцкаго и приглашалъ идти скорѣе, чтобъ взаимными дѣйствіями уничтожить непріятеля.

И такъ Украина была наводнена врагами съ двухъ сторонъ, и они готовились уничтожить въ ней всякій зародышъ русской независимости. Гдѣ жъ былъ онъ, Хмельницкій, когда, по выраженію народной пѣсни, его кованые возы стояли въ лозахъ подъ Берестечкомъ, его кони достались польному гетману, его битые талеры расхватали ляхи?

Темные слухи носились о казацкомъ гетманѣ. Говорили будто ханъ держитъ его въ цѣпяхъ и бьетъ нагайками; говорили также, что онъ собралъ противъ поляковъ новыя силы. Долго не знали о немъ ни поляки, ни казаки. Покинувъ свое несчастное войско, осудившее его на выдачу полякамъ, Хмельницкій думалъ воротить Исламъ-Гирея. Напрасно. Ханъ ночью увезъ съ собою Хмельницкаго съ его писаремъ Выговскимъ. Ханъ укорялъ гетмана за то, что онъ увѣрялъ его, будто у поляковъ не много силъ, а на дѣлѣ оказалось противное. „Вотъ — говорилъ ханъ — поляки взяли въ плѣнъ моихъ мурзъ: чѣмъ мнѣ выкупать ихъ?“ Было замѣтно, что ханъ намѣревался отдать Хмельницкаго и Выговскаго полякамъ за своихъ, взятыхъ поляками въ битвѣ. Выговскій, если вѣрить тому, что онъ самъ разсказывалъ, говорилъ тогда повелителю Крыма такъ: „ваше ханское величество думаете отдать насъ польскому королю, не мало вамъ будетъ пользы отъ нашей крови; Богъ васъ накажетъ за нарушеніе присяги, а войско

---

[45]) Latop. Jerl. 125.

запорожское будетъ вамъ мстить за насъ." — „Я не нарушаю присяги, — отвѣчалъ ханъ — иначе бы я не пришелъ сюда съ своимъ войскомъ. Я самъ не знаю, какъ это сдѣлалось, что на моихъ людей нашелъ страхъ; вы сами видали какъ они, покидавъ свои наметы, разбѣжались. Я и впередъ не нарушу присяги и буду вамъ помогать." Онъ отпустилъ Выговскаго, а Хмѣльницкаго задержалъ. Онъ далъ Выговскому двадцать тысячъ татаръ, съ четырьмя мурзами, но, прошедши съ нимъ верстъ двадцать, эти татары ушли, оставивъ писаря съ двумя татарами и тремя казаками. Выговскому нечего было идти къ козацкому войску и онъ уѣхалъ въ Украину. Тамъ онъ увидалъ, что татары забираютъ въ плѣнъ русскихъ людей и оповѣстилъ казакамъ, чтобъ они отбивали своихъ единоземцевъ. Такъ разсказывалъ самъ Выговскій [46]). Польскіе источники показываютъ напротивъ, что ханъ, удержавъ у себя Хмельницкаго, отпустилъ Выговскаго въ Чигиринъ за деньгами, которыхъ требовалъ въ качествѣ окупа за Хмельницкаго и Хмельницкій сидѣлъ у него подъ стражею, пока Выговскій не доставилъ хану восьми сотъ тысячъ талеровъ [47]). Польское сказаніе правдоподобно, хотя, вѣроятно, сумма окупа преувеличена. Будучи плѣнникомъ, Хмельницкій, съ позволенія хана, посылалъ универсалы въ Украину. Не надежною оказалась дружба волка съ бараномъ, христіанина съ бусурманомъ [48]). Ханъ, взявъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, съ Хмельницкаго деньги, отпустилъ его съ честію и съ комплиментами. „Если я — говорилъ онъ гетману

---

[46]) Акты Южн. и З. Росс. 111. 468—469.

[47]) Pam. do panow. Zygm. III. Wlad. IV. i Jana Kaz. II. 198.

[48]) Лѣтоп. Самов. 16.

(такъ пересказывалъ объ этомъ Выговскій) — держалъ тебя, то дѣлалъ это изъ любви къ тебѣ; невозможно было тебѣ проѣхать къ войску въ обозъ; вотъ теперь иное дѣло, можешь ѣхать; я же отъ тебя и отъ казаковъ не отступлю, и не помирюсь съ польскимъ королемъ". Поляки говорили, что ханъ отпустилъ казацкаго вождя чуть не въ одной сорочкѣ да въ тулупѣ [49]).

Какъ бы то ни было, Хмельницкій выѣхалъ изъ-подъ Вишневца въ концѣ іюля, въ сопровожденіи пяти мурзъ и около сотни казаковъ [50]).

Гетманъ бросился тотчасъ въ Украину съ тою цѣлью, чтобъ поскорѣе собрать войско и поспѣшить на помощь осажденнымъ подъ Берестечкомъ. Ничего не зная о судьбѣ ихъ, онъ прискакалъ въ Паволочь. Мѣщане тоже ничего не знали о пораженіи и изумились, увидя своего гетмана безъ полковниковъ и почетной гвардіи.

Толпа окружила его съ распросами.

— Какимъ образомъ твоя милость идешь одинъ? Что это такое?—съ участіемъ и безпокойствомъ спрашивали православные.

— Ничего! ничего!—отвѣчалъ Хмельницкій:—все будетъ хорошо! Я оставилъ двадцать полковъ молодецкаго войска противъ короля: они будутъ обороняться хоть три мѣсяца: живности и пороха у нихъ много, а мы въ таборѣ обороняться умѣемъ, да и голодъ перенесть для казака нипочемъ!

---

[49]) Woyna z koz. i tat. 335.

[50]) Wojna z koz. i tat. l. 337.—Памятн. кіевск. комм. II. 3. 100.

— А литовскій гетманъ не прійдетъ въ Украину? спрашивали мѣщане.

— Нѣтъ! отвѣчалъ Хмельницкій: — Радзивиллъ далъ слово только оборонять границу.

Успокоивъ такимъ образомъ мѣщанъ, Хмельницкій остался въ Паволочи дожидаться ханской помощи и два дня пилъ безъ просыпу. На третій день явился въ Паволочь Хмелецкій, одинъ изъ старшинъ.

— Здѣсь гетманъ? спросилъ онъ.

— Здѣсь, отвѣчали ему:—а что такое.

— То, сказалъ Хмелецкій: — что я не знаю, какъ теперь явиться къ гетману: мы разбиты на пропалую! Гетманъ убьетъ меня! Какъ нибудь ужъ хоть вы защитите!

Въ сопровожденіи мѣщанъ Хмелецкій вошелъ къ Хмельницкому.

— А таборъ де? вскричалъ гетманъ, увидя казака изъ подъ Берестечка.

— Оже чорты узяли таборъ. Утеклисьмо зъ табора, сказалъ Хмелецкій.

— Якъ?

— Молодці биться не зхотіли.

— А корогви де?

— И корогви пропали.

— А гармати?

— И гармати!

— А шкатула зъ червонными?

— Про те не знаю.

Хмельницкій рвалъ на себѣ волосы, проклиналъ самъ себя и цѣлый міръ.

Въ такомъ меланхолическомъ расположеніи духа, го-

воритъ современникъ, застали его новые гости: пріѣхалъ Джеджалыкъ и разсказалъ, что сдѣлалось въ казацкомъ таборѣ; пріѣхалъ Гладкій, а потомъ и другіе полковники съ остатками конницы: у кого было человѣкъ полтораста, у кого сто... только Пушкаренко привелъ шестьсотъ своихъ полтавцевъ.

— Більше віська немае? спрашивалъ гетманъ.

— Немае, пане гетмане,— отвѣчали полковники: — уси въ роспорошку пишли.

Тогда начался плачъ и вопль; къ увеличенію горя, вдругъ приходитъ въ Паволочь вѣсть, что Радзивиллъ разбилъ Небабу и вступилъ въ Украину.

— Якже такъ? говорили мѣщане: — казавъ еси, пане гетмане, що литовці не будуть, а отъ уже йдуть!

— Отже, не здержавъ слова Радзивиллъ! сказалъ Хмельницкій въ отчаяніи [51]).

Хмельницкій пробылъ еще два дни въ Паволочи, какъ вотъ пришло нѣсколько татаръ: они принесли универсалъ отъ хана ко всѣмъ украинцамъ.

„Если я отступилъ отъ Берестечка (писалъ ханъ), то это я сдѣлалъ не изъ боязни, а разсудилъ такъ поступить по причинѣ болотъ и лѣсовъ; но я не отстану отъ запорожскаго войска, и когда явится вамъ опасность отъ поляковъ, снова приду со всѣми ордами.“

Хмельницкій приказалъ читать всенародно этотъ универсалъ для ободренія мѣщанъ и казаковъ.

Но, на слѣдующее утро, Хмельницкій получилъ другое посланіе отъ своего союзника. Исламъ-Гирей отказывался

---

[51]) Wojna z. koz. i tat. l. 276.

отъ всякой помощи казаковъ, да еще грозилъ казакамъ [52]). Уманскій полковникъ Глухъ, услышавъ, что въ его полку татары разбѣжавшись изъ подъ Берестечка, начали грабить, догналъ ихъ на Синихъ Водахъ и жестоко поразилъ десять тысячъ этихъ союзниковъ.

Хмельницкій, въ досадѣ, уѣхалъ изъ Паволочи.

„Пойду на Запорожье, говорилъ онъ:—и не хочу больше воевать съ панами“ [53]).

Хмельницкій прибылъ въ Корсунъ и тамъ встрѣтилъ возвратившагося изъ Москвы митрополита назаретскаго Гавріила, прибывшаго, въ сопровожденіи подъячаго Григорія Богданова, который, по данному порученію, долженъ былъ, возвратившись, передать въ Москвѣ то, что услышитъ въ Украинѣ. Царь похвалялъ гетмана за изъявленное имъ желаніе поступить подъ высокую государскую руку— и только; единственное существенное утѣшеніе казакамъ изъ Москвы было извѣщеніе чрезъ митрополита, что къ царю пріѣзжали польскіе послы, но государь отправилъ ихъ не *съ ихъ охотою*,—не такъ какъ они хотѣли и домогались. Прочитавъ царскую грамату и выслушавъ отъ митрополита объясненія на счетъ пріѣзда польскихъ пословъ въ Москву, Хмельницкій прослезился, поцѣловалъ государеву грамату и сказалъ: „я скоро отправлю пословъ просить великаго государя принять всю Украину подъ свою руку“.—„Это самое доброе дѣло“—сказалъ митрополитъ, говорившій въ присутствіи московскаго подъячаго то, что ему въ Москвѣ поручено было говорить— „и великому государю то угодно, что ты, гетманъ, хочешь

---

[52]) Ibid. 277.

[53]) Ibid. 335.

ему служить; только то удивительно, что ты, гетманъ, православный христіанинъ, держишь братство и соединеніе съ бусурманомъ и крымскимъ царемъ и татары, будучи въ братствѣ съ войскомъ запорожскимъ, убиваютъ православныхъ христіанъ, берутъ ихъ въ плѣнъ, разоряютъ ихъ домы. Вотъ крымскій ханъ приходилъ тебѣ на помощь да измѣнилъ и, чуть было тебя самаго не отдалъ ляхамъ, ради своей корысти. Я живу въ бусурманской землѣ и знаю бусурманскіе обычаи; бусурманы въ чемъ ни присягнутъ православнымъ христіанамъ—во всемъ солгутъ и въ грѣхъ себѣ этого не ставятъ, затѣмъ что у нихъ въ законѣ написано: кто изъ бусурманъ будетъ жить съ гяуромъ въ братствѣ и большой любви, не сдѣлавъ гяуру никакого зла, тотъ отъ Мугамеда будетъ въ вѣчной мукѣ. Какъ же имъ своего закона не исполнять? Перестань, гетманъ, держать братство съ крымскимъ ханомъ, а то онъ тебѣ надѣлаетъ много дурнаго".

„Самъ я—сказалъ Хмельницкій—знаю, что православнымъ христіанамъ негодится быть въ совѣтѣ и соединеніи съ бусурманами, да за грѣхи, видно, наши такое теперь время пришло, что намъ по неволѣ приходится держать братство съ бусурманами; мы съ ними въ братствѣ для того, чтобъ освободить отъ польскихъ и еретическихъ рукъ святыя церкви и православную вѣру, а они, приходя къ намъ на помощь, получаютъ большую корысть. Крымскій ханъ намъ измѣнилъ: меня отвелъ отъ польскаго обоза и съ недѣлю держалъ у себя, не допуская до войска, а войско подумало, что крымскій ханъ сложился съ королемъ, пошелъ разорять наши украинскіе города и брать въ плѣнъ казачьихъ женъ и дѣтей; и оттого то войско запорожское въ страхѣ кинуло обозъ и побѣжало, чтобъ

не давать на разореніе свои домы и семьи. Какой же послѣ этого мнѣ другъ крымскій ханъ? Но прежде времени мнѣ нельзя съ нимъ умыслить раздоръ; приходится терпѣть отъ него всякія обиды, а то, иначе, онъ сложится съ польскимъ королемъ и начнетъ воевать казаковъ вмѣстѣ съ поляками. А вотъ пусть великій государь приметъ меня съ войскомъ запорожскимъ и всю Малую Русь и всякихъ чиновъ людей подъ свою высокую руку— тогда я именемъ царскаго величества самъ стану страшенъ крымскому хану, не стану терпѣть отъ него обидъ и не буду имѣть съ нимъ союза и сношеній безъ царскаго повелѣнія. Тогда ему нельзя будетъ сложиться съ польскимъ королемъ. Великаго государя подданные донскіе казаки будутъ страшны крымскому хану, да и я съ войскомъ запорожскимъ буду чинить надъ нимъ промыселъ. Куда ему тогда дружиться съ польскимъ королемъ? Пусть только великій государь велитъ меня призвать подъ свою государскую руку: я, служа ему, государю, и крымскаго хана сдѣлаю его подданнымъ".

Такъ говорилъ Хмельницкій въ присутствіи московскаго подъячаго; такъ онъ и думалъ, хотя медленность и неповоротливость московской политики подчасъ выводила его изъ терпѣнія и онъ выражался о Москвѣ не въ такомъ почтительномъ тонѣ. „Я къ нимъ съ щирымъ сердцемъ, а они лицу моему насмѣхаются"—сказалъ однажды Богданъ въ присутствіи одного грека, передавшаго его слова въ Москву—„порази меня Богъ, если не пойду на Москву и не разорю ее пуще Литвы!" Писарь Выговскій поддѣлывался къ московскому подъячему и показывалъ передъ нимъ видъ, будто работаетъ

въ ея пользу тайно отъ гетмана и болѣе ей преданъ, чѣмъ Хмельницкій. „Я—говорилъ онъ—присягну служить государю безъ хитрости, и если будутъ у гетмана какія нибудь ссылки съ польскимъ королемъ или крымскимъ ханомъ, буду доносить государю и писать тайнымъ дѣломъ въ Путивль къ боярину и воеводѣ князю Семену Васильевичу Прозоровскому, только чтобъ никто объ этомъ не увѣдалъ, а то—если дознается гетманъ, прикажетъ меня карать". Впрочемъ, быть можетъ это говорено было съ предварительнаго соизволенія гетмана, потому что потомъ писарь говорилъ подъячему тоже, что сказалъ бы гетманъ. „Если—объяснялъ Выговскій—государь изволитъ принять насъ подъ свою руку, то его государству учинится большое прибавленіе безъ войны и кровопролитія; великій государь овладѣетъ многими землями и городами; отъ мѣщанъ и людей всякихъ чиновъ, отъ ихъ торговли и промысловъ, казнѣ его пойдетъ большая прибыль: тогда польскій король не только не посмѣетъ поднять войны противъ великаго государя, а пришлетъ пословъ просить, чтобъ великій государь на него не наступалъ и во всемъ будетъ ему уступать. Истинно скажу—если государь, принявъ насъ къ себѣ, пошлетъ своихъ ратныхъ людей на Польшу, то вся Польская Корона и великое Княжество Литовское безъ войны учинятся у государя въ подданствѣ и будутъ подъ его государевою рукою: и теперь отъ однихъ насъ, казаковъ, ляхи живутъ въ страхѣ и ожидаютъ себѣ разоренія. Если же государь насъ скоро не изволитъ принять подъ свою высокую руку, такъ мы, видя, что государь насъ не жалуетъ, станемъ подданными польскаго короля, и король и паны прельстятъ насъ, и приведутъ къ тому, что мы пойдемъ

съ поляками на Московское Государство разорять православныхъ христіанъ. Ихъ злые замыслы отъ того несостоялись, что войско запорожское нехотѣло идти войною на Московское Государство; и крымскій ханъ за это самое на гетмана гнѣвался. Польскій король много сдѣлалъ неправдъ великому государю, и за эти неправды можно бы великому государю принять Малую Русь и учинить прибавленіе къ своему государству" [54])

На Масловомъ-Бродѣ, на рѣкѣ Русавѣ, собиралась такъ называемая черная рада. Казаки обвиняли Хмельницкаго за то, что покинулъ войско подъ Берестечкомъ [55]). Въ разныхъ мѣстахъ Украины собирались мятежныя сходки, на которыхъ осуждали Хмельницкаго, какъ измѣнника.

Но тутъ то Богданъ показалъ все присутствіе духа. „Онъ (говоритъ современникъ) не измѣнялся предъ подчиненными ни въ лицѣ, ни въ духѣ; съ веселымъ видомъ, съ смѣлою рѣчью показывалъ видъ, что счастіе его не потеряно" [56]). Онъ прибылъ самъ на Масловъ-Бродъ и вскорѣ недовольные имъ казаки снова готовы были идти на смерть по его мановенію.

Къ удивленію всѣхъ, Хмельницкій, въ самомъ критическомъ положеніи, женился: прежней его жены, которая, между прочимъ, была не послѣднимъ поводомъ къ возстанію, уже не было. Одинъ изъ грековъ, жившихъ въ Украинѣ, старецъ Павелъ, сообщилъ въ Москву: мая въ 10 день пришла къ гетману вѣсть, что не стало жены его, и о томъ

---

[54]) Акты Южн. и Зап. Росс. III. 476.

[55]) Памятн. кіевск. комм. II. 3. 88.

[56]) Histor. ab. exc. Wlad. IV. 80.

гетманъ былъ зѣло кручиненъ, и я ходилъ къ нему о той его кручинѣ разговаривать [57]). Но по другимъ извѣстіямъ, она навлекла на себя гнѣвъ мужа неизвѣстно чѣмъ, а сынъ Хмельницкаго, Тимоѳей, повѣсилъ свою мачиху [58]) на воротахъ, какъ говоритъ одна лѣтопись [59]) вмѣстѣ съ семью другими лицами, вѣроятно, соучастниками ея въ томъ, за что она пострадала. Это сдѣлано было, какъ говоритъ одинъ изъ современниковъ, по приказанію гетмана [60]). Новая жена Хмельницкаго была сестра Золотаренка, котораго онъ потомъ назначилъ корсунскимъ полковникомъ, по имени Анна [61]). Поляки, неизвѣстно почему, называютъ ее казачкой Филиппихой [62]).

Стоя на Масловомъ-Бродѣ, Хмельницкій послалъ опять къ хану съ извиненіемъ, что несогласіе казаковъ съ татарами произошло противъ его воли.

„Мы не имѣемъ (говорилъ онъ) другой надежды, кромѣ твоей ханской милости и татарской орды. Теперь самое время отомстить полякамъ и напасть на нихъ. Король и все посполитое рушенье пошли назадъ въ Польшу. Только паны съ командами идутъ забирать свои украинскія помѣстья“ [63]).

Чиновникъ казацкій Котаржный поѣхалъ въ Константинополь.

---

[57]) А. Ю. и З. Р. III. 452.

[58]) Wojna z koz. i tat. l. 353.—Histor. belli. cosac. polon. 248.—Histor. ab. exc. Wlad IV. 80.

[59]) Лѣтоп. Величка. l. 14.

[60]) Latop. Jerl. 120.

[61]) Histor. belli. cosac. polon. 248.

[62]) Histor. ab. exc. Wlad. IV. 80.—Wojna. z koz. i tat. l. 278.

[63]) Bell. scyth. cos. 221.

Но Потоцкій послалъ въ Крымъ посломъ Гебултовскаго, припоминалъ трактатъ, заключенный съ королемъ, и обѣщалъ хану новыя выгоды отъ соединенія съ Рѣчью Посполитой [64]). Лупула, съ своей стороны, убѣждалъ хана отказаться отъ союза съ казаками [65]). Прикидываясь другомъ турокъ, господарь чернилъ предъ ними Хмельницкаго и старался предъ визиремъ, чтобъ были остановлены турецкимъ правительствомъ отправленные уже къ Хмельницкому подарки [66]). Такимъ образомъ, оба союзника, визирь и ханъ, хотя не объявили себя врагами казаковъ, но оставались въ бездѣйствіи, предоставляя Потоцкому выигрывать время и ослаблять мятежную и несогласную Украину. Ханъ писалъ Хмельницкому, что онъ не оставляетъ вовсе казаковъ, но отказывался выходить въ походъ. „Я— писалъ онъ—желаю гетману, писарю, полковникамъ, атаманамъ и всему войску запорожскому здоровья и многихъ лѣтъ. Пошлю брата своего Нураддина, Шеферъ кази, Субингизи агу и другихъ агъ и беевъ, а самъ останусь въ Крыму. Давайте отпоръ непріятелю, только незанимайтесь пьянствомъ, какъ прежде дѣлали, а просите господа Бога о побѣдѣ“ [67]). Только двѣ тысячи отборныхъ татаръ служили у Хмельницкаго [68]); кромѣ того, у него было на границѣ четыре тысячи татаръ нагайской вольной орды, подъ начальствомъ Карачь-Мурзы [69]).

---

[64]) Ibid.—Pam. do pan. Zygm. III. Wlad. IV i Jan. Kaz. II 199.

[65]) Wojna z koz. i tat. I 344.

[66]) Ibid. 332.

[67]) Jak. Michal. 629.

[68]) Woyna z koz. i tat. I. 288.

[69]) Ibid.—Histor. belli cosac. polon. 201.

Оставалось положиться на своихъ. Хмельницкій распустилъ по Украинѣ универсалъ, призывая русскій народъ защищать отечество.

„Судьба непостоянна (таковъ, по извѣстію поляковъ, былъ смыслъ его универсала)—она обыкновенно поднимаетъ вверхъ того, кого потоптала; теперь она покровительствуетъ полякамъ, но скоро обратится къ казакамъ. Стоитъ только начать войну и мы возвратимъ потерянное съ лихвою. Король съ войскомъ ушелъ уже въ Польшу, гдѣ Ракочи взялъ Краковъ. Противъ насъ идетъ слабое войско подъ начальствомъ пановъ, которые считаютъ насъ рабами и думаютъ теперь властвовать надъ побѣжденными, какъ угодно. Ими предводительствуетъ напыщенный Потоцкій, дряхлый старичишка, который когда то былъ у насъ въ рукахъ и проданъ Тугай-Бею. Со всѣхъ сторонъ сбираются татары и будутъ теперь сражаться охотнѣе, чтобъ стереть безславіе недавняго пораженія" [70]).

„Плодовитая матка казацкая Украина (говоритъ русскій лѣтописецъ) [71]) возродила казачество, какъ будто не было берестечскаго пораженія". Повсюду собирались толпы русскаго народа и клялись умереть, а не поддаться врагамъ. Но не было ни порядка, ни единодушія въ разсѣянныхъ ополченіяхъ [72]). Одни утѣшали себя тѣмъ, что, быть можетъ, прійдутъ турки и Украинѣ будетъ легче подъ властью султана [73]); другіе называли Хмельницкаго измѣнникомъ за сношенія съ бусурма-

[70]) Bel. scyth. cosac. 220.

[71]) Ист. о през. бр.

[72]) Памятн. кіевск. комм. II. 3. 88.

[73]) Bell. scyth. cosac. 221.

нами. По разнымъ мѣстамъ буйныя головы выбирали себѣ предводителей и не хотѣли признавать власти Хмельницкаго. Въ самой радѣ Хмельницкаго происходили разногласія: Выговскій и другіе шляхтичи, спасенные казаками и вступившіе въ казацкое званіе, думали помириться съ поляками; другіе не соглашались ни за что, готовы были лучше отдаться Турціи или Московскому Государству. Что касается народа, въ немъ была непримиримая ненависть противъ поляковъ и вся масса русскаго народонаселенія готова была лучше погибнуть до послѣдняго, чѣмъ снова признать власть пановъ.

Подоляне, упорнѣйшіе изъ всѣхъ южноруссовъ, поднялись съ прежнею заклятою враждою къ панскому сословію. Владѣльцы думали, что теперь, послѣ побѣды надъ хлопскимъ ополченіемъ, можно, наконецъ, безопасно въѣхать въ свои имѣнія, и прибыли на Подоль съ командами; но поднѣстранскіе жители привѣтствовали гостей рогатинами и косами. Потоцкій думалъ, что это дѣлается изъ отчаянія, отъ безнадежности получить прощеніе за прежнія своеволія, а потому отправилъ къ нимъ милостивые универсалы и обѣщалъ всеобщее забвеніе прошлаго, если они перестанутъ мятежничать. Подоляне собрались на черную раду въ Деренчинѣ, перебили посланныхъ Потоцкаго и выбирали себѣ предводителей: упорные во враждѣ къ панамъ, они не думали повиноваться и Хмельницкому [74]).

Бужане стекались въ Прилуки подъ начальствомъ винницкаго полковника Богуна, который съ каждаго жителя

[74]) Wojna z koz. i tat. 1. 278. 337.—Памятн. кіевск. ком. II. 3. 101.

бралъ по талеру для приглашенія татаръ [75]). Составилось ополченіе и въ Бѣлой-Церкви, но бѣлоцерковскій полковникъ Громыка пришелъ въ подозрѣніе у подчиненныхъ за склонность къ миру [76]). Богунъ, услыша, что войско коронное идетъ на Кіевъ, поспѣшилъ соединить свое ополченіе съ бѣлоцерковскимъ, и, въ то время, когда Хмельницкій собиралъ войско на Масловомъ Станѣ, укрѣпилъ Бѣлую-Церковь, поставилъ казацкіе гарнизоны въ Хвастовѣ и Трилисахъ, лежавшихъ на дорогѣ [77]). Дѣятельность и воззванія винницкаго полковника въ особенности пробуждали и поддерживали въ жителяхъ упорство. Они съ ожесточеніемъ жгли на поляхъ собственный хлѣбъ, раззоряли свои хаты, загоняли въ замки скотину, увозили припасы, чтобъ не дать врагамъ ни пристанища, ни пропитанія [78]).

Поляки скоро почувствовали ожесточеніе народа. Сначала было они обрадовались, когда вышли изъ Любара и потянулись по обѣтованной землѣ, какъ называли они Украину; чрезъ нѣсколько дней все измѣнилось; паны за большія деньги не могли достать себѣ живности, „а меду, пива, или вина (говоритъ современникъ) могъ отвѣдать развѣ Потоцкій, да и то заплативъ вчетверо за дурное пиво, какого и слуга его не сталъ бы пить въ другое время“ [79]). Во время похода безпрестанно нападали на нихъ вооруженныя партіи; въ виду ихъ отнимали возы, лошадей, останавливали на переправахъ, ломали мосты и кричали:

---

[75]) Wojn. z koz. i tat. I. 339.

[76]) Ibid. 280.

[77]) Ibid. 284—289.

[78]) Ibid. 278.

[79]) Ibid. 280.

„Коли здумаете побігти, той нога ваша не втече" [80]).

3-го августа, (13-го н. с.) въ воскресенье, польское войско прибыло въ Паволочь. Нѣкоторые полководцы хотѣли ударить прямо на Хмельницкаго, но Вишневецкій подалъ совѣтъ идти по дорогѣ въ Кіевъ и соединиться съ Радзивилломъ, а потомъ уже, съ большими силами, задавить казацкаго предводителя. Потоцкій принялъ совѣтъ и приказалъ отдохнуть войску нѣсколько дней въ Паволочи. Наступилъ праздникъ Успенія. Поляки считали обязанностью провести его на мѣстѣ, а не въ дорогѣ [81]). Можетъ быть, живое воспоминаніе зборовской битвы оставило такое впечатлѣніе и несчастную примѣту объ этомъ днѣ.

Во время стоянки въ Паволочи поразила поляковъ неожиданная скорбь. 3-го августа, (13-го н. с.) былъ совѣтъ, гдѣ принято мнѣніе Вишневецкаго; совѣтъ происходилъ въ шатрѣ князя. Во все продолженіе дня паны оставались у него въ гостяхъ. Іеремія былъ веселъ, шутилъ, подчивалъ гостей и самъ пилъ противъ обыкновенной своей трезвости. На другой день, онъ съѣлъ арбузовъ и напился меду; это испортило у него желудокъ; оказались признаки горячки. 9-го августа его отнесли въ замокъ и, чрезъ двадцать два часа скончался храбрый полководецъ, въ цвѣтущихъ лѣтахъ, среди блестящихъ подвиговъ, счастливый любовью соотечественниковъ. Войско было поражено горестью до изступленія; смерть его казалась подозрительною; поговаривали, что его отравили ядомъ.

---

[80]) Ibid. 279.

[81]) Ibid. 284—342.

12-го августа, (22-го н. с.) тѣло Іереміи отправили въ Вишневецъ къ роднымъ могиламъ. Вѣрная дружина покойника провожала его и хорунжій, въ знакъ послѣдней почести, держалъ опущенное внизъ знамя, а предводители шли за нимъ съ открытыми головами. Звукъ трубъ и бубенъ и залпы изъ пушекъ и ружей были прощальною данью всего войска воинственному князю. „Рѣдкій тогда не плакалъ (говоритъ очевидецъ), потому что всѣ простые жолнеры любили его, какъ только можетъ солдатъ любить своего генерала.“—„Не скоро явится въ Польшѣ подобный герой“, говорили они единогласно“ [82]). „За то Хмельницкій (говоритъ польскій лѣтописецъ) обрадовался, какъ услышалъ, что нѣтъ болѣе того, кто всегда стоялъ ему костью въ горлѣ.“— „Наконецъ, Богъ услышалъ наши моленія (говорилъ онъ казакамъ): десница Божія оказала справедливость: князь Вишневецкій, хотѣвшій нѣкогда обладать цѣлою Русью, теперь занимаетъ четыре локтя земли. Оружіе наше не сразило его; Богъ, мститель крови нашей, поразилъ беззаконную голову“ [83]).

На другой день послѣ похоронъ, войско вышло изъ Паволочи, по дорогѣ къ Трилисамъ, отстоящимъ отъ Паволочи на тридцать верстъ. „Мы очутились тогда (говоритъ современникъ) среди необозримыхъ жатвъ и всеобщаго изобилія. По обѣимъ сторонамъ дороги мелькали хутора, потонувшіе въ роскошныхъ садахъ и па-

---

[82]) Wojna z koz. i tat. l. 286.—Памятн. кіевск. комм. II. 3. 105—107. Histor. belli ccsac. polon. 193.—Histor. ab exc. Wlad. IV. 80. — Pam. o wojn. koz. za Chm. 92. -Истор. о през. бр.— Annal. Polon. Clim. I. 285

[83]) Histor. ab exc. Wlad. IV. 80.

сѣкахъ и голодное жолнерство бросилось жадно на грабежи. Въ пять часовъ вечера поляки подошли къ Трилисамъ. Потоцкій послалъ къ мѣстечку объявить жителямъ прощеніе и пощаду, если они впустятъ войско. Поляки, подошедши, увидѣли, что все мѣстечко окружено по валу дубовымъ толстымъ заборомъ; на заборѣ сидѣли вооруженные люди обоего пола съ разными орудіями, и военными и домашними."

— Покоритесь вы намъ, ляхи, кричали они: —не моріть собі коней, бо ні на чомъ буде до Кракова утікати!

Вслѣдъ затѣмъ раздался залпъ и смѣхъ надъ падавшими врагами.

Потоцкій приказалъ войску подвинуться, чтобъ показать упорнымъ свою силу; „но ни одна живая душа не думала просить милосердія (говоритъ современникъ) [84]). Они сидѣли попрежнему и ругались надъ врагами, хотя видѣли ясно, какъ велико польское войско и какъ ничтожна ихъ сила."

Потоцкій отрядилъ шесть сотъ человѣкъ пѣхоты и четыреста драгуновъ и велѣлъ имъ идти на штурмъ, а между тѣмъ еще разъ сдѣлалъ мирное убѣжденіе.

— Гетманъ,—говорили посланные къ мѣстечку:—не желаетъ васъ губить и обращать въ пепелъ мѣстечко его королевской милости. Опомнитесь и покоритесь.—

— Убирайтесь къ чорту, ляхи, отвѣчали казаки: — король вашъ утікъ, и ви идіть собі у Польщу, бо се вже не ваша земля. —

Это удивительное упорство взбѣсило поляковъ.

— Нѣтъ (говорили они), нечего жалѣть дрянной де-

---

[84]) Wojna z koz. i tat. I. 344.

ревушки; хлопское упрямство скорѣе усмирится саблею и огнемъ, чѣмъ угрозами и поблажками.—

Отрядъ, назначенный для штурма, вышелъ еще до свѣта, въ то время когда сонъ особенно одолѣваетъ человѣка. Жители не спали. Въ мѣстечкѣ горѣли огни; дубовый частоколъ попрежнему былъ усаженъ людьми. Въ мѣстечкѣ, кромѣ всего вооруженнаго населенія, было только шестьсотъ казаковъ; погибель ихъ была очевидна, но они рѣшились показать собою въ Украинѣ примѣръ, что только отчаяніемъ можно спасти ихъ дѣло. Начальникомъ въ Трилисахъ былъ Александренко, тотъ самый, который зимою отличался въ Сцянахъ.

Пржіемскій ударилъ залпомъ изъ орудій; изъ мѣстечка отвѣчали тѣмъ же.

Пржіемскій повторилъ канонаду; польскія ядра проломали тройной заборъ: жолнеры перескочили черезъ глубокій и узкій ровъ и ворвались въ мѣстечко. Жители заперлись въ замкѣ.

Пѣхота полѣзла на валъ замка. Съ ожесточеніемъ оборонялись русскіе; женщины поражали нѣмцевъ рогачами и косами, и одна баба зарѣзала косою начальника отряда, полковника Страуса, и болѣе ста человѣкъ нѣмцевъ легло на валу. Но Трилисы были взяты; желѣзное упорство привело побѣдителей въ звѣрство; овладѣвъ мѣстечкомъ, они разбивали о стѣны младенцевъ, потому что никто изъ взрослыхъ не дался живой. „Въ четыре часа утра Трилисъ не стало; все мѣстечко, замокъ, прекрасная церковь — все было принесено въ жертву Вулкану (какъ говоритъ современникъ) [85]); его-

---

[85]) Ibid. 342.

рѣли даже вѣковые, толстые, какъ пивная бочка, дубы, окружавшіе мѣстечко." Всѣхъ жителей въ мѣстечкѣ погибло болѣе двухъ тысячъ. Поляки, недовольные этимъ, бѣгали по околицѣ, по лѣсамъ и болотамъ, и убивали безъ разбора всякаго русскаго, какой только имъ встрѣчался. По обгорѣлымъ развалинамъ хатъ лежало множество разбросанныхъ труповъ мужескихъ, женскихъ и дѣтскихъ; вся окрестность усѣяна была тѣлами; храбрость украинскихъ женщинъ изумляла поляковъ, и они, въ ожесточеніи, убивали каждую женщину, думая, что это мужчина въ женскомъ платьѣ.

„О, Господи Боже! какъ Ты милосердъ!" восклицали поляки, добывъ въ разоренныхъ хуторахъ скота, хлѣба, горѣлки.

Александренко былъ схваченъ живымъ и посаженъ на колъ [86]).

Простоявъ два дня на пепелищѣ Трилисъ и окрестныхъ хуторовъ, поляки переправлялись цѣлый день по узкой плотинѣ и, 16 августа (26 н. ст.), пришли въ Хвастовъ. Тамъ не было живой души. Всѣ жители, испуганные разореніемъ Трилисъ, ожидали себѣ такой же участи, въ случаѣ упорства, а покориться не хотѣли, и потому разбѣжались, оставя жолнерамъ пустые домы. Кіевскій митрополитъ послалъ въ подарокъ къ Потоцкому напитковъ и просилъ пощады духовенству и православнымъ жителямъ. Простоявъ нѣсколько дней въ Хвастовѣ, войско двинулось къ Василькову.

---

[86]) Памятн. кіевск. комм. II. 3. 110.—Wojna z kozak. i tat. l. 287—288. 344—345.—Annal. Polon. Clim. l. 287.—Histor. belli cosac. polon. 194—195.

За четыре дня до разоренія Трилисъ, Кіевъ испыталъ также горькую участь. Литовцы спачала подошли подружески, но, чрезъ нѣсколько дней, Радзивиллъ ввелъ всю свою армію въ Кіевъ, приказалъ отбирать у жителей оружіе и потомъ обвинялъ городъ въ измѣнѣ, потому что горожане выпустили свободно отрядъ корсунскаго полка и своихъ собратій, убѣжавшихъ въ нижнія страны Украины. Литовскій гетманъ нарядилъ коммиссію для отъисканія виновныхъ. Эта коммиссія открыла, что тѣ, которые были виновны, ушли изъ города; тогда Радзивиллъ принялся за тѣхъ. которые имѣли какое нибудь сношеніе съ людьми, признанными мятежниками, и многихъ мѣщанъ вѣшалъ и сажалъ на колъ. Жолнеры грабили и насиловали жителей. ругались даже надъ вѣрою. Памятникомъ посѣщенія ими Кіева осталась до сихъ поръ въ братскомъ монастырѣ изуродованная икона Богоматери, къ которой набожные богомольцы прибѣгаютъ съ мольбами.

Поступки войска ожесточили жителей. Между тѣмъ Ждановичъ, съ которымъ они были въ уговорѣ, составлялъ планъ погубить непріятельское войско въ Кіевѣ. Онъ отправилъ Мозыру съ двумя тысячами къ Днѣпру, приказалъ ему тихонько подплыть подъ литовскіе байдаки и зажечь ихъ; другой же предводитель Горкуша, также съ двумя тысячами, долженъ былъ идти по правому берегу и ударить неожиданно на Старый городъ. Самъ Ждановичъ, съ шестью тысячами казаковъ, плылъ по Днѣпру вверхъ, и готовился пристать къ берегу и напасть на литовцевъ въ то время, когда Горкуша нападетъ на нихъ съ другой стороны города. Тогда, по уговору съ нимъ, жители, ожесточенные грабительствомъ

литовцевъ, рѣшились сами зажечь домы свои, истребить все достояніе, чтобъ оно не доставалось въ руки враговъ, и этимъ пожаромъ произвести смятеніе, которое помогло бы казакамъ.

6-го августа (16-го н. ст.,) одинъ неустрашимый мѣщанинъ на Подолѣ первый зажегъ свой домъ, и все строеніе, и самъ бросился въ огонь, вѣроятно, потому что его подвигъ увидѣли враги: онъ хотѣлъ избавить себя отъ позорной казни. Шестьдесятъ домовъ сравнялись съ землею. На другой день, въ полдень, увидѣли мѣщане издали казаковъ, и Кіевъ загорѣлся со всѣхъ сторонъ: поднялся страшный вихрь. Очевидецъ разсказываетъ, что онъ, стоя на горѣ, воображалъ себѣ Содомъ и Гоморру. Горѣли лавки съ товарами, шляхетскіе и мѣщанскіе домы, училища, горѣли церкви; въ числѣ ихъ погибли двѣ древнія каменныя церкви, одна во имя св. Троицы, другая во имя св. Василія, построенная Владиміромъ и стоявшая на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь церковь Трехъ Святителей, женскій флоровскій монастырь, церковь Николая-добраго. Только католическій каѳедральный костелъ и доминиканскій монастырь были охранены жолнерами. Болѣе двухъ тысячь дворовъ было истреблено пожаромъ. Литовцы бросились было грабить остатки имуществъ, которые такъ усердно повергали въ огонь собственные хозяева, но тутъ раздалась тревога: казаки нападали на нихъ.

Къ несчастью русскихъ, предводитель корсунскихъ казаковъ Мозыра испортилъ все дѣло. Вмѣсто того, чтобъ исполнить приказаніе Ждановича и подплыть Днѣпромъ подъ байдаки, онъ пошелъ на правый берегъ, позади Горкуши, и началъ огнемъ давать сигналы плыв-

шему Ждановичу, чтобъ тотъ спѣшилъ скорѣе. Это открыло Радзивиллу тайну. Сильный отрядъ, подъ начальствомъ Нольда, встрѣтилъ казаковъ за золотыми воротами, близь Лыбеди, а другая часть войска бросилась въ байдаки и поплыла быстро къ печерскому монастырю противъ Ждановича. Горкуша на Лыбеди не могъ ничего сдѣлать. Двѣ тысячи татаръ, бывшихъ съ нимъ, вмѣсто того, чтобъ помогать ему, остались за Лыбедью. Сначала казаки на Лыбеди опрокинули было непріятеля и погнались за Нольдомъ, но потомъ драгуны окружили ихъ со всѣхъ сторонъ и оттиснули. Въ тоже время литовцы, плывшіе по Днѣпру, принудили Ждановича обратиться назадъ; вихрь былъ прямо въ глаза казакамъ; имъ надобно было плыть противъ воды, а враги ихъ плыли внизъ по теченію за вѣтромъ. Такимъ образомъ планъ Ждановича не удался отъ своеволія его подчиненныхъ. Русскіе выиграли только то, что имущества ихъ не достались грабителямъ.

Кіевскій пожаръ и трилисское кровопролитіе увеличили ожесточеніе русскаго народа. Русскіе, скрываясь по лѣсамъ, наскакивали изподтишка на враговъ и отомщали на плѣнникахъ кровь своихъ братьевъ и пепелъ ихъ жилищъ; они преслѣдовали съ особеннымъ ожесточеніемъ нѣмцевъ, потому что нѣмцы выказали себя свирѣпыми при взятіи мѣстечка. Приводя плѣнниковъ въ уединенныя ущелья, они сажали ихъ за столъ, подчивали медомъ и виномъ, вели пріятельскіе разговоры, потомъ, поругавшись вдоволь, сажали на колъ, сдирали кожи и прокалывали рожнами [87]. Летучіе казацкіе от-

[87]) Wojna z koz. i tat. l. 327

ряды безпрестанно нападали со всѣхъ сторонъ на литовское войско, отнимали возы, уводили плѣнниковъ на муки. Радзивиллъ послалъ къ Потоцкому предложеніе соединиться вмѣстѣ поскорѣе [88]).

Хмельницкій тотчасъ узналъ объ этомъ. Власть его колебалась; полковники дѣйствовали отъ него отдѣльно; войска у гетмана было мало; на татаръ не было надежды; крымскіе отряды, которые пришли на помощь занимались только грабежемъ самихъ союзниковъ [89]). Хмельницкій боялся не только враговъ, но собственныхъ подчиненныхъ, изъ которыхъ многіе не хотѣли ему повиноваться, дѣйствовали храбро, но своевольно, и потому ничего не успѣвали. Онъ счелъ за лучшее предупредить соединеніе войскъ и послалъ къ Потоцкому депутацію. Онъ просилъ Киселя быть за него ходатаемъ и написалъ къ коронному гетману письмо слѣдующаго содержанія.

„Видитъ Богъ, что мы не хотѣли новаго кровопролитія и довольствовались милостями его величества, но ссора возобновилась съ обѣихъ сторонъ. Какая сторона виновнѣе—пусть Богъ разсудитъ. Намъ трудно было наклонять подъ мечь голову: пришлось защищаться. Мы не поднимали рукъ на его величество; подъ Берестечкомъ войско наше не испытало его милосердія: мы уступили своему государю и пошли домой, желая мира. Но ваша милость нападаете на насъ со своимъ войскомъ: это уже ведетъ не къ миру, а къ большему кровопролитію. Все это начинается не отъ насъ: Богъ

---

[88]) Ibid. 341.

[89]) Ibid 296.

въ томъ свидѣтель. Не разъ уже ваша милость воевали съ нами и оттого происходилъ не вознаградимый вредъ для обѣихъ сторонъ. И теперь если ваша милость не будете имѣть къ намъ состраданія, каждый изъ насъ, при своемъ убожествѣ, готовъ положить голову: и пташка охраняетъ свое гнѣздо. Притомъ же, кромѣ Бога, никто впередъ не можетъ знать кому выпадетъ на войнѣ счастливый жребій. Просимъ вашу милость: какъ первенствующій панъ въ государствѣ, содѣйствуйте вашимъ мудрымъ совѣтомъ къ прекращенію кровопролитія, и походатайствуйте передъ его величествомъ за насъ, чтобы король оставилъ намъ вольности наши и оказалъ отеческое милосердіе надъ своими подданными! Пусть расцвѣтетъ въ нашемъ королевствѣ миръ и обоюдныя силы обратятся на службу его величества! Извольте увѣдомить насъ: чего отъ насъ требуетъ король, а съ войскомъ на насъ не наступайте. Въ универсалѣ, присланномъ въ Бѣлую-Церковь, вы сами изволили выразиться, что болѣе не желаете кровопролитія. И мы не подвигаемся съ нашимъ войскомъ, и будемъ ожидать милостиваго рѣшенія вашего: надѣемся получить его въ понедѣльникъ“ [90]).

[90]) Jak. Michal. ks. pam. 646.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ.

Переговоры. — Маховскій у Хмельницкаго. — Коммиссары въ Бѣлой-Церкви.—Раздоры въ народѣ.—Переговоры на Острой-Могилѣ.—Стычки подъ Бѣлою-Церковью.— Хмельницкій въ польскомъ лагерѣ.—Попытка отравить Хмельницкаго.—Бѣлоцерковскій трактатъ.—Смерть Потоцкаго.— Состояніе умовъ.

Не понравился Потоцкому неустрашимый тонъ письма Хмельницкаго. Онъ видѣлъ впереди себя новыя побѣды, но русскій народъ въ самомъ несчастіи былъ страшенъ и грозенъ своимъ ожесточеніемъ. Потоцкій могъ бояться, что несогласія казацкія улягутся, гетманъ снова станетъ на челѣ народнаго возстанія, всеобщаго въ полномъ смыслѣ, когда самыя женщины выходили на непріятеля, и, наконецъ, можетъ явиться казакамъ помощь отъ турокъ, или москвитянъ; сверхъ того, въ войскѣ появилась повальная смертная болѣзнь. Коронный гетманъ соглашался на выгодный миръ, но прежде хотѣлъ показать еще болѣе свою силу и торжество.

Письмо Хмельницкаго доставлено было 24-го августа (3-го сентября н. ст.). Посланныхъ казаковъ провели чрезъ весь лагерь, чтобъ они видѣли польское войско. Они пришли въ лагерь Киселя.

— Панъ краковскій, сказалъ воевода:—не хочетъ

съ вами вести переговоровъ; я на силу упросилъ его позволить вамъ явиться къ нему. Но скажу вамъ заранѣе, что вы получите пощаду не иначе, какъ такъ: перебейте татаръ, которые находятся у васъ, перевяжите мурзъ, выдайте Хмельницкаго и совершенно предайтесь на волю его величества и Рѣчи Посполитой [1]).

На другой день, ихъ позвали къ Потоцкому. Когда они шли, все войско уже садилось на коней и готовилось выступать; военная музыка разливалась веселымъ и торжественнымъ отголоскомъ. Казаки почтительно поклонились.

— Пане краковскій, сказали они:—вы имѣете власть надъ войскомъ и въ сенатѣ, прекратите кровопролитіе и доставьте войску запорожскому прежнюю милость короля, которою мы пользовались по зборовскому договору [2]).

— Разбойники! обманщики! крикнулъ Потоцкій:—вы думаете я не знаю, что у васъ на умѣ? Хмельницкій послалъ за ордою, а вы просите прощенія! Слушайте же: я вашего Хмельницкаго знать не хочу: не считаю гетманомъ того, кто поднялъ руку на его величество, а обращаюсь къ вамъ, ко всѣмъ казакамъ, и скажу вотъ что: его королевское величество повѣрилъ мнѣ въ одну руку мечъ, а въ другую милосердіе: выбирайте, что хотите, а я не стану долго толковать съ вами, если вы не рѣшитесь на то, что сказалъ уже вамъ кіевскій воевода отъ моего имени. Вотъ вамъ срокъ до среды, а я тотчасъ соединяюсь съ литовскимъ гетманомъ, иду

---

[1]) Wojna z koz. i tat. I. 291.

[2]) Bel. scyth. cos. 243.

на васъ и разольется кровь христіанская. Бога заступника призываю въ помощь; надѣемся на справедливость нашей стороны! Одинъ пусть идетъ, другой остается заложникомъ [3]).—

Потоцкаго обо всемъ увѣдомлялъ Лупула.

„Если Хмельницкій пришлетъ къ вамъ для переговоровъ, (писалъ онъ) не вѣрьте ему; измѣнникъ обманываетъ васъ: онъ ищетъ помощи у турокъ" [4]).

На другой день, 25-го августа (4-го сентября н. ст.), Потоцкій, сидя на богато убранной лошади, встрѣчалъ въ полѣ литовскаго гетмана. Оставивъ пѣхоту въ Кіевѣ, Радзивиллъ съ конницею прибылъ для соединенія съ коронными войскомъ. Съ обѣихъ сторонъ (говоритъ очевидецъ) воины сверкали серебромъ и золотомъ; блестящи были ихъ панцыри, красивы сѣдла и сбруи, статны кони. Послѣ взаимныхъ поздравленій, Потоцкій пригласилъ литовскаго гетмана въ свой шатеръ на жолнерское жаркое, какъ онъ выражался.

Но только что паны успѣли усѣсться за походный столъ, какъ вдругъ прибѣгаетъ гонецъ съ донесеніемъ, что три тысячи казаковъ идутъ по правому берегу Днѣпра, для нападенія на оставленное подъ Кіевомъ литовское войско. Въ то же самое время казаки на челнахъ поплыли внизъ Десною и такимъ образомъ предполагали напасть на литовцевъ съ двухъ сторонъ.

Это новое покушеніе казаковъ на литовское войско не удалось. Поляки узнали о немъ заранѣе. Калиновскій пошелъ на встрѣчу шедшимъ по правому берегу, оста-

---

[3]) Wojna z koz. i tat. I. 291.

[4]) Ibid. I. 346.

новилъ ихъ между оврагами и кустарниками, и разбилъ на голову [5]).

Въ тотъ же день, оставшаяся въ Кіевѣ пѣхота вступила въ кровопролитное сраженіе съ казаками подъ николаевскимъ монастыремъ. Казаки потеряли много членовъ своихъ, и, не видя подкрѣпленія съ другаго берега, удалились [6]).

Литовская пѣхота тотчасъ оставила Кіевъ и свободно отправилась въ путь для соединенія съ короннымъ.

29-го августа (18-го сентября н. ст.), Хмельницкій отправилъ новую депутацію къ Потоцкому. Посланы были казаки Андрей Кулька и Романъ Латошъ. Гетманы приняли ихъ въ великолѣпномъ шатрѣ среди множества пановъ. Кулька поклонился до земли и подалъ пукъ писемъ къ разнымъ панамъ.

— Старшина войсковая, сказалъ онъ: — прислали къ вашимъ милостямъ просить пощады.—

„Много уже пролито крови (писалъ снова казацкій гетманъ), а все чрезъ наше упрямство. Видно Богу такъ угодно. Клянусь Богомъ, ясновельможные паны, что хочу прекратить кровопролитіе и буду служить вѣрно королю. Соизвольте послать умнаго пана, а я пошлю писаря Выговскаго: пусть они переговорятъ, а потомъ постановимъ миръ“ [7]).

Несмотря на усиленіе арміи, гетманы охотнѣе желали окончить войну выгоднымъ для Рѣчи Посполитой миромъ, чѣмъ отваживаться на новую брань. Недостатокъ съѣст-

---

[5]) Ibid. I. 293.

[6]) Ibid. I. 294.

[7]) Ibid. I. 295.

ныхъ припасовъ становился слишкомъ ощутителенъ въ разоренной непріятельской странѣ; повальная болѣзнь каждый день отнимала лучшихъ солдатъ; приблизилась осень, съ нею непогоды и новыя неудобства, а между тѣмъ русскій народъ не только не усмирялся, но, казалось, по мѣрѣ большей опасности, приходилъ въ сильнѣйшую отвагу. Паны съ безпокойствомъ слышали непріятныя вѣсти. Хмельницкій перенесъ свой лагерь въ Рокитню, на Рось, и войско его возрастало съ каждымъ днемъ: Богунъ привелъ къ нему десять тысячъ казаковъ; Бѣлая Церковь заключала пять тысячъ человѣкъ, приставшихъ къ Хмельницкому [8]).

Винница была въ рукахъ казаковъ и сдѣлалась сборнымъ мѣстомъ для ополченія [9]). Паволочь взята была внезапно казаками и весь оставленный въ ней польскій гарнизонъ изрубленъ. Въ Хвастовѣ явилось тысяча четыреста человѣкъ [10]); въ то же время, отъ сѣвера и востока, на лѣвой сторонѣ Днѣпра готовились грянуть на поляковъ новыя полчища русскаго народа, а изъ степей пришло къ Хмельницкому четыре тысячи татаръ съ Карачъ-Мурзою. Поляки опасались, что если они протянутъ войну до глубокой осени, то будутъ окружены непріятелемъ со всѣхъ сторонъ и отрѣзаны отъ Польши.

Злѣйшіе враги казачества все еще кричали: „не должно входить въ переговоры съ казаками, не сдѣлаемъ имъ никакого состраданія! истребимъ имя ихъ съ лица земли“ [11]).

---

[8]) Ibid. I. 342.

[9]) Histor. ab exc. Wlad. IV. 83.

[10]) Wojna z koz. i tat. I. 295.

[11]) Histor. belli cosac. polon. 199.

Но Потоцкій представлялъ невыгоды войска и наконецъ замѣтилъ:

— Русскій народъ тогда только можетъ быть побѣжденъ оружіемъ, когда погибнетъ, и когда цѣлый край сдѣлается безлюднымъ, и граница королевства останется открытою для невѣрныхъ [12]).—

Послѣ этого совѣта паны призвали пословъ. Потоцкій сказалъ имъ:

— Я люблю больше дѣло, чѣмъ слова, и могъ бы скорѣе и легче окончить споръ этотъ оружіемъ, чѣмъ разговорами, но я не жестокой души человѣкъ, и не хочу казнить казаковъ, когда они раскаяваются, а потому объявляю имъ милость и отправляю къ нимъ благороднаго пана Маховскаго коммиссаромъ. Видите, какъ мы вѣримъ вамъ?—

— Принимаемъ его на души свои, сказали послы и поклялись, что Маховскому не будетъ ни малѣйшей обиды [13]).—

Въ доказательство своего уваженія къ греческой вѣрѣ, Потоцкій, въ присутствіи пословъ, казнилъ шесть жолнеровъ, ограбившихъ церковь въ Васильковѣ [14]).

31-го августа (10-го сент. н. ст.), Маховскій былъ принятъ очень ласково въ казацкомъ лагерѣ подъ Рокитной. Хмельницкій привѣтствовалъ его съ полковниками своими, и прежде, чѣмъ заговорилъ о дѣлѣ, началъ угощать гостя. Казаки шутя разсказывали о берестечскомъ пораженіи.

---

[12]) Wojna dom. Ч. 2. 54.

[13]) Wojn. z koz. i tat. I. 295.

[14]) Annal. Polon. Clim. I. 239.

— Обманщикъ ханъ всему виною, говорили полковники:—а то бы мы разбили васъ, какъ и прежде.—

— Да, прибавилъ Хмельницкій:—бусурманъ поклялся Мухаммедомъ, что воротится, а потомъ и меня взялъ съ собою.—

— Теперь вы узнали, что значитъ дружиться съ невѣрными, сказалъ Маховскій:—лучше было бы поражать невѣрныхъ.—

— Имя его величества, сказалъ Хмельницкій:—содѣлалось страшнымъ послѣ берестечскаго сраженія. Присутствіе короля дало вамъ побѣду.—

— Правды негдѣ дѣть, сказали полковники: —подъ Берестечкомъ одна пуля королевская стоила ста казацкихъ, а ужъ какъ въ пятницу вы на насъ пріударили, такъ мы думали, вотъ такъ сквозь землю и провалимся!

— Ну, я бы еще могъ съ вами помѣряться, сказалъ Хмельницкій:—да не хочу: жалѣю крови христіанской. Повоевали—и довольно! Пора бѣдному народу дать отдыхъ; притомъ я недавно женился. Посовѣтуйте отъ меня пану краковскому жениться. Мы бы тогда скорѣе помирились, потому что захотѣлось бы къ женѣ: а пока будемъ вдовцами, такъ скучно сидѣть дома и будемъ воевать.—

Послѣ обѣда, Маховскій подалъ гетману письмо съ условіями мира. Хмельницкій началъ читать его, поблѣднѣлъ и нахмурилъ брови.

— Скажите, пане Маховскій, сказалъ онъ:—почему милостивые паны гетманы лишаютъ меня гетманскаго титула, который дарованъ мнѣ отъ его величества?—

Джеджалыкъ, стоявшій подлѣ гетмана, сказалъ:

— Не добре такъ, панове, негодиться однімати честь гетьманську одъ нашого добродія. —

„Маховскій засыпалъ ихъ словами и доказательствами, такъ что они слушали, развѣся уши“, говоритъ современникъ.

— Будьте увѣрены, прибавилъ посолъ: —что король вознаградитъ вамъ все, что вы потеряли; но ясновельможные паны гетманы ставятъ первымъ условіемъ возможности мира разлученіе съ ордою. Непрелично такому храброму вождю имѣть связь съ невѣрными, которые доказали свое непостоянство.

— Орда, отвѣчалъ гетманъ: —можетъ находиться въ моемъ распоряженіи и вамъ не будетъ дѣлать зла, напротивъ, я постараюсь самый этотъ союзъ обратить на пользу королевства; я поведу орду на турокъ и разовью знамена свои на стѣнахъ Константинополя. —

— Разлученіе съ ордою—первое желаніе его величества, сказалъ Маховскій: —вы должны его исполнить, чтобъ доказать свою преданность королю. —

Хмельницкій отговаривался, Маховскій настаивалъ; цѣлые три часа спорили, наконецъ, полякъ вышелъ изъ терпѣнья и сказалъ:

— Вы несогласны, такъ позвольте мнѣ уѣхать. —

— Миръ легко состоится, сказалъ, въ свою очередь, разгоряченный Хмельницкій: — если поляки утвердятъ зборовскій договоръ. —

Уже повозка была готова въ обратный путь, какъ вотъ Выговскій подбѣжалъ къ Маховскому и сказалъ:

— Не уѣзжайте, мы обдѣлаемъ дѣло; я постараюсь убѣдить гетмана. —

— Знаю, отвѣчалъ Маховскій: —что вы обладаете

умомъ и сердцемъ Хмельницкаго. Отъ васъ теперь зависитъ оказать услугу отечеству, а я обѣщаю вамъ особенную милость королевскую, если вы съумѣете отклонить Хмельницкаго отъ союза съ варварами.—

Выговскій вошелъ къ Хмельницкому въ шатеръ, съ большимъ жаромъ говорилъ съ нимъ и вышелъ съ разсерженнымъ видомъ.

— Стало быть, нѣтъ надежды?—сказалъ Маховскій.

— Постойте, подождите, сказалъ Выговскій:—у насъ такъ дѣлается: сперва прогонитъ, потомъ самъ пришлетъ за мною и согласится.—

Въ самомъ дѣлѣ, чрезъ нѣсколько времени, Выговскаго снова позвали; Маховскій дожидался отвѣта. Наконецъ Выговскій вышелъ и сказалъ:

— Оставимъ этотъ пунктъ до времени; Хмельницкій согласенъ съ своей стороны, но чернь взбунтуется, когда узнаетъ, да и татары не послушаются и начнутъ грабить насъ.—

— А почему же, сказалъ Маховскій: —казакамъ не соединиться съ коронньмъ литовскимъ войскомъ и не прогнать невѣрныхъ?—

— Нельзя, сказалъ Выговскій: —своевольная чернь мѣшаетъ. Мы уладимъ это послѣ и выпроводимъ орду.

Маховскій снова вошелъ къ Хмельницкому.

— Всего лучше будетъ, сказалъ онъ:—если вы пожалуете съ старшинами въ обозъ къ намъ, и тамъ сами потолкуете съ гетманами.—

Выговскій хотѣлъ было уже договариваться, какъ вдругъ один изъ полковниковъ сказалъ:

— Этого не будетъ. Мы не пустимъ такъ гетмана. Чтобъ еще и онъ остался въ польскомъ лагерѣ, какъ

Крыса! Ужъ мы и то потерпѣли отъ черни подъ Берестечкомъ, когда гетманъ ушелъ съ ханомъ. Если старшины будутъ уговариваться въ польскомъ лагерѣ, а чернь не будетъ знать, что они постановляютъ, то поднимется бунтъ. —

— Въ такомъ случаѣ мы будемъ совѣщаться въ полѣ при войскахъ,—сказалъ Маховскій.

— Нѣтъ, отвѣчалъ Хмельницкій:—пусть лучше коммиссары, которыхъ назначатъ гетманы, прибудутъ для переговоровъ въ Бѣлую-Церковь. —

— Гораздо приличнѣе, прибавилъ Выговскій:—для достоинства его величества, дарующаго миръ, если коммиссары будутъ договариваться въ Бѣлой-Церкви, королевскомъ замкѣ: тамъ они будутъ безопасны. —

Маховскій не соглашался, оскорблялся тѣмъ, что казаки, не довѣряя полякамъ, требовали къ себѣ столь много довѣренности.

Но Выговскій сталъ предъ нимъ на колѣни и говорилъ:

— Ради Бога умоляемъ васъ, пусть коммиссары пріѣдуть въ Бѣлую-Церковь. Въ полѣ невозможно договариваться; чернь и своевольная орда не допустятъ. Богомъ и душами нашими клянемся, что паны будутъ безопасны. —

Хмельницкій и полковники стали также на колѣни и поклялись хранить народныя права и святость гостепріимства.

3-го сентября (13-го н. ст.), Маховскій уѣхалъ съ двумя избранными казаками [15]) въ лагерь, который во

---

[15]) Wojna z koz. i tat. I. 298.—Annal. Polon. Clim. I. 288. 289.—Лѣтоп.

время его отсутствія перенесенъ изъ подъ Василька въ Германовку: въ тотъ самый день оба войска, коронное и литовское, соединились [16]).

Хмельницкій, ожидая коммиссаровъ, двинулся съ своимъ войскомъ подъ Бѣлую-Церковь.

Кисель вызвался ѣхать къ Хмельницкому коммиссаромъ. Съ нимъ отправились смоленскій воевода Глѣбовичъ, Гонсѣвскій — и брацлавскій подсудокъ, Коссаковскій. Они взяли съ собою двадцать четыре мирныя предложенія, которыхъ смыслъ клонился къ уничтоженію касацкой силы. Изъ этихъ пунктовъ, которые почти всѣ вошли потомъ въ бѣлоцерковскій договоръ, были тогда главнѣйшими: уменьшеніе реестроваго войска до 15,000; ограниченіе жительства казаковъ однимъ кіевскимъ воеводствомъ; право стоять коронным войскамъ въ Украинѣ и разлученіе съ ордою. Два полка проводили коммиссаровъ до Бѣлой-Церкви и воротились назадъ, а они отправились далѣе съ пятьюстами драгуновъ. Пестрая толпа казаковъ и татаръ окружила замокъ. Экипажи коммиссарскіе ѣхали посреди казацкихъ возовъ и татарскихъ арбъ. Русскіе толпились около нихъ, кричали, свистали, грозили отнять у нихъ экипажи, проклинали ляховъ. Старикъ Кисель, выглядывая изъ экипажа, говорилъ имъ съ кротостью:

— Мы не ляхи, друзья мои; я русскій; мои кости такія же русскія, какъ и ваши.

— Твои русскія кости слишкомъ обросли польскимъ мясомъ, отвѣчали ему казаки.

повѣст. о Мал. Росс. 96.—Wojna domowa. Ч. 2. 57. — Histor. ab exc. Wlad. IV. 84.

16) Wojna z koz. i tat. I. 297.—Histor. belli cosac. polon. 198.

Хмельницкій, Выговскій и полковники спѣшили къ нимъ на встрѣчу, унимали своевольную толпу и съ почтеніемъ ввели въ замокъ.

Толпа казаковъ и татаръ бѣжали за ними.

— Эй, пане гетмане! кричали казаки: —не добре такъ чинишь, що вже зъ ляхами братаешься.

Въ это время везли въ замокъ съѣстные припасы.

— А що се? кричалъ одинъ казакъ:—ляхамъ стаціи будемъ давати.

За это Богунъ разрубилъ его саблею.

Переговоры продолжались недолго. Предводитель соглашался на всѣ условія, но просилъ только прибавить число казаковъ до 20,000 и права для казацкихъ городовъ и мѣстечекъ быть свободными отъ постоя. Что касается орды, то онъ обѣщалъ не сноситься съ татарами, но отказывался обратить на нее оружіе, потому что казаки его не послушаютъ и произойдетъ бунтъ.

По окончаніи договора, Хмельницкій съ полковниками вышли изъ замка. Наступило молчаніе; начали читать договоръ. Но только что хлопы замѣтили, что зборовскій договоръ нарушенъ и они опять будутъ служить панамъ, какъ вдругъ поднялся шумъ.

— Отъ такъ то ты, пане гетмане, зъ ляхами трахтуешь, а насъ покидаешь и одъ орди одступаешься! Самъ себе та старшину визволяешь, а насъ знати не хочешь. Самъ еси привівъ на все, що ми піднялись на панівъ, а теперъ оддаешь насъ, біднихъ, на муки підъ киі та батоги, на палі та на шибениці. Але ні прежь ніжъ до того дійдется, и ты самъ наложишь головою и ні одинъ ляхъ живцемъ відсіля не вийде.

Раздались вистрѣлы; Хмельницкій, полковники убѣ-

жали въ замокъ. Толпа обступила замокъ со всѣхъ сторонъ и готовилась брать его штурмомъ.

— Отсе вже ви пошаліли, панове, говорилъ коммиссаръ Выговскійвъ: — огонь такий приіхали! Бороннячи васъ и ми пропадемо. Однакже хиба по нашому трупу дойдуть до васъ! —

Татары начали пускать стрѣлы, хлопы бросали каменья; окна разлетались и одна стрѣла чуть было не попала въ голову воеводѣ. Хмельницкій, съ изумительною для пановъ неустрашимостью, вышелъ снова изъ замка со всѣми старшинами; чернь толпилась противъ него съ поднятыми саблями и дубинами. Хмельницкій бросился на нихъ, держа въ обѣихъ рукахъ булаву, и собственноручно началъ бить ихъ со всего размаха; за нимъ полковники и казаки разгоняли хлоповъ саблями и перначами. Выговскій игралъ роль примирителя и говорилъ убѣдительную рѣчь:

— Чего вы хотите, злодѣи? за что вы обижаете пановъ, когда они ни въ чемъ не виноваты; это не ляхи. Притомъ они послы, а пословъ нельзя трогать: право народное запрещаетъ; ужъ такъ вездѣ водится: послы вездѣ безопасны.

Нѣкоторые опамятовались.

— Правда, говорили они: — Кисель русскій, а прочіе литовцы, и никогда не дѣлали намъ обидъ; знали ляхи кого послать. Вотъ, еслибъ настоящіе ляхи пришли: такъ ужъ бы не вышли отсюда!

Но смѣлость Хмельницкаго успокоила толпу только на малое время. Чрезъ нѣсколько часовъ начался снова шумъ. Хмельницкій, Выговскій и полковники провели ночь безъ сна, сами стояли на сторожѣ и оберегали

ворота. На другое утро волненіе усилилось до того, что бѣлоцерковскій полковникъ грозилъ палить по мятежникамъ изъ пушекъ, и предлагалъ коммиссарамъ свой оружейный запасъ къ услугамъ, а Гонсѣвскій послалъ тайно къ войску записку на жмудскомъ языкѣ: онъ извѣщалъ объ опасности и требовалъ вооруженнаго конвоя.

Коммиссары не дождались помощи; чрезъ день, 9-го сентября (19-го н. ст.), они выѣхали изъ замка. Хмельницкій и старшины провожали ихъ и обороняли до тѣхъ поръ, пока они выѣхали изъ непріятельскаго табора. Хлопы снова бросались на нихъ, и Хмельницкій, въ глазахъ пановъ, опять положилъ нѣсколько удалыхъ на мѣстѣ. Но только что они очутились въ чистомъ полѣ, какъ бѣшенная толпа хлоповъ и татаръ догнала ихъ, высадила изъ экипажей, побрала у нихъ золото, серебро, одежды и лошадей... сняла даже съ пальца у Гонсѣвскаго драгоцѣнный перстень; „словомъ, пустили ихъ въ одномъ платьѣ," говоритъ современникъ. Грабежъ дѣлался не изъ одного корыстолюбія, но изъ удали, чтобъ досадить панамъ. Иные, которымъ недоставало сокровищъ, срывали съ рыдвановъ обои, раздирали на части, дѣлились ими, потряхивая издали, кричали: „а що? и у насъ е ляцька здобичь?" Кисель продолжалъ напоминать русскимъ, что они ему братья. Тогда татары ломаннымъ славянскимъ нарѣчіемъ кричали: „ляшка братка, а лоша не братка, и сукманка не братка!"

Ограбленные коммиссары встрѣтили цѣлое войско уже на пути изъ Германовки въ Бѣлую-Церковь [17]). Чрезъ

---

[17]) Wojna z koz. i tat. I. 299 — 304. — Histor. ab exc. Wlad. IV.

два часа за ними явились казацкіе послы Москаленко и Гладкій.

Они изъявили согласіе на статьи, предложенныя коммиссарами въ Бѣлой-Церкви. „Пусть (говорили они) паны пріѣзжають къ нашему обозу для взаимной присяги."

Гладкій остался заложникомъ. Казакамъ дали также заложниками двухъ поляковъ. Отправляя Москаленка, Потоцкій сказалъ ему:

„Скажи благородному гетману войска запорожскаго, Богдану Хмельницкому, что коронный гетманъ и каштелянъ краковскій идетъ къ Бѣлой-Церкви съ войскомъ принимать присягу на вѣрность отъ подданныхъ его королевскаго величества, запорожскихъ казаковъ."

На другой день 10-го сентября (20 го н. ст.), все коронное и литовское войско двинулось къ Бѣлой-Церкви. „Огроменъ былъ корпусъ этого войска (говоритъ очевидецъ): однихъ возовъ шло сто тринадцать рядовъ. Ночью приступили они къ Бѣлой-Церкви, и жолнеры не смыкали глазъ, страшась нападенія."

На другой день коммиссары разбили великолѣпный шатеръ на курганѣ, называемомъ Острая-Могила, и ждали Выговскаго и казаковъ для присяги; но, вмѣсто ожидаемыхъ, явились другіе, вовсе-неожиданные казаки. Двѣнадцать человѣкъ—на челѣ ихъ старшина Одынецъ—вступили въ шатеръ и сказали:

„Милостивые паны и коммиссары! войско запорожское послало насъ къ вашимъ милостямъ просить, чтобъ

---

85 —Annal. Polon. Clim. I, 289—290.—Wojna domowa Ч. 2. 55—57.—Histor. belli cosac. polon. 201—203.—Истор. о през. бр.—Крат. истор о бунт. Хмел. 38—39.

вы утвердили зборовскія статьи, чтобъ войско коронное вышло изъ Украины и не занимало въ нашей землѣ квартиръ, и чтобъ намъ не мѣшали сноситься съ татарами, которые охраняютъ нашу свободу.“

Это требованіе раздражило коммиссаровъ: они, въ гнѣвѣ, даже хватались за сабли, говоря:

„Что же это? мы будемъ игрушками презрѣннаго холопства?“

Но войско ихъ стояло въ отдаленіи, и потому они умѣрили вспыльчивость.

— Мы ожидали, сказалъ Кисель: — что вы явитесь присягать въ вѣрности, потому что уже все кончено, а вы снова начинаете квистыи?—

— Казаки не будутъ присягать и не покорятся, отвѣчали казаки:—пока вы намъ не подпишете зборовскій договоръ.—

— Въ Бѣлой-Церкви сдѣлано было другое условіе, сказалъ Кисель: — опомнитесь, вѣдь тамъ дѣло было слажено.—

Казаки отвѣчали: „мы розъіхалися съ паномъ гетманомъ, ми незнаемо, невідаемо, що тамъ у васъ у Билой-Церкви було, а насъ вісько зъ тимъ послало.“

— Вижу, сказалъ Кисель: — что васъ обманываетъ турецкій султанъ и хочетъ васъ обратить въ мусульманство. Вы на него надѣетесь. О проклятыя души! вамъ лучше нравится безначаліе, чѣмъ порядокъ; вы хотите лучше быть рабами тирана, чѣмъ свободными подданными христіанскаго государя! Богъ накажетъ васъ, и въ одно мгновеніе разрушитъ ваши безумные замыслы.

Казаки продолжали, какъ говоритъ современникъ, все одну и ту же пѣсню:

„Мы не знаемъ, не вѣдаемъ! Подпишите зборовскій договоръ и мы присягнемъ въ вѣрности“.

— Мы уѣзжаемъ, сказалъ Кисель: — и призываемъ Бога въ свидѣтели, что хотѣли поступить съ вами искренно, а вы платите намъ коварствомъ.

— Какъ угодно, сказали казаки: — мы пришлемъ вашихъ заложниковъ цѣлыхъ и невредимыхъ [18]).

Польскіе заложники воротились и предводители начали устроивать войска въ боевой порядокъ. Русскіе требовали сраженія. Хмельницкій не довѣрялъ своимъ силамъ и потому не хотѣлъ вступать въ рѣшительную борьбу съ непріятелемъ, не сталъ предводительствовать казаками, но не сталъ имъ и препятствовать: въ случаѣ неудачи, онъ предоставлялъ себѣ право увѣрить пановъ, что сраженіе сдѣлалось безъ его позволенія; въ случаѣ удачи, онъ могъ вынудить у поляковъ болѣе выгодныя условія. Онъ показывалъ видъ, будто ничего не знаетъ, что замышляется въ русскомъ лагерѣ, а между тѣмъ выкатилъ своимъ молодцамъ семь бочекъ горѣлки.

13 сентября (23 н. с.), на другой день послѣ неудачныхъ переговоровъ, поляки и русскіе стояли одни противъ другихъ, раздѣленные широкимъ полемъ, усѣяннымъ курганами, которыхъ такое множество въ этой странѣ. Татары первые вскочили на курганы и молодецкимъ посвистомъ вызывали на герцы. Казаки еще не

---

[18]) Wojna z koz. tat.—I. 306. — Histor. ab. exc. Wlad. IV. 87. Woyna domow. Ч. 59.

начинали нападенія, но Радзивиллъ, командовавшій правымъ крыломъ войска, ударилъ на нихъ всею силою. Онъ приглашалъ Потоцкаго какъ можно скорѣе содѣйствовать ему съ другой стороны, но Потоцкій, какъ говоритъ современникъ, чувствовалъ себя нездоровымъ и не хотѣлъ въ тотъ день вступать въ битву. Напрасно Чернецкій уговаривалъ его и представлялъ, что тогда была суббота, день посвященный Божіей Матери, покровительницѣ поляковъ, день, счастливый для битвъ, особенно съ русскими, которые несоблюдаютъ поста въ субботу. Коронный гетманъ послалъ только свою артиллерію. Казаки отсупили съ поля и непріятельское войско не преслѣдовало ихъ. Радзивиллъ очень досадовалъ на упрямство Потоцкаго и увѣрялъ, что еслибъ коронное войско помогло ему, какъ слѣдуетъ, то казакамъ было бы здѣсь второе Берестечко.

„Хмельницкій увидѣлъ тогда (говоритъ польскій лѣтописецъ), что ему не удаются штуки, а потому утромъ, на слѣдующій день, прислалъ въ польскій лагерь Райтаровскаго, поляка, оставленнаго въ Бѣлой-Церкви коммисарами“.

„Удивляюсь (писалъ онъ), какъ это случилось несогласіе между поляками и русскими. Я ничего не знаю; я запрещалъ своимъ выводить изъ табора войско, а они вышли противъ своей воли. Покрайней мѣрѣ я радъ, что не произошло большаго кровопролитія. Прошу скорѣе выслать пословъ для окончанія договора, а я вышлю своихъ“.

По приказанію Потоцкаго, Кисель отвѣчалъ ему:

„Очевидно, что ваша милость думаетъ искусно и хитро окружить насъ и довести до невыгоднаго поло-

женія. Къ чему это являлись вмѣсто чиновныхъ казаковъ какіе то презрѣнные хлопы требовать зборовскаго договора? Вѣдь въ Бѣлой-Церкви о немъ даже помина не было. Впрочемъ, если искренно угодно мира, то пришли пословъ; для этого нужно не болѣе двухъ часовъ времени" [19]).

Поляки ждали отвѣта до полудня. Отвѣта не было. Вдругъ, со всѣхъ сторонъ, посыпали на нихъ русскіе и татары, и въ одно мгновеніе такъ окружили лагерь, что не было выхода. Поляки поражали ихъ огнестрѣльнымъ оружіемъ, но непріятели нападали на нихъ быстро и уводили плѣнниковъ. Съ обѣихъ сторонъ потеря была значительная.

Вечеромъ прибылъ Райтаровскій съ новыми извиненіями отъ Хмельницкаго, и съ какими то новыми требованіями относительно правъ греческой религіи. Потоцкій понуждалъ скорѣе прислать депутатовъ.

Прошелъ еще другой день. Татары и казаки все болѣе и болѣе стѣсняли обозъ польскій. Три дня уже шелъ проливной дождь, войску угражалъ голодъ. Радзивиллъ жаловался, что ему надобно возвратиться въ Литву, которая остается столь долго безъ обороны; часть литовскаго войска была оставлена въ Любечѣ, и въ то время была осаждена казаками: надобно было освободить ее. Но всего болѣе побуждала поляковъ къ миру заразительная болѣзнь, которая усиливалась съ каждымъ днемъ и дошла уже до того, что триста человѣкъ умерло въ одну ночь. Нѣкоторые изъ пановъ все еще нас-

---

[19]) Histor ab exc. Wlad. IV 89.— Wojna z koz. i tat. I.309.

таивали вести упорно войну и уничтожить казачество до основанія.

„Если подъ Берестечкомъ, возражалъ имъ Кисель:— въ чужой землѣ, окруженные войскомъ втрое ихъ многочисленнѣйшимъ, оставленные своимъ вождемъ и татарами, находясь въ дурномъ мѣстоположеніи, казаки не только не сдались, но въ виду нашихъ ушли и разрушили наши предположенія, то какъ можно легко покорить этотъ народъ въ собственной землѣ его! Мы должны быть довольны и тѣмъ, что можемъ хоть на время залечить эти раны и получить потомъ средства укротить и пріучить къ повиновенію простонародье“ [20]).

Съ своей стороны, и Хмельницкій нуждался также въ мирѣ. Посланникъ Хмельницкаго, воротившись изъ Константинополя, привезъ обѣщаніе падишаха прислать въ скорости на помощь казакамъ добруджскую орду и приказать хану снова помогать Хмельницкому. Но Хмельницкій недождался ни того ни другаго. Войска у него было [21]) налицо подъ Бѣлою-Церковью не болѣе тысячъ сорока, и притомъ оно состояло большею частью изъ мужиковъ, неопытныхъ и, что еще хуже, своевольныхъ; напротивъ польское войско, простиравшееся, какъ кажется, тысячь до шестидесяти, состояло преимущественно изъ нѣмцевъ, воиновъ опытныхъ; артиллерія у нихъ была несравненно въ лучшемъ видѣ, чѣмъ у казаковъ. Моръ свирѣпствовалъ въ казацкомъ полчище такъ же опустошительно, какъ и въ польскомъ. Украина была разорена; продолжать войну значило довести народъ

---

[20]) Annal. Polon. Clim. I. 293—294.

[21]) Дѣл. Арх. Иностр. дѣлъ.

русскій до послѣдней степени изнеможенія, голода и безпорядковъ; притомъ власть Хмельницкаго, а съ нею всякій порядокъ и подчиненность были сильно подорваны со дня несчастнаго пораженія берестечскаго; чернь была недовольна гетманомъ; объявивъ себя врагомъ поляковъ и лишаясь законнаго права на свое достоинство, онъ долженъ былъ зависѣть отъ воли пьяной толпы, которая за малѣйшее неудовольствіе готова была смѣнить его, или даже отдать полякамъ. Унизительно было для Хмельницкаго, недавно еще повелѣвавшаго народомъ русскимъ, принять условія, которыя дѣлали его только начальникомъ нѣсколькихъ тысячъ войска, предавали русскую землю во власть поляковъ, но онъ долженъ былъ принять ихъ для спасенія себя; нельзя было сомнѣваться, что такой миръ прочнымъ быть не можетъ когда и миръ зборовскій не обезпечивалъ правъ народа русскаго. Хмельницкій понималъ это. Но Хмельницкій смотрѣлъ на этотъ предстоящій миръ не болѣе, какъ на перемиріе, которое онъ надѣялся легко прервать, когда будетъ нужно.

Предводитель казаковъ послѣдній разъ попробовалъ преклонить Потоцкаго на болѣе выгодныя условія и послалъ къ нему, 16 (26 н. ст.) сентября, двухъ казаковъ. Онъ согласился на всѣ пункты, предложенные въ Бѣлой-Церкви, но просилъ только, чтобъ казаковъ было двадцать тысячъ и чтобъ въ королевскихъ имѣніяхъ, брацлавскаго и черниговскаго воеводствъ, могли находиться казаки, и эти имѣнія были освобождены отъ постоя. Такимъ образомъ Хмельницкій, помѣстивъ хотя незначительную часть войска въ этихъ русскихъ странахъ, надѣялся, что присутствіе вольныхъ воиновъ опять под-

нимет народъ русскій, и онъ можетъ снова воспользоваться обстоятельствами, чтобъ достигнуть своей цѣли и доставить русскимъ свободу. Но Потоцкій согласился на число двадцать тысячъ и рѣшительно отказалъ въ послѣднемъ требованіи.

Разсказываютъ, когда казацкихъ чиновниковъ пригласили на обѣдъ, то одинъ изъ нихъ, Романъ Катержанъ, во время стола обратился къ Потоцкому и сказалъ:

— Милостывий пане краковскій! чому вы насъ не пускали на море на турка: того бъ лыха не було въ нашей земли!

— Все, что мы терпимъ, отвѣчалъ Потоцкій:—то для пользы турецкаго цезаря; мы охраняемъ его царство, а сами себя разоряемъ. —

— Уже жь теперь нехай королевська милость и Річь Посполыта не боронитъ намъ моря, бо козакъ не обійдеться безъ войни.

— Хоть бы сейчасъ хотѣли идти,—отвѣчалъ Потоцкій:—идите: мы вамъ не будемъ запрещать [22]).

Въ слѣдующій день заключенъ былъ договоръ; чиновникъ казацкій Сава отвезъ одинъ экземпляръ къ Хмельницкому. Казацкій гетманъ изъявилъ желаніе повидаться съ польскими военачальниками.

17 сентября, пріѣхали въ казацкій таборъ Гонсѣвскій и Марко Собѣскій: это были заложники, которые должны были оставаться тамъ въ то время когда Хмельницкій посѣтитъ польскій лагерь. Казацкій гетманъ зналъ, что народъ не пуститъ его, а потому приказалъ

[22]) Wojn. z koz. i tat. l. 311.

выкатить казакамъ нѣсколько бочекъ горѣлки, и когда казаки перепились, тогда собрался въ путь. Полковники старались всѣми силами отклонить его.

— Ты былъ побѣдитель,—говорили они:—а теперь идешь имъ кланяться!—

— Нельзя, отвѣчалъ онъ:—мы теперь въ такомъ положеніи, что они намъ нужны, а не мы имъ.

Онъ пріѣхалъ въ лагерь и вошелъ въ шатеръ Потоцкаго, гдѣ собраны были всѣ знатнѣйшіе предводители. Онъ кланялся и просилъ прощенія.—

— Я знаю,—сказалъ онъ Потоцкому:—что виноватъ предъ вами болѣе, чѣмъ предъ кѣмъ нибудь.—

Казацкому гетману неловко было смотрѣть на магната, котораго онъ нѣкогда отдалъ въ плѣнъ татарамъ.

Потоцкій отвѣчалъ:

— Оскорбленіе, которое я получилъ подъ Корсуномъ, я давно уже забылъ для Бога, вѣры и отечества, и не хочу болѣе вспоминать о немъ; Божію наказанію слѣдуетъ приписать и мои несчастія и бѣдствія цѣлаго отечества. Богъ дастъ, ты вознаградишь все прежнею своею вѣрностью и подвигами для пользы Рѣчи Посполитой.

Хмельницкій повидался съ Радзивилломъ и другими панами, соблюдая величайшее смиреніе. Потомъ былъ прочитанъ бѣлоцерковскій трактатъ [23]). Хмельницкій,

---

[23]) Памятн. кіевск. комм. II. 112—139.

БѢЛОЦЕРКОВСКІЙ ТРАКТАТЪ.

Отдавши, вопервыхъ, Господу Богу благодареніе за усмиреніе междуусобнаго кровопролитія, такъ какъ войско запорожское съ гетманомъ и всею старшиною приноситъ его величеству и Рѣчи Посполитой должную

выслушавъ всѣ пункты, подписалъ ихъ; за нимъ подписали полковники. Казацкій гетманъ просилъ Потоцкаго подарить ему Черкасы и Боровицу, но коронный гетманъ отдѣлывался церемоніями, по выраженію поляковъ, зная напередъ, что этого не будетъ. Вслѣдъ за подписаніемъ, съ обѣихъ сторонъ дана была присяга.

Окончивъ дѣла, Потоцкій пригласилъ Хмельницкаго

покорность и подданническую вѣрность, мы позволяемъ пребывать ему въ числѣ двадцати тысячъ.

1) Это войско гетманъ и старшины должны набрать и записать въ реестръ, и оно должно находиться въ однихъ только имѣніяхъ его королевской милости, лежащихъ въ воеводствѣ кіевскомъ, нисколько не касаясь воеводствъ брацлавскаго и черниговскаго; а имѣнія шляхетскія должны оставаться свободными, и въ нихъ реестровые казаки нигдѣ не должны оставаться; но кто останется реестровымъ казакомъ въ числѣ двадцати тысячъ, тотъ изъ имѣній шляхетскихъ, находящихся въ воеводствахъ кіевскомъ, брацлавскомъ и черниговскомъ, также изъ имѣній его королевской милости (лежащихъ въ двухъ послѣднихъ воеводствахъ) долженъ переселиться въ имѣнія его королевской милости, находящіяся въ воеводствѣ кіевскомъ, туда, гдѣ будетъ расположено войско его королевской милости запорожское. А кто, будучи реестровымъ казакомъ, будетъ переселяться, такому каждому вольно будетъ продать свое имущество, безъ всякаго препятствія со стороны пановъ, также старостъ и подстаростъ.

2) Вышеупомянутое устройство двадцатитысячнаго реестроваго войска его королевской милости должно начаться въ теченіе двухъ недѣль отъ настоящаго числа, а кончиться къ празднику Рождества Христова. Реестръ этого войска, за собственноручною подписью гетмана, долженъ быть отосланъ его королевской милости и вписанъ копіею въ кіевскія градскія книги. Въ этомъ реестрѣ ясно должны быть записаны реестровые казаки въ каждомъ городѣ, по именамъ и прозваніямъ, и общее число казаковъ не должно быть болѣе двадцати тысячъ. Казаки включенные въ реестръ, должны оставаться при давнихъ своихъ правахъ: тѣ, напротивъ, которые не будутъ включены въ реестръ, должны оставаться по прежнему крестьянами, приписанными къ замкамъ его королевской милости.

на обѣдъ. Въ знакъ почести, во все продолженіе обѣда, оруженосецъ стоялъ за Хмельницкимъ съ поднятой булавой. „Пока казацкій вождь еще невыпилъ (говоритъ современникъ), то соблюдалъ скромность, но съ винными парами начиналъ развязываться языкъ его".

— Очень странно, сказалъ онъ Радзивиллу: — что я вижу вашу милость въ польскомъ лагерѣ. Подъ

---

3) Коронное войско не должно оставаться, ни стоять на квартирахъ въ воеводствѣ кіевскомъ въ мѣстечкахъ, въ которыхъ будутъ находиться реестровые казаки, но оно можетъ имѣть мѣстопребываніе въ воеводствахъ брацлавскомъ и черниговскомъ, въ которыхъ не будетъ уже казаковъ. Теперь, однакожъ, для предотвращенія всякаго замѣшательства, которое могло бы возникнуть до собранія войскъ въ назначенномъ для нихъ мѣстѣ, въ воеводствѣ кіевскомъ, войска, назначенные для записки въ реестръ, въ числѣ 20,000, должны оставаться въ имѣніяхъ его королевской милости до срока, назначеннаго для окончанія реестровъ, то есть до праздника Рождества Христова; они не должны ходить далѣе Животова до окончательнаго составленія реестровъ.

4) Обыватели воеводствъ кіевскаго, брацлавскаго и черниговскаго, сами лично и чрезъ своихъ урядниковъ, должны вступать во владѣніе своими имѣніями и тотчасъ брать въ свою власть всѣ доходы, корчмы мельницы и юрисдикціи, однакожъ собраніе податей съ крестьянъ должны отложить до вышеупомянутаго срока, назначеннаго для окончанія реестровъ, такъ, чтобы избранные въ реестровые казаки тѣмъ временемъ переселились, а остались тѣ, которые принадлежатъ къ сословію крестьянъ. То же самое должно быть и въ имѣніяхъ королевской милости, такъ чтобы сдѣлалось извѣстно, кто остается на правахъ казацкихъ, а кто приписанъ къ замку и подлежитъ крестьянскимъ повинностямъ.

5) Чигиринъ, на основаніи привилегіи его королевской милости, долженъ оставаться при гетьманѣ. Какъ теперешній гетманъ, благородный Богданъ, такъ и на будущее время гетманы должны состоять подъ старшинствомъ и властью гетмановъ коронныхъ и должны быть утверждаемы привилегіями. Каждый изъ нихъ, дѣлаясь гетманомъ, долженъ дать присягу вѣрноподданства его королевской милости и Рѣчи Посполитой.

Хотиномъ и въ другихъ опасныхъ случаяхъ литовское войско не выступало на войну.

— Ничего нѣтъ страннаго, отвѣчалъ Радзивиллъ—я пришелъ для укрощенія мятежниковъ.—

— Однако—возразилъ Хмельницкій:—предки вашей княжеской милости не показывали вамъ примѣра воевать противъ войска запорожскаго.

Напротивъ всѣ полковники и старшины должны быть опредѣляемы по представленію гетмана его королевской милости запорожскаго.

6) Религія греческая, которую исповѣдуетъ войско его королевской милости запорожское, также соборы, церкви, монастыри и коллегіумъ кіевскій должны оставаться при прежнихъ правахъ, согласно съ стародавними привилегіями. Если кто, во время бывшихъ смутъ, выпросилъ въ собственность какое нибудь имѣніе церковное, или принадлежащее духовенству, то такое право собственности никакой дѣйствительности имѣть не можетъ.

7) Шляхтичи римской и греческой религіи, которые въ смутное время находились при войскѣ его королевской милости запорожскомъ, также мѣщане кіевскіе, всѣ должны пользоваться амнистіею и сохранять неприкосновенными свою жизнь, честь, личныя права и имущество. Если имущество кого нибудь изъ нихъ было выпрошено другими на основаніи конституціи, то такое пожалованіе должно быть уничтожено, чтобъ всѣ пользовались милостію короля и Рѣчи Посполитой. Наоборотъ, казаки, находившіеся при войскѣ его королевской милости останутся неприкосновенными съ своими женами и имуществомъ.

8) Жиды, какъ прежде были обывателями и арендаторами въ имѣніяхъ его королевской милости и въ имѣніяхъ шляхты, такъ и теперь должны быть.

9) Орда, находящаяся въ настоящее время въ землѣ, должна быть тотчасъ отправлена и должна оставить Землю, не причиняя никакого вреда въ областяхъ его королевской милости; она не должна также кочевать на земляхъ, принадлежавшихъ Рѣчи Посполитой. Гетманъ запорожскій обѣщаетъ привести орду къ повиновенію его королевской милости и Рѣчи Посполитой. Еслибъ это не состоялось, то гетманъ и войско его королевской милости запорожское до ближайшаго сейма не должны болѣе

Чѣмъ далѣе, тѣмъ смѣлѣе становился гетманъ. Зашла рѣчь о молдавскомъ господарѣ. Хмельницкій не могъ удержаться и закричалъ:

— Измѣнникъ!

— Почему же вы такъ называете вѣрнаго слугу Рѣчи Посполитой?—спросили паны, изумленные такой выходкой въ присутствіи зятя самого господаря.

имѣть съ ордою никакой дружбы, никакого союза, но считать ее непріятелемъ его королевской милости и Рѣчи Посполитой, защищать границы и противъ нея идти на войну вмѣстѣ съ войскомъ Рѣчи Посполитой. Гетманъ обязывается также на будущее время не вступать ни въ какія сношенія и заговоры съ ордою и вообще съ иностранными государствами, но цѣло и ненарушимо долженъ оставаться въ вѣрноподданствѣ его королевской милости и Рѣчи Посполитой; такъ же точно нынѣшній гетманъ, со всею старшиною и всѣмъ войскомъ, равно какъ и всѣ его преемники, на будущее время должны вѣрно и усердно отправлять всякую службу его королевской милости и Рѣчи Посполитой.

10) Какъ войско его короловской милости запорожское, при составленіи своего реестра, никогда не касалось границъ великаго Княжества Литовскаго, такъ и теперь не должно касаться, но какъ выше сказано, должно ограничиваться воеводствомъ кіевскимъ.

11) Кіевъ есть городъ столичный судебный; и въ немъ должно быть записано въ реестрѣ какъ можно меньше казаковъ.

Всѣ вышеизложенныя статьи, для большей вѣрности и непремѣннаго исполненія, подтвердили присягою мы, коммиссары его королевской милости, также и гетманъ запорожскій. Присяга дана намъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ его королевской милости и Рѣчи Посполитой въ томъ смыслѣ, что всѣ статьи, по успокоеніи и исполненіи вышеозначенныхъ распоряженій, должны быть сохраняемы ненарушимо, въ мирѣ и согласіи. Войско коронное тотчасъ должно двинуться на мѣста, для него назначенныя, и ожидать составленія реестра, равно и орда тотчасъ должна выступить изъ Земли, а войско запорожское тотчасъ должно быть также распущено по домамъ.

На будущій ближайшій сеймъ должны быть присланы послы отъ гетмана и войска его королевской милости запорожскаго, чтобъ принести нижай-

— Онъ обманулъ сына моего, Тимоѳея, не отдалъ за него обѣщанной дочери, сказалъ Хмельницкій:—да, ваша княжеская милость, хотя онъ и зять вамъ, а я скажу, что готовлюсь воевать съ нимъ; маеть вінъ много грошей, а я много людей; разграблю его сокровища, накажу вѣроломнаго!—

Князь поблѣднѣлъ отъ гнѣва, но преодолѣлъ себя и сказалъ:

— Надѣюсь, что господарь этого не испугается.—

шую благодарность его милости королю и Рѣчи Посполитой за любовь, милосердіе и благосклонность.

Ихъ милость паны и коммиссары:

Его милость гетманъ великій коронный панъ Николай Потоцкій. Его милость гетманъ польный коронный панъ Мартынъ Калиновскій. Его милость воевода кіевскій панъ Адамъ Кисель. Его милость воевода брацлавскій панъ Станиславъ Ляндскоронскій. Его милость подсудокъ брацлавскій панъ Казимиръ Коссаковскій.

Коммиссары великаго Княжества Литовскаго.

Его милость гетманъ польный великаго Княжества Литовскаго панъ Янушъ Радзивиллъ. Его милость воевода смоленскій панъ Георгій Карлъ Глѣбовичъ. Его милость стольникъ великаго Княжества Литовскаго панъ Викентій Гонсѣвскій.

Коммиссары войска его королевской милости запорожскаго.

Богданъ Хмельницкій, гетманъ его королевской милости войска запорожскаго, именемъ всего войска. Полковникъ миргородскій Матвѣй Гладкій. Полковникъ паволочскій Янъ Кучевицъ Минковскій Полковникъ чигиринскій Яковъ Пархоменко. Полковникъ бѣлоцерковскій Михайло Громыка. Судья черкасскій Яковъ Одынецъ Полковникъ черкасскій Баранъ Худый. Писарь войска, его королевской милости, запорожскаго Янъ Выговскій.

Тогда, по сознанію поляка современника [24]), паны, тайно перешептываясь между собою, задумали отравить Хмельницкаго.

Послѣ обѣда загремѣла музыка, ударили изъ пушекъ, въ казацкомъ лагерѣ отвѣчали тѣмъ же; начали пить за здоровье короля. Хмельницкій догадался, что въ заздравномъ кубкѣ всыпанъ ядъ; онъ открылъ голову при имени короля и надѣлъ шапку снова, когда пили за благородное сословіе; съ судорожнымъ движеніемъ схватилъ онъ кубокъ, стукнулъ имъ по столу, вышелъ, извиняясь нездоровьемъ, и тотчасъ попрощался съ панами.

Ему подали турецкаго коня въ богатой збруѣ: это былъ подарокъ короннаго гетмана.

— Это щедроты вашего Потоцкаго, сказалъ онъ: — благодарю его, какъ гетмана, побѣдителя, союзника, а за коня готовъ ему отдарить триста подобныхъ.—

Въ сильномъ волненіи онъ вскочилъ на коня и полетѣлъ во всю прыть. Поляки съ изумленіемъ смотрѣли на эти странные поступки гетмана и ясно увидѣли изъ нихъ, что Хмельницкій догадался о намѣреніи отравить его. На половинѣ дороги, гетманъ соскочилъ съ коня, сѣлъ въ коляску и, въ задумчивости, полетѣлъ въ свой таборъ [25]).

На другой день, Выговскій привелъ турецкаго коня въ подарокъ отъ Хмельницкаго сыну Потоцкаго, старостѣ каменецкому, котораго казацкій предводитель нѣ-

---

[24]) Histor. ab exc. Wlad. IV. 92.

[25]) Обстоят. бѣлоцерк. дог. см. Histor. ab exc. Wlad. IV 92—91.—Wojna z koz. i tat. I. 312—313.—Annal Polon. Clim. I. 297. — Histor. belli. cosac. polon. 213—215.—Wojna dom. Ч. 2. 64.

когда грозилъ посадить на колъ. Писарь кланялся панамъ, увѣрялъ въ своемъ расположеніи и обѣщалъ дѣйствовать въ пользу Польши, находясь при Хмельницкомъ. Онъ старался выставить полякамъ, что договоръ, столь выгодно для нихъ постановленный, есть плодъ его стараній. Подошедши къ Радзивиллу, онъ передалъ ему извиненіе отъ Хмельницкаго за вчерашнюю горячность.

— Я объ этомъ не думаю,—отвѣчалъ Радзивиллъ: — если онъ говорилъ въ пьяномъ видѣ, то я повторю въ трезвомъ, что я и господарь не боимся угрозъ его. Меня всегда онъ найдетъ готовымъ, если ему угодно; я ожидаю его въ полѣ, какъ онъ хочетъ, хоть съ войскомъ, хоть одинъ на одинъ [26]).—

— Слава Богу, говорили тогда въ войскѣ:—мы возвратили отечеству честь его! Но печально было возвращеніе обоихъ войскъ изъ Украины, гдѣ, простоявъ двѣ недѣли по заключеніи мира, жолнеры стали было забывать, что недавно терпѣли недостатокъ и радовались дешевизнѣ въ медовой землѣ, какъ они называли Украину. Зараза, появившаяся лѣтомъ, свирѣпствовала въ Подоліи всею силою. Выйдя изъ кіевскаго воеводства, жолнеры такъ умирали, что ихъ не успѣвали хоронить, и часто въ полѣ, далеко отъ селенія, вмѣсто колокольнаго звона, провожали въ могилу мертвыхъ воиновъ звуками трубъ [27]). Потоцкій не прожилъ и мѣсяца послѣ заключенія мира; онъ скончался въ Летичевѣ 9 октября. Все лѣто старикъ чувствовалъ себя слабымъ и

---

[26]) Wojn. z koz. i tat. I. 313.—Histor. ab exc. Wlad. IV. 92.

[27]) Wojna z koz. i tat. I. 354.

хотѣлъ только дожить до того, чтобъ загладить стыдъ корсунскаго пораженія [28]).

Радовался король, радовалось дворянство, но грустное предчувствіе овладѣвало сердцами противъ воли: было какое то непонятное безпокойство, заставлявшее, противъ всѣхъ убѣжденій, думать, что Польшѣ грозитъ еще новая, большая бѣда.

Къ усугубленію общаго волненія появилась комета, и астрологи возвѣщали, что эта комета та самая, которая бываетъ видима только тогда, когда предшествуетъ великому перелому или несчастью. Носились въ Польшѣ разные слухи: то показывались странныя видѣнія, то появлялись умершіе и предсказывали общее горе. Одни высматривали опасности отъ Хмельницкаго, другіе отъ Турціи, отъ Московскаго Государства и Швеціи: Польша была окружена врагами. Другіе вздыхали, вспоминая законопреступный бракъ Яна Казимира. Люди разсудительные, хотя смѣялись надъ предразсудками, однако втайнѣ и сами ощущали непонятную грусть въ душѣ. Предчувствіе цѣлаго народа рѣдко бываетъ ложнымъ.

КОНЕЦЪ 2-ГО ТОМА.

---

[28]) Histor. belli cosac. polon. 215—216.—Annal. Polon. Clim I. 299. Histor. ab exc. Wlad. 93.

СОДЕРЖАНІЕ ВТОРАГО ТОМА.

—

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

ГЛАВА ОДИНАДЦАТАЯ.

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

ГЛАВА ПЯТЬНАДЦАТАЯ.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ.

